

НОВОБЫТ
МИР

7

1949

НОВОБЫТ МИР

1949

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXV

№ 7

Июль 1949 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И ПЕСНЯ И СТИХ — ЭТО БОМБА И ЗНАМЯ.</i> В. Маяковский.	
(Поэзия народов в борьбе за мир и демократию против поджигателей войны)	
	Стр.
<i>Аргентина</i>	
РАУЛЬ ГОНСАЛЕС ТУНЬОН. Сталин. Перевел Федор Кельин	3
<i>Албания</i>	
ЛАЗАРЬ СИЛИЧИ. Дорога к счастью. Перевел Вл. Прибытков	5
<i>Болгария</i>	
ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ. Русскому народу. Перевела В. Потапова	7
<i>Бразилия</i>	
ЖОРЖИ АМАДУ. Спасительница мира. (Из поэмы «Песнь о советской земле»). Перевел Федор Кельин	9
<i>Венгрия</i>	
ЗОЛТАН ЗЕЛК Диалог. Перевел Леонид Мартынов	11
<i>Вьетнам</i>	
ВЕДАМУТУ, СЫН ВИНГАВАЗАМА. Обитатель улицы Тирумалай-палам. Перевела О. Граевская	13
<i>Германия</i>	
КУБА. Победа людей. Перевел Л. Гинзбург	15
КАРЛ ШНОГ. Жив ли Гитлер? Перевел Л. Гинзбург	17
<i>Греция</i>	
★ ★ ★ Партизану. Перевела Т. Сикорская	18
<i>Западная Африка</i>	
МОДИ. Людоеды. Перевел Я. Смеляков	20
<i>Индия</i>	
БИШНУ ДЕ. Народ бессмертен. Перевел Я. Смеляков	21
<i>Испания</i>	
АНТонио АПАРИСИО. Приветствие Красной Армии. Перевел Федор Кельин	22
<i>Италия</i>	
ЛИБЕРО БИДЖИАРЕТТИ. Старым друзьям-каменщикам. Перевел О. Савич	24
<i>Китай</i>	
ЭМИ СЯО. Послание на фронт в мешочке с подарками. Перевел Илья Френкель	26
<i>Корея</i>	
МИН БЕН ГЮН. Воинам Советской Армии. Перевела О. Ивинская	27
<i>Куба</i>	
НИКОЛАС ГИЛЬБЕН. Моя родина кажется сахарной. Перевел Илья Эренбург	29

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
<i>Польша</i> ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ. Песня. Перевел Марк Живов	31
<i>Португалия</i> АРМИНДО РОДРИГЕС. Вперед. Перевел О. Савич	32
<i>Румыния</i> РАДУ БОУРЯНУ. Встанем стеной! Перевел Я. Смеляков	33
<i>Сиам</i> ТИТ ЧОН. Предатели. Перевел О. Савич	34
<i>США</i> ЛЕНГСТОН ХЬЮЗ. Поезд Свободы. Перевели С. Болотин и Т. Сикорская	35
НОРМАН РОСТЕН. В Сан-Франциско. Перевел Мих. Зенкевич	38
<i>Турция</i> НАЗЫМ ХИКМЕТ. Письма из тюрьмы. Вольный перевод Ильи Френкеля	39
<i>Франция</i> ЛУИ АРАГОН. Тысяча девятьсот сорок шестой год. Перевел Н. Заболоцкий	42
<i>Чехословакия</i> ФРАНТИШЕК ГРУБИН. Честь труду! (Отрывок из поэмы «Ночь Иова»). Перевел Д. Самойлов	44
<i>Чили</i> ПАБЛО НЕРУДА. Нет прощенья! Перевел О. Савич	46
ХУЛИО МОНКАДА. Владимир Ильич Ленин. Перевел Федор Кельин	43
ВАЛЕНТИН КАТАЕВ — За власть советов, роман. Продолжение	49
ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ — Слово о завтрашнем дне. Из книги	164
ШАНДОР ПЕТЕФИ — Три стихотворения. Перевел с венгерского Л. Мартынов	174
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
А. ХАВИН — Скорости резания	176
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	
Н. КОВАЛЕВ (Парторг ЦК ВКП(б) на автозаводе имени Сталина) — Читательские конференции	206
На зарубежные темы	
НИКОЛАЙ ГАБИНСКИЙ — Интервенция доллара. (Латино-американская литература и борьба против империалистической экспансии Соеди- ненных штатов)	220
Книжное обозрение	
<i>Литература и искусство</i>	
Александр Чаковский. Дух времени. — Е. Книпович. Новое русло жизни — С. Кирьянов. Сила патриотизма. — С. Бабеньшева. Счастье борьбы. — Л. Михай- лова. Голос народа. — Г. Леновль. Студенты. — Геннадий Фипи. Перечитывал старые журналы — Ц. Солодарь. Песни советских поэтов. — Всеволод Азаров. Поэма о комсомольце.	259
<i>История. Международные отношения. Военная наука.</i>	
В. Чепраков. Ценные признания Эрика Джонетона. — Б. Леонтьев. Правдивая книга о «плане Маршалла». — Д. Мельников. Арсенал поджигателей войны — Генерал-майор В. Московский. Жизнь советского летчика. — Профессор К. Вази- леви ч. Документы славных побед русской армии.	259
<i>Техника и химия</i>	
Академик А. Арбузов. Сочинения гениального русского химика. — Академик Г. Кржижановский. Выдающиеся русские электротехники.	273
<i>Биология и сельское хозяйство</i>	
Академик В. Бушинский. Советское луговое хозяйство — Доктор геолого-минералогич- еских наук А. Эберзин. Труд по истории палеонтологии. — И. и Л. Крупенико- вы. Наследие В. В. Докучаева. — Академик А. Опарин. Путешествие в страну дремучих трав.	280
<i>География и метеорология</i>	
Н. Михайлов. Человек и стихия. — А. Иглицкий. Книга об отважном русском путешественнике.	280
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ (Май—июнь 1949 года)	284

И песня и стих—это бомба и знамя

В. Маяковский

*(Поэзия народов в борьбе за мир и демократию
против поджигателей войны)*

Советский народ борется за мир. От его великого имени говорит и советская литература. Вдохновенное и страстное слово советских писателей громко прозвучало с трибуны Конгресса сторонников мира в Париже и Праге. Это слово звучит в их поэмах и романах, стихах и очерках. Всем честным писателям мира, всем деятелям культуры советская литература показывает вдохновляющий пример мужественной борьбы за мир, за счастье народов.

И советская литература не одинока в этой борьбе. Как бы настойчиво ни старались угнетатели насадить повсюду молчание — в молчании им легче вершить свои черные дела, — у правды не вырвешь язык, на мысль не наденешь оков, человеческую волю не посадишь на замок, поэзию не сожжешь на костре.

Голоса мужества и борьбы, более громкие, чем голоса самых мощных радиостанций, раздаются над всем миром. От Албании до Чили, от Китая до Африки, от Польши до Сиам и от Италии до США — на всех языках земли честные люди труда требуют мира. Авторы этих стихов — передовые поэты великих и малых держав, поэты свободных и угнетенных стран, поэты народов, строящих новую жизнь, и народов, проливающих свою кровь в борьбе против сил реакции, за мир и демократию.

Мы публикуем в этом номере нашего журнала стихи двадцати семи прогрессивных поэтов, представляющих двадцать четыре страны, — стихи, выражающие волю народов к миру, их веру в правое дело великого Советского государства.

СТАЛИН

РАУЛЬ ГОНСАЛЕС ТУНЬОН

(Аргентина)

Рауль Гонсалес Туньон родился в 1905 году. Первая книга его стихов вышла в 1925 году. Поэт — активный участник антифашистской борьбы. В 1937 году Р. Туньон принимал участие в защите Мадрида как боец Интернациональной бригады. В настоящее время Р. Туньон — виднейший прогрессивный поэт Аргентины, широко известный во всех странах испанского языка.

★

Где мрамор я найду столь дивной чистоты,
Чтоб передать векам твой образ величавый,
Твои прекрасные и мудрые черты
В сиянии непреходящей славы?

Великий вождь людей! С тобой мы победим
Кровавый ужас дней... На нивах колос зреет
Согрет тобой, и уголь пламенеет,
Зажжен дыханием твоим.

О, страж грядущих жатв, ты стал мечтой и думой
Для всех, кто сердцем чист, ты светлый, как алмаз...
Когда ж война на нас напала черной пумой
И альбатрос влетел в пожар ее угрюмый,
Ты встал среди гневных волн, среди грома, вихря, шума,
Чтоб мир спасти, и мир ты спас!

Из дальней Грузии твое пришло к нам имя,
Но, мощный исполин, шагнув за океан,
Ты воспитал людей всех стран
Делами гордыми своими.

Теперь распался мир на два враждебных стана,
И ставит пред собой фашизм, как прежде, цель:
Кровавой лапой Калибана
Разрушить мир, где дышит Ариель.

Но голос твой гремит в сердцах свободных.
Он будит их, он их зовет.
Для дел великих, благородных
Опять встает гигантский твой народ!

И меркнут пред тобой все подвиги были
И все века. Склоняет пред тобой
История колени золотые,
И слава гордая в венок победный твой
Вплетает вновь цветы бессмертия живые.

Мы знаем: близок день — кровавых войн обман
Прогонишь ты навек в могильные пределы,
И к нам вернется труд, и снова океан
Увидит вольный бег крылатой каравеллы,
И славим мы тебя, о кормчий наш умелый,
МОИ КАПИТАН,
НАШ КАПИТАН!

Перевел Федор Кельян.

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

ЛАЗАРЬ СИЛИЧИ

(Албания)

Лазарь Силичи родился в 1924 году. Во время немецко-итальянской оккупации, несмотря на крайнюю молодость, он участвовал в движении албанского Сопротивления, ушел в подполье и затем был арестован и заключен в концентрационный лагерь. Печататься начал после освобождения родины. Одна из последних работ его — перевод «Медного всадника» А. Пушкина на албанский язык.

★

Болят глаза от дыма и слез.
Еще Новый год... Что он принес?

На этой скамейке муж трубку курил,
На этой — сын любил читать...
Сколько же есть у женщины сил,
И сколько может женщина ждать?
Ответа нет. Весь мир молчит.
И только огонь равнодушно трещит.
Но в дверь врывается ветер с гор,
А у ветра — особый разговор.
Вспыхнул огонь, и слышит мать:
Не время для слез, нельзя тосковать.
Я — Новый год, для тебя я страда,
Я — холод и голод, я — кровь и беда,
Но разве может победить любовь,
Если за нее не прольется кровь?

Сколько раз Новый год в эту дверь стучит?
...А что если муж давно убит?..
И боль, и тоску — всё проглотить?
...А что если сын... и некому мстить?..
Сколько волчьих немецких зим
Мучит женщину черный дым?
Сколько раз Новый год в эту дверь
Будет ей нашептывать: верь?

А пришел он не в декабре,
И не ночью, а на заре,
В партизанских был сапогах
И винтовку держал в руках.
Не один — их целый отряд,
И на шапках звезды горят.
Не твоя ли это семья?
Не твои ли они сыновья?..

Муж уминает пальцем табак:
«Нет, мать, вернулись не все из атак,
В самый счастливый победный час
Помянем тех, кто погиб за нас».
А сын греет руки над очагом
И речь ведет совсем о другом:
О том, что «жизни река»¹ потекла
И рядом с нашим селом прошла,
А через горы и города
Мчатся «новые поезда»,²
И слышит Албания в криках гудка:
«Станция новой жизни близка!
Встречайте поезд, как Новый год!
Дорога эта к счастью ведет»!
И мать вступает в разговор:
«Не ветер — свобода приходит с гор»!

Перевел Вл. Прибытков.

¹ Так называется в Албании шоссейная дорога, проложенная молодежью в 1946 году.

² Так называется в Албании железная дорога, построенная молодежью в 1947 году.

РУССКОМУ НАРОДУ

ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ

(Болгария)

Людмил Стоянов — крупнейший писатель, ученый и общественный деятель, родился в 1888 году. С начала своей творческой деятельности он верен прогрессивным идеям и участвует в борьбе болгарского народа за свободу и независимость. Горячий поклонник русской культуры, Л. Стоянов много сделал для ее пропаганды. Он перевел на болгарский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Широко известны его литературоведческие работы. На русский язык переведены его роман «Холера» и ряд стихотворений. В новой демократической Болгарии, одним из строителей которой является Л. Стоянов, его имя окружено всеобщей любовью и уважением.

★

Бдительным стражем вставая в родном небосводе,
Смотрят Балканские кряжи далеко вперед.
В дни потрясений суровых о нашем народе
Издавна думает русский великий народ.

Кровью багряной окрашены венчики маков.
Шипку и Плевну еще не забыли отцы.
Девушки наши с цветами встречали казаков.
Песни о русских героях слагали певцы.

Русскою славой гордятся Балканы седые.
Русская доблесть и честь воспеваются тут.
И про солдатские подвиги песни простые
Девушки, сидя за прялкой, поныне поют.

Сеятель счастья, свободы поборник упорный,
Мира всеобщего неколебимый оплот!
Правды твоей не иссякнет родник животворный.
Сколько в тебе человечности, русский народ!

Кто превзошел тебя в доблести, мужестве, силе?
Кто тебя в дружбе и братской любви превзойдет?
Нас бы нужда и бесправье поныне косили,
Если б с тобой не сроднился болгарский народ.

Нет ничего благороднее русского слова,
Нет этой речи величественней и звучней!
Все, что правдиво и мудро, свободно и ново,
Все, что зовет к созиданию, — слышится в ней.

Мы изнывали бы в сумрачной тесной могиле,
Мы бы во мгле непроглядной блуждали и впредь,
Мы не могли бы о вольности, чести и силе
Так широко, так свободно и радостно петь,

Если бы не было с нами бойцов непреклонных,
Братъев, пришедших на помощь из русской земли.
Молот и серп начертали они на знаменах,
Алые звезды высоко над миром зажгли.

Великодушья, геройства и славы страница
В нашу историю вписана братской рукой.
Русского гнева размах с ураганом сравнится,
Русской любви широта — с полноводной рекой.

Братская дружба приносит обильные всходы,
Непревзойденной сердечностью озарена.
Русскую правду познав, прозревают народы,
С ней возмужала и выросла наша страна.

Бдительным стражем вставая в родном небосводе,
Смотрят Балканские кряжи далеко вперед.
В дни потрясений суровых о нашем народе
Издавна думает русский великий народ.

Перевела В. Потапова.

СПАСИТЕЛЬНИЦА МИРА

(Из поэмы „Песнь о советской земле“)

ЖОРЖИ АМАДУ

(Бразилия)

Жоржи Амаду родился в 1912 году. Юношей в 1937 году он был заключен в тюрьму за революционную деятельность и затем был вынужден эмигрировать. Вернувшись в Бразилию, он был избран депутатом парламента, но в 1947 году под угрозой ареста снова покинул родину.

Ж. Амаду — автор двенадцати романов, нескольких книг стихов и ряда драматических произведений. На русский язык переведены его романы «Земля золотых плодов» и «Красные восходы». Ж. Амаду написал также биографию вождя бразильской коммунистической партии Луиса Карлуса Престеса, назвав ее «Рыцарь надежды». Крупнейший прогрессивный писатель Бразилии, Ж. Амаду был участником Вроцлавского и Парижского конгрессов сторонников мира и вошел в состав постоянного комитета защиты мира как представитель бразильского народа.

★

1

Убийцы вновь оттачивают когти,
Готовят пушки, ружья, пулеметы.
Зловещий Трумэн атомною бомбой
Грозит стереть с лица земли свободу..
Но взор мы устремляем на тебя,
Советская земля!.. О да, мы знаем:
Бессмертна ты в веках, непобедима!
Живешь ты в сердце каждого из нас!
Твои пределы шире рубежей.
Земель твоих, обильных и счастливых.
Народы мира — вот твои пределы
Безбрежные. Им нет конца и края.

Вчера ты защитила всех. Спасла
Ты всем нам жизнь, да, всем без исключения,
И даже тем, кто на тебя сегодня
Поднять дерзает руку, как предатель.
Когда нас ночь позора покрывала
Своим плащом, когда кругом царили
Рыдания, стоны, ужас, злоба, смерть —
Ты подняла над миром свет надежды,
И этот свет был — кровь твоих детей!

И если мы живем еще, то жизнью
Обязаны тебе. И даже хлеб,
Что мы едим, — он твой. Ты за него
Тяжелую ценою заплатила

Милльонов жизнью. И вода, что пьем мы, —
Она твоя... Ее живой родник
Своим штыком открыла ты для нас.

Ты, сыновья твои, твои солдаты
Нам подарили жизнь и то «сегодня»,
Которым мы живем, и утро новой,
Прекрасной жизни, о которой грезим.
Советская земля! Ты — наша мать,
Сестра, любовь, спасительница мира!

2

В тревожный час угроз и клеветы
Прими привет от имени народов,
Вступивших в смертный бой с врагами жизни.
Владыки доллара, исчадья тьмы —
Наш общий враг.

Спешил я издалека
К тебе с приветом. Я принес его
Из мрака тюрем и из недр подполья,
От книг сожженных, от людей убитых,
Привет посмертный от людей, погибших
В борьбе за жизнь. Приветствую тебя
От имени милльонов бедняков
И белых, и мулатов, и индейцев,
От имени китайцев и от негров,
Униженных в Америке моей.
Вот что они сказать тебе велели:
«Страна надежды, знай: не наши руки
Нарушат мир твоих земель счастливых!
Не с наших баз воздушные убийцы
Поднимутся, неся с собою смерть.
И рук своих мы им не отдадим.
Мы сами завоюем честь и право.
Располагать судьбой своей. Мы, руку
Подав тебе, пойдем с тобою вместе —
Ты нас навстречу счастью поведешь!» —

Так говорят, так мне сказать велят
Чилийцы и кубинцы, уругвайцы
И аргентинцы — люди всей Латинской
Америки, от Мексики горячей
До Патагонии... От них от всех
Тебе принес я пламенный привет,
О, наша мать — Советская земля,
Надежда мира и оплот вселенной!

Перевел Федор Кельин.

ДИАЛОГ

ЗОЛТАН ЗЕЛК

(Венгрия)

Золтан Зелк родился в 1906 году. По происхождению рабочий, он не мог в буржуазной Венгрии получить среднее образование. «Но, — пишет поэт, — у рабочих и крестьян и в комсомоле я научился большему, чем мог бы узнать в школе».

Первая книга стихов З. Зелка вышла в 1922 году. За нею последовали шесть других. Один из талантливейших венгерских поэтов, З. Зелк неразрывно связал свою жизнь и свое творчество с судьбой новой, демократической Венгрии.

★

— А будет новая война?
— Отчизну строй. Растет она.
Крепи отечество свое.
Лелей цветы, сметай гнилье.
Смотри, земля детьми полна!
— А будет новая война?
— Их смех ты слышишь? Так ручья
Звенит струя. Так бьет волна!
— А будет новая война?
— Иди с детьми и песни пой!
Пойдем веселою тропой
К вершине. Вот она! Видна!
— А будет новая война?
— Тебя зовет издали,
Тропиночка! Она узка,
Едва заметна, а ведет
До самых голубых высот.
К вершинам гор ведет она.
— А будет новая война?
— Смотри: козленок прескакал
Там, у подножья горных скал.
А над горами облака.
А женщины среди лугов
Доят медлительных коров.
Ты слышишь: струи молока
Звенят о доньшко ведра,
Как музыка! Звон серебра!
И вот летит издали
Ночь в облике нетопыря,
Чтоб утром новая заря
Взошла на небо, весела,
И с неба мрак ночной смела.
Ты видишь дней веселый бег
Через цветы и через снег!
Прекрасны года времена!

— А будет новая война?
— Строй родину! Растет она!
Родимый край
Оберегай,
Свой разум, руки укрепи —
Удержишь зверя на цепи!

Перевел Леонид Мартынов.

ОБИТАТЕЛЬ УЛИЦЫ ТИРУМАЛАЙПАЛАМ

ВЕДАМУТУ, СЫН ВИГАВАЗАМА

(*Вьетнам*)

Когда стихи Ведамуту впервые появились во французском журнале, автор сопроводил их письмом на имя редакции: «Язык моей страны для меня — язык улицы. Но мне всегда казалось, что мой долг — обнародовать то, что скрывают, о чем не говорят, отдать свой голос гневу... Мои стихи незрелы, не очень красивы... ибо рождены они горькой действительностью. Если бы я жил в парках и в счастье, я писал бы стихи о цветах и певчих птицах. Но наши улицы жалки, наши пруды черны, стаи воронов дерутся на наших крышах, никогда туда не летает соловей... Кроме того, если бы я пел громким голосом о том, о чем шепчу, и если бы мой голос был узан, у меня были бы бесконечные неприятности. Вот почему я подписываюсь Ведамуту, сын Вигавазама. Обстоятельства, о которых достаточно известно из газет, принуждают меня к скрытности»...

★

Улица Тирумалайпалам
на планах не значится.
Ее не показывают иностранцам,
покачивающим в автомобилях
запльнувшее розовым жиром тело,
иностранцам, щелкающим фотоаппаратами
и восклицаящим: «Индия, ах»!

Некоторые из них, впрочем, кричат: «Ах,
все эти восточные народы!

Их сотни миллионов, они живут в грязи,
они попрошайничают без зазрения совести,
у них нет человеческого достоинства.

Следите, чтобы по ошибке истории
они не заглянули когда-нибудь к нам!»

Могу вас заверить:

улица Тирумалайпалам
предлагает знатокам
большой выбор экзотических ужасов.
Кузнец Сельвараджу — безногий калека,
один глаз смеется, другой гноится.
У нищего по имени Ганеш вместо рта —
большая красная дыра и нет языка.
А маленький Сильван катается в пыли
и волочит не ноги, а голову по земле,
хорошую головку, приветливо
улыбающуюся снизу вверх.
У Пуганы — поденщицы —
все тело в пятнах, как кожура ядовитого плода;
сегодня женщина с пятнистой кожей
плавает в блаженстве счастья:
она жарит себе на ужин
большую черную крысу.

А вот и я сам, Ведамуту,
сын Вигавазама,
возвращаюсь на эту мерзкую улицу:
ведь я ее обитатель по происхождению,
я тот, к кому нельзя прикасаться,
человек без касты,
пария...

Ночная полицейская операция

Кто сказал ему?
Октябрьский ветер тасует в небе дождь и звезды,
кольшет ядовитую воду зловонного пруда.
Кто сказал ему?
Сказал ли?
Пугана первая увидела его,
Сильван побежал предупредить друзей, —
и вот все мы ждем человека, приходящего только ночью,
человека с паролем,
ждем и вполголоса поем запрещенную песню.
Когда слабые руки ветра
шуршат пальмами,
мы смолкаем.
Когда сынишка давилыщика масла
от голода вскрикивает во сне,
мы вскакиваем.
Когда на улице слышны
шаги белых ног,
мы прислушиваемся.
В тревоге, в надежде, в ожидании
проходят часы.
Пугана поет. Она днем всегда молчит,
а по ночам поет.
Но кто так тяжело дышит за дверью?
Кто шушукается за глиняной стеной?
Щелкнула задвижка...
Входят белые люди, у них в руках револьверы.
Это не те, это не те,
Кого мы ждали!
Их слишком много,
чтобы мы могли броситься на них...
Много? Это не страшно!
Нас всегда больше,
потому что с нами все угнетенные
Но сегодня — у них оружие.
Завтра оружие будет у нас,
и тогда мы еще посмотрим...
А пока
соберите все силы, товарищи,
ночь будет жестокой.
Очень...
Жестокой...

Перевела О. Граевская.

ПОБЕДА ЛЮДЕЙ

КУБА

(Германия)

Куба — псевдоним поэта Курта Бартеля. Сын рабочего-железнодорожника, комсомолец Куба прошел тяжелый путь революционной борьбы. Его преследовали гестаповцы в Германии и Чехословакии и полиция Черчилля — в Англии. Ныне Куба работает в прогрессивных газетах и журналах, является членом Общества изучения культуры СССР и в мае 1949 года, в составе делегации этого Общества, побывал в Советском Союзе.

На творчество поэта огромное влияние оказал Владимир Маяковский. В 1948 году Куба закончил «Поэму о человеке», над которой работал 15 лет. Особое внимание поэт в своей поэме уделяет Великой Октябрьской социалистической революции, как переломному моменту в истории всего мира.

★

Низко в молитве

склоняется бедный феллах:

— О, хоть немного дождя

ниспошли мне, бессмертный аллах!

Старый индиец священного Будду зовет:

— Чудо сверши!

Пусть мой рис уродится на нынешний год!

Вот Уолл-стрит. Здесь до тонкостей все учтено,

Где на полях иссыхает под солнцем зерно,

Где от дождей перезревшее семя гниет.

Сам дядя Сам производит сегодня подсчет:

— Голод плюс засуха, землетрясенье плюс град,

Смерть плюс разруха, предательство плюс шоколад,

Доллар плюс драхмы, плюс шиллинг, плюс грязь и
обман,

Крест христианский плюс магометанский коран.

Саму захочется — может на дело послать

Лордов британских и бывшую прусскую знать.

Сам замахнется — и треснет земля пополам.

Сам все сожрет.

Никого не попросит на помощь. Он сам!

Саму доступны

бананы принильских долин,

Акции Рура

и мессопотамский бензин.

Может сожрать он железо
и финский вольфрам.

Шведский хром,
Японский храм —
Все может слопать Сам!

Древо познания и трон в Ватиканском дворце,
Сына господня сожрет он в терновом венце.

Только одно —
Тверже стали, надежней любых крепостей
Правда ленинско-сталинских
Непобедимых идей!

Нет, не сломить эту правду,
Не связать по рукам!
В страхе дрожит и шатается
Взбешенный Сам.

Пей виски, пей нефть, пей
С кровью и потом лимонную воду!
Свет, что с востока идет, —
Солнце великих идей:
Это — надежда измученных,
Это — бессмертное знамя народа,
Это — гибель твоя,
Это — победа людей!

Перевел Л. Гинзбург

ЖИВ ЛИ ГИТЛЕР?

КАРЛ ШНОГ

(Германия)

Карл Шног — известный немецкий сатирик, активный сотрудник прогрессивных журналов «Ди Вельтбюне» и «Уленипигель». В 1940 году К. Шног вернулся из эмиграции на родину, чтобы принять участие в антифашистской борьбе, но был схвачен гестапо и пять лет провел в Дахау и Бухенвальде. Послевоенное творчество К. Шнога посвящено борьбе за мир, демократию, единство Германии.

★

И если, рассуждая сам с собою,
Сидит бандит с обритою губою
На островке, где скалы да вода,
И если он, о подвигах тоскуя,
Вдруг снова вспомнит шайку воровскую —
Что нам с того? Какая в том беда?

И если где-то в кабаках Шанхая
Дрожит подлец, облавы ожидая,
И думает: «как смыться от суда?»
Когда урчит от голода в утробе,
Он слопать мир готов в бессильной злобе.
Но нам-то что? Какая в том беда?

И если б Гитлер и на самом деле
Сегодня жил в каком-нибудь ущелье
Мечтой о том, что он еще силен. —
То все равно доподлинно известно:
Он только труп, он призрак бестелесный,
Живой иль мертвый, всеми проклят он!

Да, Гитлер мертв. Темна его могила.
Но зло, что эта сволочь породила,
Не умерло еще и в наши дни.
Где мысль и правда скованы железом,
Где суд вершат бандит с головорезом —
Там есть фигуры Гитлеру сродни.

В стране, где бомбой угрожают свету,
Зовут к войне продажные газеты,
Где все в ходу: обман, петля и взрыв,
Где разгоняют газами прохожих,
Где белолицый душит чернокожих,
Где доллар бог — там нынче Гитлер жив!

Перевел Л. Гинзбург.

ПАРТИЗАНУ

★ ★ ★

(Греция)

В Греции есть два вида поэзии: легальный и нелегальный. Легальные авторы печатаются в журналах, воспевают цветы и американскую «демократию» и подписываются полными именами. Тем не менее эти имена никому не известны и никому не нужны. Нелегальные стихи переписываются от руки, наклеиваются на стены, передаются из уст в уста. Авторы их анонимны или скрыты под псевдонимами: писать и распространять такие стихи — значит рисковать жизнью. Тем не менее только эти стихи живут в народной памяти.

Песня о Георгии Тремеласе, герое греческого Сопротивления, принадлежит к поэзии нелегальной. Автор ее пока неизвестен. Опубликовано она в сборнике, называющемся «Песни Сопротивления».

★

На земле окровавленной
виселиц черные вежи...
Чье там в отсветах зарева
в петле качается тело?
Здесь рукою фашистов
повешен ты ради потехи,
ты, жандармами преданный,
брат наш —
Георгий Тремелас.

Городок Мегалуполис
так далеко от столицы,
от родимого дома,
от матери, полной боязни.
Перед меркнувшим взором
мелькнула летящая птица —
и крылатому другу
сказал партизан перед казнью:

— Пусть на крыльях твоих
мое сердце летит над горами,
на родимый порог
ты опустишься вестницей горькой.
Пусть узнает и мать,
и бойцы-партизаны в ЭАМ'е,
что с врагом до конца,
не сдаваясь, сражался Георгий.

Пусть узнают друзья,
как нас предал жандарм Каравитис,
как мы встретили смерть

в эту страшную ночь на чужбине..
Не сдавайтесь, друзья!
Беззаветно,
бесстрашно деритесь!
Ты поможешь им, мать, —
ты в слезах им расскажешь о сыне.

За свободу они
отдадут свою кровь,
свое сердце —
чтоб отчизна цвела,
чтобы песня в ней вольная пелась.
Ты расскажешь им, друг,
как в последнюю ночь
перед смертью
свое сердце бойца
завещал им

Георгий Тремпелас!

Перевела Т. Сикорская.

ЛЮДОЕДЫ

МОДИ

(Западная Африка)

Моди — это, повидимому, псевдоним. При ином правописании он созвучен французскому слову «проклятый». Моди начал печататься недавно. Нам известно об авторе очень немного. Моди—негр, школьный учитель в одном из районов реки Нигер.

★

Мы с тобою прогнали
полки людоедов,
не вернутся они,
не придут они вновь.
Вместе мы проливали
во имя победы
ты — свою
я — свою негритянскую кровь.
Враг разбит.
Почему я не вижу свободы?
Кто заставил тебя
снова форму носить?
Кто заставил тебя,
друг и брат по походам,
плетку взять
и меня и детей моих бить?

Перевел Я. Смеляков.

НАРОД БЕССМЕРТЕН

ВИШНУ ДЕ

(Индия)

Вишну Де — поэт, критик и искусствовед, играет сейчас видную роль в формировании передовой бенгальской литературы. Вишну Де — член Ассоциации прогрессивных писателей и артистов. Наиболее известны его поэмы: «Пададхани» («Шаги») и «Джанмайитоми» («Рождение Кришны»). Сборник стихов Вишну Де «22 июня» почти целиком посвящен освободительной войне советского народа против гитлеризма и борьбе индийцев против японского нашествия. В центре последней по времени поэмы Вишну Де «Шандипер Чор» стоит образ молодого коммуниста.

★

Шли банды по нивам индийской земли,
жгли хижины наши и нас убивали.
Но волю народа они не сожгли
и душу народную
не расстреляли.

Империя! Ты не жалела свинца,
железом и сталью восставших карала —
так стали железными наши сердца,
так наша решимость железною стала.

Вдоль рек бенгалийских — стеланье и прах,
кружится зола над наделами пашен.
Взошла и созрела на нищих полях
лишь ненависть наша, да! — ненависть наша.

Мы этот большой урожай соберем
своими руками, своими серпами,
наполним им души и грозно пойдем
под знаменем мира на битву с врагами.

Мы вольную жизнь принесем матерям,
мы двери в грядущее счастье откроем:
недаром вы пели своим сыновьям
и песни голодных, и гимны героев.

Нетленны, нетленны и ткач, и батрак,
нетленно рабочее братство народа,
бессмертен горшечник, и вечен рыбак,
и вечной любовью мы любим свободу.

Перевел Я. Смеляков.

ПРИВЕТСТВИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

АНТОНИО АПАРИСИО

(Испания)

Антонио Апарисио—автор нескольких сборников стихов, большой поэмы «Смерть царит в Испании» и книги о второй мировой войне. А. Апарисио—коммунист, был во время испанской войны комиссаром Республиканской армии. В эмиграции, в Чили, был заключен в тюрьму и не выдан Франко по его требованию лишь вследствие протеста чилийской общественности.

★

Ты — солнце наших дум, надежда всей земли,
Из тьмы ночной блеснувшее нам утро,
Ты — песня птицы на заре веселой.
Творит художник с мыслью о тебе,
В печальном доме нищего села
Твоя звезда ребенка освещает.
Рабы в цепях, трудясь на барской ниве,
С надеждой страстной смотрят на тебя.
Над снегом слышен тонкий звук трубы,
Бой барабанов — это наступают
Твоих солдат железные полки.
И мир, стремящийся к свободе, знает,
Кто их ведет, кто их великий вождь,
Где их порыв родился благородный,
Какой костер зажег в их жилах кровь,
Какой огонь их закалил оружие,
Кто героизм их лавром увенчал.

И если б наши руки были вольны,
Как наши чувства, если б наши силы
Могли отдать мы армии любви,
Твоим бойцам, что победили смерть!
О, верь, тогда с тобою стали б рядом
Испанцы с Эбро, из-под стен Мадрида,
Французы, защищавшие Париж,
И дети Сельвы и бескрайной пампы!

Они б пришли со всех концов земли,
Со всех фронтов, где проливали кровь,
И где теперь сражаются опять,
Овеяны могучим дуновеньем,
Что им с востока ветер твой принес!

Как больно сердце наше трепетало,
Когда в бою жестоком погибал
Один из вас, отважные солдаты,

Вы, дети Сталина... Но знали мы,
Что кровь бойцов, погибших за свободу,
Зажжется в блеске мировой зари!

Герои. Образ ваш повсюду с нами,
Винтовки ваши охраняют нас,
Знамена ваши служат нам защитой,
И ваши пушки счастье нам несут!

Хвала бойцам, воздушным капитанам,
И маршалам, и смелым морякам,
Хвала тебе, бесстрашный пехотинец,
И вам, танкисты, громкая хвала!

Знамена ваши плещут алой кровью,
На лицах ваших гневный жар боев,
Из вечной бронзы выкован ваш герб,
Великий герб: звезда и серп и молот!

Среди руин бессмертных Сталинграда
Рассвет встречают звонкой песней птицы,
И смотрит вдаль спокойно часовой
Туда, где свастика исчезла в Волге,
Где небо блещет алою звездой.

Перевел Федор Кельвин.

СТАРЫМ ДРУЗЬЯМ-КАМЕНЩИКАМ

ЛИБЕРО БИДЖИАРЕТТИ

(Италия)

Либеро Биджиаретти родился в 1906 году. Детство и молодость он провел в рабочей среде. Бывший каменщик, он сперва стал чертежником, а затем самоучкой занялся живописью и получил диплом художественного лицей. С 1930 года Л. Биджиаретти посвятил себя целиком литературе. Наиболее известные его книги: «Милые гени», «Буржуазный Рим», «Трудная дружба». В настоящее время Л. Биджиаретти — заместитель секретаря итальянского Союза писателей.

Стихотворение «Старым друзьям-каменщикам» получило первую премию газеты «Унита» по поэзии за 1948 год.

★

Далеких дней друзья, мы по субботам
Когда-то собирались в кабачке.
Сукно бильярда смутно зеленело,
И кий гонял веселые шары.
А в полдень мы садились на лесах
И ели хлеб. И типографской краской
На шдеме из газеты пахло солнце.
Я был тогда мальчишкою ленивым
И ремеслу с прохладцею учился.
Потом ушел с лесов. А вы остались.
Как кровь, на пальцах известь запеклась,
А на ладонях трещины все глубже,
И желтизна в глазах: вы много старше,
Чем наши годы. Я теперь краснею
За то, что я не постарел, как вы.
И если книги рано старят сердце,
Но тяжкий труд не раньше ль старит тело?
Кирпич на камень — и растет стена.
Страданье на страданье — жизнь растет.
Зима опять остановила стройку,
И закрываются ворота верфи,
И не стена растет — растет борьба.
Хочу у вас я попросить прощенья
За то, что бросил ваше ремесло.
Искусство выбрал я. Оно дает
Судьбу и жизнь словам. Я в жизнь влюблен
Мне на плечо кладете руку вы:
«Что ж, это тоже, это тоже нужно».
Простите: тяжелей моя вина.
Вы дали мне так много и так щедро,
И ничего взамен я не вернул!
Я образов еще не подарил вам,
Я песни не сложил, чтоб петь на стройке,

И светлых слов надежды не нашел.
 А мне ль не знать, как мало слов у вас —
 Да что там слов! Всего, всего как мало!
 Учителя мои, я даже не спросил,
 Считаете ли вы, что я, как мастер,
 Своим владею новым ремеслом.

Сегодня жизнь я проверяю прошлым,
 Как вы отвесом — прямоту стены,
 И к вам иду. Я снова на лесах.

Они мне мачтами казались в детстве,
 А сам я был на паруснике юнгой.

Я встречусь с вами в том же кабачке.

За «красными» гоняясь, в наш квартал
 Ночной патруль явиться не посмеет.

Мы праздник в кабачке устроим снова
 И грозно мы споем «Бандьера росса»¹.

Поселком шлепая домой по грязи,

О нашем будущем поговорим:

Что «правильно» и что «не подойдет»,

И сколько времени еще нам нужно,

Чтоб крышу возвести. Мы с вами знаем,

Как стены воздвигаются: упорством,

Кирпич на камень, на кирпич кирпич:

Глядишь — и дом готов. Наш дом готов.

Перевел О. Савич.

¹ «Красное знамя» — итальянская революционная песня.

ПОСЛАНИЕ НА ФРОНТ В МЕШОЧКЕ С ПОДАРКАМИ

ЭМИ СЯО

(Китай)

Эми Сяо — известный поэт, коммунист, активный участник борьбы китайской народно-освободительной армии. Русскому читателю известна книга стихов Эми Сяо «Хунанская флейта», сборник очерков «Китай непобедим», «Китайские рассказы». Эми Сяо — участник Всемирного конгресса сторонников мира в Париже, избран членом постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

★

Боец и герой!
Товарищ родной!
Ты прошел много сотен ли.
Знамя Мао Цзе-дуна ты нес над собой
По просторам китайской земли.
Хуанхэ и Янцзы —
 две реки —
Ты форсировал с боем.
 До чего широки!
Дорогой наш, иди да иди, побеждая,
Город за городом освобождая.
Американские ружья бери,
Американские пушки бери,
Не надо расписок,
 не благодари:
Все равно эти черти бегут от нас —
Пришел Чан Кай-ши последний час.
Эй, дай еще раз! Эй, ударь еще раз!

Твой огонь напавал убивает врага.
Жизнь народа-отца тебе дорога,
Ты ее защищаешь в бою,
Ты семью защищаешь свою.
Знаешь сам: сколько семей —
Столько в армии сыновей...
Вот мешочек тебе,
 вот подарки от нас,
Не держи про запас, пригодятся сейчас.
Вот и всё. И желаем всегда побеждать,
И помнить,
Что дома тебя будут ждать,
 очень ждать!

Перевел Илья Френкель.

ВОИНАМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

МИН БЕН ГЮН

(Корея)

Мин Бен Гюн родился в 1916 году в Северной Корее, в семье бедного крестьянина. Учился в Пхеньяне, но не смог получить образования. Мин Бен Гюн участвовал в антияпонском студенческом движении и был заключен в тюрьму. После освобождения Кореи Советской Армией Мин Бен Гюн стал заведующим литературным отделом «Корейской газеты». К этому времени и относится начало его профессиональной литературной деятельности. В 1948 году он получил премию Народного собрания Северной Кореи за стихотворение «Поле изобилия». Тогда же вышел сборник его стихотворений «Освобождение». В настоящее время Мин Бен Гюн, занимаясь литературной деятельностью, работает, кроме того, в секретариате корейской ассоциации работников культуры и искусства.

★

Как земле нашей тяжело было!
В целину слезались поля,
Рабство засухой их спалило,
Бедность горечью залила.

Вы сражались за то, чтобы рабству
Не царить над нашей страной.
Воевал за свободу и братство
Каждый шарик ваш кровяной.

Это вы, это вы пробудили
Заскорузлую целину,
Вы засеяли и вспоили
Землю, брошенную в войну.

Ветер ваших больших походов
С Хандасяна погнал туман,
И по вашим следам Свобода
В этот август явилась к нам.

Распрямились зеленые травы,
Горных рек неумолчен звон,
Вся Корея поет о славе
Легендарных ваших имен.

А поэты стихи слагают —
Не стихи, это сердце поет!
Ваша Слава с нами шагает
И, как знамя, зовет вперед!

Перевела О. Ивинская.

МОЯ РОДИНА КАЖЕТСЯ САХАРНОЙ

НИКОЛАС ГИЛЬЕН

(Куба)

Николас Гильен родился на Кубе в 1902 году. Он — сын кубинского сенатора, мулат. Писать начал с 1922 года, первая книга стихов «Мотивы-звуки» вышла в 1930 году. За нею последовали «Сонгоро Госонго», «Вест-Индия», «Испания» (стихи, посвященные борьбе испанского народа с фашизмом), и, наконец, «Вся мелодия» — антология избранных стихов, начиная с 1929 года и до наших дней. Н. Гильен — член коммунистической партии Кубы. Он был одним из кубинских делегатов на Парижском конгрессе сторонников мира.

Многие стихи Н. Гильена переложены на музыку и распеваются по всей стране.

☆

Моя родина кажется сахарной,
но сколько горечи в ней!
Моя родина кажется сахарной,
она из зеленого бархата,
но солнце из желчи над ней.

А небо над ней, как чудо,
ни грома, ни туч, ни бурь.
Ах, Куба, скажи мне, откуда,
ах, Куба, скажи мне, откуда
взяла ты эту лазурь?

Птица прилетела неживая,
прилетела с песенкой печальной
Ах, Куба, тебя я знаю!
На крови растут твои пальмы,
слезы — вода голубая.

За твоей улыбкой рая —
ах, Куба, тебя я знаю —
за твоей улыбкой рая
вижу я слезы и кровь,
за твоей улыбкой рая —
слезы и кровь.

Люди, что работают в поле,
похоронены в темной могиле,
они умерли до того, как жили,
люди, что работают в поле.
А те, что живут в городах,

бродят вечно голодные,
просят «подайте грош», —
без гроша и в раю умрешь.
Они бродят вечно голодные,
те, что живут в городах,
даже если носят шляпы модные
и танцуют на светских балах.

Была испанской,
стала — янки.
Да, сударь, да.
Была испанской,
стала — янки.
Для бедных — беда,
земля родная и голая,
земля чужая и голода.

Если протягивают руку,
робко или смело,
на радость или на муку,
черный или белый,
индеец или китаец,
рука руку знает,
рука руке отвечает.

Американский моряк —
хорошо! —
в харчевне порта —
хорошо! —
показал мне кулак —
хорошо! —
Но вот он валяется мертвый —
американский моряк,
тот, что в харчевне порта
показал мне кулак.
Хорошо!

Перевел Илья Эренбург.

ПЕСНЯ

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

(Польша)

Владислав Броневский родился в 1898 году. Первую книгу стихов «Ветряные мельницы» опубликовал в 1924 году. За нею последовали «Дым над городом», «Парижская Коммуна» и «Печаль и песня» (переведены на русский язык). «Парижская Коммуна» была конфискована белопольским правительством, а сам он неоднократно подвергался арестам.

После войны вышли книги его стихов: «Последний крик», «Примкнуть штыки», «Дерево отчаяния».

В. Броневский переводил стихи В. Маяковского и других советских поэтов.

★

Ты помнишь ли облик Вārшавы
В бессмертном сиянии дня,
Когда и под пыткой кровавой,
Огонь свой священный храня,
Горела порывом к свершеньям
Во имя грядущих годин?
Сегодня она среди руин
Стоит, как побед воплощенье!

А Лодзи рабочей обличье,
В упорной суровой борьбе
Свободу добывшей себе
И родине нашей — величье?
Теперь она сотнями труб
Приветствует радостный труд!

Их гордым призывам внимая
И звонкую песню слагая,
Вперед же под шелест знамен,
Уверенно путь пролагая
К величью грядущих времен,
В прекрасную явь воплощая
Веками взлелеянный сон!

Перевел Марк Живов.

В П Е Р Е Д
АРМИНДО РОДРИГЕС
(Португалия)

Арминдо Родригес — известный португальский поэт. В марте текущего года получено известие о том, что он заключен в тюрьму, как коммунист. Приводимое стихотворение напечатано в сборнике песен, переложенных на музыку. Чтобы прорваться через рогатки фашистской цензуры, передовые португальские поэты вынуждены сглаживать революционную мысль и прибегать к общим выражениям. Но если бы читатель не умел читать между строк, вряд ли бы А. Родригес попал в тюрьму.

★

Нет, человек — не сон, не тень.
Он видит, мыслит, негодует.
Ищи во всем, что существует,
Не мрак, а свет, не ночь, а день.

Не бойся знать. Не бойся слов.
Чем горше, тем смелей сражайся.
И побежденный, не смирайся,
И победишь в конце концов.

Кто хочет — может. Лишь вперед
Идут и время и природа.
Опреди их ты! Свобода
Тебя на поле боя ждет.

Перевел О. Савич.

ВСТАНЕМ СТЕНОЙ!

РАДУ БОУРЯНУ

(Румыния)

Раду Боуряну родился в 1905 году. Автор сборников стихов «Белый полет», «Залив крови». Последняя книга стихов Р. Боуряну «Кровь народов» в значительной ее части посвящена теме борьбы за мир и демократию, против поджигателей новой войны. Поэт перевел на румынский язык роман Льва Толстого «Война и мир».

★

Я не забыл,
и запомнили люди —
нельзя забывать ни за что на свете, —
как громыхали жерла орудий
по детям.

Снятся мне, снятся в ночных кошмарах
дети, что на мостовых уснули,
в утренний час получив подарок —
заокеанские пули.

Встанем стеной, человек к человеку,
убережем от военных пожаров
младенцев Вьетнама и маленьких греков —
счастье земного шара.

Вместе построим защитную стену
из новых песен и новых снопов,
из дружбы рабочих и дружбы марتنенов,
молотов и серпов.

Товарищ земля и товарищ ветер,
товарищ камень, товарищ вода,
лейтесь, летите на помощь детям,
идите сюда!

Время пришло зоедино собраться,
время — созвать для защиты детей
наше всесветное мирное братство —
братство народов, земель и морей.

Перевел Я. Смеляков.

ПРЕДАТЕЛИ

ТИТ ЧОН

(Сиам)

Тит Чон — молодой поэт, принадлежащий к группе прогрессивных писателей Сиам, объединившихся вокруг ныне закрытой демократической газеты «Махачон» («Народ»). Вся эта группа, в связи с обострившимся преследованием прогрессивной сиамской интеллигенции, перешла на нелегальное положение. Приводимое ниже стихотворение было опубликовано в одном из последних номеров «Махачона».

★

Сиамцы только по имени, на деле—гниены и вóроны,
План Маршалла — ваше евангелъе, Уолл-стрит — ваш царь
и бог.

Торгуете жизнями, нацией, поставками и договорами,
Плевать вам с высокого дерева на то, что народ изнемог!

Для вас независимость родины—предмет биржевой котировки:
Скорей обменять на доллары, пока не упала в цене!
Коварно признав, что сиамцы — не люди, а полукровки,
Хотите нас «переплавить» в новом военном огне.

Раздастся ли гневная жалоба — кричите: «а, террористы!».
И рыщут ваши наемники, убивая, сжигая, круша.
Твердите на всех перекрестках: «Москва, Коминформ,
коммунисты»,
А на карабинах полиции — «сделано в США».

Но есть восемнадцать мильонов — помножьте на
голод и муки,
Но есть восемнадцать мильонов — зажать им
попробуйте рот!
Но есть восемнадцать мильонов — помножьте на
мысли и руки,
Но есть восемнадцать мильонов, которым имя — народ!

Он выбросит вас из Сиам, растопчет, как слон — шакала.
Вы сами не сомневайтесь, кто победит в борьбе.
Он мир открывает впервые, он жизнь начинает сначала,
И звезды будут завидовать его лучезарной судьбе!

Перевел О. Савич.

ПОЕЗД СВОБОДЫ*

ЛЕНГСТОН ХЬЮЗ

(США)

Ленгстон Хьюз, негр по национальности, родился в 1902 году в небольшом городке штата Миссури. Переменил ряд профессий: был матросом, лоцманом, швейцаром гостиницы. В качестве матроса побывал в Африке, в Голландии, Испании, Франции.

Л. Хьюз — поэт, прозаик и драматург. Первая книга его стихов — «Хорошие вещи лежат в закладе» — вышла в 1927 году, первый роман — «Смех сквозь слезы» — в 1930 году. Л. Хьюз — автор тома рассказов «Нравы белых» и автобиографической повести «Открытое море». Второй и третий том его стихов вышли под заглавиями: «Мечтатель» и «Утожительный танец».

В своем творчестве Л. Хьюз — последовательный революционер, борец за демократию и за права негритянского народа. Л. Хьюз — большой друг Советского Союза, который он однажды посетил.

★

В газетах крик про Поезд Свободы,
по радио гром про Поезд Свободы,
толкует народ про Поезд Свободы...
О, небо! Что это за Поезд Свободы?

Суровы на Юге для нас законы:
Джим Кроу** не входит к белым в вагоны.

А что если правда, что в Поезд Свободы
свободен вход для цветного народа,
и нет там вывески — «ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ»
и нет для черных там черного хода?

Узнать бы побольше про Поезд Свободы!

Пускают ли всякого в Поезд Свободы?
И пустят ли нас с тобой, приятель?
И нет ли там урн избирательных кстати,
чтоб негр свой голос за равенство отдал?

Скажите мне правду про Поезд Свободы!

* «Поездом Свободы» назывался специальный агитационный состав, курсировавший по всем железным дорогам США перед выборами президента. Он должен был «провозглашать священные принципы американской конституции и демократии». Однако неграм вход в этот поезд был воспрещен...

** Джим Кроу (Джим Ворона) — презрительная кличка негров в Америке.

Войдешь в Миссисипи, сойдешь в Бирмингаме —
 плакаты со стрелкой везде перед нами:
 «ДЛЯ БЕЛЫХ — НАЛЕВО», «ДЛЯ ЧЕРНЫХ —
 НАПРАВО»,
 а если ошибся — на месте расправа!

Нет, что-то не верю я в Поезд Свободы!

А спросят отца удивленные дети:
 — Что поезду делать на станциях этих?
 Я детям отвечу: — Нет, поезд — не тот,
 Свобода лишь там, где свободен народ!

Я понял, что это за Поезд Свободы!

На Поезд, по Югу грохочущий нынче,
 не взглянут герои Гринвильского линча,
 а судьи, что дали убийцам потачку,
 вслед Поезду сплюнут табачную жвачку.

Как видно, плевать им на Поезд Свободы!

В Атланте живет моя старая мать,
 свободу захочет она увидеть,
 но крикнет ей белый: — Цветным нет прохода!
 — Я думала, сэр, это — Поезд Свободы...

Ведь внук ее Джимми в военные годы
 погиб, как солдат настоящей свободы.
 А будь он живой — он спросил бы у вас:
 что в Поезде правда, а что — напоказ?

Нет, Джимми не нужен ваш Поезд Свободы!

Ему нужен поезд, несущийся смело,
 где нету различий для черных и белых,
 где нет на стоянках плакатов позорных:
 «НАЛЕВО — ДЛЯ БЕЛЫХ», «НАПРАВО —
 ДЛЯ ЧЕРНЫХ»,
 где нет комитетов, болтливых и лживых,
 где нет кандидатов от партий наживы,
 где черного не называют Джим Кроу,
 где нас не лишают ни жизни, ни крова.

Тот Поезд прибудет в назначенный час,
 и место в нем будет — для нас и для вас!

Тогда из могил своих встанут солдаты,
и черного белый обнимет, как брата,
и белому, черный, ты руку подашь
и скажешь: — Да, Поезд действительно наш!

И с песнями братства мы в Поезд Свободы
войдем — и да здравствует Поезд Свободы!
И пусть, обгоняя летящие годы,
над временем властвует Поезд Свободы!

Перевели С. Болотин и Т. Сикорская.

В. САН-ФРАНЦИСКО

НОРМАН РОСТЕН

(США)

Норман Ростен учился в Мичиганском университете и студентом получил две литературные премии — за стихи и за драму. Две его пьесы: «Гордое паломничество» и «Первая остановка на пути к небесам» — шли в Нью-Йорке. Во время войны Н. Ростен много работал на радио, горячо пропагандируя борьбу с фашизмом во имя подлинной демократии. Книги стихов его называются: «Вернись назад, путешественник», «Четвертое десятилетие».

★

Золотые Ворота недвижны,
В океане — мертвая зыбь.
Ветер свистит под навесами складов,
Мосты над заливом подвешены к звездам.
Рассветный туман покрывает город.
Чайки, качаясь, кружат над водой.

Пикет моряков стоял до рассвета
На набережной, продрогнув в тумане,
Подняв высоко потертое знамя,
Смотря на кружащихся чаек...

— Хорошо бы написать на крыльях птицы:
«Моряки всех стран, соединяйтесь!»
И пустить ее летать по всему миру!
И, восторженувшись разом, толпа забастовщиков
Ответила ему дружеским смехом,
Раскатившимся гулко над мертвым заливом.

Перевел Мих. Зенкевич.

ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ

НАЗЫМ ХИКМЕТ

(Турция)

Назым Хикмет родился в 1902 году. Все его творчество посвящено национально-освободительной борьбе турецкого народа, о чем говорит уже название первой книги его стихов «Пленник сорока грабителей». Под «сорока грабителями» Н. Хикмет подразумевает силы международного империализма и его турецких сообщников. Н. Хикмет испытал на себе сильное и благотворное влияние Владимира Маяковского. Он много писал о социалистическом строительстве в СССР («Песнь поющих солнце», «Нефть»). В 1932 году книга его стихов вышла на русском языке в переводах Э. Багрицкого и Н. Деметьева. В 1937 году турецкое реакционное правительство заключило Н. Хикмета в тюрьму, где он находится по сей день. Несмотря на суровое преследование, Н. Хикмет (несомненно крупнейший поэт Турции) пользуется не только огромной любовью, но и широкой популярностью в народе. Его стихи переписываются от руки и передаются из уст в уста.

★

Осенняя ночь,
Беззвездная,
Серая.
А я
Словами полон твоими,
Бесконечными, как время,
Как материя,
Светлыми, как звезды,
Над нами двоими,
Сильными,
Как рука
Твоя!

Они пришли ко мне в тюрьму,
Твои слова,
Сердце твое —
К моему:
Твои слова.
Ум —
К моему уму:
Твои слова...
Как самое тебя,
Приму
Твои слова!

Твои слова, мать.
Твои слова, женщина.
Твои слова, товариш.
Слова — герои.
Слова — люди.

★ ★
★

Нас взяли.
Мы в камерах.
Стража и стены
Между мной и тобой.
Но главное — с кем мы?
И что в нас?
Приходится хуже тому,
Кто носит в себе
Свою тюрьму.
К нам люди идут
И с такою ношей,
Но есть
И другой
Народ:
Честный,
Трудолюбивый,
Хороший.
Я его,
Как тебя,
Люблю!

★ ★
★

В Стамбуле
У вас
Нищета,
говорят.
Голод
Косит людей
Подряд.
Чохотка,
я слышал,
Который год
За горло хватает
Все туже
Народ.
А дочери наши,
слыхал я
Давно загублены
В подворотнях,
В грошовых кино.

Страшные новости
Издадека,
Тревожные повести
Земляка
О настоящем
Стамбуле
Моем,
Где юность прошла,
Где отчий дом;
О городе,
Приросшем ко мне,

Который таскаю,
Как горб,
На спине
Каторжной пылью
Этапных дорог —
Из ссылки в ссылку,
Из острога
В острог;
О городе,
Где ты, дорогая, живешь,
Который в сердце моем —
Как нож,
Который в глазах моих —
Как ты!

* *
*

Мы, дорогая,
Всему обучены:
Голодом кручены,
Холодом мучены,
Можем таскать
Непосильное бремя,
Можем
Годами жить врозь.
Еще умирать
Нам с тобой
Не время,
Еще убивать нам
Пока не пришлось.
Мы, дорогая,
Имеем право
Учить людей,
И, честное слово,
Их научим,
Как любить
Каждый
День
Немного больше,
Немного лучше...

Вольный перевод Ильи Френкеля.

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ШЕСТОЙ ГОД

ЛУИ АРАГОН

(Франция)

Луи Арагон родился в 1897 году. В юности примыкал к литературной декадентской группе «дадаистов», затем, вместе с Элюаром, возглавил школу так называемого «сюрреализма». Однако и среди сюрреалистов Л. Арагон выделялся широким интересом к социальным и политическим проблемам, пониманием того, что новый мир строится в СССР (Л. Арагон посвятил СССР две книги стихов: «Красный фронт» и «Ура, Урал!»), а также тем, что он никогда не отказывался от великого наследия французской литературы. Став коммунистом, последовательным и боевым, и осознав буржуазную сущность сюрреализма, Л. Арагон резко порвал с ним. Еще до войны он стал редактором коммунистической газеты «Се суар».

С первых дней оккупации Л. Арагон ушел в подполье и целиком отдал себя борьбе народа и коммунистической партии. В том возрождении французской поэзии, которое имело место во время Сопротивления, когда лучшие поэты пришли к народу, чтобы бороться вместе с ним, Л. Арагону по праву принадлежит первое место. Его стихи анонимно распространялись по всей стране, заучивались наизусть, вдохновляли и вели в бой. (Сборник стихов того периода переведен на русский язык). В настоящее время Л. Арагон с присущим ему энтузиазмом и самоотвержением возглавляет борьбу французских литераторов за мир, за независимость Франции. Л. Арагон—автор многих сборников стихов, ряда романов («Крестьяне Парижа», «Базельские колокола», «Богатые кварталы», «Орелиен» и др.) и статей.

★

Вот предприятие новых надувал!
Оно ведется с бешеной шумихой.
Слова, провозглашаемые кликой, —
Как будто те, за кои умирал
Француз. Но в этот век двуликий
Дух родины в них — нет! — не ночевал.

Наш мир — как дом, назначенный к продаже.
Еще огонь внутри его горит,
Сияет небо, синее на вид,
И люд живет, не понимая даже,
Что крыша еле держится, трещит,
Что дом чуть жив, весь в копоти и саже

Здесь людоеды хором голосят.
Ложь выставляет пышные вазоны,
И все многоэтажные балконы
Цветами лицемерия пестрят.
А между тем в подъезде у колонны
Смерть скалит зубы, оскорбляя взгляд.

Как солнце, почерневшее в колодце,
Пластинку крутит, крутит граммофон!

Танцоры знают: ночь со всех сторон,
Но им плевать — пусть мир перевернется!
Пустые души! Ложью упоен,
Их подлый взгляд уклончиво смеется.

Тела детей, расстрелянных чуть свет,
Видны мне в окна. Сельские строения
Горят вокруг и, чуя запах тленья,
Вопит шакал в то время, как поэт
Провозглашает нам уединенье
И личности своей приоритет.

Откуда тошнотворный этот запах?
Духи его не выведут... Ужель
Все то, о чем мечталось нам досель,
Должно погибнуть в грязных этих лапах?
Авантюристы, севшие на мель,
Грозят чумой, пол-Франции захапав.

Давно ль, давно ль закончилась война!
Но подлецам, кто потерпел крушение,
Еще одно осталось утешенье:
Им из-за моря музыка слышна,
Чтоб заглушать народа возмущенье,
Когда в кровавых сумерках страна!

Перевел Н. Заболотный.

ЧЕСТЬ ТРУДУ!

(Отрывок из поэмы «Ночь Иова»)

ФРАНТИШЕК ГРУБИН

(Чехословакия)

Франтишек Грубин родился в 1910 году, в Праге. Первая книга стихов его вышла в 1933 году. Во время войны он написал книгу «Хлеб и сталь», посвященную Красной Армии, борьбе и славе Сталинграда. В 1945 году за книгу «Родина-судьба» Ф. Грубин получил государственную премию Чехословацкой республики. Поэма «Ночь Иова» — последнее крупное произведение Ф. Грубина.

★

Ах, Чехия, моя страна!
Ты как картина в старой раме.
Не раз кровавыми руками
твой дивный холст рвала война,
и краски сыпались. Но мастер
вновь ладил холст, чтоб всем видна
была краса твоя и счастье.

Ах, Чехия, моя страна!

О вас, воители Урала,
разбилось горе, как о скалы.
Сражался Сталинград сурово,
гремело битвой Соколово,
под Киевом, в дыму атак,
шли чех и брат его словак,
и Дукла вас ждала далече
для новых битв, для новой сечи,
и Прага привечала вас...
Был час войны, суровый час!

.....
Ах, Чехия, моя страна!

Ты как картина в старой раме.
Не раз кровавыми руками
твой дивный холст рвала война,
и краски сыпались. Но мастер
вновь ладил холст, чтоб всем видна
была краса твоя и счастье.

Ах, Чехия, моя страна!

Впервые, братья,
мы плавим в сталь руду.
Нам путь указан
в семнадцатом году.
За дело, братья!
Почет труду

и честь труду —
впервые, братья!

Здесь каждый, каждый
одной мечтой ведом.
Здесь хлеборобы —
душа горит в огне.
Здесь каждый, каждый
стахановским трудом
прославится в стране.

Впервые, братья,
мы плавим в сталь руду.
Нам путь указан
в семнадцатом году.
За дело, братья!
Почет труду
и честь труду —
впервые, братья!

Под нашим небом
стремится синий Ваг,
дымятся пылью
могильные холмы.
И нам герои
велят: живите так,
как жить хотели мы!

Страна за Ржипом
свободна на века,
несется песня,
звучит родной язык.
И возле плуга
и около станка
стоит на страже
четырёхгранный штык.

Здесь каждый нужен,
для всех пришла пора.
Кипит в горниле
металл былых оков.
Здесь каждый нужен,
и все здесь мастера
железа, хлеба, слов.

Впервые, братья,
мы плавим в сталь руду.
Под майским небом
живет страна труда.
За дело, братья,
почет труду
и честь труду —
впервые, братья!
Навсегда!

Перевел Д. Самойлов.

НЕТ ПРОЩЕНИЯ!

ПАБЛО НЕРУДА

(Чили)

Пабло Неруда родился в 1904 году. Большое влияние оказало на него творчество Владимира Маяковского.

Когда левые партии Чили объединились и выдвинули кандидатом в президенты Гонсалеса Видела, П. Неруда возглавил предвыборную кампанию будущего президента, торжественно поклявшегося отстаивать дело народа и свободы. (Об этом и говорят строки: «Я был с ним рядом...»). Шахтеры селитряных промыслов, работающие в неслыханно тяжелых условиях, под морским дном, избрали поэта в Сенат. Он стал одним из немногих сенаторов, принадлежащих к коммунистической партии — «единственной партии Человека», по его словам. Видела, придя к власти, быстро переметнулся на сторону отечественных и северо-американских угнетателей Чили. Он выжил коммунистов из правительства, предоставил концессии Уолл-стриту и базы — армии США, зверски подавил восстание горняков и, наконец, объявил коммунистическую партию вне закона. П. Неруда опубликовал «Открытое письмо миллионам людей» и рассказал в нем всю историю предательства президента. Поэту пришлось уйти в подполье и затем покинуть родину. Он представлял свою страну на Парижском конгрессе в защиту мира.

Стихотворение «Нет прощенья!» взято из последней поэмы П. Неруда «Новогодний гимн омраченной родине», опубликованной в начале текущего года подпольным чилийским «Издательством Сопротивления».

★

Я хочу земли, огня, хлеба, сахара, муки,
моря, книг, родины — для всех; за это
скитаюсь бродягой: судьи предателя преследуют меня,
и его прислушники, как дрессированные обезьяны,
пытаются стереть память обо мне.
Я был с ним рядом, с тем, кто сегодня президент,
у входа в шахту, в пустыне забытой зари,
я был с ним рядом и говорил моим бедным братьям:
«Вы не будете класть заплаты на лохмотья,
забудете, что значит день без хлеба,
с вами будут обращаться, как с сыновьями родины».
«Взяв в руки уголь — чистейшее чудо нашего леса,
покажемся разделить красоту между всеми,
и глаза матерей не будут плакать по сыновьям».
Но когда не любовь разделили меж всеми,
а ночью на голод и муки погнали того,
кто слушал меня, кто всю свою силу и нежность,
нежность сильного дерева отдал другим, —
тогда не стоял я рядом с ничтожным сатрапом,
тогда я был с человеком без имени — с моим народом.
Я хочу, чтоб моя страна была страной моего народа,
я хочу одинакового света для всех
над головой моей заревом пылающей родины,
я хочу, чтобы день и плуг были движимы только любовью,

я хочу стереть черту, которую провела ненависть,
 чтоб отнять хлеб у народа;
 а того, кто увел родину с ее пути
 и связанной выдал чужим, как тюремщик,
 и тех, кто платит, чтоб наносить ей раны,
 я не стану ни воспевать, ни замалчивать,—
 Я сумею их всех и каждого
 с полным именем
 пригвоздить к позорному столбу.

Перевел О. Савич.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

ХУЛИО МОНКАДА

(Чили)

Хулио Монкада — молодой поэт, автор стихотворений о СССР и о революционном движении в Южной Америке.

★

Я говорю с тобою о любви,
Я об отце с тобою говорю,
О ярком солнце, о звезде, о хлебе,
Вскормившем мир, о сердце, даже в смерти
Не переставшем биться... Не о боге
Я говорю с тобою. Все мы знаем,
Что бога нет над нами. О простом
Великом Человеке говорю я!

Сыщу ль слова, чтоб рассказать о нем?
Бессильно слово... Но ко мне на помощь
Приходит океан любви всемирной,
Он мне несет гигантскую волну
Горячих чувств, и сердце мне ласкает
Мятежный сын высоких облаков —
Могучий ветер, и поет земля,
И, как росток, из сердца мира всходит,
Согрето светом пламенной зари,
Святое имя

ЛЕНИН!

Да, оно —
Во всех, кто мыслит, кто живет, страдает,
Оно среди восставшего народа
В дни гневных бурь непобедимо, вечно...
А в день страданий для людей оно,
Как сладкий мед, как хлеб и молоко,
Оно людей скликает на борьбу
За лучший мир, за счастье человека!
Оно пришло к нам из страны, где вечен
Веселый день, где мрак зимы холодной
Был побежден сияющей весной.
Бессмертны оба — имя и страна!

Перевел Федор Кельвин.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Роман*

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

★

28

Конспирация

Почти все граждане Одессы догадывались, что город приказано оставить. Об этом давно уже ходили самые мрачные слухи. Это подтверждалось тем, что каждую ночь из порта уходили транспорты с войсками, имуществом и зенитной артиллерией.

Но наверняка никто ничего не знал.

Гаврик Черноиваненко был один из немногих, знавших это совершенно точно.

Больше того: он знал, что он должен остаться в городе, уйти в подполье, организовать подпольный комитет партии Пригородного района и сидеть в городе до тех пор, пока не вернется Красная Армия, а с нею и советская власть. А в том, что она вернется, ни у кого не было сомнений.

Если же и возникали какие-нибудь разногласия, то лишь о том, через сколько времени она вернется.

Большинство обкомовцев считало, что немцы и румыны продержатся в городе не более двух месяцев, от силы — три.

Гаврика это раздражало. По свойству своего характера Гаврик никогда не предавался приятным иллюзиям. Он слишком много хлебнул в своей жизни горя, слишком часто его в детстве обманывали, и он привык смотреть на вещи трезво.

Его скептический ум, ничего не принимавший на веру, был склонен лучше в десять раз преувеличить зло, чем поверить добру, которое могло оказаться мнимым.

В этом заключалась и сила и слабость его характера.

Впрочем, в данном случае вопрос о том, сколько времени фашисты продержатся в городе, имел для Гаврика Черноиваненко грубо практическое значение. Он должен был запастись для себя и для своей подпольной группы оружием, продовольствием и боеприпасами.

Тут-то и начались затруднения.

Гаврик не рассчитывал на быструю победу над врагом. Он чувствовал, что предстоит очень продолжительная борьба.

Он уже повидал на своем веку немало врагов.

Они, эти враги, были всякие, и мелкие и крупные, но всем им была свойственна одна общая черта — полное отсутствие нравственного начала. Они все были бессердечны, безжалостны. Они совершенно спокойно грабили, убивали и мучили людей.

* Продолжение (См. «Новый мир» № 6 с. г.).

Разве не была, например, преступницей торговка рыбой мадам Стороженко, страшный, безжалостный враг гаврикиного детства, та самая знаменитая мадам Стороженко, которая с такой холодной наглостью, с таким равнодушием и так безнаказанно грабила двух беззащитных, трудолюбивых нищих — маленького мальчика сироту Гаврика и его очень старого слабого дедушку?

И разве не был преступником царь Николай Второй — маленький бездарный тиран, губивший Россию?

Разве не по его приказанию всяческие представители власти: городовые, полицмейстеры, жандармы, сыщики, прокуроры, генерал-губернаторы и градоначальники — избивали в участках и тюрьмах (или приказывали избивать другим), вешали и расстреливали и заковывали в цепи тысячи, десятки тысяч хороших, трудолюбивых, простых людей: рабочих, крестьян, студентов?

До сих пор, хотя с того времени прошло около сорока лет, до сих пор не мог забыть Гаврик, как пристав в белых перчатках наотмашь бил по зубам дедушку и как сыщик крутил ему, маленькому мальчику Гаврику, ухо своими беспощадными, железными пальцами мерзавца, омерзительно пахнувшими сырым луком.

В продолжение всей жизни преследовал Гаврика этот тошнотворный запах толстых, нечистых пальцев с черными ногтями.

А разве не были лютыми, беспощадными врагами те короли, президенты и министры четырнадцати держав, которые хотели задушить молодую советскую республику и послали свои войска, чтобы они снова и снова грабили, убивали, жгли в паровозных топках, мучили в контрразведках честных, трудолюбивых, в высшей степени нравственных и хороших, простых людей за то, что они первые в мире поняли великую правду коммунизма и начали строить жизнь своего государства на основе взаимного уважения, любви, дружбы, справедливости, — советского государства, где человек больше не угнетал человека, где не было богатых и бедных, рабов и господ, не было униженных и оскорбленных, а единственной мерой человека и его значения в обществе были не его богатство, не его происхождение, не его раса, а его талант и воля к труду.

И еще было много врагов, с которыми неустанно боролся советский народ, а с ним вместе, в первых его рядах, всю свою жизнь боролся и бывший одесский мальчик Гаврик Черноиваненко.

О, как хорошо он изучил своих врагов!

Но враг, который наступал сейчас на Советский Союз, был, несомненно, самый сильный и самый опасный.

Гаврик чувствовал это по всем признакам.

Поэтому он не только раздражался, а приходил чуть ли не в бешенство, когда сталкивался с людьми, уверенными, что немцы и румыны продержатся в городе не больше трех месяцев.

Он, множество раз за свою жизнь побывавший в подполье — в подполье царском, в подполье при интервентах, при Деникине, при Врангеле, в восемнадцатом году при австрийцах, при гетмане Скоропадском, при Петлюре, — он отчетливо, ясно понимал, что это подполье будет самое тяжелое.

Он не сомневался, что придется держаться никак не меньше шести месяцев, а быть может и целый год.

Стало быть, запастись надо было на год.

В личной жизни Гаврик был человек скромный, нетребовательный и уж во всяком случае не запасливый. Но так как дело касалось не

только его лично, но и других людей, а главное, было важным партийным делом — Гаврик неожиданно проявил себя необычайно запасливым, хозяйственным мужичком.

Он стал исподволь готовиться к уходу в подполье еще тогда, когда его задание не было официально утверждено обкомом, когда судьба города еще не была решена окончательно.

Он слишком хорошо понимал, что в числе партийцев, остающихся в городе на подпольной работе, обязательно будет и он. Как никто другой, он подходил для этого дела. Так что к тому моменту, когда секретарь обкома, передав ему последние инструкции и договорившись обо всех подробностях явок, паролей, связи и так далее, поцеловал его на прощанье и сказал «действуйте!» — у Гаврика уже был разработан подробный план действий, выбраны помощники, найдено надежное местопребывание подпольного райкома партии.

Это место было — знаменитые одесские катакомбы, точнее говоря, та их часть в районе Хаджибеевского лимана, за парком, которая имела один или два выхода за кладбищем Усатовых хуторов.

Заготовка продуктов питания, оружия и боеприпасов, несмотря на то, что у Гаврика на руках были все соответствующие, надлежащим образом оформленные, надежные документы — накладные, ордена, предписания, сразу же оказалась чуть ли не самым сложным и канительным из всех дел, какие предстояло переделать Гаврику.

Всё, что он требовал, ему выписали в обрез. Он требовал на год, а ему выдали лишь на три месяца. Каждая его заявка беспощадно сокращалась.

Он был не против режима экономии.

Наоборот.

В свое время, когда ему пришлось работать в контрольных органах, он проявлял неслыханную скардность, придирчивость, почти сварливость. Он яростно отстаивал каждый гвоздь, принадлежавший государству. Он был грозой для всех казнокрадов и головоотяпов.

Теперь же он очутился в положении просителя, который наталкивался на стену препятствий.

О, как он стал ненавидеть теперь всех этих бесчисленных заведующих складами, директоров магазинов, начхозов, управляющих конторами, которых он же сам, на свою голову, в свое время научил беречь народное добро, как зеницу ока!

Весь ужас заключался в том, что он не мог, не имел права сказать им, за чем ему требуется такое громадное количество продуктов и товаров.

В конце концов, некоторые ответственные товарищи, с которыми ему приходилось сталкиваться по делам снабжения, стали относиться к нему с нескрываемым подозрением. Они смотрели на него, как на ловкача, почти как на афериста, который, пользуясь критическим положением города, хочет нагреть руки и обогатиться.

Это лишало его душевного равновесия, и он готов был вступить в рукопашную, выслушивая едкие замечания и прямые угрозы арестовать его от людей, охранявших общественное добро.

Сколько раз его так и подмывало на вопрос: «зачем вам столько муки, для какой цели?» — выложить всю правду, чтобы, наконец, избежать канители.

Но он не мог.

Он должен был молчать. Даже люди, которых он подобрал себе в помощники, до поры до времени ничего не знали. Это создавало ст-

чаянно трудное положение, это тормозило всю работу. Но это было необходимо и неизбежно.

Приходилюсь, стиснув зубы, мириться. А Гаврик ужасно не любил мириться. И это все время держало его, как говорится, на взводе.

Город был еще советский, а Гаврик уже чувствовал себя в нем на положении подпольщика и соблюдал самую строгую конспирацию.

29

Подпольная кличка — «Гаврик»

Был солнечный день. С моря дул холодный ветер. И это соединение резкого солнечного света с резким ветром, угрожающее безлюдье улиц — люди испуганно жались в подворотнях — непрерывная, утомительная канонада, сотрясавшая стекла,— все это наполняло душу Гаврика чувством борьбы.

Это острое, ни с чем не сравнимое, доходящее почти до какого-то мрачного восторга чувство смертельной опасности и ледяной решимости идти навстречу этой опасности до конца, эта роковая сила долга, подчинившая себе все его поступки и мысли, без остатка поглотившая всю его личность, провела между ним и городом, по которому он шел своей валкой, цепкой, торопливой походочкой, резкую черту отчуждения.

Он весь, без остатка, принадлежал Родине. Но город уже не был его Родиной. Он отходил от Родины. Он уже был для Гаврика лишь бессмысленным скоплением знакомых домов, акаций, гранитных и асфальтовых мостовых, трамвайных рельсов, с сабельным блеском закругляющихся на поворотах, ларьков. И все это уже было лишено души.

Город сохранял все свои знакомые Гаврику с детства черты и формы. Он был до ужаса похож на себя. Но он уже не был собой. Он уже был не он.

Это был труп города.

Сердце Гаврика обливалось кровью. Он мог бы легко притти в отчаяние, если бы все это было для него ново.

Это не было ново.

Много раз в жизни Гаврик уже испытывал подобное чувство. Он испытывал его всякий раз, когда ему приходилось переходить в подполье. А в подполье он переходил часто, особенно во время гражданской войны на Украине и интервенции, когда Одесса в течение двух лет раз десять переходила из рук в руки, умирая и снова возрождаясь для новой жизни.

Хотя это было давно, но это никогда не могло изгладиться из памяти. Даже его уменьшительное имя Гаврик сделалось его подпольной кличкой, закрепилось за ним навсегда, и теперь его никто в городе не называл иначе, чем товарищ Гаврик или даже просто Гаврик.

Неприятный ветер гнал по гранитным мостовым и по тротуарам, выложенным плитками лавы, пепел сожженных бумаг.

В городе жгли архивы.

В воздухе летел сизый пепел. Пепел и не до конца сгоревшие листки бумаги смешивались с облетевшей листвой акаций и кленов и мелкими, черненькими стручками акаций, крылатыми семенами кленов и войлочными шариками платанов. Кучи этого мусора скоплялись на обочинах мостовых, возле решеток водосточных люков.

Иногда в какой-нибудь части города раздавался, всегда неожиданный, грохот взрыва, подобный грому, ударившему в железную крышу.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

И уже трудно было понять, что это такое. Взрыв ли это вражеского артиллерийского снаряда, залетевшего в город, или это авиационная бомба, или это свои уничтожают какой-нибудь склад, чтобы он не достался врагу.

Однако душевное состояние Гаврика не было подавленным. Напротив. По мере приближения рокового часа в его душе все сильнее, все ярче разгорался молодой огонь борьбы.

Он шел, и его походка все больше и больше напоминала походку того маленького одесского рыбака, который, как бы стремительно падая грудью вперед и коротко, энергично размахивая перед собой туго согнутыми, как у борца, руками, некогда проходил с бодливо опущенной головой приморскими переулками, базарами, слободками своего родного города.

Он шагал по битому стеклу, поглощенный упорной умственной работой. Эта работа заключалась в том, что он раскладывал в уме в строгом порядке по степени важности все вопросы и дела, которые предстояло решить и сделать в ближайшие же часы этого дня, быть может последнего дня советской Одессы.

Он оставил свою машину в одном из дворов, недалеко, но и не слишком близко от обкома, велел шоферу поставить ее с целью маскировки в тень, чтобы она не блестела на солнце.

Но это была излишняя предосторожность, так как вышеупомянутая машина была тот самый знаменитый гибрид «газика» и «кадилака», на котором Колесничук привез Петю Бачей и его отца с аэродрома на свою знаменитую «виллу».

Каким образом автомобиль попал к Гаврику, понять не трудно.

Сначала машину, вместе с водителем и конструктором Святославом, мобилизовали в армию. Но через несколько дней армия решительно отказалась от этого слишком оригинального порождения автомобильной техники, и машина перешла в штаб истребительного батальона, где прослужила также недолго и была передана управлению порта. Но и в управлении порта она не вызвала энтузиазма.

Так она вместе со своим водителем Святославом переходила из рук в руки, пока, наконец, не попала в автобазу обкома. Здесь-то ее и всучили Гаврику.

Конечно, он мог бы выбрать себе что-нибудь более приличное. Но он выбрал именно эту машину. Решающую роль в выборе сыграла не машина, а человек.

И в этом проявилась еще одна черта Гаврика — постоянная уверенность в преимуществе человека над вещью, хотя бы даже такой умной, как автомобиль.

Гаврику с первого взгляда понравился Святослав.

Он почувствовал доверие к этому молодому человеку с невозмутимым, даже несколько высокомерным выражением мальчишеского лица. Он сразу почувствовал в нем что-то неуловимо-родственное, почти сыновнее. Это было как бы волшебное измененное отражение в зеркале времени его самого, Гаврика, но не теперешнего товарища Гаврика, а того, давнего Гаврика, которого уже, собственно говоря, не было на свете; продолжала жить лишь его детски-чистая душа, слившаяся с легкой душой этого молодого черноморского города, над которым так часто проносились бури истории.

Почувствовав симпатию к Святославу, Гаврик, разумеется, ничем не выразил своего чувства. Внешне он остался равнодушен, холоден, как и подобало настоящему черноморцу. Он только отпустил несколько

иронических замечаний по поводу машины, и она, вместе со своим водителем Святославом, поступила в полное распоряжение Гаврика.

Гаврик не ошибся в выборе. Несмотря на фантастичность своей конструкции и на удручающую внешность, машина в умных руках Святослава работала в те критические дни замечательно.

А сам Святослав превзошел все ожидания.

Он оказался не только превосходным водителем и механиком, но главное, неутомимым, преданным помощником Гаврика во всех его делах.

В эти дни все рабочие и служащие перешли на казарменное положение, то есть жили при своих предприятиях и учреждениях, неся круглосуточное дежурство каждый на своем посту.

Святослав жил в машине.

Он всегда был молчалив, подтянут, несколько сух и, как это ни странно, всегда чисто вымыт, выбрит «с одеколоном» и причесан.

Он был в военной форме, в противогазе, и его винтовка была аккуратно приторочена к внутренней стороне брезентовой крыши автомобиля. На нем была летняя, всегда чисто выстиранная пилотка, выгоревшая добела, но очень аккуратная и надетая на правую сторону, но не ухарски, а ровно настолько, насколько это предписывалось правилами.

На его груди уже не было фантастических значков и жетонов. Его грудь теперь украшал лишь один маленький и скромный значок комсомола.

В общем, он имел вид аккуратного и старательного молодого солдата, каковым он на самом деле и был.

Что касается самой машины, то она имела крайне, даже излишне подчеркнутый военный вид. Она была закамуфлирована, то есть раскрашена под цвет окружающей местности. Святослав сам раскрашивал ее, проявляя при этом необыкновенную изобретательность и недюжинный талант пейзажиста.

Первый раз, летом, он расписал ее кудрявой зеленью акаций и резкими тенями домов. На брезентовой крыше он изобразил в ракурсе щели улиц, чешуйчатые площади, памятник Воронцову, черепичные крыши, синие куски моря.

Осенью он внес соответствующие поправки. Появились охра и киноварь листопада.

Святослав готовился к зиме, приготавливая белила, бирюзу и жженую кость для изображения оголенных деревьев, но это было уже не нужно.

Когда Гаврик вошел во двор, Святослав сидел в машине и читал книжку, развернутую на баранке руля.

Машина стояла в дальнем углу двора, в тени, закиданная срезанными ветвями акации.

Очевидно, только что во двор упала стена соседнего дома. В воздухе еще стояла тонкая пыль известки. Стена, разбитая на куски взрывом, плашмя лежала на земле. Крайние камни почти докатились до автомобиля. Один камень даже сделал большую вмятину в крыле.

На пилотке и на плечах Святослава лежал толстый слой пыли.

— Поехали, — сказал Гаврик, рывком подбирая под себя пальто и усаживаясь рядом со Святославом.

Он с силой хлопнул дверцей.

Святослав, не торопясь, закрыл книжку, заложив ее веточкой, и сунул за щиток над головой.

Он стал осторожно выводить машину, прыгавшую по разбросанным камням.

Он не спросил, куда надо ехать. Он вел машину из ворот прямо поперек улицы. Гаврик ничего не сказал, и казалось, что машина прямо въедет на противоположный тротуар и стукнется в стену дома.

Но в самое последнее мгновение Гаврик сказал:

— Налево.

Святослав быстро повернул налево. Машина поехала вниз по улице, под уклон, набирая скорость.

Гаврик молчал, не подавая следующей команды.

Сосредоточенно наморщив лоб, соображал, куда надо заехать в первую очередь.

Если бы его задумчивость продлилась еще несколько мгновений, машина неизбежно должна была бы наскочить на баррикаду, построенную поперек улицы из железных ежей, мешков и ящиков с песком с узкими, обшитыми свежим тесом бойницами.

Но опять в самый последний миг он успел принять необходимое решение.

— На квартиру к Колесничуку,— сказал Гаврик устало и тут же, прислонившись головой к боковой дверце, заснул.

Святослав сердитым рывком вывернул машину и стал стремительно петлять из улицы в улицу, объезжая баррикады, эскарпы, ежи и груды камней возле обвалившихся домов.

За десять или пятнадцать минут, пока они ехали, Гаврик успел всхрапнуть. Сон, короткий и глубокий, как обморок, немного освежил Гаврика и прояснил его мысли.

Гаврик не рассчитывал застать Колесничука дома. Он надеялся увидеть Раису Львовну и узнать у нее, где можно отыскать Колесничука.

30

Закон Черного моря

Дом, где жили Колесничуки, был пока цел, но недалеко разорвалась фугаска, и все стекла, а кое-где и рамы, были наскоро заделаны картоном или фанерой.

Лепные декадентские украшения: головы медуз со змеевидными волосами и круглые листья ненюфара, сорванные взрывной волной с мутнозеленого фасада — покрывали тротуар обломками крашеного гипса. Белые отпечатки ног вели с улицы на лестницу парадного хода, где по-свистывал сумрачный ветер и крутилась сухая пыль.

Дверь в квартиру Колесничуков была открыта настежь; повидимому, ее нельзя было закрыть, так как она треснула и сорвалась с верхних петель.

Несколько беспорядочных белых следов вело с площадки, расписанной помпейским орнаментом, в квартиру. Она казалась пустынной.

Это была большая коммунальная квартира в большом, старом, дореволюционном доме, из числа тех так называемых «доходных домов» конца девятнадцатого века, которые строились для богатых жильцов, состояли из «барских» квартир и были отделаны с претензией на роскошь.

В большую пустынную прихожую со старыми полосатыми обоями, потертыми на высоте человеческих плеч, выходило несколько дверей, запертых на большие и маленькие висячие замки.

Вешалка была пуста.

Очевидно, все жильцы уже выехали.

Сквозняк гонял по зашарканному, нечищенному паркетному полу такой же сор, такие же обгорелые бумажки, такие же черные стручки акаций, как и по улице.

Шаги гулко отдавались среди высоких, пустых стен.

— Кто-нибудь есть? — спросил Гаврик громко.

Ему никто не ответил.

Он прошел, стуча сапогами, в глубь темного, пустынного коридора со старым велосипедом на стене, туда, где на повороте, рядом с ванной и кухней, находились две смежные комнаты Колесничуков.

Замка на двери не было.

Гаврик распахнул дверь жестом хозяина. Вообще во всех его движениях было нечто в высшей степени уверенное и по-хозяйски самостоятельное.

Первым, кого он увидел при свете коптилки, в сумраке этой неприбранной, запущенной комнаты с окнами, занавешенными черными бумажными листами, был сам Колесничук.

Он сидел в шинели и фуражке перед столом без скатерти и быстро ел из котелка суп.

На резном дубовом стуле с высокой плетеной спинкой висели полевая сумка, противогаз и пистолет.

Затем уже Гаврик заметил и Раису Львовну, которая как раз в это время выходила из другой комнаты. Ее голова была закутана теплой шалью. Виднелась лишь половина бледного лица с черным глазом.

Она держалась одной рукой за висок, а другой быстро жестикулировала. Не переставая говорить и размахивать рукой, она дошла до стола, повернулась, вышла из комнаты, снова появилась на пороге и снова быстро вышла.

Колесничук молча ел, с лицом унылым и напряженным от неудобства обедать в шинели.

При виде этой знакомой, всегда такой аккуратной и уютной, а теперь такой неприкаянной комнаты, где знакомые вещи и вещицы — приданое Раисы Львовны — были разбросаны, разбиты или сломаны, где на столе не было скатерти, где валялись окурки и обгорелые бумажки, где чадил дымный огонек коптилки и при особенно сильном взрыве известь сыпалась с потолка, — сердце Гаврика на мгновение сжалось таким острым чувством беды, что он сделал усилие, чтобы не застонать.

Но он тут же, всей силой души, подавил этот внезапный порыв горя.

— Здорово, Жора, — быстро сказал Гаврик, не подавая Колесничуку руки, а лишь дотронувшись до его плеча, чтобы не отрывать от еды.

— Будь здоров, — сказал Колесничук, с неестественным равнодушием взглянув на приятеля. — Седай.

Гаврик спихнул со стула узел и сел, положив перед собой на стол шапку.

— Супу хочешь? — сказал уныло Колесничук.

— Не хочу. Здравствуй, Раиса.

Раиса Львовна быстро подошла к Гаврику, с отчаянием протянула к нему руку ладонью вверх и заплакала.

— Ладно. Только без лирики, — ворчливо сказал Гаврик и поморщился.

Она уронила руку и вышла из комнаты, содрогаясь от сдерживаемых рыданий.

«Лирика» было одно из самых любимых словечек Гаврика. Оно пришло к нему еще во время гражданской войны, когда он работал

в одесском отделении «Югросты» и общался с поэтами и художниками окон сатиры.

В свою «лирику» Гаврик вкладывал в зависимости от обстоятельств множество самых разнообразных оттенков критического характера.

Прищурясь, он проводил взглядом Раису и невесело подмигнул Колесничуку. Колесничук сокрушенно махнул ложкой.

Было заметно, что они оба бодрятся, хотя на душе у них тяжело. Впрочем, они и не старались скрыть этого.

— Как живешь? — сказал Колесничук.

— Паршиво.

— А ты?

— То же самое. Работы много. А у тебя?

Колесничук пожал толстыми от шинели плечами — сам, мол, понимаешь.

— Три дня взрывал свои склады, — угрюмо сказал он. — Сегодня утром кончил. Ничего больше не осталось. Чисто. Ночью будем грузиться на транспорт.

— Да, — неопределенно заметил Гаврик, не выражая никакого сочувствия и как бы ставя под сомнение слова Колесничука насчет погрузки на транспорт.

Они не виделись несколько месяцев. Они были старинные приятели, друзья детства. Они очень любили друг друга, а Гаврик любил не многих!

Но сейчас, когда они встретились, они не проявили своих чувств. Они остались верными старинному закону истинных черноморцев: не удивляться, когда ты удивлен, а удивляться, когда ты совершенно не удивлен; не говорить задушевных слов, когда ты чувствуешь любовь, и сквозь зубы цедить ядовито-нежные слова врагу, перед тем как броситься в драку и нанести сокрушительный удар; ни о чем не расспрашивать слишком подробно, а уметь с двух слов понять самую суть дела.

Они и ограничились этими несколькими словами, так как все остальное было понятно и без слов.

Гаврику не нужно было спрашивать, а Колесничуку объяснять, что происходит. Гаврик понял без слов, что это последний обед Колесничуков в родном доме. Он понял их душевное состояние. Он понял, как больно, как мучительно трудно они переживают оскорбительную необходимость бросить на произвол судьбы все, к чему они привыкли, и уйти из города, где они родились, где они любили, где были могилы их родителей и их умерших детей.

Гаврик понимал и те сравнительно маленькие, но все же такие законные и сильные человеческие чувства, ту обиду, которую испытывали они, в особенности Раиса Львовна, от необходимости расстаться со своим имуществом, перешедшим от ее родителей и честно нажитым за всю их долгую совместную жизнь.

Они испытывали острое, очень унижительное, до боли обидное чувство разорения. Ведь, собственно говоря, в эту минуту они превращались в нищих. Они были начисто ограблены. Они теряли все: дом, обстановку, белье, посуду. Рушилась семья.

Правда, у Колесничука оставалась его вторая семья — армия. Но что будет с Раисой Львовной?

И Гаврик без всяких слов сразу понял, о чем разговаривали Колесничуки, когда он вошел.

Некоторое время молчали.

— Стало быть так, — сказал Гаврик, сразу приступая к делу. — Я тебя забираю из армии.

Он сильно уперся руками в колени, повернул голову набок и посмотрел на Колесничука своими рыжими глазами, резкими, как у петуха, собирающегося драться.

Хотя закон Черного моря предписывал никогда ничему не удивляться, но на этот раз Колесничук перестал есть и, держа ложку на весу — с нее капнуло на стол, — изумленно посмотрел на Гаврика.

— Тихо! — внушительно сказал Гаврик, переходя на тот уличный, южно-русский, портовый жаргон своего детства, к которому незаметно для самого себя прибегал каждый раз, когда разговаривал с людьми, которых любил и которых считал своими.

— Тихо! Слушай здесь, — сказал он, несколько понижая голос и косясь на дверь, в которой опять появилась Раиса Львовна. — Раиса, выйди на некоторое время из комнаты, у меня есть дело до Жоры.

«Ты мне нужен»

Увидев серьезное, испуганное лицо своего мужа и готового к нападению Гаврика, Раиса Львовна вдруг почувствовала всем своим существом приближение какой-то большой новой опасности, значения которой она еще не понимала, но уже твердо знала, что эта опасность угрожает и ее Жоре, и ей, и всей их жизни.

— Ничего подобного, — сказала она запальчиво и не только не ушла в соседнюю комнату, о чем ее просил Гаврик, а наоборот, подбежала к столу, став рядом с Колесничуком и как бы желая его защитить от Гаврика.

Она слишком давно и слишком хорошо знала Гаврика. Она не могла не понимать, что внезапное появление его в эту роковую минуту в их доме означало нечто очень значительное и очень грозное.

— Ничего подобного, — сказала она. — Я не признаю никаких секретов. Можешь говорить при мне. Я его жена.

Она еще ближе придвинулась к Колесничуку и решительно обняла его за плечи.

Гаврик понял, что уговаривать ее бесполезно, на это должно уйти слишком много времени, а сейчас была драгоценна каждая минута.

— Ладно, — сказал он покладисто, — присутствуй. Я тебе доверяю. Но имей в виду...

Он свел глаза к переносице, насупился и упрямо опустил голову.

— Понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю.

Раиса Львовна посмотрела на Гаврика, и ее обдало холодом предчувствия.

— Что тебе надо? — совсем тихо сказала она. — Что ты с ним хочешь сделать?

— Во-первых, я его забираю из армии, — быстро сказал Гаврик, не давая ей времени опомниться и помешать ему сказать то, что он должен был сказать. — Во-вторых, я его оставляю в городе: он у меня будет держать комиссионный магазин на Дерibasовской восемнадцать — шикарное помещение, бывший магазин фотографических принадлежностей Иосифа Покорного, центр города, незаменимое место.

— Для чего незаменимое? — совсем уже тихо сказала она.

— Для чего бы ни было. Слушай здесь, — обратился Гаврик к Колесничуку, который с красным, вспотевшим лицом сидел, уставясь в пол, и тяжело дышал носом. — Слушай здесь, Жора. Дерibasовская угол

Екатерининской. Мы тебе подберем приличные вещи для магазина, чтобы было чем торговать первое время. Выдадим из ломбарда. А то все равно пропадут. Сумеешь торговать? В крайнем случае, если не сумеешь, мы тебе поможем, так что ты не дрейфь. Подумаешь, большое дело — брать на комиссию и продавать какие-нибудь самовары. Верно, Жора?

Он говорил очень оживленно, тоном, не допускающим возражения. Он то и дело пытливо всматривался в неподвижное лицо Колесничука. Через каждые две фразы он останавливался и спрашивал:

— Верно, Жора? Не так ли, Жора?

Тем не менее, Колесничук, и Раиса Львовна, и он сам отлично понимали, что он вдается в незначительные подробности, совершенно не касаясь главного.

Он распространялся насчет техники торговли, в то время как самое существенное заключалось в том, что, повидимому, Колесничук должен будет остаться в городе на подпольной работе.

Гаврик пытался как-то обойти этот самый важный вопрос, проскочить мимо него, представить дело, как уже решенное.

Но все понимали, что это еще далеко не решено, и это всех раздражало, в первую голову самого Гаврика. Ему даже сделалось жарко, и он расстегнул на шее крючок своего грубошерстного пальто.

Колесничук продолжал напряженно и, как показалось Гаврику, неодобрительно молчать.

Это начинало злить.

— Ну, что ж ты молчишь? Сомневаешься в своих силах? Я же тебе повторяю, чудило, что мы тебе поможем, посоветуем. Ну?

— Да ты что! — закричал вдруг Колесничук не своим голосом, и слезы выступили у него на глазах.

— А что? — невинно спросил Гаврик, как бы не замечая волнения Колесничука.

— Да ты что, смеешься надо мною, чи шо?

Колесничук надулся и стал красный, как бурак.

— Чи шо? — сказал он еще раз, со злобным наслаждением повторяя это шипящее украинское «чи шо».

— А чего?

Глаза Гаврика сделались совсем простодушными, детскими.

Надо было хорошо знать Гаврика, чтобы понять, сколько скрывалось настоящего, кипящего черноморского упорства за этим мнимым простодушием.

Теперь они смотрели друг на друга в упор — нос к носу, как двое мальчишек, готовых сию минуту подраться.

Незаметно для себя они оба довольно громко посапывали носами.

— Ты что от меня требуешь? — после некоторого молчания произнес Колесничук, нажимая на слово «что» и меряя Гаврика презрительным взглядом с ног до головы и с головы до ног и опять с ног до головы до тех пор, пока не уперся глазами в его глаза.

— Ша! — сказал Гаврик. — Только тихо!

— Я тебя спрашиваю, — сказал Колесничук, не слушая его, — я тебя спрашиваю, что ты от меня требуешь?

— Я от тебя ничего не требую.

— А что же ты делаешь?

— Я советую.

— Ах, ты советуешь! Он советует, — ядовито сказал Колесничук, показывая на Гаврика локтем, — слышишь, Рая, он мне советует. Ха-ха!

— Только тихо.

— Он мне советует дезертировать из Красной Армии и начать продавать этим немецким и румынским гадам всякое барахло. Спасибо вам. Большое русское спасибо от еврейского благотворительного общества.

— Ты уже кончил? — спросил Гаврик холодно.

— Нет, я еще не кончил! — закричал Колесничук, разъярясь с новой силой. — Я еще не кончил. Кому это ты советуешь? Офицеру Красной Армии? Ну? Чего ж ты молчишь?

— Я жду.

— Чего ты ждешь?

— Жду, когда из тебя выйдет весь пар. Ты кончил?

— Кончил.

— Теперь дай я,— еще холоднее сказал Гаврик и строго сдвинул брови. — Довольно лирики. Слушай здесь.

— Слушаю.

— Ну и слушай. Если я тебе советую, значит я имею на это согласие директивных и контрольных органов. Понятно?

— Понятно, — пробормотал Колесничук.

— Так вот, если понятно. Ты мне нужен. Я тебя беру.

Эти слова «ты мне нужен, я тебя беру» были сказаны с такой непреклонной простотой и вместе с тем с таким внутренним теплом и дружелюбием, что характер разговора сразу круто изменился.

Наступила серьезная тишина.

32

Семейный совет

Гаврик подошел к окну и потянул за черную бумажную штору светомаскировки, изношенную и изодранную, державшуюся на двух гвоздях. Штора оторвалась и упала, поползла с подоконника на пол, открывая окно с выбитыми стеклами и треснувшей рамой.

В комнату влетел ветер и погасил коптилку.

При белом дневном освещении комната со старым пианино, отодвинутым от стены, с пустой этажеркой, с вазочками, статуэтками и книгами, которые в беспорядке загромождали грязный паркет, имела еще более отчаянный и неприкаянный вид.

Среди этого беспорядка и странной тишины особенно зловеще звучал мрачный рокот артиллерии и до оскомины омерзительно, точно кто-то все время, тупо, с нажимом, писал на мокром стекле пальцем большое прописное «О», где-то высоко в небе визжали на разные лады — от самых высоких, нестерпимо острых, до низких, тошнотворно басовых — истребители.

Теперь то, что сказал Гаврик, приобретало новый смысл, гораздо более глубокий, обширный и грозный, чем это казалось минуту назад при темном свете коптилки в сумраке пустой, брошенной жильцами коммунальной квартиры.

И Раиса Львовна и Колесничук оба совершенно ясно поняли этот смысл. Они поняли, что в их жизни происходит разительно резкая перемена, что они стоят на пороге какого-то совершенно нового бытия, ничего общего не имеющего ни с этой жалкой, ободранной квартирой, ни с этими привычными вещами, ни с привычными представлениями о самих себе, одним словом, ни с чем прошлым.

Со всей глубиной и ясностью они поняли, что это к ним вошел не просто Гаврик Черноиваненко, старый приятель, друг детства, упрямый

чудак-черноморец — это к ним пришла сама Партия, сама Родина, которая сказала Колесничуку так же, как она сказала тысячам и миллионам людей в эти роковые дни:

— Ты мне нужен. Я тебя беру.

И сказала не только это, а как бы сказала еще:

— Я беру тебя потому, что ты старый, верный друг, потому, что я верю тебе, потому, что на тебя можно положиться.

— Ну? — сказал Гаврик, протягивая Колесничуку руку.

Колесничук посмотрел на жену.

Она стояла близко возле него, сильно побледневшая, перебирая ледяными пальцами бахрому платка.

Как непохожа была она теперь на ту оживленную, красную, иссиня-черную, приветливую Раису Львовну, которая с таким удовольствием, с такой большой радостью готовила, бывало, для мужа и его друзей замечательные одесские блюда и которая так умела и так любила накормить и напоить человека, пришить пуговицу, выстирать рубашку, сбегать на рынок, сыграть на пианино, ударив по жалким дребезжащим клавишам, попури из украинских опер или спеть своим низким, очень сильным грудным голосом «Виют витры», а иногда даже и станцевать русскую, обмахиваясь платочком и блестя глазами, влажными, черно-синими, как виноград «Изабелла».

Колесничук смотрел на нее и видел ту, другую, очень давнюю Раису Львовну, Раичку их молодости, гимназистку частной еврейской гимназии, с худым, бледным лицом, с холодными, длинными, так называемыми музыкальными пальцами и опущенными ресницами, бросающими дрожащую лазурную тень на фарфоровые щеки.

Она стояла так близко от него, но она не могла защитить его. Он уже не принадлежал ей. Им уже безраздельно владела воля Родины, которая в грозный час посмотрела на него и сказала:

— Я беру тебя.

— Он же беспартийный, — с робостью и надеждой прошептала Раиса Львовна. — Он же ничего в этом не понимает.

— Вот это именно нам и треба, — сказал Гаврик весело. — Нехай беспартийный. Тем и лучше. Бухгалтер, беспартийный, русский, — стал он загибать пальцы, — немолодой, окончил реальное училище до Октябрьской революции, бывший прапорщик, ничем с их точки зрения не запятнанный. Красота. Ну?

Он продолжал стоять перед Колесничуком — маленький, сухой, настойчивый, Гаврик его детства со сморщенным пестрым носиком — и протягивал ему руку.

— Ну что же, — со вздохом сказал Колесничук. — Раз треба, значит треба. Я, конечно, не возражаю.

И они крепко пожали друг другу руки.

— Сделано, — сказал Гаврик, торопясь перейти к подробностям и не слишком затягивать дело, так как времени у него было в обрез и он торопился в другие места. — Теперь слушай здесь. Хорошенько запоминай, что я тебе буду говорить...

Но тут Гаврик мимолетно взглянул на Раису Львовну и замолчал, пораженный выражением ее лица.

Оно было неподвижно. Открытые глаза, несмотря на всю свою черноту, казались прозрачными и смотрели будто сквозь предметы, в какую-то таинственную, неизмеримую даль.

Горькая, сухая, но решительная складка лежала вокруг ее распухших губ.

— А я? — сказала она очень ровным, почти монотонным голосом, не изменяя выражения неподвижного лица. — А меня куда вы денете?

Гаврик ожидал этого вопроса, и у него готов был ответ.

— Я тебя устрою на военный транспорт.

Ни направление ее прямого взгляда, ни выражение лица не изменилось. Она попрежнему стояла совершенно неподвижно, как каменная.

— Значит Жора останется здесь, а я уеду на военном транспорте? — сказала она тем же голосом — монотонным и ужасным в своей безжизненной монотонности.

— Ты же сама понимаешь... — пробормотал Гаврик в смущении и покраснел.

Да, она понимала.

Она слишком хорошо понимала, что остаться с мужем в городе, занятом румынами и немцами, для нее невозможно. Хотя она и носила фамилию Колесничук, но все же она была еврейка, и скрыть это было невозможно.

Сделав усилие, она сбросила с себя оцепенение и жгучими глазами посмотрела на мужа.

Теперь ее лицо было просто ужасно, во всей силе решимости и страсти.

— А как же иначе, — осторожно сказал Колесничук, беря ее за руку. — Как же иначе, Райчка?

Она с силой вырвала свою руку, отошла на шаг назад и вдруг рванулась, упала к нему на грудь, обхватила и стиснула его голову.

— Вы не смеете... ты не можешь... никто не смеет! — закричала она, не стесняясь своего крика. — Где он — там и я. Не уеду. Даже не подумаю. Делайте со мной что хотите. Хоть убейте!

Она беспорядочно забормотала, выкрикивая отдельные слова, не имеющие между собой никакой связи.

Она упала на колени, не выпуская из стиснутых рук голову Колесничука. Интендантская фуражка свалилась на пол и покатилась.

Раиса Львовна покрывала поцелуями взъерошенную голову Колесничука, его поредевшие волосы.

Гаврик слишком хорошо знал ее характер, чтобы не ожидать сопротивления, но он никак не мог предположить, что в этой добродушной женщине может оказаться столько страсти, столько сумасшедшего упорства.

Он сразу понял, что уговорить ее совершенно невозможно. Он опешил. Перед ним встало непреодолимое препятствие женской любви и верности. Но не такой был человек Гаврик, чтобы отступить. У него было слишком мало времени. Он торопился. И со свойственной ему решимостью, одним махом он перескочил через это препятствие.

— Довольно лирики, — сказал он почти грубо, высоким, петушиным голосом, показывающим крайнюю степень нетерпения и решимости.

Он настойчиво сжал рот.

— Перестань его терзать. Слышишь, Райка, что я тебе говорю?

Она не обращала на него внимания. Он схватил ее за платок и дернул.

— Довольно лирики! — яростно крикнул он. — Всё в порядке. Слушай здесь.

Он оттащил ее от Колесничука и силой заставил сесть.

В конце концов она, так же как и Колесничук, была его старинным другом.

Он помнил ее еще девочкой-гимназисткой, а потом слушательницей Высших женских курсов.

Она не всегда была такой, как теперь. — женой своего ничем не замечательного, скромного мужа, хлебосольной хозяйкой, доброй немолодой женщиной, преданной своему скромному домашнему очагу.

Гаврик хорошо помнил, как она, молоденькая курсистка с остриженными волосами — что в те времена было необходимой принадлежностью революционной курсистки — в семнадцатом году, с красным бантом на груди, в черном весеннем пальто мчалась по улицам Одессы на грузовике среди вооруженных солдат и матросов Румчерода, как тонко раздувались ее ноздри и какой жаркий румянец светился на ее фарфоровых щеках. Ветер трепал георгиевские ленты матросских шапок, трепал атласные банты, трепал ее стриженные, курчавые волосы, и она на всю улицу, не стесняясь, пела своим сильным контральто «Варшавянку» и «Вышли мы все из народа».

Правда, ее девичий порыв быстро угас.

Она вышла замуж за скромного, солидного, лишенного фантазии Колесничука.

Они очень любили друг друга. И они прекрасно жили простой, обыкновенной, даже может быть немного скучноватой человеческой жизнью. Были в их жизни радости, были и печали.

Гаврик любил ее так же, как он любил ее мужа. Он ей верил. Он знал, что она попросту и без всяких хитростей «хороший человек». А это в глазах Гаврика было, быть может, самое ценное качество.

Кроме того, у нее не было детей, у нее не было родственников. У нее было в жизни мало привязанностей. Собственно, была одна настоящая привязанность — муж. Это тоже имело большое значение.

И Гаврик быстро принял смелое решение.

— Слушай здесь, — сказал он и озабоченно наморщил свой выпуклый лобик. — Если хочешь, я тебя беру тоже. Конечно, я тебя не оставлю наверху, а ты пойдешь с нами вниз.

Он энергично повернул свою маленькую, крепкую руку, выставил большой палец, взвел его, как курок, и ткнул им вниз, в пол, с такой силой, что на его виске обозначилась зубчатая, склеротическая гармоника.

— Вниз, — повторил он со значением, с нажимом. — Понятно?

Она ничего не ответила.

Она только прикрыла глаза выпуклыми, порозовевшими веками с лазурными жилками и черными, густыми ресницами, в которых еще переливались капельки.

«Во-первых, во-вторых, в-третьих...»

В эти тягостные, торопливые, последние дни перед эвакуацией в городе все хорошие люди научились понимать друг друга с полуслова, с одного взгляда.

Если не умом, то сердцем Раиса Львовна тотчас поняла не только то, что Гаврик сказал, но также и то, чего он не сказал, не имел права пока сказать прямо, на что только намекнул.

Может быть, она поняла даже больше того, что понял Колесничук.

Всей своей душой она ощутила и до конца осознала тот жуткий, но неизбежный поворот, который в этот миг совершался в ее жизни.

С этого мига она перестала бояться. Теперь, когда все стало ясно и определено, ее душа как-то вся расширилась, окрепла. Раиса Львовна с облегчением почувствовала полную готовность делать то, что от нее

требовала Родина, хотя она и не вполне еще понимала, что именно она должна была делать.

С этого мига ее воля радостно и охотно подчинилась воле Гаврика.

И в то время, когда Гаврик коротко, но неторопливо, пункт за пунктом, загибая пальцы с побелевшими от напряжения косточками — «во-первых, во-вторых, в-третьих...» — давал ее мужу и ей инструкции, она с легким сердцем оглядывала комнату, как бы прощаясь со своей прежней жизнью, с кафельной печкой с гипсовым серо-зеленым медальоном посредине, со старыми вещами и вещицами, с мебелью — со всем тем, что уже потеряло в ее глазах всякое значение и чего ей было совершенно не жаль.

В эту же ночь — тревожную, непроглядную ночь с потайными фонариками комендантских патрулей, проверяющих на перекрестках пропуска, с выбеленными стволами уличных акаций, с обочинами мостовых, тускло светящихся фосфорной краской, с передвигающимися, как часовые стрелки, туманными полосами прожекторов над морем, с визгом и рокотом невидимых ночных истребителей, с грубым шорохом и шарканьем сапог проходящих впотемках воинских частей, с синими фарами автомобилей, с приглушенными голосами, с лязгом танков, со вспышками зажигалок, с отсветами пожаров, со всей молчаливой неурядицей ночного города, оставляемого отходящей армией, — Гаврик объявил всем людям, которых он брал с собой, приказ о переходе в подполье. Переделав множество дел, побывав вместе с Колесничуком в городском ломбарде, где на полках и столах, во тьме, при свете электрического фонарика и при зареве пожаров, светящихся в решетчатых, готических окнах, блестели и дрожали от канонады самовары, швейные машины, граммофоны, посуда, стенные часы с ноющими, трясущимися пружинами, как будто бы у них было сердцебиение, и со множеством тех предметов домашнего обихода, которые всегда кажутся незаменимыми и красивыми дома и которые приобретают в ломбарде и на толкучке жалкий вид никому не нужной рухляди; наконец, побывав в типографии, где два зеленых от бессонницы рабочих допечатывали на американке маленькие розовые листовки, написанные и заказанные Гавриком накануне, затем, получив два грузовика и погрузив ящики, — на исходе ночи Гаврик велел Святославу ехать за город в сторону Усатовых хуторов.

Катакомбы

Некогда весь юг Украины, то, что раньше называлось Новороссия, было дном моря.

Одесса построена из местного материала, так называемого «ракушника».

Это легкий, пористый камень светложелтого цвета, образовавшийся из морских отложений.

Вокруг Одессы и под самой Одессой неисчерпаемые залежи этого камня.

Ракушник необыкновенно легко поддается обработке. Его можно без труда резать простой пилой или даже ножом. Обычно его вырезают в виде довольно больших прямоугольных брусьев, похожих на пастилу.

Из этой легкой, почти хрупкой пастилы в Одессе складывают дома, заборы, делают скамейки. Из нее высекают надгробные памятники:

кресты, саркофаги и печальных кладбищенских ангелов с опущенными руками и грубо выделанными крыльями.

Из ракушника была построена древняя турецкая крепость Хаджибей. Ее живописные руины, поросшие наверху бурьяном, ее полукруглые арки, за которыми всегда так ярко и так дико, особенно при сильном береговом ветре, синее густой, как синька, залив с розовой полосой Дофиновки, с сухими плоскогорьями далекого берега, переходящего из тона в тон, все бледнеющего и бледнеющего и, наконец, сливающегося с горизонтом, за которым уже чувствуется жаркое перламутровое море Крыма,—еще и теперь стоят на самом краю обрыва в Парке культуры и отдыха имени Шевченко.

Этот парк в мире петинного и гаврикиного детства назывался Александровский парк, и ракушниковые арки древней крепости, яркий изумрудный газон с кустами необыкновенных, густых алых роз посредине, со скрипом гравия под колесами маленьких дрожек, запряженных пегими козликами, на которых за пяточок возили богатых детей три раза вокруг газона,—все это почему-то было тесно связано со словом «ракушник».

Из ракушника построены окрестные села — все эти Дальники, Сербки, Сычавки, Александровки,—железнодорожные станции, депо, водоканалы и хутора, в том числе и Усатовы, куда велел ехать Гаврик.

Уже около двухсот лет, если не больше, производится разработка этого строительного материала из множества шахт и каменоломен.

Понятно, что эта разработка в большинстве случаев производилась беспорядочно, без всякого плана. Каждый строитель, каждый мелкий подрядчик вырезывал для себя камень там, где это ему было наиболее удобно и выгодно.

Так, с течением времени под Одессой образовались пустоты, равные по своему объему самому городу со всеми его пригородами и слободками.

Это и есть знаменитые одесские катакомбы.

В прошлом они сыграли большую роль в истории города. Теперь им снова предстояло сыграть такую же, если не большую роль.

Одесские катакомбы стали традиционным местопребыванием одесского революционного подполья.

Гаврик хорошо помнил — хотя с того времени прошло более тридцати пяти лет — он хорошо помнил ту черную, приморскую ночь, густо осыпанную яркими созвездиями, когда по всему побережью хлопали выстрелы браунингов и полицейских смит-вессонов и он, маленький Гаврик, бежал, перепрыгивая со скалы на скалу, и видел, как по крутому, почти отвесному обрыву, озаренные млечным звездным светом, карабкались три черных фигурки Терентия и комитетчиков.

— Тикайте! Тикайте! — кричал Гаврик в отчаянии, прислушиваясь к звукам погои.

Он совершенно не понимал, зачем Терентий выбрал для бегства это направление. Надо сойти с ума, чтобы лезть вверх. Там, в садах и на дачах, непременно засада, и наверняка их там схватят городовые. Лучше было бы проскользнуть вдоль берега. И вдруг он понял, зачем им понадобилось лезть на обрыв. Терентий повел их в катакомбы. Недаром же Терентий в свое время был рыбаком. Он отлично знал одесский берег и в точности изучил все выходы катакомб к морю.

Один из таких выходов и был, повидимому, позади дедушкиной хибарки, посредине высокого обрыва.

Впоследствии Гаврик обнаружил этот выход, в котором бесследно исчезли комитетчики: узкую щель в скале, сплошь заросшую шиповни-

ком и бересклетом. Маленький ручеек просачивался из щели и бежал вниз по обрыву, с камня на камень, заставляя вздрагивать ползучие растения и бурьян.

В годы столыпинской реакции в катакомбах скрывались остатки разгромленных боевых организаций одесского пролетариата.

В 1918 году, во время первого немецкого нашествия, в темных, непроходимых лабиринтах одесских катакомб партия большевиков организовала отпор вильгельмовским оккупантам. Это отсюда вышли на свою неслыханно дерзкую операцию оставшиеся неизвестными героини-большевики, взорвавшие колоссальные австро-германские склады боеприпасов летом того же 1918 года.

Гаврик хорошо помнил этот день, когда вдруг за вокзалом быстро поднялось в небо черное, как тушь, облако зловеще правильной формы, облако первого взрыва.

Он как раз в это время шел через Куликово поле к Петьке.

В угрожающем молчании облако поднялось в небо.

Гаврик остановился, не понимая, что происходит, но сразу почувствовал приближение небывалой катастрофы.

Еще длилась странная, неестественная, подавляющая тишина, но уже от вокзала над Куликовым полем шли одно за другим огромные полотнища сдвинутого воздуха, и было явственно ощутимо — в особенности барабанной перепонкой — их колеблющееся, упругое давление.

Где-то далеко с водянистым мелодичным звоном свалилось по карнизам выдавленное оконное стекло и разбилось вдребезги.

Над вокзалом поднялось быстро еще два или три таких же правильных, страшных облака. И тогда только дошел звук взрыва.

Он потряс весь город.

Небо потемнело, и солнце, как во время неполного затмения, блеснуло над пыльными крышами металлически-белой звездой.

Люди бросали дома и в ужасе устремлялись на берег моря. Появились тележки со скарбом. Толпы бежали по улицам, заполняя приморские бульвары, переулки и дачи. На морском берегу, под обрывами, разбивали шатры. Это было похоже на последний день Помпеи.

Немецкие склады один за другим взлетали на воздух. Высоко вверху, под зловещими тучами с багровыми краями, рвались ящики с шрапнелью и патронами.

Взрывы продолжались несколько дней и начисто разрушили весь привокзальный район.

Во времена интервентов, деникинцев и врангелевцев в катакомбах находился одесский подпольный ревком, руководивший разгромом контрреволюции. Тогда здесь была оборудована прекрасная типография и в течение шести месяцев издавалась большая ежедневная газета «Известия».

После этого более двадцати лет катакомбы пустовали. О них понемногу стали забывать.

Катакомбы становились туманной, поэтической легендой города.

Они таинственно тянулись где-то глубоко под землей, под городом, под хуторами, под степью запутанным лабиринтом в несколько сот километров.

Они имели великое множество разветвлений, петель, закоулков, тупиков. Сотни выходов, щелей, шахт и колодцев соединяли лабиринты катакомб с поверхностью земли.

Да, они были почти забыты — знаменитые одесские катакомбы. Но Гаврик всегда помнил о них. Два слова — «Революция» и «катаком-

бы» — два, может быть, самых первых слова из страны его нищего детства навсегда слились в его душе и навсегда остались в ней напоминанием того, что его жизнь есть борьба.

Гаврик всегда в глубине души чувствовал, что катакомбы еще когда-нибудь пригодятся.

И это время наступило.

Он выбрал катакомбы Усатовых хуторов, так как они находились на территории его будущего подпольного Пригородного района.

В детстве Гаврику приходилось бывать в этих местах.

Однажды он с Петькой Бачей специально ходил сюда из города, чтобы проникнуть в катакомбы. Это была пора их увлечения Нат-Пинкертоном, знаменитым американским сыщиком. Их манили таинственные чердаки, темные подвалы, безмолвные пустыри, где в каждой мелочи, в каждой бумажке, в каждом сломанном сучке и в каждом волоске им чудились следы кровавых преступлений и тайные улики.

Гаврик запомнил за кладбищем Усатовых хуторов, на черством выгоне, покрытом сухими коровьими лепешками, в глубине оврага узкую щель в скале. Она поросла бурьяном, жесткими колючками будяков и паслёном.

На камне грелась бирюзовая ящерица.

Осыпаемые мелкой известняковой пылью, мальчики пролезли в щель.

Гаврик помнил первую, довольно просторную пещеру — каменоломню — почти комнату или скорее залу, вырезанную пилами в подземной скале ракушника: оттуда местные жители некогда добывали строительный материал для своих хуторских домиков и глухих, высоких заборов.

Здесь был ровный каменный потолок и земляной, пыльный, неровный пол. Стены представляли собой вырезанные гармоникой уступы.

Здесь было еще довольно светло от зеленого солнечного луча, слабо пробивавшегося сквозь заросшую щель входа, но было как-то душно, неподвижно, пасмурно.

Мальчики сразу покрылись теплой испариной. Затаив дыхание и трогая локтями друг друга, они осматривались по сторонам. Они увидели черный крест, выкопченный на низком ракушниковом потолке страстной свечкой.

Было до жути тихо.

Дальше они не пошли. Дальше, в глубине пещеры, там, где начинался суживающийся ход самой катакомбы, было тесно, темно и, сказать по правде, очень страшно.

35

Тридцать пять лет спустя

Гаврик велел поставить машины под стеной Хаджибзевского парка и дожидаться, а сам пошел к Усатовым хуторам.

Был тот глухой, предрассветный час мертвого покоя и тишины, который иногда случается даже на фронте, в самой непосредственной близости к неприятелю.

Осветительные ракеты, и те взлетали очень редко.

Время от времени посвечивая под ноги электрическим фонариком, Гаврик сначала прошел с полкилометра по сильно разъезженной прифронтальной дороге с глубокими, затвердевшими колеями, мимо глухих каменных заборов и темных каменных домиков, потом свернул в сторону и спустился в каменистую балочку, поросшую сухим репеем.

Где-то здесь был вход в катакомбы.

Гаврик стал осторожно и очень медленно продвигаться вперед по дну балки, пристально всматриваясь в темноту.

Он видел в темноте не хуже кошки. Но здесь было так темно, что и кошка бы ничего не увидела.

Гаврик поводил фонариком по склону балки. Проворный свет скользнул белым зайчиком и вытянулся вперед, выхватывая из темноты зубчатые углы ракушниковых скал и сухие заросли будяка с белым светящимся пухом поспевших головок.

«Похоже, что здесь», — подумал Гаврик. Он потушил фонарик и остановился. Ему показалось, что впереди, сбоку, он видит слабый свет, как бы проникающий из-под земли. Это был даже не свет, а какое-то еле различимое глазом отражение света. Гаврику показалось, что он слышит очень глухие, очень слабые голоса — отражения голосов, — выходящие из-под земли.

И в ту же минуту сбоку на него упал яркий луч электрофонаря, и он увидел у своего лица дуло автомата.

— Стой!

— Стою.

— Пропуск?

— Москва. Отзыв?

— Мушка.

— Верно.

Зайчик электрического фонарика скользнул по Гаврику.

Не опуская автомата, направленного прямо в лицо Гаврика, часовой продолжал с недоверием рассматривать этого маленького человека в гражданской одежде, который стоял перед ним, засунув руки в карманы бобрикового пальто.

Несмотря на то, что человек этот знал пропуск, он не внушал часовому никакого доверия. Он раздражал часового своей независимой, «глубоко штатской» позой и спокойным, выжидательным выражением досадливо прищуренных глаз, в которые бил свет электрического фонарика.

— Потуши, ради бога, фонарик, — сказал Гаврик, морщась.

— А ну, руки из карманов! — грубо крикнул часовой.

Гаврик усмехнулся и вынул руки из карманов. Это еще больше рассердило часового.

— Чего здесь надо?

— Командный пункт дивизии, — сказал Гаврик.

— Для чего?

— Для чего бы ни было.

— Документы!

— Ладно, — сказал Гаврик, — ты на меня не кричи, а веди меня на командный пункт.

— Документы, говорю.

— Документы — не твоя забота.

Тут часовой потерял всякое терпение. Он сердито затоптался на месте, не находя слов.

— Ложись! — крикнул он вдруг строгим голосом.

— Ну, ну, не сердчай, — миролюбиво сказал Гаврик, которого ужасно развеселил молодой, петушинный голод часового, его владимирская, с сильным оканьем скороговорка.

Но часовой, видно, был парень злой, несговорчивый.

— Ложись, не разговаривай! — крикнул он еще более свирепо. — Кому говорю? А то сейчас как дам из автомата.

Гаврик понял, что тут не до шуток. Кряхтя, он торопливо лег на землю лицом вниз, в одно и то же время злясь и восхищаясь этим непреклонным пареньком с автоматом.

— Ну, и что же дальше? — сказал он глухо, в землю.

— Лежи и не разговаривай, — сказал над ним строгий голос непреклонного паренька.

«Ну, и черт с тобой», — подумал Гаврик, с наслаждением вытягивая ноги. Он не ложился уже дня четыре и теперь вдруг почувствовал большое удовольствие от того, что можно спокойно полежать.

Однако это наслаждение продолжалось недолго.

Каким-то образом, очевидно помигав фонариком, часовой вызвал себе на помощь еще кого-то, так как Гаврик услышал приближающиеся шаги и новый голос, сказавший над ним:

— В чем дело?

— Да вот, задержал тут какого-то. Пропуск сказал, а документы не предъявляет. Ищет командный пункт.

— Веди его во второй отдел.

Часовой велел Гаврику встать и идти вперед. Но едва Гаврик сделал на ощупь шагов десять, как часовой приказал повернуть направо. Гаврик не понял, куда надо повернуть, так как вокруг было совершенно темно. Но часовой тронул его между лопатками и сказал:

— Ну, чего остановился? Лезь, лезь.

Тогда Гаврик увидел среди сухого бурьяна слабо освещенную щель в скале. Он боком полез в нее. Из-под каблучков посыпались камешки. Хватаясь за скалу, чтобы не упасть, Гаврик побежал вниз, срываясь с камня на камень, и вдруг очутился в подземной комнате, освещенной маленькой штабной электрической лампочкой, которая висела над столом на шнурке из прозрачной пластмассы.

Гаврик сразу узнал эту комнату.

Несомненно, это была та самая таинственная пещера его детства, куда он однажды лазил вместе с Петькой Бачей в ту пору, когда они увлекались кладами и сыщиками.

Самое удивительное было то, что комната совсем не изменилась. Даже воздух — тепловатый и неподвижный, как бы застывший воздух давно прошедших лет — был, казалось, тем самым воздухом гаврикиного детства, которым он дышал здесь вместе с Петей Бачей тридцать пять лет тому назад. Сохранился даже черный крест, выкопченный страстной свечкой на покато́й плите низкого потолка каким-нибудь набожным каменотесом.

Но только тогда в пещере было пусто, теперь же стояли два грубо сколоченных стола с картами и карандашами, перед которыми на ящиках сидели четыре командира: два майора, капитан и батальонный комиссар.

Майор с малиновыми петлицами на гимнастерке, бросив на Гаврика беглый, но внимательный взгляд, потребовал предъявить документы и в то же время свернул карту, лежавшую на столе. Правая рука его неподвижно висела на перевязке защитного цвета, видимо выкроенной из куска палатки и пришпиленной к груди английской булавкой.

Майор с черными петлицами на плаще и капитан с малиновыми петлицами на гимнастерке, сидевшие за столом в глубине, внимательно посмотрев на вошедшего, продолжали разглядывать карту, развернутую на столе. Но батальонный комиссар, сидевший за передним столом, продолжал наблюдать за вошедшим.

Гаврик, не торопясь, расстегнул пальто, достал из внутреннего бокового кармана бумажник, покопался в нем и протянул майору листок,

сложенный вчетверо. Действуя одной левой рукой, майор так и этак пошлепал бумажкой по столу, развернул ее, разгладил перед собой локтем и прочел один раз, а потом еще и другой раз. После этого он снова бросил на Гаврика беглый, но внимательный взгляд голубых, утомленных, несколько на выкате глаз и сказал:

— Товарищ Гаврик?

— Так точно,— сказал Гаврик, впадая в военный тон.

— Вы лично?

— Я лично.

Тень улыбки и даже некоторого любопытства промелькнула по сухому, худощавому лицу майора со свежесбрившими, лазурными щеками и темными подстриженными усами с сединой.

Однако тотчас лицо его приняло прежнее отсутствующее выражение, и он сказал:

— Хорошо. Я уже поставлен в известность. Прошу вас одну минуточку повременить. Маруся! — сказал он, слегка нагибаясь за край стола. — Соедините меня с главным хозяином.

Только сейчас Гаврик заметил девушку-телефонистку в пилотке и ватнике, которая сидела на корточках, прислонившись спиной к ракушниковой стене, на которой висело несколько телефонов в кожаных футлярах.

Девушка-телефонистка тотчас покрутила ручку аппарата, подула в кожаную трубку, сказала несколько слов и поднесла трубку к самому уху майора. Майор прижал трубку плечом к щеке, поправил здоровой рукой и сказал:

— Докладывает второй. Вы приказали доложить, если в мое расположение попадет... — он несколько замялся, подыскивая подходящее слово, — если в мое расположение попадет один человек со специальным заданием. Так он уже у меня. Да. Находится рядом. Проверил. Номер семь семнадцать ноль восемь дробь четырнадцать,— сказал он, искоса взглянув на бумажку. — Точно. Какие будут ваши приказания? Слушаюсь. Сейчас передаю.

Майор поманил Гаврика здоровой рукой и показал ему глазами на телефонную трубку:

— Возьмите. С вами сейчас будут говорить.

Не вполне понимая, кто именно будет с ним говорить, удивляясь и вместе с тем чувствуя большое удовольствие от того строго военного порядка, который царил здесь во всем, несмотря на такую тяжелую обстановку, связанную с оставлением армией города, Гаврик взял трубку, подул в нее и сказал:

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте, — услышал он негромкий и неторопливый голос с рокошущими генеральскими низами пожилого и уверенного в себе человека.

— С кем я разговариваю? — сказал Гаврик.

— С главным хозяином, — услышал он в ответ.

— Здравия желаю, — сказал Гаврик, вытягиваясь по старой солдатской привычке, вьезшейся в него еще со времени первой мировой войны.

— Назовите себя, — сказал генеральский голос.

— Гаврик, — сказал Гаврик, называя свою партийную кличку.

— Фамилия?

— Черноиваненко.

— Номер документа?

— Семьдесят одна тысяча семьсот восемь дробь четырнадцать.

— Правильно. Хорошо. Желаю вам успеха.

— Покорно благодарю.

— Подождите, не кладите трубку. Сейчас вам скажет пару теплых слов еще один хороший человек, — в отдаленном голосе генерала слышалась веселая отеческая нотка.

И тотчас Гаврик услышал хорошо знакомый голос первого секретаря обкома:

— Ну, стало быть, еще раз здравствуйте, товарищ Гаврик. Теперь вы уж, наверно, не скоро услышите мой голос. Хотя, чем черт не шутит. Судьба играет человеком. Вы уже свое хозяйство перевезли?

— Перевез.

— И уже выгрузили?

— Нет, еще на колесах.

— Так вы поторапливайтесь. Имейте в виду — остались считаные часы. Вы уясняете себе, что это значит?

— Уясняю.

— Вполне?

— Вполне.

— Так действуйте.

— Слушаюсь.

— И в дальнейшем самым строгим образом придерживайтесь инструкций. Вам это ясно?

— Абсолютно.

— Ну, еще раз желаю вам всего наилучшего.

— Как говорится, наилучшего.

— Вот именно. Наилучшего. Среди людей поддерживайте самую суровую дисциплину. Это главное.

— Будет исполнено.

— Стало быть, еще раз крепко вам жму руку. Всего наилучшего. Обнимаю вас и весь ваш район. Не исключено, что вам придется гораздо труднее, чем мы предполагаем.

— Не имеет значения, — сказал Гаврик. — Счастливого пути. До скорого свидания.

— Скорого свидания не обещаю.

Гаврик некоторое время постоял молча с трубкой возле уха. Он прислушивался. Но он больше ничего не услышал.

36

В подполье

Он и до сих пор чувствовал себя достаточно твердо, уверенно. Но после этого короткого и как бы не слишком значительного телефонного разговора с первым секретарем он почувствовал еще больший прилив энергии и даже радости, если только можно было говорить о радости в эти тягостные дни.

Он с радостью понял, что та прямая, привычная связь с партией, без которой ему трудно было представить свое существование, не обрвалась.

Наоборот, эта связь даже как бы усилилась. Она только приобретала другие формы.

Партия незримо и внимательно следила за каждым его шагом, в любую минуту готовая ему помочь и направить.

Гаврик, привыкший к «старому подполью», которое, кстати сказать, и тогда уже было организовано очень толково, был поражен тем, насколько оно тщательно организовано и подготовлено теперь. Не успел Гаврик войти в пещеру и назвать свою партийную кличку незнакомому майору, как тотчас услышал в ответ: «Хорошо. Я уже поставлен в известность». Стало быть, его уже здесь ждали и ему готовы помочь. И потом этот рокошущий басок «главного хозяина обороны», и такой знакомый, далекий и вместе с тем близкий голос первого секретаря, и его милое «наикращего», и его полное глубокого значения «скорого свидания не обещаю».

Все это внушало непоколебимую уверенность в том, что и в самом близком будущем, когда через несколько дней, а быть может даже и часов он останется один с горсточкой своих людей, оторванный от всего мира, глубоко под землей, окруженный со всех сторон врагами, он не останется одиноким.

Он был уверен, что и тогда не порвется его связь с партией.

Как будет осуществляться эта связь, он еще во всех подробностях не знал, но у него уже была радостная уверенность, что незримые друзья будут совсем близко, может быть рядом.

Первый секретарь сказал: «скорого свидания не обещаю».

На первый взгляд эта фраза могла показаться очень мрачной, почти безнадежной. Но только не для Гаврика. Не такой человек был Гаврик, чтобы поддаваться первому мрачному впечатлению. Его живой, острый ум сразу же уловил в этой фразе самое главное, самое существенное, и это главное состояло в том, что в этом «не обещаю» именно и заключалось твердое обещание хотя и не скорого, но все же свидания.

Первый секретарь говорил по телефону не из обкома, а откуда-то из штаба обороны. Из этого Гаврик заключил, что обком уже эвакуирован и что все руководящие работники уже присоединились к армии.

Возможно, что уже образован и приступил к работе подпольный обком, который в данную минуту, так же, как и сам Гаврик, устраивается где-то на новом месте. Он был уверен в этом.

А сколько еще маленьких подпольных райкомов, специальных групп, работников-одиночек, партизанских отрядов готовилось в эту минуту к переходу в подполье!

А сколько их было рассеяно по всей территории, захваченной врагом!

По строгим законам конспирации они, может быть, даже и не знали о существовании друг друга. Они об этом могли только догадываться. Они были разобщены между собою. Но от них, от каждой группы, тянулась тоненькая, еле заметная ниточка, и все эти ниточки сходились где-то в одной точке, откуда, как электрический ток, по всем направлениям распространялась неиссякаемая энергия единой партийной воли.

Размышления Гаврика прервал майор.

Он, бегом взглянув на ручные часы, сказал:

— Мне приказано оказать вам всяческое содействие. Не будем откладывать. Видите, у меня уже на КП почти никого нет. Через два с половиной часа здесь вообще не останется ни одного красноармейца. Мы — последние. Учтите это.

— Так, — сказал Гаврик, сжимая брови. — Так. Стало быть... Стало быть, город... — ему трудно было произнести эти страшные слова. Просто не поворачивался язык. В горле стало сухо. Щеки похолодели.

Гаврик давно уже был готов к этому. И все же, когда это наступило, трудно было совладать со своим сердцем.

Сердце болело, кровоточило...

Оно болело не фигурально, а болело по-настоящему, как может болеть раненая рука. Оно сжималось, горело, ныло.

Делая усилия, чтобы не заплакать, и сердясь на себя за эту слабость, Гаврик еще крепче сжал брови, решительно подтянул кушак с пистолетом и почти грубо сказал:

— Стало быть, город сдают сегодня?

Но майор посмотрел ему прямо в глаза, холодно, даже как-то враждебно и повторил:

— Через два часа двадцать семь минут здесь уже не останется ни одного красноармейца. Не будем задерживаться. Где вы оставили свое хозяйство?

— Под северо-западной стеной Хаджибеевского парка.

— Что у вас там?

— Одна легковая машина и два грузовика с имуществом и продуктами.

— Все люди остаются с вами?

— Нет. Шоферы грузовиков — случайные. Я их отправляю назад.

— Тогда не имеет смысла подтягивать сюда ваш транспорт. Лучше, чтобы случайные люди не знали, где находится ваш вход.

— Я тоже так думаю.

— Стало быть, вам придется переносить свой груз на руках.

— Безусловно.

— Справитесь?

Гаврик задумался. Груза было довольно много.

— На всякий случай, — сказал майор, — я вам дам двух бойцов и одного сопровождающего, чтобы вас каждую минуту не останавливали.

— Спасибо.

— Сейчас как раз самое удобное время: начинается отход боевых охранений и вывод оставшейся техники. Так что вы затеряетесь среди встречного и попутного движения транспорта и людей.

— Это очень кстати.

— Об этом и речь. Что касается обстановки, то картина в настоящий момент такая...

Майор разгладил локтем на столе потрепанную трехверстку, испещренную разноцветными пометками: стрелками, цифрами, зубчатыми линиями, буквами, ромбиками и кружками, и, положив на нее светящийся компас, ловко ориентировал ее на север и на юг.

— Пожалуйте сюда.

Гаврик придвинулся к столу. Майор еще раз бегло осмотрел его маленькую штатскую фигурку, которая, несмотря на сапоги и на офицерский пояс с наганом поверх бобрикового пальто, имела все же весьма мирный вид, и с холодноватой вежливостью спросил:

— Простите, вы карту читать умеете?

Глаза Гаврика сверкнули.

— Или! — сказал он сквозь зубы и, облокотившись на стол, деловито достал из бокового кармана карандашик. — Давайте обстановочку. Я вас слушаю.

Леонид Цимбал

Кроме Гаврика, Раисы Львовны, Святослава, их было в катакомбах трое: Леонид Цимбал, затем Туляков Серафим Иванович и, наконец, товарищ Синичкин-Железный.

Это были люди, которых Гаврик выбрал себе в помощники. Им всем троим была в высшей степени свойственна одна общая черта — преданность Родине и партии, и та душевная ясность, цельность, твердость, которые Гаврик умел безошибочно угадывать в человеке. Во всем же остальном они были не только не похожи друг на друга, но даже иногда прямо противоположны.

Леонид Цимбал и Синичкин-Железный представляли собой крайности.

Серафим Иванович Туляков был золотой серединой.

Леонид Цимбал, которого почти все, по черноморскому обычаю, называли просто Леня, был человек еще довольно молодой, очень веселый, озорной, прирожденный черноморец, настоящий одессит в лучшем значении этого слова.

Его душа, как бы всегда пронизанная светом южного солнца, простодушно отражалась в его необыкновенно подвижной физиономии, способной стремительно менять выражение и отражать самые разнообразные, тончайшие оттенки душевных движений, мыслей и чувств.

Его лукавые губы всегда были готовы к иронической улыбке, а на языке всегда висела в любой момент готовая сорваться шутка или острота, впрочем лишенная сарказма.

Он обладал большим чувством юмора. Юмор помогал ему в самые трудные минуты жизни.

За какое бы дело он ни брался, он делал его весело, шумно. Он умел заражать людей своим азартом. Он был человек артельный. Он любил жизнь и жил на свете с большим удовольствием.

Он принимал жизнь, как радость.

Именно поэтому он со страшной силой ненавидел все, что мешало людям жить на земле радостно и справедливо.

Ему было около тридцати лет. Всю свою сознательную жизнь он прожил при советской власти. О жизни при старом режиме, при царизме, он знал лишь по книгам да по рассказам людей более старых.

Война застала его одним из секретарей Овидиопольского райкома, где как раз в это время шла усиленная подготовка к уборочной кампании. Он отдавался этому делу со всем своим азартом. Он хотел, чтобы его район вышел на первое место.

Военная обстановка потребовала еще большего напряжения всех сил.

Фронт находился совсем рядом. Надо было начать и закончить косовицу и уборку возможно скорее.

Почти все взрослые мужчины ушли на войну. Остались старики, женщины и дети. Разумеется, Леня Цимбал в первый же день войны сделал попытку мобилизоваться в армию. Однако это ему решительно не удалось, так как по мобилизационному плану обкома он должен был оставаться на месте.

И он остался.

Работать было невероятно трудно. Лошадей мобилизовали, и они, с бирками на хвостах, ушли табунами в кавалерийские части и обозы. Тракторов и горючего нехватало.

Армия требовала хлеба и фуража.

Леня Цимбал, весь в полове, с половой в бровях и в волосах, с черными от пота подмышками и спиной, отправлял зерно прямо из-под молотилок на фронт, который угрожающе быстро приближался.

Немецкая и румынская авиация разбойничала над колхозными полями. Самолеты пикировали на полевые станы и расстреливали из пулеметов беззащитных женщин.

Леня без усталости носился на велосипеде по хозяйствам своего района, организуя противовоздушную оборону гарманов и тушение пожаров. Во время налетов он слезал с велосипеда, снимал со спины карабин, ложился на жнивье лицом вверх и быстро, но толково стрелял в пикирующие «мессершмидты», в то время как вокруг него по полю бежали сухие дымки пыли от пулеметных очередей с воздуха.

Потом он руководил эвакуацией населения и вывозом намолоченной пшеницы и сена в тыл. Он сколачивал гурты колхозного скота и отправлял его в центральные области Советского Союза.

В эти дни над полями стояли тучи черной пыли, смешанной с черным дымом пожаров. Зной солнца и зной бушевавшего огня смешивались. Воздух был невыносимо сух, пропитан запахом гари. Воздух содрогался от взрывов авиационных бомб, с утра до вечера ныл и стонал от тошнотворного визга самолетов.

То, что невозможно было вывезти, Леня Цимбал лично предавал уничтожению. Он обливал бунты пшеницы газOLIном и, отбегая, бросал горящую спичку. Рванувшийся воздух обжигал ему ресницы. Он весь пропах копотью.

Он руководил движением беженцев, покрывавших длинными колоннами степные дороги Причерноморья.

Когда фронт, наконец, вплотную подошел к Одессе, Леня Цимбал стал во главе одной из многочисленных партий, вышедших на подступы к городу с лопатами и кирками для того, чтобы строить баррикады и копать противотанковые рвы.

Это были легендарные дни обороны города-героя, когда воду выдавали из колонок и цистерн по карточкам и женщины несли ее домой, как святыню, бросая в ведра ветки акаций, чтобы не выплеснулась ни одна капля; когда поперек улицы выросли эскарпы, сложенные из гранитных кубиков разобранных мостовых, и когда витрины магазинов и синие статуи городского театра были обложены маленькими мешочками с песком, похожими на штабеля пельменей; когда в небе стоял непрерывный визг истребителей и громы ханье бомбардировщиков и ночью в зловещем небе, отражавшем пожары, сходились, расходились и скрещивались фосфорические радиусы прожекторов; когда через город прямо в бой шли танки, только что сделанные на заводах; когда бескозырки и бушлаты морской пехоты, развевающиеся черные ленты с золотыми якорями и полосатые тельняшки, рассыпавшиеся среди желтых бунчуков кукурузы на ближних подступах к городу, вселяли ужас в румын и немцев, называвших моряков черной смертью; когда на обвалившихся стенах домов белели летучки и плакаты, призывавшие граждан к оружию; когда в опустевших городских скверах, обожженных немилосердным солнцем южной осени, покрытые пылью одиноко пылали красные, как кровь, канны с поникшими банановыми листьями, и в бассейнах не было воды, и жаркий воздух дышал смертью, и оставшееся население города — девушки в ярких летних платьях, успевших выгореть на солнце, с измученными, почерневшими лицами и сухими пыльными волосами, и старухи в майках, и старики в соломенных шляпах и длинных пиджаках, и дети, давно не стриженные и не мытые, —

все были охвачены одним порывом — отстоять родной город, и без усталости носили мешки с песком, выворачивали ломом трамвайные рельсы, рубили акации, долбили кирками и лопатами окаменевшую землю и отдирали пласты размягченного асфальта, сверху серого, а снизу горячего и черного, как паюсная икра, — и всё при непрерывных звуках канонады, то приближающейся, то удаляющейся, то опять приближающейся и обрушивающейся с такой силой, будто кто-то бронированными кулаками колотил по железным крышам домов.

В эти дни характер Лени Цимбала раскрылся во всей своей силе. Леня был неутомим и бесстрашен. Он появлялся всюду, где требовалось поднять дух измученных людей. Его байки, присказки и специальные черноморские словечки слышались ночью и днем в самых трудных и самых опасных местах обороны. Иногда, с бодрой развязностью заправского одесского куплетиста, Леня Цимбал вдруг ударял в землю ногами и откалывал куплеты, бог весть откуда залетевшие в его шальную голову, одновременно умудряясь имитировать губами оркестр.

В жизни часто так бывает:
Кто болтает больше всех,
Тот задачу выполняет
После дождичка в четверг.

И становится обидно:
Результата много лет
И не слышно, и не видно,
И намека даже нет.

Он лукаво сверкал глазами и надувал щеки, изображая отыгрыш: пмба, пмба, пмба... И потом с новой силой вкалывал при грохоте авиабомб и при вспышках зенитных пушек:

На Одессу шел во мраке
Королевский эскадрон;
Был он нами в час атаки
В мамалыгу превращен.

Под Одессой, очевидно,
Лавров мало для побед.
И не слышно, и не видно,
И намека даже нет.

Несмотря на все свое добродушие, он проявлял яростное упорство в труде. Он был, как говорится на юге, сильно злой до работы.

Он таскал на спине пятипудовые мешки песка, волок громадные бревна, он орудовал киркой и лопатой, удивляя народ своей выносливостью, — и все это шумно, с азартом, с лукавым блеском отчаянных карих глаз и подмывающим припевом:

И не слышно, и не видно,
И намека даже нет.

Он был дважды ранен осколками в руку и в голову, но не пошел в больницу и на ногах перенес свои ранения, впрочем не очень тяжелые.

Таков был Леня Цимбал.

Синичкин-Железный

Товарищ Синичкин-Железный был человек совсем другого склада.

Он был хмур, молчалив, почти мрачен.

Ему было более пятидесяти лет. Старый рабочий, потомственный пролетарий, котельщик по профессии — и, как все старые котельщики, сильно тугой на уши, — он в 1905 году, еще юношей, принимал участие в революционном движении. Он часто бывал в то время у брата Гаврика Терентия на Ближних Мельницах. Гаврик хорошо запомнил этого долговязого, сумрачного молодого рабочего в черной сатиновой косоворотке с синими стеклянными пуговичками на воротничке, который всегда сидел в углу и молчал, двигая желваками и мрачно блестя неподвижными, сумрачными глазами. Но он Гаврика не запомнил и когда встретился с ним гораздо позже, уже после Октябрьской революции, посмотрел на него исподлобья и сказал «не помню».

Он несколько раз сидел в тюрьме, бежал из ссылки.

Его били в участках, на пересыльных пунктах. Его душа медленно ожесточалась. Октябрьская революция сделала его на некоторое время членом Революционного трибунала. К его фамилии Синичкин прибавилась кличка — Железный.

В то время его называли только Железный, без Синичкин. Товарищ Железный. Это была эпоха прозвищ. «Беспощадный», «Зоркий», «Бдительный». Он был «Железный».

Это имя вызывало ужас у врагов революции.

Оно очень подходило к нему. Даже в его внешности было много сходства с железом. Высок, худ, темен лицом, как бы вечно покрытым сизой, синеватой окалиной. Даже чахоточный его румянец сумрачно светился под этой синевой, как светится в кузне раскаленная остывающая подкова. Даже его волосы были железного оттенка, серовато-синие, крутые, тяжелые.

Он весь был как бы выкован из железа. От него пахло кисловатым каменноугольным запахом горна. Он был весь внутренне какой-то раскаленный. Казалось, стоит к нему неосторожно прикоснуться рукой, как рука вспыхнет.

Когда он впадал в свою страшную, молчаливую ярость, казалось, что по его кованым, сжатым рукам бегают золотые искры.

Но пора Ревтрибунала прошла. Он вернулся в свои железнодорожные мастерские и продолжал клепать котлы. С самого первого дня Отечественной войны он не выходил из цеха, одевая броневыми плитами танки и бронепоезда, которые прямо из цеха уходили в бой.

Таков был Синичкин-Железный.

Серафим Иванович Туляков

Остается сказать несколько слов о третьем соратнике Гаврика, о Серафиме Ивановиче Тулякове.

Он принадлежал к числу не слишком живописных, но зато вполне надежных и положительных людей золотой середины.

Спокойный, уравновешенный человек средних лет, Серафим Иванович Туляков был первым заместителем председателя исполкома трудящихся Пригородного района, то есть, собственно, и представлял собою советскую власть.

В серой кепке, в черно-белой телячьей куртке до колен, с объемистым портфелем, который он, когда надо было освободить руки, зажимал между колен или бережно ставил на пол возле стенки, Серафим Иванович казался довольно мирной, даже немного мешковатой фигурой — типичный советский администратор районного масштаба.

Но когда он расстегивал свою просторную телячью куртку, под ней обнаруживался крепкий, статный торс, красиво и правильно обтянутый военной гимнастеркой и ладно схваченный по узкой талии широким простроченным командирским поясом с перемычками, колечками и щегольской кобурой маленького маузера.

Было что-то скромно мужественное, командирское в его жестких, подбритых усиках, прямолинейных бровях внимательного и способного человека, в свежем полотняном воротничке, подшитом под отложным воротником шерстяной гимнастерки, в его коротко остриженных, темных волосах, слегка опущенных впереди и задранных назад щеткой, и в светлых треугольниках на месте подбритых висков.

В его движениях, во всей его повадке сильно чувствовались следы военной выправки, угадывался хороший строевик.

Он и был когда-то военным. Лет пятнадцать тому назад, прежде чем окончательно перейти на советскую работу, он кончил курсы командиров.

По рождению он был настоящий русак, Московской области, но долгое время жил на юге — в Новороссийске, в Поти, в Одессе. Так что отчасти его можно было считать черноморцем.

Он работал в порту — сначала грузчиком, потом, после военной службы, в управлении торгового порта.

Война застала его исполкомовцем Пригородного района, откуда Гаврик и взял его в свою группу.

40

Пещера Лейхтвейса

Теперь все эти люди: Леня Цимбал, Синичкин-Железный, Туляков, Раиса Львовна и сам Гаврик — были заняты переноской своего имущества с поверхности земли в катакомбы.

В то время, как они вносили на плечах и пропихивали в узкую щель подземелья ящики, чемоданы, корзинки, жестянки, узлы, пакеты, бочки, оружие, ручные несгораемые шкатулки и прочее и складывали все это на первых порах вдоль стен первой пещеры, рассчитывая потом перебраться в глубь катакомб, в это время солдаты комендантского взвода быстро и споро выносили из пещеры наверх штабное имущество, сматывали провода и снимали со стен висевшие на колышках кожаные телефонные аппараты.

Одни советские люди уходили, другие оставались.

Это напоминало смену караулов.

Наконец все штабное имущество было вынесено. Оставалась лишь одна маленькая висячая электрическая лампочка над тем местом посредине пещеры, где совсем недавно находился стол майора.

Но вот появился связист и стал снимать прозрачную пластмассовую электропроводку.

— А свое электричество вы нам не хотите оставить? — сказал Гаврик, втаскивая вместе с Раисой Львовной тяжелый фанерный ящик, задевавший своими отбившимися железками за выступы узкого входа.

— Казенное имущество, — сухо заметил майор, пожимая плечами.

Он уже был в шинели, в полном походном снаряжении, в плотно надвинутой на лоб фуражке с прямым козырьком, бросавшим строгую тень на верхнюю половину его лица, тень, похожую на черную полумаску.

Раненая рука, очевидно не без усилия просунутая в рукав шинели, была прижата к его груди и как-то особенно подчеркивала серьезность и важность наступившей минуты.

— Все-таки огонька могли бы нам оставить. У вас такого добра сколько угодно, а нам бы сильно пригодилось, — сказал Гаврик.

— Приказано эвакуировать все до последнего патрона, до последней нитки.

Говоря это, майор стал еще темнее лицом. Черта непреклонной решимости резко разделила его лоб и брови.

— Хотя верно, — сказал Гаврик подумав.

Он понял, что дело тут, конечно, не в штабном аккумуляторе и не в маленькой лампочке, а дело в принципе. Ведь город отдают не потому, что враг победил, а город отдают потому, что само командование решило вывести войска из района города и перебросить их на другой фронт, туда, где они были более необходимы в данное время. Поэтому для каждого командира, для каждого солдата было вопросом чести эвакуировать свое подразделение, не потеряв ни одного лишнего человека, в полном порядке, не оставив при эвакуации ни одного казенного гвоздика.

— Понял я вас, — со вздохом сказал Гаврик, протягивая майору руку.

— Все-таки, надеюсь, освещение у вас есть? — спросил майор, пожимая левой рукой руку Гаврика. — Потому что, имейте в виду, без света здесь — верная смерть.

— Осведомлен, — сказал Гаврик с некоторой скрытой усмешкой, — освещение имеется.

И, как бы в подтверждение его слов, на том месте, где только что висела штабная электрическая лампочка, появился фонарь «летучая мышь», который заправил, зажег и повесил Леня Цимбал.

— Чудо девятнадцатого века, техника на грани фантастики, верный друг моряков и подпольщиков, — сказал он, подкручивая фитиль.

В глазах Гаврика вдруг зажглись мальчишеские искры. Он гордо скрестил на груди руки, выставил вперед ногу, задрал голову и, сморщив свой небольшой пестрый нос, сказал «пересыпским» голосом с петушинными интонациями:

— Притон контрабандистов или пещера Лейхтвейса.

Однако ни Леня, ни майор не оценили этого сравнения, так как не читали знаменитых в свое время выпусков «Пещеры Лейхтвейса». Их еще и на свете не было в то время, когда все одесские мальчишки увлекались этими пестрыми книжками. И Гаврик с некоторой тайной грустью вдруг почувствовал, насколько он, в сущности говоря, уже не молод.

Был бы здесь в эту минуту Петька Бачей, тогда дело другое. Он бы понял, он бы оценил. Они, Петя и Гаврик, хорошо поняли бы друг друга. Действительно, это все было дьявольски похоже на пещеру Лейхтвейса. На всю жизнь запомнилась им — Пете и Гаврику — литографированная, липкая, яркая, как-то особенно пахучая обложка, и на картинке каменные своды, ящики и тюки вдоль стен, люди в масках с оружием в руках, и фонарь, бросающий вокруг таинственные решетчатые тени.

Как это ни странно, но именно сейчас, через столько лет и при таких совершенно неподходящих обстоятельствах, в памяти Гаврика вста-

ла эта романтическая картина пещеры Лейхтвейса и вместе с нею, в самой глубине его души, задрожали такие забытые и вместе с тем такие сильные струны, что на один миг Гаврик как бы целиком перенесся в мир своей ранней юности, именно в те ее годы, когда почему-то все вокруг: каждый след на ланжероновском гравии, каждая надпись, выскобленная на ракушниковой стене предместья, каждый клочок перванного письма, размытый дождями и пожелтевший от солнца,—когда все это казалось полным какого-то очень глубокого, опасного значения и таинственного очарования, говорившего, что все в мире совсем не так просто, как это кажется на первый взгляд, и что каждая вещь — самая прозаическая и обыденная вещь, хотя бы, например, обыкновенная пещера где-нибудь в районе Аркадии или Малого Фонтана — действительно требует своего объяснения, истолкования, как самое сложное явление мироздания.

Но это видение детства, это острое чувство таинственного пропало так же мгновенно, как и явилось. Гаврик снова увидел себя в обстановке хотя и странной в силу своей непривычности, но совсем не таинственной и тем более не волшебной, а очень простой, трудной и требующей напряжения всех сил ума и воли.

41

Свидание с матерью

Теперь, кроме отряда Гаврика, или, как он сам называл его, «партийной группы», в пещере оставался один лишь майор.

— Стало быть, — сказал он, — мы расстаемся.

— Приходится.

Гаврик улыбнулся.

— Итак...

Майор некоторое время находился в нерешительности, не зная, что теперь надо делать. Он посмотрел на часы, шагнул к выходу, потом круто повернулся, подошел к Гаврику и, крепко обняв его здоровой рукой, поцеловал в одну щеку, потом в другую, потом в губы.

— Держись, секретарь! — сказал он, на миг теряя свою военную сдержанность и переходя на «ты».

— Постараюсь, — просто ответил Гаврик.

Потом, не надевая фуражки, майор обошел всех подпольщиков и с каждым трижды поцеловался.

Когда очередь дошла до Раисы Львовны, майор немного замялся и сделал попытку поймать и поцеловать ее руку. Раиса Львовна с грубоватой застенчивостью вырвала свою большую руку из его руки и сама обняла его и трижды поцеловала в колючие усики. Она не только не испытывала никакой неловкости от того, что первый раз в жизни целует не своего Жору, а какого-то чужого, незнакомого мужчину, но, наоборот, она с восторгом чувствовала в этот миг, что бесповоротно вступает в какую-то новую, грозную, необыкновенную для нее жизнь.

В последний раз майор приложил руку к козырьку, повернулся и, не оглядываясь, стал выбираться из пещеры.

Вот он исчез.

Еще некоторое время из щели выхода сыпались камешки и текли сухие ручейки пыли. Наконец наступила тишина.

Некоторое время все молчали, не сходя с тех мест, где их застало прощанье с майором.

Первым зашевелился Святослав.

Он уже давно проявлял некоторое беспокойство, как бы желая что-то сказать, что-то спросить у своего начальника, но все никак не мог выбрать подходящую минуту и молчал, как это и подобает дисциплинированному солдату.

Между тем Святослава уже давно мучил вопрос о его дальнейшей судьбе. Как-то само собой предполагалось, что он должен остаться с Гавриком в катакомбах. На этот счет как бы имелась молчаливая договоренность.

Однако Святослав находился на военной службе. Он был красноармейцем, лишь временно прикомандированным вместе со своей машиной к Гаврику. А на военной службе никакой неясности не полагается.

Может быть, Святославу лишь так показалось, что Гаврик хочет оставить его при себе, а в действительности — может быть, ничего подобного.

Официально же дело обстояло так, что срок прикомандирования Святослава к Гаврику кончился, и ему надлежало явиться в свою часть и вместе с нею уходить из города на транспорте.

Между тем Гаврик ничего положительного не говорил. Казалось, он забыл о существовании своего водителя. Минутами Святославу начинало казаться, что он ошибся, думая, что Гаврик решил его оставить при себе.

В самом деле, откуда он это взял? Гаврик не сказал ему на этот счет ни одного слова. Даже намека не сделал. Может быть, все это одна фантазия?

А он так привык к этой мысли!

За последние недели он всей душой успел привязаться к своему хозяину Гаврику. Он научился понимать его без слов. Он сжился с мыслью, что ему предстоит разделить с ним все опасности подполья.

Его душа была готова к борьбе.

О, как он мечтал об этом! Его молодое сердце начинало биться сильнее и кровь жарко прилиwała к щекам при одной мысли, что вот и для него, Святослава, наконец пришло время борьбы, той святой борьбы не на жизнь, а на смерть, которую начинали прадеды и деды, которую с такой славой продолжали отцы и которую теперь предстояло вести его поколению и лично ему, молодому комсомольцу, правнуку, внуку и сыну рыбаков, крестьян, портовых грузчиков, фабричных рабочих — тех простых трудящихся людей, которые всю свою жизнь, подобно Гаврику, Терентию и великому множеству других, отдали труду и постоянной, неутомимой, кровавой борьбе со всеми силами мирового зла во имя мирового добра, любви и справедливости.

Несколько раз уже Святослав, проходя мимо Гаврика с ящиком или мешком на спине, задерживался и заглядывал ему в лицо, желая обратить на себя внимание.

Но Гаврик, занятый устройством на новом месте и озабоченный подсчетами, которые он все время делал карандашиком в записной книжке, ни разу не обратил на него внимания.

Теперь же наступила решительная минута. Надо было, не откладывая, выяснить свое положение. Оставаться — так оставаться. Уходить — так уходить. И уходить возможно скорее, так как все войска были, повидимому, уже погружены на транспорты, и сейчас с позиций скрытно снимались и уходили последние части и арьергарды.

— Товарищ секретарь, — сказал Святослав решительно. — Разрешите обратиться.

Только сейчас Гаврик вспомнил о своем верном, молчаливом водителе.

Святослав стоял перед ним по стойке «смирно», подобрав живот, с напряженным лицом и блестящими глазами. Решетчатая тень «летучей мыши» легонько двигалась вперед и назад по его стройной фигуре. Все его тело было немного наклонено, как бы готовое лететь по первому слову начальника.

Гаврик с первого взгляда понял, что творится в душе этого юноши, который за последнее время стал ему так симпатичен, даже дорог.

Для Гаврика вопрос о том, оставлять Святослава или не оставлять, был уже решен давно. Он давно решил его оставить при себе. Он так привык к этому решению, что даже как-то забыл сообщить о нем Святославу. Все казалось само собою понятно. Теперь же он увидел, что Святослав ждет от него словесного приказания.

— Разве мы с тобой на эту тему еще не беседовали? — сказал Гаврик, произнося слово «тема» по-украински, через «э» — «тэма».

— Никак нет, товарищ секретарь.

— Странно. Значит, я просто забыл. Так вот... Я тебя, стало быть, забираю из армии и оставляю с нами в катакомбах на подпольную работу. Ты не возражаешь?

Святослав глубоко вобрал в себя воздух. Его грудь расширилась. В глазах блеснула радость. Он хотел ответить как можно спокойнее, но его голос по-мальчишески сорвался.

— Никак нет, — сказал он хриловато и перевел дух. — Не возражаю.

— Я так и подозревал, — заметил Гаврик. — Действуй! — прибавил он, с особенным удовольствием выговаривая это энергичное, серьезное слово, которое в последние дни так часто на все лады повторялось множеством советских людей, готовившихся к борьбе с врагом, входившим в город.

Но Святослав продолжал неподвижно стоять перед Гавриком.

Гаврик удивился.

— По-моему, все, — сказал он.

— Товарищ секретарь, — ответил Святослав, — я, конечно, понимаю, что это, как бы сказать, не полагается, тем более, что в городе такая острая ситуация... но...

Гаврик нахмурился:

— Ну?

— Но, знаете, у меня тут остается родная мама. И я бы хотел, если возможно, заскочить на пару минут попрощаться.

Гаврик нахмурился еще больше.

— Новое дело. Когда вспомнил!

— Так вы же сами знаете, товарищ секретарь, что я уже целый месяц нахожусь на казарменном положении, безотлучно при автомобиле.

— Все-таки надо было раньше сообщать, — сказал Гаврик решительно. — Теперь я даже не знаю.

Святослав потупил глаза.

— Виноват.

Вслед за тем он сделал усилие, как бы стараясь стряхнуть со своей души тяжелый груз, но не сумел его стряхнуть, а только еще больше вытянулся и прямо посмотрел в глаза своего начальника.

— Разрешите заниматься своим делом?

— Подожди.

Гаврик задумался, помолчал.

— Подожди, мама твоя далеко живет?

— Да господи же! — закричал Святослав, забывая на миг всякую

субординацию. — Рядом! На хорошей машине туда и обратно двадцать минут.

— Где именно?

— За Пересыпью. В самом начале Лузановской дороги. Разрешите?

Хотя при настоящей неопределенной обстановке отпустить человека по личному делу из отряда в город было совершенно недопустимо и противоречило всем правилам конспирации, тем не менее, увидев так отчаянно и так просительно блестящие глаза Святослава, у Гаврика нехватило духу лишить его свидания с матерью, которое, в конце концов, могло оказаться последним свиданием. Тем более, что отсюда до Лузановской дороги было действительно совсем недалеко. Гаврик это хорошо знал, так как в тех же местах жила зимой его племянница Мотя Перепилицкая.

Однако Гаврик не мог проявить и слабость.

— Подожди, — сказал он и, шагнув к фонарю, стал не торопясь перелистывать записную книжку.

Он перелистал ее раз, потом еще раз, постукивая по страницам карандашиком и все более и более хмурясь.

Наконец он крикнул:

— Цимбал!

— Здесь, Цимбал!

И Леня Цимбал подскочил к Гаврику, обдергивая гимнастерку.

— Примуса кто заготавливал? — сказал Гаврик. — Ты?

— Так точно, я.

— Сколько их у нас, примусов?

— Два, товарищ секретарь.

— Верно. Два. И все, что полагается для примусов, тоже имеется?

— А как же. По две запасных головки на каждый примус, самоварная мазь для чистки медных корпусов и двадцать два литра gasoline.

— Всё? — холодно спросил Гаврик.

— Всё.

— Так. А ежики?

— Чего ежики, — неуверенно пробормотал Леня.

— Я спрашиваю: а ежики?

— Какие?

— Такие самые. Ежики, чтобы прочищать головки при засорении?

— Ежиков нема, — после некоторого молчания, упавшим голосом сказал Леня Цимбал. — Ежики выскочили из головы. Такая мелочь...

— Мелочь! — грозно сказал Гаврик. — Мелочь! Запомни себе и заруби на носу, что в подполье нема мелочей. Из-за любой мелочи ты и сам можешь погибнуть, и людей погубить. Хороший у меня заведующий материальной частью, нечего сказать. Я на тебя понадеялся, как на каменную гору, а у тебя, оказывается, нема ежиков. Ежиков нема! — повторил Гаврик, свирепо нажимая на слово нема и на слово е ж и к о в. — А если у нас примуса выйдут из строя, чем будем прочищать? В лавочку сбегает за ежиками?

— Виноват, — тихо сказал Леня.

В другое время он бы, конечно, не отказал себе в удовольствии вдоволь поострить насчет такой смешной мелочи, как забытые ежики.

Но теперь, в этой полутемной пещере, по стенам которой взад-назад двигалась решетчатая тень фонаря, в тот час, когда, может быть, в город уже входил враг и они одни оставались под землей — горсточка советских людей, решивших до последней капли крови продолжать бороться с фашистами, — Леню Цимбала покинуло все его бурное остроумие.

Леня Цимбал понял, что теперь уже безусловно не до шуток и что от самой маленькой мелочи теперь, быть может, зависит жизнь его самого и его товарищей.

Он сокрушенно опустил голову.

— Хороший у нас завхоз, нечего сказать. Спасибо, Леонид.

Это «Леонид» вместо «Леня», может быть, сильнее всего уязвило душу Цимбала.

— Больше не повторится, — сумрачно сказал он.

— Ладно. И учти себе это на будущий раз. А все-таки от твоих извинений нам не легче. Ежиков все-таки нема. Вот что, Святослав, — сказал Гаврик, — бери свою знаменитую машину и быстренько езжай к маме. У твоей мамы в хозяйстве ежики для примуса найдутся? Так вот. Захватишь у нее для нашего отряда ежиков, сколько можно больше, а если у нее нету, то у соседей — и чтоб через сорок пять минут ты был здесь.

— Слушаюсь.

— Езжай.

— А как прикажете потом поступить с машиной?

— С твоей «антилопой»? Брось ее к чорту. Пускай на ней румыны ломают голову.

— Лучше я ее уничтожу собственными руками, — мрачно сказал Святослав.

— Это твое дело.

Глаза Гаврика озорно блеснули.

— Лично я непременно бы ее оставил румынам. Хай им чорт! Но в общем действуй как хочешь. Теперь иди сюда. Слушай здесь.

Гаврик отвел Святослава в угол пещеры, откуда начинался узкий лаз в глубину катакомб, и вполголоса, коротко, сжато, но вместе с тем не пропуская ни одной подробности, проинструктировал его на все случаи его «выхода наверх».

Затем он взял у Святослава комсомольский билет и все документы и положил их в свою записную книжку, а записную книжку в карман.

— Теперь ты сам себе голова, — строго сказал он. — Учти это. Ступай. И чтобы не позже, чем через сорок пять минут, самое большее через час ты был здесь. Конечно, с ежиками, — прибавил Гаврик, улыбаясь одними глазами.

— Будет исполнено, — сказал Святослав и проворно пролез в щель.

Он вернулся не через час, а гораздо позже, и при драматических обстоятельствах.

Но его опоздание не было замечено, так как подпольный райком, занятый переноской имущества из пещеры в глубь катакомб по темным, узким ходам, более напомиавшим кротовые лазы, чем туннели, среди подземной тьмы и неподвижного подземного воздуха, на первых порах потерял почти всякое представление о времени.

Болчья стая

Тем временем Петя, неуклюже ковыляя в чужих башмаках, плелся за Матреной Терентьевной и Валентиной.

Уже ночь была на исходе, а они все никак не могли добраться до Пересыпи, где находилась зимняя, так сказать «городская» квартира Перепилицких.

Как это ни странно, они заблудились, хотя в совершенстве знали местность. Они знали здесь каждую балочку, каждую складку, каждый

курган. Они могли бы здесь идти с завязанными глазами и не сбиться с направления.

И тем не менее они заблудились.

Они заблудились именно потому, что шли не с завязанными глазами, смотрели вокруг и не узнавали местности.

Местность была до неузнаваемости искажена войной.

Они всюду натыкались на опустевшие окопы, на зигзагообразные ходы сообщения, на колючую проволоку, на брошенные минометные и артиллерийские позиции.

В иных местах гнилой осенний бурьян вонял бензином и отработанным смазочным маслом.

Валаялись кучами стрелянные гильзы — винтовочные и артиллерийские. Попадались неразорвавшиеся снаряды. Освещенные заревом далеких пожаров, они имели особенно зловещий вид, эти тупорылые, иногда с дырочками на носках, угрожающе-неподвижные болванки с медными поясками и концентрически обточенными доньями.

Петя старательно обходил неразорвавшиеся снаряды, чувствуя внутреннюю дрожь и даже тошноту от яркого представления, какая чудовищная, смертоубийственная сила спрятана в них и какой был бы ужас, если бы эта слепая, омерзительная сила вдруг мгновенно развязалась, вырвалась и рванулась во все стороны и разорвала бы в клочья и сожгла, испепелила в один миг все окружающее, и в том числе самого Петю.

Все вокруг было неузнаваемо.

В особенности же меняла представление о местности вода — громадное озеро воды, появившееся там, где его никогда раньше не было и никак не могло быть.

Куда бы ни поворачивали Матрена Терентьевна, Валентина и Петя, желая подойти к Пересыпи, всюду они натыкались на воду.

Они не знали, что вечером была взорвана земляная дамба, отделявшая Хаджибеевский лиман от полей орошения.

Таким образом, теперь они были отрезаны от города водой, разлившейся на несколько десятков километров, затопившей часть Пересыпи и дошедшей до моря в районе доков.

Во всяком случае горящие на Пересыпи бензиновые цистерны вместе со своим горьким дымом и красным пламенем бурно отражались в воде, почти вплотную подступавшей к ним.

Беглецы уже смутно начинали догадываться, что они отрезаны не только от города, но и от уходящей армии.

Точнее сказать, они находились в мертвом пространстве между двумя армиями, между своими и врагами; причем, от своих они были отрезаны разлившимся лиманом — но между ними и врагом никаких существенных преград не было.

Собственно говоря, они уже были в плену.

Когда Матрена Терентьевна, наконец, поняла это с полной очевидностью, ее охватил ужас. Ее охватил такой ужас, что она, как слепая, вдруг полезла прямо в воду, надеясь дойти до Пересыпи вброд.

За ней в воду сунулась Валентина, а за Валентиной Петя.

Они прошли несколько шагов в ледяной, вонючей воде лимана, но внезапно вода поднялась до колен, потом до пояса. Матрена Терентьевна оступилась, потеряла равновесие, и если бы Валентина вовремя не подхватила ее, она бы окунулась с головой.

Тогда они поспешно повернули назад.

До половины мокрые, дрожащие от холода, они выбрались на берег.

С моря дул ледяной ветер. Мглистый туман, светящийся от пожаров, пронизывал до костей.

Петю стала бить лихорадка, зуб на зуб не попадал. Мальчик изо всех сил сжимал челюсти, чтобы скрыть свою дрожь.

— Ну, деточки, ну что же вы, деточки, — бормотала Матрена Терентьевна, дико озираясь по сторонам. — Давайте, деточки, давайте. Надо как-нибудь побыстрей. Живенько, живенько.

И они, выбиваясь из сил, стали ходить вдоль разлива, надеясь найти хоть какую-нибудь лазейку. Но лазейки не было.

Они сделали, наверное, туда и обратно вдоль разлившейся воды километров пятнадцать. Они ходили таким образом больше половины ночи и совсем выбились из сил.

Матрена Терентьевна все время бормотала:

— Деточки, деточки...

И слезы катились по ее сразу похудевшему, измученному лицу.

Наконец, они присели на край обвалившегося степного колодца с каменной колодой для водопоя и некоторое время сидели молча, не зная, что же теперь делать.

Первой очнулась Валентина.

Она вскочила, взяла за плечи мать и стала ее трясти своими тонкими, но сильными руками.

— Мама, я вас очень прошу, успокойтесь. Возьмите себя в руки. Довольно сидеть. Идем дальше.

— Куда же мы пойдем, Валентина, когда сквозь вода? — упавшим голосом сказала Матрена Терентьевна. — И обрати внимание на Петичку. Он уже насилиду идет.

— Можешь итти дальше? — строго спросила Валентин'а.

— Могу, — сказал Петя, стараясь не выдать боли, которую причиняла ему натертая пятка.

Валентина подошла к мальчику вплотную, положила ему руки на плечи и заглянула в глаза.

Он видел близко от себя ее лицо, нежно и в то же время как-то угнетающе-печально освещенное очень слабым, воспаленным светом догорающих вдалеке пожаров. Он увидел совсем близко от своих глаз ее светящиеся прозрачные глаза, полные такого участия и такой требовательной, настойчивой любви, что ему и вправду показалось, что он совсем не устал и может подняться на ноги и итти дальше, итти сколько угодно, лишь бы рядом с ним шла эта девочка, с ее маленьким, сильно сжатым ртом и решительно сдвинутыми бровями.

— Тебе больно? — спросила она.

Петя отрицательно качнул головой. Но она тотчас поняла, что он говорит неправду.

— Тебе больно, — сказала она утвердительно и, подумав, прибавила: — Но что же делать? Потерпи. Надо итти.

— Я пойду, — сказал Петя.

Он встал.

Но в это время Матрена Терентьевна крикнула.

— Тише... Слушайте!

Они прислушались.

В степи раздавался шум моторов. Он доносился из разных мест степи, то усиливаясь, то совсем пропадая, в зависимости от порывов морского ветра, который дул неровно, путанно, то падая, то крепчая.

Несомненно, это был шум моторов. Но это не были моторы автомобилей или самолетов. Это были тяжело стрекочущие моторы, от злого

гула которых, казалось, трясло, лихорадило черную, окаменевшую землю.

— Танки, — чуть слышно сказала Валентина.

— Чьи танки? — еще тише сказал Петя, чувствуя острый ледяной холод, в который вдруг окунулось его сердце.

— Ихние, — проговорила Валентина.

Тогда они увидели в разных местах степи светящиеся фары машин. Фары передвигались попарно, то вспыхивая, то потухая в складках местности. Они дымились, как волчьи глаза.

Окруженные этой волчьей стаей, Матрена Терентьевна и дети молчали, затаив дыхание и чувствуя ужас непоправимой беды.

Они были так поглощены ужасом приближения этих дымящихся, как площадки, фосфорических фар, что сначала даже не заметили опасности, которая была гораздо ближе, почти рядом.

Они вдруг сразу, одновременно заметили четыре темных фигуры, которые, согнувшись, с автоматами в руках, шли прямо на них.

Глубокие, особенно вырезанные, не наши, стальные каски красновато отсвечивали против зарева догорающих пожаров.

Несомненно, это была немецкая разведка, предшествующая танкам.

Неприятельские солдаты шли один за другим, уступом. Они иногда ложились и некоторое время лежали. Тогда Петя и остальные слышали их напряженное дыхание, сопение.

Потом они утомленно поднимались и продолжали осторожно итти вперед.

Сначала Пете показалось, что солдаты идут прямо на них. Но это было неверно. Солдаты их не замечали. Солдаты прошли совсем близко мимо колодца, за которым притаились Петя, Валентина и Матрена Терентьевна. Они прошли так близко, что Петя явственно услышал их запах — тяжелый, жаркий, враждебный запах потного, немытого тела, какого-то тошнотворного рыбьего жира, вероятно ворвани, которым были смазаны их сапоги, и вонючей синтетической резины их маскировочных плащей.

Впервые Петя видел так близко от себя врагов, фашистов. Было что-то невероятное, подавляющее в этой унижительной близости.

Мальчик ясно понял, что находится в руках врагов.

Стоило одному из этих солдат заметить их, как их судьба уже больше не принадлежала бы им.

Эти чужие, вонючие люди — враги, фашисты — могли сделать с ними что угодно. Могли их обругать, оскорбить, ударить, убить. Могли их заставить раздеться догола, лечь, встать, итти, не итти, поднять руки...

В этом было столько унижительного, ужасного, что мальчик готов был броситься на землю лицом вниз, закрыть глаза, заткнуть пальцами уши, лишь бы ничего не видеть, не слышать, лишь бы скорее прошел этот невозможный, чудовищный сон, который, к несчастью, не был сном, а был действительностью.

Но солдаты не заметили их. Они скрылись во тьме, откуда некоторое время слышался грубый шорох их сапог и маскировочных халатов и неразборчивые звуки чужой, непонятной речи.

Но едва мальчик пришел в себя после первого потрясения встречи с врагами, как ему в голову пришла мысль, заставившая его снова ужаснуться.

Он вдруг вспомнил о знамени, спрятанном у него на теле под одеждой.

В минуту опасности Петя думал только о себе и совсем забыл о знамени, которое поклялся под салютом беречь от врагов.

Теперь он вспомнил о знамени, вспомнил о своей клятве. Перед его глазами мелькнуло лицо умирающего матроса.

Хорошо, что солдаты не заметили Петю. Но ведь могут появиться другие, третьи... Теперь всюду будут неприятельские солдаты. В конце концов Петя непременно попадет к ним в руки. Его обыщут и найдут знамя.

При этой мысли его лицо окаменело.

Скорей, скорей! Пока не поздно, надо что-то предпринять. Но что? Надо сейчас же спрятать знамя. Но куда?

Мысль работала быстро, деятельно.

Петя сидел на земле, прижавшись к большим камням колодца. Это были бруски ракушника, того самого ракушника, из которого построен весь город. Колодец был старый, высохший, наполовину обвалившийся. Некоторые камни шатались.

Мальчик сделал усилие и повернул один камень. Камень находился как раз на уровне земли. Образовалась щель. Петя сунул в нее руку и, обдирая ногти, вывернул другой камень.

— Что ты там делаешь? — шопотом спросила Валентина, притаившаяся с другой стороны колодца рядом с матерью.

— Ничего, — сказал Петя, с лихорадочной поспешностью расстегиваясь и разматывая под рубахой флаг.

Он быстро его размотал, свернул и засунул в щель.

— Надо итти, — сказала Валентина.

— Сейчас, — сказал Петя, и с усилием повернув камни, поставил их на прежнее место.

Он увидел, как над колодцем поднялись две темные фигуры — Валентины и Матрены Терентьевны — и, осторожно нагибаясь, пошли по степи, которая теперь, перед рассветом, казалась еще чернее.

— Ну, где ты там?

— Иду, иду.

Петя в последний раз проверил, прочно ли положены камни, и пошел следом за Валентиной и Матреной Терентьевной.

43

Парень с Лузановского шоссе

Зарево догорающих пожаров, которое до сих пор, хотя и слабо, но все же довольно ясно освещало землю, теперь почти совсем погасло.

В разрывах бегущих туч показалось несколько звезд.

Становилось очень холодно, почти морозно. Земля звучала под ногами, как чугун.

Танков уже не было, видимо они прошли стороной.

Едкая рапная вода лимана, наполнявшая башмаки, разъедала натертые ноги мальчика. Пальцы одеревятели от холода. Петя едва двигался, с трудом поспевая за Валентиной. Впереди быстро шла Матрена Терентьевна. Она почти неслась, поминутно спотыкаясь и прижимая к груди свои бумаги и глобус.

— Подождите, мама. Не так скоро. Вы же видите, что Петя уже еле держится.

— Потерпи, Петичка, — сказала Матрена Терентьевна, убавляя шаг. — Потерпи, деточка.

— Ничего, — сказал Петя сквозь зубы. — Куда мы идем?

Мальчику уже казалось, что они идут вечно. И вечно вокруг них лежит эта мрачная, враждебная степь.

— Куда мы идем?

Он повторил это каким-то ровным, бесцветным голосом человека, теряющего сознание от усталости.

— Мы идем до Хаджибеевского лимана, — быстро сказала девочка.

— Зачем?

— Может быть, там найдем какую-нибудь лодку. Тогда можно будет переправиться на ту сторону.

В течение этой ночи Петя уже много раз слышал таинственные, волшебные слова из мира папиного детства: «Хаджибеевский лиман», «Жевахова гора», «Дофиновка» и многие другие.

Но теперь, произнесенные во тьме этой бесконечной степи, озаренной отблесками пожарищ, среди исстрадавшейся, искаженной земли, перед лицом постоянной смертельной опасности, они, эти слова папиного детства, уже не казались мальчику таинственными и волшебными.

Наоборот.

Теперь они вселяли ужас.

Жевахова гора представлялась гром'адным могильным холмом, над которым с подавляющим безмолвием летают тяжелые птицы смерти. Дофиновка представлялась тонущим горящим кораблем, раскачивающимся на длинных волнах зыби, тусклой, как змеиная чешуя. А Хаджибеевский лиман заманивает и хочет всосать в себя, как зловонная тряпина, населенная резиновыми полуживотными-полурастениями, прилипающими к телу, как пиявки.

И все же Петя продолжал бежать вслед за Валентиной и Матреной Терентьевной к этому проклятому Хаджибеевскому лиману, плача от боли и кусая себе губы до крови.

Вдруг произошло нечто такое, чего Петя даже сразу не понял, так молниеносно быстро оно произошло.

Одновременно что-то надвинулось, раздался испуганный крик Валентины, отскочившей в сторону и упавшей, раздирающий визг автомобильных тормозов, какой-то прыгающий стук по твердой земле, звон вдребезги разбитого стекла, слово «чор-р-рт»; яростно произнесенное сквозь зубы сдержанным голосом с юношескими басовыми нотками, и хлопанье дверцы.

Вспыхнул электрический фонарик, почти в упор скользнув по петинному лицу.

Мальчик зажмурился и только тогда понял, что произошло.

На них налетел автомобиль, мчавшийся без дороги в степи с потухшими фарами. Он едва не сбил с ног отскочившую Валентину, которая все-таки не удержалась на ногах и упала. В последний миг водитель успел свернуть в сторону, налетел на какое-то препятствие и резко затормозил.

Теперь водитель с винтовкой в одной руке и фонариком в другой стоял перед беглецами и, сдерживая страшное раздражение, повторял слова, которые при настоящих обстоятельствах не имели ровно никакого смысла.

— Куда вы лезете? Стой! Что у вас — повылазило, чи шо?

— Валентина, смотри! — воскликнула вдруг Матрена Терентьевна. — Да це ж Святослав Марченко с Московской угол Лузановского шоссе!

— Тю! Матрена Терентьевна! Валентина! — воскликнул в свою очередь Святослав. — Что вы тут делаете в степу?

— А ты что здесь делаешь?

— Я тикаю, — переводя дыхание, сказал Святослав. — Только что наскочил на их танковую разведку и тикаю.

— Куда ж ты тикаешь?

— Сам не знаю. Сквозь вода.

Он мог бы рассказать, как он заезжал к матери на Лузановское шоссе, как он с ней прощался, как потом бегал по соседям, добывая ежики для примуса, как поехал обратно, напоролся на воду, отрезавшую его от Усатовых хуторов, и как потом метался без дороги по степи, заезжая в воронки и натываясь на брустверы оставленных окопов; словом, он мог бы рассказать приблизительно то же самое, что переживало в эту мрачную ночь множество людей, отрезанных от города неожиданным разливом лимана и мечущихся без цели в степи, по которой уже двигались неприятельские авангарды и светились волчьи очи вражеских танкеток.

Но времени для разговоров не было. Приходилось действовать.

— Нужно итти на Хаджибеевский лиман и переправляться на тот берег на лодке, если будет лодка,— повторяла Валентина, отряхивая платье. — А то мы здесь так и сгинем. На Хаджибеевском лимане непременно должны быть лодки.

— Я тоже так думаю,— сказал Святослав. — Так давайте садитесь в машину и быстренько поедem. А это что за хлопчик?

Он не узнал в этом обросшем, худом мальчике в чужой кепке и в большом, не по росту, чужом полушубке того аккуратного московского пионера, которого он несколько месяцев назад, в один прелестнейший воскресный день, отвезил вместе с отцом с аэродрома на «виллу» Колесничука.

Петя тоже не узнал Святослава. Но машина с брезентовым верхом, в которую он залез вместе с Матрeной Терентьевной и Валентиной, показалась ему знакомой.

Впрочем, он не задержался на этом впечатлении, весь поглощенный нетерпеливым желанием поскорее вырваться из этой проклятой степи и спастись.

— Это один мальчик, Петя,— сказала Валентина, — пионер из Москвы. Мы его с мамой вытащили из моря.

В это время Святославу удалось завести заглохнувший мотор, и машина, окутавшись облаком вонючего дыма, рванулась вперед.

Правая передняя и левая задняя покрышки порвались в клочья. Менять их не было времени.

— Доедем на ободах! — сказал Святослав решительно.

Машина поехала.

Собственно, она не поехала, а заковыляла, со стуком подпрыгивая на каждой выбоине. Но она ковыляла удивительно быстро. Правда, она время от времени останавливалась как вкопанная. Но потом, как бы желая наверстать упущенное время, делала отчаянный рывок вперед и мчалась дальше.

Неумоимо орудуя рычагами и резко ворочая баранку, Святослав сунил назад в кабину машины винтовку.

— Эй, кто там! Валентина, держи винтовку. Осторожно. Она на предохранителе. Если наскочим на немецкую разведку — стреляй. Стрелять можешь?

— Спрашиваешь, — не столько сказала, сколько прошипела Валентина сквозь сжатые зубы.

— А ты, мальчик, бери гранату.

Святослав протянул через плечо ручную гранату, и Петя взял ее в обе руки, не совсем ясно представляя себе, что с нею нужно делать.

— И ты тоже, парень, — сказал Святослав, — если нарвем на этих гадов — бросай гранату. Умеешь?

— Спрашиваешь, — прошипел Петя, хотя имел самое приблизительное представление о том, как надо бросать гранаты.

— Дай лучше мне, Петичка, — сказала, заволновавшись, Матрена Терентьевна. — А то, я боюсь, ты еще не так кинешь. Ты лучше держи глобус, а я подержу гранату.

— Я кину, как надо, — упрямо, даже злобно сказал мальчик, обеими руками стиснув ручку гранаты.

И тут, первый раз в жизни, он испытал то ни с чем не сравнимое чувство, которое появляется у безоружного и преследуемого человека, вдруг получившего в руки оружие.

Это великолепное «чувство оружия», как молния, с головы до ног пронзило мальчика и удесятерило все его телесные и душевные силы.

44

Переправа через лиман

Петя держал в руках смерть и со странным упоением сознавал, что он хозяин этой смерти. В любой миг он может распорядиться ею по своему усмотрению, одним размашистым движением швырнуть ее в любую сторону и в клочья разнести врага, посмевшегося поднять на него руку.

Он уже не чувствовал себя пленником.

Он чувствовал, что он не только хозяин смерти, но и хозяин своей свободы.

Теперь ему даже хотелось, чтобы они наскочили на румын или немцев. И он с нетерпением, с острым вниманием всматривался в черную степь.

Такое же чувство испытывала и Валентина.

Высунув винтовку за борт машины и положив палец на спусковой крючок, она, так же как и Петя, всматривалась в темноту и слышала рядом дыхание мальчика, который, сжав рот, сопел носом и пыхтел, как рассерженный еж.

Однако, если не считать страшной тряски, из-за которой они то и дело стукались головами о железные перекладки верха, до Хаджибеевского лимана домчались без всяких происшествий.

Степь, казалось, вымерла.

Один только раз над горизонтом взлетела осветительная ракета, при плавно движущемся свете которой они с горы увидели во всех подробностях берег лимана, обросшие тиной торчащие из воды сваи и несколько разбитых черных лодок.

Одна лодка, наполовину наполненная водой, блестевшей при лунном свете осветительной ракеты, тяжело плавала у берега.

Они даже увидели черпак, который плавал в лодке и в свою очередь тоже был наполовину наполнен водой.

По дну балки они съехали вниз и стали торопливо откачивать из лодки воду.

Действуя черпаком и ведром, имевшимся в хозяйстве Святослава, они вычерпали столько воды, что лодка могла удержать их всех четверых на поверхности лимана.

Тогда они влезли в эту грубо сколоченную из ветхих досок, рассыную, давно просмоленную и обросшую ракушечками посудину, более похожую на длинный ящик, чем на лодку, и стали отталкиваться от берега.

Весел в лодке не было. Отталкивались винтовкой, черпаком и палкой, которую нашли на берегу.

В лимане было очень мелко, и довольно долгое время удавалось двигаться, отталкиваясь.

Но едва они отъехали от берега метров на тридцать-сорок, как Святослав крикнул:

— Стой!

В тот же миг он выпрыгнул из лодки и, по пояс в воде, бросился к берегу.

— Гребите! — крикнул он издали. — Я сейчас вернусь!

И он исчез, шлепая в темноте по воде.

Скоро на берегу вспыхнула и погасла спичка, а через несколько минут снова послышалось шлепанье и показался силуэт Святослава, расталкивающего грудью неподвижную, тяжелую воду лимана.

Святослав взобрался в лодку, сел на банку и долго вытирал рукавом лоб. Он молчал, и чувствовалось, что он чем-то подавлен.

Наконец он мрачно сплюнул в воду и махнул рукой:

— Э, чего там! — сказал он решительно. — Нехай пропадает. Когда так, то так. Ни нам, ни им. — И, заметив, что все сидят неподвижно, наблюдая за ним, сердито прибавил: — Чего ж вы спите, товарищи? Еще рано спать. А ну-ка, разом!

Выхватив из рук Валентины винтовку, он спустил ее прикладом в воду и силой оттолкнулся от дна.

Лодка сильно, но плавно прибавила хода.

— Больше жизни, товарищи! Эй, хлопчик, бери черпак и откачивай. И ты тоже, Валечка. Бери ведро, не стесняйся. А вы, Матрена Терентьевна, я вас очень прошу, помогайте мне палкой. Здесь еще довольно мелко.

Петя сунул гранату за пазуху и начал вычерпывать воду.

Схватив ведро, Валентина последовала его примеру.

И это было совсем не лишнее, так как изо всех щелей в лодку струилась вода и дряхлая посуда каждую минуту готова была неуклюже затонуть.

Матрена Терентьевна и Святослав без усталости работали палкой и винтовкой, короткими толчками продвигая лодку вперед.

Лиман в этом месте оказался не особенно широк, и можно было рассчитывать минут за сорок достигнуть противоположного берега.

Однако дно стало понижаться.

Оно понижалось быстро и ощутительно. Винтовка уже не доставала до дна.

Тогда Святослав удлинил винтовку, привязав к ней поясом палку. Это позволило еще некоторое время двигаться.

Надо было торопиться, так как начинало светать. Кроме того, несмотря на отчаянные усилия Валентины и Пети, которые, не останавливаясь ни на секунду, как заведенные, выливали из посуды воду, вода не только не убывала, а прибывала. Она уже доходила до банок и уже кое-где их покрывала.

Лодка страшно отяжелела. Святослав с трудом двигал ее. Лодка не слушалась, поворачивалась, начинала крутиться на месте.

Матрена Терентьевна помогала Святославу, как могла. Она просто гребла руками, выбиваясь из сил и обливаясь потом.

Святослав время от времени оборачивался назад и всматривался в смутно-удаляющийся берег, как бы чего-то напряженно ожидая.

Вдруг на берегу, на том месте, где остался брошенный автомобиль,

ослепительно стрельнула красная молния, и через две секунды долетел удар взрыва.

По сухому бурьяну забегали языки пламени, освещая клубы черного дыма, повалившего из машины.

Эхо взрыва покатилося по вздрогнувшей поверхности лимана с ворчащим звуком чугунного ядра, пущенного по мрамору.

При багровом свете коптящего пламени люди в лодке увидели развороченный взрывом, вставший на дыбы остов машины Святослава.

Грубо распisanная осенними деревьями и архитектурными деталями города с узким памятником Воронцову и знаменитой лестницей, изображенной на брезентовой крыше, эта странная машина представляла собою зрелище агонии, полное мрачной, противоестественной красоты.

И Пете опять показалось, что это два враждебных духа — черный и красный — борются, шатаясь над скрученным остовом маленького автомобиля, ставшего на дыбы и не желающего сдаваться.

Но побеждал черный.

Наконец он победил окончательно. Густая копоть задушила чистый, красный огонь. Мрак навалился со всех сторон на светящийся остов машины, и он померк.

— Прощай, товарищ! — крикнул Святослав, срывая с головы пилотку.

Он помахал ею в воздухе, как бы посылая последний привет погибшему другу. Но глаза его были обращены еще дальше, к темному, слегка посеревшему перед рассветом горизонту.

Там, за хмурыми очертаниями Жеваховой горы, за тусклым разливом лимана, за обгорелым остовом крекинг-завода, угадывалась угрюмая полоса моря с уходящими транспортами и еще более угрюмая масса горевшего города, замершего между жизнью и смертью.

45

Хаджибеевский парк

Люди в лодке снова принялись за работу и благополучно перевалили за середину лимана.

Это была самая трудная и опасная часть пути. Дальше пошло легче. Дул попутный ветер. Вместо паруса поставили рубаху Святослава, которую держали Валентина и Петя, и скоро лодка приблизилась к берегу.

Метрах в двадцати от берега лодка все же затонула. Но это уже не представляло опасности. Вода здесь стояла не выше пояса.

Держа оружие и вещи на плечах, беглецы выбрались на пологий берег, покрытый толстым, ровным слоем целебной хаджибеевской грязи, жирной и вонючей, как вакса.

Здесь они, наконец, почувствовали себя в безопасности.

Но они ошиблись. Опасность оказалась гораздо ближе, чем можно было предположить. Неприятельская разведка уже обошла город с запада. Не встречая сопротивления, очень осторожно и медленно, она вышла на подступы к Усатовым хуторам. Тут немцы и румыны, видимо, окопались на высотках за Хаджибеевским парком и время от времени, по своему обыкновению, на всякий случай пускали осветительные ракеты в разные стороны.

Одна ракета загорелась совсем недалеко от того места, где высадился Святослав со своими спутниками.

При сильном гелиотроповом свете Петя увидел плоскую, серую поверхность грязи, кое-где тронутую алмазным налетом соли. Вся серая,

мерцающая поверхность была покрыта крупной сетью смолисто-черных трещин. В некоторых местах из грязи торчала какая-то пузырчатая, красноватая трава—«марсианская», как подумал Петя.

Развалины грязелечебницы и обгорелые столбы купален как-то особенно уныло отражались в плоской, смолисто-розовой рапной воде лимана.

Вдалеке Петя увидел трамвайную линию, которая тянулась во всю длину панорамы, с погнутыми крестами своих железных мачт, с трансформаторными шкапами и бетонными грибами остановок, пробитыми снарядами, с ржавой решеткой арматуры, видневшейся в пробоинах.

Еще так недавно туда и назад, в город и из города, с веселым звоном бегали здесь нарядные открытые вагончики электрички с плетеными откидными сиденьями. А теперь все являло вид такого безжалостного разрушения, такого мрачного, безнадежного беспорядка, что Матрера Терентьевна, тяжело вздохнув, забормотала:

— Ах, боже мой, боже мой, что они наделали, эти шибеники! — разумея немцев и румын.

Пока осветительная ракета плыла в небе, радиусами поворачивая вокруг людей едкие длинные тени, никто не двигался.

Святослав осмотрелся.

— Паршиво, — сказал он, наконец. — Эти гады уже тут.

Ракета погасла и как бы унесла с собой в темноту мрачное видение Хаджибеевского лимана, резко освещенное химическим, марсианским светом.

Беглецы еще некоторое время оставались неподвижны и безмолвны, ожидая другой ракеты. Но другой ракеты не последовало. Очевидно, их не заметили.

Тогда они пошли по засохшей грязи к трамвайной линии, взобрались на полотно и двинулись по шпалам в сторону города.

Все молчали, всецело полагаясь на Святослава, который с наганом в руке решительно шагал через шпалы.

Скоро они поровнялись с каменным, ракушниковым забором, за которым виднелись громадные, обнаженные деревья. Это был знаменитый Хаджибеевский парк.

Уже настолько рассвело, что можно было хорошо рассмотреть породы деревьев. Здесь были могучие черные вязы, буки, столетние дубы в три обхвата, еще не всюду обронившие свои тяжелые, как бы вырезанные из железа и покрытые ржавчиной листья, ореховые деревья, шелковицы, пятнистые, шоколадно-фисташковые платаны с заплывшими вензелами на коре, нежной, как лайка, и с шерстяными шариками плодов на ветках, и, конечно, акации, увешанные черными стручками.

Набор этих южных пород особенно сильно поразил Петю, привыкшего к растительности средней полосы России.

Но не только это поразило мальчика.

Было что-то смутно-знакомое, что-то тревожно-родное в очертаниях этого парка, о котором так часто слышал мальчик от отца.

Это был парк из мира папиного детства.

Здесь — Петя знал — должен быть пруд и таинственные черные лебеди с красными клювами и красными перепончатыми лапами, которые просвечивают и ломаются, как весла, в неподвижной, бутылочной воде. Здесь, в сияющей концертной раковине должен играть симфонический оркестр, должен свежо и сонно шуметь фонтан с горячей радугой в его белоснежном газовом платье и должно пахнуть теплыми розами.

Но увы, ничего этого теперь не было, кроме необыкновенных де-

ревьев, которые, как в бреду, предостерегающе размахивали своими голыми сучьями.

Святослав остановился. Остальные тоже остановились. Он стал прислушиваться. И остальные тоже стали прислушиваться. Святослав слушал довольно долго, поворачивая голову в разные стороны. Особенно долго он прислушивался к почти неразличимым звукам, которые ветер изредка доносил со стороны города.

— Я уже вроде пришел, — наконец сказал Святослав, обращаясь к Матрене Терентьевне. — Дальше я идти с вами не могу. Так что здесь мы прощаемся. Вы теперь куда?

— Не знаю, — неуверенно сказала Матрена Терентьевна. — Мы располагали как-нибудь попасть на Пересыпь, а там что бог пошлет... Думали, может удастся погрузиться в порту на транспорт или на баржу.

— Это вряд ли.

— А что?

— Да в общем ничего. Слушайте.

Матрена Терентьевна прислушалась, повернув ухо против ветра, к городу.

Она услышала отдаленную работу пулеметов и звук моторов. Она вопросительно посмотрела на Святослава.

— Чуете? — сказал Святослав, значительно поднимая брови.

— Чую, — тихо ответила Матрена Терентьевна.

— Они уже там, — мрачно заметил Святослав.

— Значит, не пройдем?

— Теперь не пройдете. И не надейтесь. Кончено.

— Как же нам быть?

На этот вопрос невозможно было ответить. Действительно: как быть, если куда ни пойдешь, всюду наткнешься на врага.

Положение казалось безвыходным.

Святослав сдвинул пилотку на лоб и почесал пальцами свой аккуратно подстриженный затылок молодого солдата. Он отставил одну ногу вперед и задумался.

Матрена Терентьевна и Петя смотрели на него с надеждой и плохо скрытым страхом. Даже Валентина, которую до сих пор не покидали уверенность и бодрость, казалась расстроенной.

Она стояла против Святослава, покусывая губы, и не спускала с него неподвижного взгляда светлых, прозрачных глаз с твердой косточкой зрачка.

Святослав думал, думал и ничего не мог придумать.

Между тем время шло. Вокруг становилось все светлее и светлее. Уже низко над степью с тонким звенящим свистом пролетело первое звено румынских истребителей, направляясь в город.

Святослав отвернул рукав гимнастерки и посмотрел на часы. Стрелки, которые уже перестали светиться, показывали без десяти минут семь.

— Мама моя родная! — воскликнул Святослав в ужасе.

Он потерял всякое представление о времени. Он никак не мог предполагать, что с того времени, как он вышел из катакомб, прошло уже более трех часов. А он должен был вернуться никак не позже, чем через час. И он ужаснулся при одной мысли, что в первый же день своей подпольной работы нарушил боевой приказ. Правда, были смягчающие обстоятельства: его никто не предупредил, что взорвана дамба и что он может оказаться отрезанным от Усатовых хуторов. Но на военной службе подобные обстоятельства не могут приниматься в расчет. Боевой приказ есть боевой приказ. Он должен быть выполнен при любых условиях, хотя бы для этого пришлось умереть.

Слегка побледнев от волнения, Святослав поправил на голове пилотку, подтянул пояс, молча взял из рук Валентины винтовку и сказал решительно:

— Прощайте, товарищи. Не имею больше возможности вас сопровождать. Добирайтесь сами. Извините.

Его сердце сжалось от боли и жалости к этим беспомощным людям. Матрена Терентьевна и Валентина были ему по-соседски хорошо знакомы, с Валентиной ему даже случалось играть в детстве и купаться в Лузановке. Но сила воинской присяги, сила боевого приказа, который он не смел нарушить, чувство ответственности перед Родиной и Партией, которые оставили его на подпольной работе в катакомбах, перевесили все остальные чувства.

От Усатовского входа в катакомбы его отделяли лишь Хаджибеевский парк, выгон и кладбище.

Святослав перебросил винтовку через забор в парк, схватился руками за верх забора, подтянулся и перенес ногу. Он уже готов был спрыгнуть на желтую траву парка, где среди лакированных плодов конского каштана лежала его винтовка, как вдруг с высоты увидел то, чего никто не мог увидеть с земли: вдоль трамвайной линии от грязелечебницы по направлению к Хаджибеевскому парку гуськом, осторожно, продвигалась вражеская разведка.

И в тот же миг он понял, что не в силах оставить на произвол судьбы женщину и двух подростков, которые, еще не видя опасности, продолжали с молчаливым недоумением, но все же спокойно смотреть на него снизу вверх.

Спасти их можно было лишь одним способом: не теряя ни секунды, помочь им перелезть в парк, отвести на Усатовское кладбище, спрятать где-нибудь недалеко от входа в катакомбы, доложить обо всем Гаврику и, если он разрешит, принять их к себе в отряд.

Сам он не только не имел права привести посторонних хотя бы в первую, самую ближнюю пещеру, он даже не имел права обнаружить перед ними скважину входа.

Нарушение этого железного закона подполья равнялось прямой государственной измене. Святослав это твердо знал. В один миг прикинув в уме все эти соображения и приняв единственно возможное решение, Святослав спрыгнул на землю.

— А ну, живо за мной! На ту сторону!

И прежде чем его спутники успели сообразить, что от них требуется, Святослав снова вскочил верхом на забор и протянул руки Матрене Терентьевне.

Он думал, что именно ей, как женщине пожилой, будет трудней всего перелезть через забор. Но Матрена Терентьевна, как это ни странно, проявила неожиданную силу и ловкость.

Она решительно перебросила через забор свои вещи, а затем, почти не притронувшись к протянутой руке Святослава, подпрыгнула с легкостью девочки, упала грудью на забор и, смахнув со лба волосы быстрым движением руки, прыгнула в парк. При этом она даже как-то очень по-детски, озорно и неожиданно крикнула:

— Гоп!

Видно, в критическую минуту ее жизни в ней проснулась девчонка с Ближних Мельниц, и она почувствовала себя не Матреной Терентьевной, а той самой белобрысой, стриженной Мотей, для которой ничего не стоило с ловкостью кошки взобраться на самую высокую шелковицу или спрыгнуть с обрыва в воду.

Больше всего возни было с Петей.

Видя нерешительность мальчика, Валентина попробовала его подсадить за локти. Он сердито вырвался и стал сам карабкаться на забор. Но так как одна рука у него была занята гранатой, а другая не доставала до верха, то из его попытки ничего не вышло. Он только еще больше ободрал себе ногти и снова ушиб колено.

— Давай же я тебя подсажу, чужак человек. Чего ты стесняешься? — говорила Валентина с досадой.

Но Петя готов был испытать любую боль, лишь бы не уронить своего достоинства перед этой девочкой, которая и без того уже чересчур привыкла командовать и обращаться с ним, как с маленьким.

— Пусти, я сам! Пусти, я сам! — упрямо повторял он, отталкивая Валентину локтями, и снова кидался на проклятую стенку, обдирая полущубок о колючий ракушник и неизбежно соскальзывая вниз.

— Положь гранату! — кричала Валентина.

— А ты не командуй, — сквозь зубы говорил Петя, снова кидаясь на стенку и еще крепче прижимая к себе гранату.

— Говорю, положи гранату!

— Ш-ш-ш-утишь! — шипел Петя, еще крепче стискивая зубы.

Не так-то легко было заставить Петю расстаться с оружием, с настоящим смертоносным оружием, которое он первый раз в жизни получил в руки.

Наконец, Святослав потерял терпение.

— Давай сюда гранату и не морочь голову! — рявкнул Святослав.

Он перегнулся вниз и ловко выхватил из рук мальчика гранату.

— А теперь давай сюда!

Свободной рукой Святослав поймал Петю за ворот полущубка и подтянул к себе. Полущубок затрещал, но не порвался. Петя повис в воздухе.

— Валентина, давай!

Валентина проворно нагнулась, и в следующее мгновение петины ноги уперлись в ее плечи. Она с силой выпрямилась, и не успев мальчик ахнуть, как перелетел через забор и, мягко подхваченный сильными руками Матрены Терентьевны, повалился на траву рядом с глобусом и конскими каштанами. И за стеной Петя услышал веселый, даже немного злорадный хохот Валентины.

Да, она смеялась!

Несмотря на всю серьезность положения, она не могла удержаться от смеха.

От обиды у мальчика загорелись уши. С ним обошлись, как с бессильным ребенком. Он готов был заплакать. Ему хотелось крикнуть Валентине через забор что-нибудь необыкновенно язвительное.

Но времени, чтобы заводить ссору, не было.

В следующий миг через забор перепрыгнула с разлетевшимися волосами, раскрасневшаяся, еще не успевшая остыть от смеха Валентина, а за ней с гранатой в руке перемахнул Святослав.

Наскоро подобрав оружие и вещи, они побежали через парк. Они бежали прямо по разоренным цветникам, усыпанным желтыми листьями, где местами еще чернели большие звезды сломанных, гниющих георгин.

— Ничего, я тебе это попомню, — сказал Петя на бегу, стараясь толкнуть Валентину локтем.

— Или! — ответила Валентина загадочным одесским словом, в котором заключался задорный вызов с оттенком высокомерного презрения.

— Вот тогда узнаешь «или», — зловеще пробормотал Петя.

— На! Только не плачь, — сказал Святослав, на бегу протягивая огорченному мальчику гранату. — Смотри, поаккуратнее.

— Или! — вызывающе буркнул Петя, невольно подражая Валентине.

Они пересекли парк, мелькая между стволами столетних деревьев. О, как громадны, как сумрачны казались эти деревья! Потом они продирались сквозь спящее царство густого шиповника, унизанного оранжево-алыми кораллами плодов.

То и дело приходилось перепрыгивать через траншеи и щели, вырытые поперек заросших дорожек и среди цветников.

Они миновали длинный корпус санатория с двумя рядами легких балкончиков по фасаду. Совсем недавно здесь было нарядно, очаровательно. Но теперь все было поломано, запущено. Над балкончиками трепались клочья полосатых тентов. Под ногами валялась битая посуда и черепица, упавшая с крыши. Суставы водосточных труб висели на ржавых костылях. Ветер шевелил листки обожженной бумаги.

Столетний дуб, расколотый снарядом, сидел перед домом, заломив черные старые руки, как слепой бандурист, и земля перед ним была щедро усеяна медными деньгами листопада.

И нигде не встретилось ни одной живой души. Все вокруг было мертво.

46

Подземный ход

Наконец, сквозь пролом забора они вышли прямо к Усатовым хуторам.

Покорно следуя за Святославом, который, видимо, хорошо знал, что надо делать, они обошли молчаливые дворы хуторов, окруженные глухими, высокими, ракушниковыми заборами с плотно запертыми воротами. Почти на всех воротах висели замки. Видимо, население хуторов бежало или где-нибудь пряталось.

Они обошли безмолвную сельскую церковь, заросшую до самой паперти будяками и репейником, и очутились на кладбище, среди старых каменных плит, покрытых мхом и улитками, и грубо вытесанных из ракушника крестов, почерневших от времени, как черствый житный хлеб.

Здесь Святослав, оставив винтовку Валентине, велел всем дожидаться, а сам пошел дальше, вышел на туманный выгон, спустился в каменную балочку и скрылся из глаз в зарослях репейника, откуда с шумом как бы вывалилась и низко покатила по воздуху стая чижей.

Едва Святослав приблизился по дну балочки к входу в катакомбы, как его окликнули.

Святослав поднял голову и в зарослях дерезы, густой сеткой повисшей над щелью, увидел винтовку и карий глаз, лукаво блеснувший за прицельной рамкой.

Это был Леня Цимбал, высланный на поверхность, чтобы встретить Святослава и наблюдать за местностью, где с минуты на минуту могли появиться немцы и румыны.

— Слава богу, наконец-то вы явились, — сказал Леня с ядовитой вежливостью. — Очень приятно вас видеть. Отряд сильно нервничает без ваших ежиков.

— Ежики есть, — коротко отрезал Святослав.

— Но это вам не поможет, — сказал Леня, любезно приподымая над входом длинные плети дерезы. — Зайдите. Прямо до командира. —

И прибавил уже совсем другим, серьезным тоном: — Что слышно в городе?

— Я в самом городе не был. Только на Пересыпи.

— А что на Пересыпи?

Святослав только махнул рукой.

— Понятно,— сказал Леня Цимбал.— На разведку не наткнулся?

— Как же. Только что. Они уже по эту сторону Хаджибеевского лимана.

— Что ты говоришь! — воскликнул Леня, и сразу же его лицо стало серьезным, напряженным. — И много?

— Человек шесть.

— Хай им чорт!

Не желая больше задерживаться и не сообщив Лене, что он привел с собой Матрену Терентьевну, Валентину и еще одного хлопчика, которых оставил в укрытии на кладбище, Святослав поспешно пролез в щель и очутился в ближней пещере.

— И скажи им там, чтоб они мне выслали смену, а то я уже здесь сижу четвертый час,— крикнул ему вслед Леня.

— Ладно, скажу.

С тех пор как Святослав вышел за ежиками, в пещере многое переменялось. Сейчас в ней оставались только наиболее крупные вещи: несколько больших фанерных ящиков и железная бочка с газолином. Все остальное, очевидно, было уже вынесено по подземным ходам в глубину катакомб, туда, где по плану и должна была находиться главная квартира отряда.

В глубине тесного и очень темного подземного хода светился маленький желтый огонек.

Святослав вошел в этот ход и, согнувшись, чтобы не стукнуться головой о низкий земляной свод, пошел на согнутых ногах по направлению огонька.

Неподвижный, застоявшийся воздух был сыр и холодно-душен. Подземная, непроницаемая тьма так плотно окружала Святослава, так наваливалась на него со всех сторон, что, казалось, о нее можно каждую минуту удариться лицом, как о глыбу угля.

Огонек впереди представлялся маленькой дырочкой, высверленной в этой черной глыбе.

Святослав осветил себе электрическим фонариком, но даже этот обычно яркий свет показался здесь совсем слабым, рассеянным.

Круг электрического света, как бы составленный из концентрических световых колец, скользнул по серым земляным сводам, покрытым слоем мертвенной, подземной пыли.

Под ногами была та же мертвенная пыль, и на ней виднелись перепутавшиеся следы ног. По этим следам Святослав понял, что идет именно туда, куда нужно.

Подземный ход стал суживаться.

Наконец он сузился настолько, что пришлось опуститься на четвереньки и ползти. Святослав пополз. А впереди, все так же далеко, продолжал светиться огонек, от которого, как от маленького светящегося паучка, во все стороны расстилались золотистые нити тоненькой, слабой паутины.

Через несколько метров подземный ход стал опять расширяться. Святослав встал на ноги и пошел. Сначала он шел, сильно наклонившись вперед, на согнутых ногах. Но потом ход настолько увеличился, что можно было идти уже не нагибая головы, во весь рост.

Постепенно подземный ход стал превращаться во что-то вроде штрека с довольно высоким сводом, но только без креплений. Стены и потолок здесь уже были не земляные, а каменные, ракушниковые, но так же густо покрытые мертвенной, подземной пылью.

Маленький огонек впереди казался все так же недосыгаемо далеко. И вдруг совершенно неожиданно он очутился перед самым носом. Это была керосиновая коптилка, наскоро сделанная из флакончика «ТЭЖЭ» с воткнутой в него трубочкой и фитильком, скрученным из ваты.

Коптящее пламя горело совершенно неподвижно и заколебалось лишь тогда, когда Святослав подошел к нему вплотную.

Светильник стоял на большом ракушниковом бруске, прислоненном к стене.

Святослав сразу понял, что это своего рода маяк, специально поставленный здесь, чтобы показывать путь подземному путешественнику.

Он не ошибся.

На пыльной стене, хорошо освещенной коптилкой, он заметил выскобленную стрелку, показывающую направление. Он пошел по этому направлению дальше, не сворачивая в боковые ходы, время от времени попадавшиеся на его пути. Впрочем, поперек этих ходов на земле были нацарапаны поперечные черточки, очевидно предостерегающие, что туда идти не надо.

Штрек стал сужаться, и сужался до тех пор, пока снова не превратился в кротовый ход, по которому снова пришлось двигаться ползком.

Скоро Святослав очутился в полной тьме. Но только что он собрался осветить электрическим фонариком, как впереди показался новый огонек, и Святослав понял, что это следующий маяк.

Подземный ход сузился еще.

Святослав лег на живот и стал ползти по-пластунски, то и дело задевая плечами стены и чувствуя, как пыль сыплется на голову, на шею и за воротник.

Видя все время впереди золотой червячок огонька, Святослав терпеливо прополз метров десять. Он понимал, что ход скоро начнет расширяться.

И действительно, скоро ход расширился. Уже можно было идти на согнутых ногах.

Несмотря на то, что под землей было довольно холодно, Святослав чувствовал тягостную духоту. Он обливался потом. Мозг устал от подземной тьмы. А впереди, все так же слабо, неподвижно горел огонек, казавшийся неизмеримо далеким и маленьким, как дырочка, высверленная буравчиком в глыбе угля.

Святослав представил себе: что бы случилось, если бы вдруг погас этот огонек и если бы у него не оказалось при себе электрического фонарика?

Он представил себе это и ужаснулся.

Как двигаться в этой кромешной тьме, в этой преисподней, без света? А главное, куда двигаться? Без маяков, не видя стрелки на стенах, не видя черточки поперек боковых ходов... Очувтившись без света, он бы неминуемо заблудился и пропал.

Теперь ему стало вполне понятно, почему Гаврик выбрал для своей партийной группы именно катакомбы.

Только в катакомбах его маленький отряд мог считать себя почти в полной безопасности. И в самом деле. Как мог проникнуть в катакомбы враг, хотя бы он разведал вход самым достоверным образом? Пускай бы румын или немец была целая дивизия—они ничего не смогли бы поделаться с Гавриком.

Продвигаться под землей в темноте, без света, как увидел Святослав, совершенно невыносимо. Взять же с собой свет тоже невыносимо. Первый же вражеский фонарь во владениях Гаврика явится отличной мишенью. В него можно без промаха бить из темноты. А так как двигаться можно только гуськом и очень медленно, то ни один враг, появившийся с фонарем, не избежит пули или ручной гранаты, сколько бы врагов ни было и как бы хорошо они ни были вооружены.

Без света нельзя и со светом нельзя. Без света смерть и со светом смерть. Побеждает тот, кто первый завладел катакомбами. Гаврик завладел катакомбами первый.

И Святослав, который раньше в глубине души сомневался в возможности обороняться под землей такому маленькому отряду, как их отряд, теперь понял всё и от удовольствия даже засмеялся.

Он был всецело предан своему командиру. Он обожал его. Он был в него влюблен, как бывает влюблен молодой боец в своего опытного, боевого командира, прославленного храбростью. Но теперь Святослав оценил в Гаврике еще и очень хитрого, очень расчетливого человека, блестящего организатора, с которым не пропадешь.

47

«Бой под ежиками»

Святослав еще не успел добраться до следующего «маяка», как увидел впереди еще один огонек, а потом и третий.

Эти два новых огонька были покрупнее, и они двигались. Затем впереди скользнул круг электрического фонарика. Святослав увидел две фигуры. Они приближались.

Святослав тотчас помигал им своим фонариком. Они ему ответили. Это было похоже на то, как ночью мигают друг другу две встречные машины.

— Ты — «Леня»? — послышался голос Гаврика, и Святослав увидел перед собой маленькую фигуру секретаря.

В одной руке Гаврик держал фонарь «летучая мышь», а в другой — винтовку.

— Нет, это я, — сказал Святослав.

— Кто — я? Не узнаю.

— Красноармеец Марченко.

— А! — сказал Гаврик. — Святослав. Ты уже вернулся?

В голосе Гаврика Святослав не уловил гнева. В нем не было даже командирского упрека или простого раздражения.

Гаврик был спокоен и, повидимому, немного утомлен.

— Что слышно наверху? — спросил он озабоченно.

Святослав собрался с мыслями и потом очень сжато и очень точно доложил секретарю все, что с ним произошло во время командировки за ежиками. Он не упустил ни одной подробности и, разумеется, рассказал о Матрене Терентьевне, Валентине и о незнакомом парнишке Пете, которых подобрал по дороге. Как все люди одного круга, живущие по соседству, Святослав знал, что Матрена Терентьевна Перепилицкая приходится родственницей Гаврику Черноиваненко и сама урожденная Черноиваненко. Поэтому, докладывая секретарю, он назвал ее по имени, отчеству и фамилии.

— Да что ты говоришь! — испуганно воскликнул Гаврик, хотя не в его характере было так открыто выражать свои чувства, в особенно-

сти страх. Но слишком неожиданно оказалась новость, которую сообщил ему Святослав.

У Гаврика не было своей семьи. Он был одинок. Всяческая семейственность и различные родственные нежности были в высшей степени чужды его душевному складу. Но семья Матрены Терентьевны Перепилицкой или попросту говоря Моти Черноиваненко, дочери его покойного брата Терентия, маленькой стриженной девочки с Ближних Мельниц, его племянницы и одного из немногих настоящих друзей, — это было совсем другое дело.

Это была его настоящая, единственная родня, с которой он никогда не порывал связи.

Муж Матрены Терентьевны, бывший ланжероновский рыбак, а теперь председатель правления рыболовецкой артели «Буревестник», Аким Перепилицкий пользовался его неизменным уважением и глубокой симпатией, как честный старый большевик и как весьма веселый, умный человек, некогда служивший командиром эскадрона в знаменитой бригаде Григория Ивановича Котовского и впоследствии поднявший такое сложное и важное предприятие, как рыболовецкий колхоз — первый на всем одесском побережье.

Гаврик любил всех детей Перепилицких, двух добрых хлопцев, которые теперь вместе с батькой служили в Красной Армии, и в особенности дочь Валентину, в которой с большим удовольствием чувствовал особенную, «черноиваненковскую» жилку, унаследованную от дедушки Терентия.

— Да что ты говоришь! — повторил Гаврик. — Хорошенькое дело! Что ж она там делала, я не понимаю, в той степи, ночью и при такой тяжелой обстановке? Чего ее понесло?

Святослав не знал, что ответить.

— Тикала, — сказал он, пожав плечами.

— Тикала, тикала, — ворчливо заметил Гаврик. — Слышь? — обратился он к Синичкину-Железному, который стоял за его спиной, держа, так же как и Гаврик, в одной руке «летучую мышь», а в другой — винтовку.

Товарищ Железный, накрест опоясанный поверх короткого драпового пальто пулеметными лентами, ничего не ответил, а только мрачно, гулко покашлял, неодобрительно посмотрев на Святослава.

— Задача, — сказал Гаврик.

— Я было хотел вести их прямо сюда, да потом сообразил, что сперва надо доложить вам, товарищ секретарь.

— И хорошо сделал. Если бы ты привел их сюда самовольно, я бы судил тебя, как изменника.

— Да, как изменника, — гулким басом повторил за его спиной Синичкин-Железный и снова покашлял в рукав и неодобрительно посмотрел на Святослава.

Некоторое время все молчали.

— Где же ты их оставил? — наконец спросил Гаврик.

— На Усатовском кладбище.

— В укрытии?

— Сидят за могилами.

— Тяжелый случай, — сказал Гаврик и снова помолчал, видимо обдумывая положение.

Потом он решительно подтянул кушак и двинулся к выходу.

Святослав и Синичкин-Железный молча последовали за ним.

Гаврик торопился. Он не хотел показывать виду, что торопится, но он очень торопился.

— А Леониду Цимбалу ты сообщил их местонахождение? — спросил Гаврик, когда они проползли первую суженную часть пути и подошли к «маяку».

— Товарищ Цимбал ничего не знает. Я ему не докладывал. Я доложил только одному вам.

— А! — сказал Гаврик с одобрением, но вместе с тем и с большой тревогой.

Насколько это было возможно, он ускорил шаги. Он слишком хорошо понимал опасность, которая грозила Моте, Валентине и неизвестному хлопчику.

Гаврик был, конечно, далек от мысли позволить им спуститься в катакомбы и примкнуть к его группе. Одну Мотю он бы еще, пожалуй, принял. Но с нею находились дети.

Он торопился для того, чтобы поскорее повидаться с ней и, по мере сил, помочь, не открывая места своего пребывания, которое должно было при всех обстоятельствах оставаться строгойше законспирировано.

Но все вышло совсем иначе.

Едва они добрались до ближайшей пещеры, как услышали наверху винтовочные выстрелы и голос Лени Цимбала, который что-то неразборчиво кричал, по всей вероятности звал на помощь.

Они торопливо, один за другим, протиснулись в щель и выбрались на поверхность.

Слабый свет туманного октябряского утра, в первую минуту после подземной тьмы, ослепил их, как невыносимое сияние электросварки. Они потеряли способность что-либо видеть: едкие, зеленые круги плавали у них перед глазами. Они слышали частые винтовочные выстрелы и голос Лени Цимбала, во все горло кричавшего где-то поблизости:

— Тикайте сюда! Скорее сюда тикайте!

Еще не вполне освоившись с дневным светом, видя не предметы, а лишь как бы тени предметов, они побежали на голос Лени Цимбала.

Они вскарабкались по склону балки и очутились на выгоне против Усатовского кладбища. Наконец, они рассмотрели Леню Цимбала.

Укрывшись за слоистую ракушниковую скалу, Леня Цимбал стрелял с колена куда-то в сторону кладбища. Вокруг него, среди сухих коровьих лепешек и бессмертников, валялись стрелянные гильзы.

После каждого выстрела Леня Цимбал поднимался и, отчаянно размахивая фуражкой, кричал по тому самому направлению, куда стрелял.

— Сюда! Слышите, тикайте сюда. Э-эй!

И прежде чем Гаврик, на бегу щелкая затвором, добежал до Лени, он увидел метрах в ста впереди, возле низенького кладбищенского заборчика из ракушниковых кубиков, сложенных через один, необычайно вида, тупорылый, пятнистый, зелено-коричневый военный грузовик.

Два странного солдата в непривычно глубоких шлемах и синеватых шинелях втаскивали в грузовик отбивающуюся женщину. Третий странный солдат, с лицом, которое от небритой бороды казалось черным, волок за рукав мальчика в рваном полушубке, из носа у мальчика текла кровь. Четвертый солдат лежал за кладбищенским забором и стрелял из винтовки в Леню Цимбала. А девушка с раскрутившимися, разлетевшимися косами, размахивая винтовкой, бежала к балочке; за нею гнался пятый солдат или, может быть, офицер, судя по странной фуражке с громадными полями, и стрелял в девушку из пистолета. Шестой солдат, повидимому, шофер, бегал вокруг своего пятнистого грузовика, щупая простреленные баллоны и то и дело падая на землю,

желая спрятаться от пуль, которые одну за другой посылал Ленья Цимбал.

На выгоне валялись какие-то вещи, видимо брошенные во время свалки; слышались разнообразные крики — ругательства, стоны, приказания, заглушаемые винтовочными выстрелами.

И все это вместе, повидимому, было продолжением чего-то, начавшегося тогда, когда Гаврик услышал первые выстрелы.

В ту самую минуту, когда Гаврик, наконец, совершенно привыкнув к дневному свету, рассмотрел эту картину, Ленья Цимбал опять выстрелил. Румынский шофер, бегавший вокруг машины, вдруг споткнулся, завертелся волчком и со всего маху хлопнулся на спину, раскинув руки.

Сейчас же вслед за этим пуля свистнула в воздухе, как хлыст, и рядом с Леньей Цимбалом из скалы брызнули осколки ракушника.

— Мимо! — в упоении крикнул Ленья. — Ах, гад, промазал! — и приложился опять

Но прежде чем он успел нажать спусковой крючок, из-за его спины раздался выстрел Синичкина-Железного, и солдат в синей шинели под кладбищенским забором, вскрикнув, выронил винтовку.

Он быстро замахал кистью руки, как человек, обжегший пальцы. Было видно, что пальцы у него стали яркокрасные.

Тогда быстро приложился и выстрелил Гаврик.

Только теперь Ленья Цимбал, всецело поглощенный перестрелкой, заметил, что наконец подоспело подкрепление.

— Ребята, за мной! — закричал он отчаянным, «пересыпским» голосом и выскочил из своего укрытия.

— Бей их, паршивых мамалыжников, кто в бога верует! Я их знаю!

И с винтовкой наперевес Ленья проворно побежал вперед по открытому выгону, подернутому лиловатой слюдой иммортелей.

Следом за ним бросились вперед и другие.

Все это случилось в один миг. Так же мгновенно произошло и остальное.

Солдаты, которые втаскивали Матрену Терентьевну в грузовик, и тот солдат, который волок Петю, бросили своих пленников и что есть духу побежали назад, к усатовской дороге, делая на бегу зигзаги и перепрыгивая через препятствия.

Девушка с разлетевшимися косами вдруг остановилась как вкопанная и круто повернулась к офицеру, который по инерции налетел на нее. Они очутились лицом к лицу. Но вместо того, чтобы стрелять, офицер довольно глупо стал ловить свою громадную фуражку, слетевшую с головы. Тогда Валентина схватила винтовку за ствол и занесла приклад над головой офицера; удар пришелся по шее.

Офицер сел на землю. В тот же миг подбежал Святослав и сунул ему наган в ухо. Святослав сморщился, прикусил губу, выстрелил и побежал дальше, машинально перепрыгивая через сухие коровьи лепешки.

Пока Матрена Терентьевна со злым, воспаленным лицом бегала по кладбищу и по выгону, собирая вещи, пока Петя всхлипывал и стирал рукавом с подбородка кровь, остальные сделали еще несколько выстрелов по убежавшим румынам.

Румыны скрылись.

Ленья Цимбал хотел их преследовать, но Гаврик запретил, совершенно справедливо полагая, что на выстрелы могут подоспеть более крупные силы неприятеля, а открывать бой в создавшейся обстановке не представляло необходимости и не входило в задачу подпольной группы.

Если не считать трех убитых румын и выведенного из строя неприятельского грузовика, подожженного неукротимым Ленею, то единственным последствием этой первой операции, которая впоследствии в истории отряда Гаврика получила название «бой под ежиками», было то, что волей-неволей пришлось пустить в катакомбы Матрену Терентьевну, Валентину и Петю.

А уж раз их впустили, то по железному закону конспирации обратно выпустить не могли.

С этого же времени вход в катакомбы, через который Святослав отправился за ежиками, получил условное название «ежики».

Таким образом, маленький отряд Гаврика после «боя под ежиками» пополнился тремя новыми членами.

48

Снова в Одессе

Был темный, гнилой день поздней осени, один из тех коротких и вместе с тем как-то мучительно растянутых дней, не только лишенных малейшего проблеска радости, но даже лишенных надежды на самую отдаленную возможность чего-нибудь хорошего.

Такие ноябрьские дни с их сводящим с ума однообразием особенно подавляют на юге, где в памяти еще так свежи яркие краски лета.

Петр Васильевич с утра ходил по городу, стараясь дважды не появиться в одних и тех же местах.

Он без устали ходил из улицы в улицу, пересекая город в разных направлениях, и не находил места, где бы можно было остановиться и отдохнуть.

Всюду было одинаково ненадежно.

Никогда еще Петр Васильевич не видел Одессу, милый город своего детства, таким тягостно-однообразным, до отвращения будничным и в то же время таким предательски-опасным.

Ветер гнал непогоду с моря.

Холодный дождик то усиливался, то ослабевал. То он сыпался, как крупная дробь, то плыл тончайшей кисейной пылью.

Город был тягостно безлюден.

Лишь на центральных улицах, по-воровскому быстро, разъезжали немецкие и румынские малолитражки, сплошь покрытые серой грязью проселочных дорог.

На перекрестках стояли заставы эсэсовцев.

На площадях и бульварах саперы спешно строили пулеметные гнезда и заливали бетоном бункера.

Блестящие от дождя клеенчатые макинтоши румынских офицеров и их непомерно большие, твердые фуражки с шитыми золотом гербами призрачно возникали в туманном воздухе.

Среди рубчатых очертаний обвалившихся стен и скрученных железных балок копошились люди с носилками, нагруженными строительным мусором. Это мобилизованное население по приказу оккупационных властей приводило в порядок город.

Но разве можно было привести его в порядок?

На стенах и на бетонных афишных тумбах резко белели чудовищно-жестокое приказы военного командования, напечатанные на двух языках.

Возле некоторых домов, отражаясь в мокром асфальте, неподвижно стояли темные фигуры людей, пришедших регистрироваться.

Всюду царил тягостный, подавляющий сознание порядок, которым первое время так гордились оккупационные власти.

В воротах домов стояли испуганные дворники в белых фартуках с новенькими металлическими бляхами.

Войска расположились на окраинах, в пригородах, на слободах. Там дымили походные кухни, там раздавались до оскомины резкие и дисгармоничные сигналы горнистов, там слышался тот грубый, слитный гул массы сапог и те отрывистые слова команды на чужом, непонятном языке, которые выразительней всяких приказов говорили о страшной беде, постигшей город.

Петр Васильевич ходил по городу, избегая окраин и центральных улиц.

Он выбирал средние кварталы города, те однообразные, геометрически распланированные, прямо пересекающиеся улицы, в бесконечных пустынных коридорах которых, насыщенных мутным воздухом ненастья, среди утомительных рядов голых акаций, можно было как-то исчезнуть в туманной пустоте, раствориться, самому сделаться таким же прозрачным, как эти призрачные акации.

Петр Васильевич шел, мелькая среди черных, наполовину выбеленных стволов, как призрак. Его зрение и слух были обострены.

На что он рассчитывал? Какой был у него план?

По правде говоря, у него не было уже никакого плана, и он уже ни на что не рассчитывал. В глубине души он надеялся лишь на чудо. Его вела, как ему казалось, какая-то высшая сила. Какой-то могучий инстинкт руководил каждым его движением. Он шел, почти не сознавая, куда и для чего он идет. Так идет лунатик по краю карниза.

Боялся ли он?

Нет, слово «бояться» — не то слово. Он весь был охвачен холодным неподвижным ужасом от постоянной, неподвижной и неизменяющейся мысли, что в любую минуту может «попасть им в руки».

Тошнота отвращения сжимала его сердце, леденила руки и ноги.

В то же время он видел все вокруг с поразительной четкостью, замечал каждую мелочь, каждую подробность, каждое самое ничтожное изменение обстановки.

Город, где с детства ему был знаком каждый дом, поворачивался к нему то одним углом, то другим, и он узнавал его и не узнавал.

Это было похоже на сон, в котором человеку является умершая мать. Она ходит. Она смотрит. Она шевелит губами. Но человек знает, что она мертва. Он не может подойти к ней. Никак не может заставить ее посмотреть на себя. Она все время смотрит, но смотрит куда-то мимо и улыбается мимо немой жалкой улыбкой. И медленно уплывает, исчезает, растворяется в туманном, тягостном воздухе сна.

Петр Васильевич был совсем не похож на себя, одетый в молдавскую домотканную свитку, выкрашенную луковой шелухой. На голове его была высокая баранья шапка, в руках кнут, за спиной — торба с хлебом и салом.

Его загорелое лицо, сильно заросшее темной бородой и усами, его карие, почти черные глаза с цыганским отливом — все это как нельзя лучше соответствовало его одежде, а шерстяные домотканые штаны, заправленные в шерстяные носки и остроносые постолы из бараньей кожи с сыромятными ремешками, дополняли живописный портрет молодого молдаванина, приехавшего из глухого села на базар и отправившегося с базара в город за покупками.

У Петра Васильевича за пазухой лежал, завернутый в тряпку, старый дореволюционный вид на жительство, выданный на имя крестьянина

Бессарабской губернии, Аккерманского уезда, села Будáки, Саввы Тимофеевича Улиера с новым штемпелем румынского жандармского легиона. Петр Васильевич уже несколько раз предъявлял эту ветхую бумагу, истлевшую на сгибах, и до сих пор все обходилось благополучно.

Даже при въезде в город, возле Чумки, где документы просматривали особенно строго, Петр Васильевич не возбудил никаких подозрений.

Он сидел на подводе, рядом со старухой Улиер, а старик Улиер вел лошадей за повод. Румыны похлопали руками по мешкам с кукурузой и по корзинам с помидорами, заглянули в кадочку со сливовым повидлом и, видимо, остались очень довольны.

Вообще в первое время они всячески поощряли торговлю деревни с городом и были рады, что крестьяне везут продукты на одесский рынок. В этом они усматривали прочность своего положения на захваченной советской земле, которую уже считали своей провинцией и даже называли «Транснистрия».

Старуха Улиер дала румынским солдатам, проверявшим пропуска, кусок сала и мешочек кукурузной муки. Солдаты сначала отказались и сделали непристудно честные лица. Но старуха Улиер уговорила их. В конце концов они взяли сало и кукурузную муку и отнесли в дощатую караулку, сказав на прощанье «по-русски»:

— Хорошо. Торговать хорошо. Городнуй есть кушать. Надо везти кушать. Советски не хорошо. Румыни зер гут.

На первых порах им строжайше запрещалось обижать мужиков. Они старательно говорили по-русски.

Они могли бы и не изъясняться по-русски, так как старик Улиер отлично говорил по-румынски. Собственно, он говорил по-румынски не хуже, чем по-русски. Как постоянный житель Бессарабии, он некогда был русским подданным. Он служил в русской армии, в той самой батарее, где во время первой мировой войны служил и Петр Васильевич. Они были старые боевые товарищи.

Улнер и тогда уже был немолод. Он был ополченец. А Петр Васильевич был почти мальчик, вольноопределяющийся. Но они воевали вместе, а фронтовая дружба никогда не забывается.

Потом румыны захватили у молодой Советской Республики Бессарабию, и молдаванин Улиер сделался румыном, хотя в душе всегда считал себя русским.

Он так долго жил под властью румын, которые строжайше запрещали говорить по-русски, что с трудом помнил русский язык.

Словом, Улиер был почти румыном. И это очень помогло Петру Васильевичу. Пожалуй, если бы ему не посчастливилось разыскать Улиера, он давно бы уже сидел в каком-нибудь румынском или немецком лагере для военнопленных, а может быть его уже и вовсе не было бы в живых.

Батарея, которой командовал Петр Васильевич как старый артиллерист, еще на марше попала в окружение. Это случилось на крайнем левом фланге Южного фронта, в бессарабской степи, которая круто обрывалась в море.

Петр Васильевич не растерялся. Дело в том, что один раз в жизни он уже побывал в подобном положении.

Тогда тоже вокруг была степь и эта степь тоже упиралась в Черное море. Это произошло на Румынском фронте, в 1916 году, в Добрудже.

Несколько суток тогда батарея шла без дороги среди баштанов и кукурузных плантаций, по бесконечному жнивью, разросшемуся позд-

ней ежевикой. И во все стороны, насколько хватало глаз, степь блестела на солнце слюдяным, соломенным сиянием.

Тогда румыны были союзниками русских, и немецкий генерал Макензен прорвал Румынский фронт, и румыны побежали, бросив на произвол судьбы батарею, где служил Петр Васильевич.

Трое суток батарея шла без дороги и без пехотного прикрытия. На четвертые сутки она наткнулась на немцев. Командир разделил батарею повзводно. Все три взвода он повернул фронтом в разные стороны. С четвертой стороны было море. Посередине поставили лошадей, передки, зарядные ящики, кухню и обоз первого разряда.

Полковник выстрелом батареею и сказал, что будет драться до последнего патрона.

И он сдержал свое слово.

Двое суток батарея отбивалась от немцев на картечь, а на третьи сутки, ночью, незаметно спустили орудия с обрыва к морю и ушли по берегу на соединение со своей бригадой.

Вольноопределяющийся Бачей был телефонистом на одном из самых отдаленных наблюдательных пунктов. Он не успел смотать провод и поспеть на батарею, когда она уходила.

Потом, с телефонным аппаратом и двухкилометровой катушкой кабеля на спине, он десять суток шел, изнемогая от голода и жажды, между немецкими авангардами и русскими арьергардами. Он шел по страшной, пустынной, вытопанной земле, среди разрушенных сел, среди пылающих стогов соломы, среди брошенного прямо на дороге скарба беженцев, по тому ни на что не похожему, исковерканному пространству, которое называется «нимальс ланд» — ничья земля.

И вот теперь, через двадцать пять лет, с ним повторилось почти то же самое. Только теперь это было не в Добрудже, а рядом, через Дунай — в Бессарабии, и он был не мальчиком-вольноопределяющимся, а уже немолодым человеком, командиром батареи ополчения Красной Армии, и воевал все с теми же немцами, а кроме того и с румынами, ставшими союзниками немцев.

49

Батарея ведет огонь

Они прижали его батарею вплотную к самому обрыву. Казалось, что можно упереться спиной в высокую стену моря.

Над степью сияло громадное, невысокое солнце. Листья поломанного виноградника горели против солнца, как янтари. Сильный ветер дул в лицо. Дикое, беспощадно пустынное море, равнодушное ко всем человеческими страстям и мукам, светилось такой яркой синевой, такой резкой зеленью на горизонте, что на него больно было смотреть.

Иногда из воды выскакивали белые фонтаны от снарядов, делавших перелет.

Снаряды, делавшие недолет, выбрасывали из баштанов и виноградников черные столбы земли, рыжие столбы глины, золотисто-туманные столбы песка.

Взрывы затягивали солнце мрачным, траурным крепом. Мгла плыла вокруг.

Снаряды, падавшие на батарею, швыряли вверх обломки колес, рваную сбрую, людей, стреляные гильзы. Они вырывали громадные ямы и обрушивали на прислугу тонны рыже-черной горячей земли и гравия.

Уже были выбиты все люди и приведены в негодность три пушки из четырех.

Оставался в живых один лишь Петр Васильевич. Он не сознавал, что остался один. Он продолжал бегать по фронту батареи, проваливаясь в ямы, с глазами, ослепленными огнем и песком, и кричал что было сил, не слыша собственного голоса.

— Картечью! Четыре патрона беглых! Огонь!

У него еще хватило сил схватить патрон, не снимая со снаряда колпачка, зарядить пушку и выпалить наугад куда-то прямо в спящую мглу, в адское солнце, туда, откуда — он это чувствовал безошибочно — на него наступал враг.

Враг был невидим, весь облитый, расплавленный солнцем. Но Петр Васильевич чувствовал его приближение тем особым военным чувством, которое вдруг проснулось в нем после стольких лет счастливой, мирной жизни.

— Четыре патронов беглых! Картечью! Огонь!

Он кричал и не чувствовал, как у него болит и пылает надорванное криком горло.

Он никогда не отличался особенной храбростью. Конечно, он не был и трусом. Он всегда был просто осторожен. Чувство самосохранения руководило его поступками. Но теперь он был в состоянии такого душевного напряжения, такого запальчивого самозабвения, почти восторга, для которых не подходили обычные понятия: храбрость, трусость, самосохранение, самопожертвование.

Он — дрался.

Он просто дрался. Он дрался, не помня себя. Единственная сила, которая безраздельно владела им в эту минуту, была сила мстительной ярости.

Он мстил врагам за их подлость, за их коварство, за их высокомерие, за желание уничтожить Советский Союз и превратить свободных советских людей в рабов.

Он убивал за то, что его заставили убивать.

Он мстил всем черным силам, обрушившимся на тот светлый мир, который с таким упорством, с такой вдохновенной страстью в течение четверти века строили все советские люди и в том числе он, Петр Васильевич, бывший Петька Бачей с Канатной угол Куликова поля.

Он всегда любил свою Родину. Но он никогда не думал, что эта любовь может так жечь. Она была сильнее страха, сильнее самосохранения, сильнее самой смерти, которая дышала огнем в самое его лицо, обжигала его ресницы, осыпала осколками, рвавшими на нем снаряжение и обмундирование.

Он совершенно не боялся смерти. Он ее просто не замечал.

Он был оборван. Одежда висела на нем клочьями. Но на его теле не было ни одной царапины. Это было странно. Но это было так. Недаром же он всегда считался счастливчиком, «везучим». Недаром же, как говорила покойная тетя, у него были две макушки.

Он стоял один над обрывом среди своей уничтоженной батареи и, вытирая с лица жаркий, грязный пот, продолжал сражаться, стреляя в тусклый дым, сквозь который низкое солнце висело над степью, как раскаленная копейка.

— Огонь! — закричал он сам себе и дернул за шнур.

Но затвор заклинился.

И в этот же миг снаряд со свистом упал перед ним, но не разорвался, а только отколол часть земли, на которой стоял Петр Васильевич.

Вместе с землей он пополз вниз обрыва. Земля треснула под его ногами. Он провалился в трещину. Он выкарабкался из трещины. Земля

еще раз треснула, и он, раскинув руки, полетел спиной вниз с обрыва в песок, догоняя свою каску, которая полетела вниз еще раньше его.

Над ним очень низко, с ревом, пронеслось звено немецких истребителей.

Его накрыло песком и глиной.

Когда же он очнулся от обморока и выбрался из песка, он увидел белую, магнетическую луну, повисшую в небе над краем обрыва.

50

Старые знакомые

Петр Васильевич ощупал себя и понял, что он цел.

Болела спина, но не слишком сильно. Уши, рот, нос были забиты песком.

Вокруг стояла громадная тишина, и в этой странной, целебной тишине слышалось неторопливое, мерное шипенье наступающего и отступающего прибоя.

Он понял, что бой ушел уже далеко на восток и что он находится на земле, занятой врагом. Он подождал, когда стемнеет, и потом пошел по прибрежному песку, вдоль обрывов, которые стояли рядом с ним, недоступно высокие, молчаливые, темные и равнодушные к тому, что происходит с ним.

По отвалившемуся спуску он поднялся наверх и увидел степь, седую от росы, от полыни и от лунного света.

На фоне лунного неба стояли необыкновенно черные силуэты низких и длинных строений, окруженных, повидимому, фруктовым садом. Все вокруг бесстрастно молчало.

Это было мертвое молчанье степной, осенней ночи.

О, как знакома была Петру Васильевичу с детства эта картина степной осенней ночи, это сочетание серебристо-голубого лунного неба с черными силуэтами крыш и голых деревьев.

Но чего-то нехватало. Что-то делало эту картину неполной, неправдоподобной, как во сне.

Вдруг он понял.

Нехватало далекого собачьего лая. Нехватало колотушки сторожа. Нехватало жизни. Это было полное, невозмутимое молчание смерти. Хутор был брошен.

Петр Васильевич подошел ближе и увидел развалины дома. Он заглянул в выбитые окна и увидел луну.

Осенняя луна жила в мертвом доме.

Под ногами хрустели ракушки, которыми, видимо, посыпали дорожки сада. Он подумал, что это, наверное, лиманские ракушки. Он был уверен, что это не морские, а именно лиманские ракушки, зеленовато-ржавые. Сейчас, при лунном свете, они серебрились.

Но почему же Петр Васильевич сразу понял, что это лиманские ракушки, а не морские?

Он обогнул мертвый дом, хрустя серебристыми ракушками и битым стеклом, и очутился в старом фруктовом саду.

Это был абрикосовый и отчасти яблоневый сад, поломанный и ограбленный войной.

Голые тени деревьев сиротливо лежали на земле, покрытой палыми листьями. Было что-то знакомое в этих абрикосах и яблонях, окруженных сухим сиянием осенней луны.

Петр Васильевич заметил старую кадку и машинально заглянул в нее. Но прежде чем он увидел то, что было в кадке, он уже знал, что

он сейчас увидит. Он знал, что увидит воду, которая таинственно блеснет каленой синевой лунного света, и огрызок яблока в этой воде.

Он нагнулся и, действительно, увидел яблоко, плавающее в колдовской воде, блеснувшей каленой синевой лунного света.

Несомненно, все это уже когда-то было.

Наклоняя голову, чтобы не задеть за низкие ветки, он прошел через весь этот сквозной, печальный сад.

Дальше должен быть гарман и большие, как дома, тесно поставленные скирды старой соломы с узкими коридорами между ними. И он тотчас увидел эти скирды и по узкой улице между этими соломенными, слежавшимися домами вышел в степь, освещенную мертвой луной.

Далеко в степи, на горизонте — как и следовало ожидать! — лежало розовое зарево пожара. Горела Балабановка. Она горела «тогда», и она горела теперь.

Но «тогда» было еще что-то.

Тогда были ракеты. Ядовито-зеленый бенгальский дым вспухал среди кустов и цветочных клумб. И была розовая, длинноногая, в розовых чулках фея. У нее были распущенные по плечам локоны. Она шурилась папиросной бумагой платья. И белки ее жарких невинных глаз блеснули под старыми яблонями точно так же, как и вода в кадке — каленой синевой лунного света.

Что же случилось с Петром Васильевичем?

Пока он кочевал со своей батареей по знойным жнивьям Бессарабии, пока он сражался, стреляя, строил параллельный веер, подписывал ведомости на приварочное, денежное и вещевое довольствие, и полз среди кукурузы со стереотрубой подмышкой на наблюдательный пункт, и опять стрелял и кричал в полевой телефон, и падал, сбитый с ног взрывной волной, и обливался едким потом, от которого насквозь промокали документы в боковом карманчике гимнастерки, — он забыл всю свою жизнь, кроме войны в Добрудже двадцать пять лет тому назад.

Тогда Добруджа, теперь — Бессарабия.

Не было ничего, кроме Добруджи и Бессарабии, кроме пушек, смерти, зноя, жажды, баштанов, ежевики по жнивью.

И это все переходило одно в другое и продолжалось, и ничего другого в жизни как будто и не было.

Нет, было конечно и другое, много другого, но теперь оно — это «другое» — казалось таким случайным, непрочным, непостоянным, таким бесконечно далеким и, в сущности, незначительным.

Теперь же, стоя в степи, облитой мертвым лунным светом, Петр Васильевич вдруг почувствовал, что он забыл и «это», так же как он забыл и «то».

Теперь было только что-то бесконечно давнее, детское и то, что окружало его сейчас, в данную минуту. И это давнее, и это настоящее было одно и то же, и кроме этого, казалось, нет в жизни ничего другого.

Была только вода в кадке, яблоко в воде, был он — мальчик Петя — и далеко в степи горела Балабановка.

Она горела тогда, и она горела теперь.

Можно было подумать, что это вечный пожар.

Он бы ничуть не удивился, если бы вдруг услышал трубу дилижанса, те расщепленные на тонкие музыкальные волокна звуки, которые некогда пронесли по степи, отразились в обрывах, прилетели назад отголоском далекого эхо и разбудили его — маленького мальчика Петю — для какой-то новой, тревсжной и печальной жизни.

Он теперь узнал этот сад, эту полуразрушенную экономию, железную башенку цистерны, скирды, гарман и горящую на горизонте Балабановку — огненный след легендарного Котовского, проскакавшего со своей дружиной в степи.

Теперь Петру Васильевичу не надо было даже вынимать из брезентовой полевой сумки свою трехверстку.

Он и без карты знал, где он находится и куда ему теперь надо идти. Конечно, следовало идти в село Будáки, где легко можно прятаться в пустых рыбацких куренях.

Они были тогда. Конечно, они стоят и теперь. В этом Петр Васильевич не сомневался.

Он помнил, что было две дороги в Будáки: верхняя и нижняя. Он выбрал нижнюю, под обрывами. Это была глухая дорога, которой пользовались только рыбаки. Ему никто не встретился по дороге.

Курени, как он и ожидал, стояли на своем месте, под обрывом, на берегу лимана, между лиманом и морем.

Он сразу узнал эти камышевые треугольные домики без стен. Крыши стояли прямо на земле, как палатки.

Он забрался в курень, зная, что в это время года курени пустуют. Он зарылся в старую солому, пахнущую корой поплавок и просмоленными невсдами.

Он хорошо выспался.

А утром ему в голову пришло слово «Улиер».

Он сначала долго не мог понять значения этого забытого, но некогда очень хорошо знакомого, какого-то очень бессарабского и вместе с тем почему-то очень военного слова «Улиер», связанного с обозной повозкой, едущей без дороги по сухому, стеклянно-золотистому жнивью, поросшему ежевикой. Вместе с тем слово «Улиер» как-то очень тесно соединялось со словом Будáки.

Будáки были рядом, на горе. Но что было — «Улиер»?

Ближе всего к слову «Улиер» стояло слово ежевика. Да, когда-то они собирали вокруг батареи ежевику. Ежевика была необыкновенно крупная, сладкая, иссиня-черная, как цыганская борода. Именно цыганская борода, иссиня-черная, ежевикова борода и являлась самой существенной частью понятия «Улиер».

Бомбардир Улиер из обоза первого разряда.

Он всегда сидел с кнутом на зеленой обозной повозке, аккуратно завязанной брезентом, — бородатый солдат Улиер, который казался молоденькому вольноопределяющемуся Бачей почти стариком.

Несмотря на свою страшную, разбойничью наружность, старик Улиер говорил очень тоненьким детским дискантом и был самым добрым, самым незлобивым и самым покладистым солдатиком в батарее.

Улиер был предметом постоянных шуток, но он никогда не обижался.

Словом, это был старый боевой товарищ, с которым Петя Бачей два года служил в одной батарее. Улиер был неграмотный. Петя писал ему письма. И, разумеется, он знал, что Улиер родом из села Будáки.

Петр Васильевич оторвал с отложного воротника гимнастерки знаки различия, закопал в солому полевую сумку с документами, надел свой командирский пояс под гимнастерку и пошел в село Будáки.

Оборванный, с непокрытой головой, без пояса, с лицом, черным от копоти и загара, он мог сойти за отбившегося солдата или за раненого.

Он подобрал на дороге старое кнутовище и пошел, опираясь на палочку и хромая, в село.

Будáки почти не изменились со времен петино детства. Петр Ва-

Сильевич сразу узнал широкую, пустынную улицу, поросшую почерневшими калачиками. Так же как в детстве, торчали на дрючках плетней глечики и макитры, так же выглядели из-за плетней палки старых мальв, унизанных коробочками семян, так же белели облупленные стены мазанок и золотились карие камышевые крыши с большими гнездами аистов, грубо сложенными из сучьев.

Только не было самих аистов, этих красноногих щеголей в белых машишках с гоголевскими носами. Они давно уже улетели в теплые края, в Египет.

Так же в засохших колеях блестели остатки пшеничной соломы, и так же под стрехами висели связки янтарной кукурузы и огненные лакированные стручки перца, а на призвах сушились голубые, розовые, желтые тыквы, покрытые туманом утренней росы.

Село не пострадало от войны.

Бои, повидимому, прошли стороной. Они прошли очень быстро и не задели Будак.

Если бы Петр Васильевич воевал впервые, он, может быть, не рискнул бы открыто среди бела дня войти в село, находящееся на территории, только что занятой неприятелем.

Но он воевал не первый раз. За его плечами было две войны: первая империалистическая и гражданская. Эта война была третья. Петр Васильевич вполне мог считаться опытным солдатом. И, как опытный солдат, он понимал, что в село еще не успела войти полевая жандармерия и что местные жители еще сидят по домам, стараются не выходить на улицу и выжидают.

Его появление на улице Будак не могло вызвать никакого особенного интереса или беспокойства: пришел оборванный человек, вероятно раненый, конечно голодный; будет просить поесть, попить, переночевать. Таких несчастных людей всегда множество в районе боев. Обычно им помогают, хотя и не любят оставлять на ночлег. Дадут сала, огурцов, шматок хлеба, принесут напиток и покажут дорогу к следующему селу.

Петр Васильевич прошел, не торопясь, по Будакам и очутился на площади перед церковью с зеленой железной дверью, запертой на висячий замок.

Это была та самая площадь, где в далеком-далеком детстве — он это ясно помнил — по дороге в Аккерман останавливался дилижанс и «напугали» лошадей.

Площадь была точно такая же, как в детстве: большая, мелко истыканная копытами скота и покрытая густым пухом вокруг колодца с журавлем и каменной колодой водопоя.

Две старухи в рыжих свитках брали из колодца воду.

Петр Васильевич узнал даже тяжелую дубовую бадейку, обросшую внутри бархатной тиной, из которой старухи переливали воду в свои ведра.

Он остановился перед старухами и неторопливо отвесил им глубокий поклон ниже пояса, как деревенский нищий.

Откуда в нем вдруг взялось это притворство, эта неторопливая крестьянская повадка?

Он и сам бы не мог ответить на этот вопрос.

Умная, безошибочно точная сила самосохранения отныне вступила в свои права и стала таинственно руководить всеми его словами и поступками.

Совершенно естественно, не чувствуя ни малейшей неловкости или фальши, Петр Васильевич со смиренным достоинством поклонился ста-

рухам, а сам в это время воровато метнул глазами по сторонам — не видать ли где-нибудь за плетнем румынских жандармов.

Но вокруг все было спокойно, ничто не вызывало опасений.

Старухи пронизательно осмотрели его с ног до головы и замахали черными, сухими руками.

— Иди, иди. Иди себе с богом.

Тогда Петр Васильевич еще раз поклонился и сказал:

— Вы, часом, не знаете, где тут хата Улиера?

Старухи переглянулись, и одна из них, еще раз пытливо осмотрев Петра Васильевича, переспросила:

— Улиера?

— Улиера.

— А какого именно Улиера вам треба? — подозрительно сказала другая старуха.

Петр Васильевич сразу сообразил, что Улиеров здесь — как в любой другой деревне — может быть много, но что его Улиер, вероятно, один из самых старых Улиеров, если, конечно, это тот самый.

— Мне треба старóго Улиера, — сказал он, с чудесной легкостью произнося слово «старóго» мягко, по-украински, с ударением на первом «о».

— А на шо вам старýй Улиер? — спросила первая старуха, сильно, сморщив свое темное лицо с колечками седых волос на подбородке.

— Я со старým Улиером вместе служил на военной службе, — совершенно неожиданно для самого себя, с удивительной простотой сказал Петр Васильевич и строго посмотрел старухе в глаза.

— А где служил на военной службе старýй Улиер? — еще более пытливо спросила вторая старуха.

— В артиллерии.

— А именно в какой части?

— В шестьдесят четвертой артиллерийской бригаде, в первой батарее.

— Может быть, — сказала вторая старуха.

— Старýй Улиер сейчас у себя во дворе робит кизяки. Третья хата после церкви.

51

Старые знакомые (продолжение)

Впоследствии ему трудно было объяснить себе ту простоту и легкость, с которой всё это происходило. Но тогда он об этом совсем не думал и это не казалось ему странным или неправдоподобным.

Всё делалось так, как должно было делаться.

Он вошел, отложив плетеную калитку, во двор, прошел мимо мелко плетеной клуни, где на него бросилась, гремя цепью, лохматая собака со злющей мордой, и, наконец, увидел Улиера, месившего босыми ногами навоз, смешанный с соломой.

Узнав Улиера, Петр Васильевич ничуть не удивился.

Да и в самом деле, было ли тут что-нибудь удивительное?

Время летит. В мире происходят грандиозные события, войны, революции, землетрясения. Но большинство людей рождается, живет и умирает, не меняя места своего жительства.

Почему бы и Улиеру не жить постоянно и безвыездно в своей хате, в селе Будáки Аккерманского уезда?

Теперь он стоял перед Петром Васильевичем — босой, в подвернутых домотканых штанах, в молдаванской безрукавке, под которой видне-

лась суровая рубаха с синенькими стеклянными пуговичками, а на бурой шее болтался старый киевский крестик, тот самый эмалевый крестик, который вольноопределяющийся Пётя Бачей видел на бурой шее Улиера, когда они под Сморгонью купались в реке Вилии.

У старого Улиера была все такая же громадная, курчавая, круглая, синяя борода, только теперь она сильно отливала сизой сединой, отчего стала еще более ежевиковой.

На голове Улиера красовалась старая фетровая шляпа, производившая, в соединении с босыми ногами и безрукавкой, несколько комическое впечатление.

Но даже эта явно румынская шляпа весьма подходила ко всему цыганскому облику Улиера.

Петр Васильевич подошел к старику и, размашисто протянув руку, сказал:

— Здорово, конокрад!

И тут же внутреннее чувство такта сказало ему, что он перехватил. Старик Улиер смотрел на него неприязненно и неподвижно.

Петр Васильевич смутился и сказал:

— Здорово, Улиер.

Тогда старик Улиер посмотрел на него из-под ладони, как на солнце, и сказал своим пронзительным детским дискантом с несколько иронической интонацией:

— Здорово, здорово.

— Не узнаешь?

— Зачем не узнаю. Узнаю, — еще более тонким голосом пропищал Улиер. — Господин вольноопределяющий Бачей.

— Верно. Как же вы меня узнали?

— А как вы меня узнали?

— А очень просто, — сказал Петр Васильевич, снова найдя верный тон и уже не делая ни малейшего усилия, чтобы его держаться. — А очень просто, — сказал он, играя глазами. — Шел мимо Будак, дай, думаю, зайду к старику, боевому товарищу, авось он меня не выгонит.

— Зачем же, — сказал Улиер своим смешным голосом, к которому не сразу можно было привыкнуть. — Обрато — очень рад вас видеть.

Улиер старательно вытер руку об штаны и лишь тогда вполне дружески и вместе с тем с некоторым уважением пожал руку «господина вольноопределяющего».

— Петр Васильевич, кажется, так, я извиняюсь, по имени-отчеству?

— Так.

— Вот видите, не забыл... Прошу вас, Пётр Васильевич, зайдем в хату, а то здесь наверное для вас и для меня не совсем удобно.

— Даже совсем неудобно, — вздохнул Петр Васильевич и опять поиграл глазами.

И они вошли в хату.

Он провел в семействе Улиера около трех недель. Он, попросту говоря, скрывался. Но старик Улиер с такой деликатностью и с таким тактом обставил странное пребывание в своей хате Петра Васильевича, что выходило так, будто Петр Васильевич не скрывается, а гостит.

За это время он даже заметно поправился, посвежел.

Правда, были кое-какие неудобства. Он, например, спал в погребе, не раздеваясь, чтобы в любую минуту можно было скрыться.

Он перестал бриться, впрочем бриться было и нечем, и постепенно оброс бородой и усами. Он постепенно сменил свою военную одежду на крестьянскую. Чтобы не сидеть сложа руки, он помогал старикам Улиерам по хозяйству.

Иногда он стоял посреди черного двора, босиком, с вилами в руках, и тогда трудно было себе представить, что это известный московский юрист, автор почти законченной докторской диссертации «Понятие убытков в советском праве».

У старика Улиера был брат, который недавно умер. После него остались документы. Теперь этими документами владел Петр Васильевич. Он уже не был Бачей. Теперь он был Савва Тимофеевич Улиер, крестьянин села Будáки Аккерманского уезда.

Это превращение, как и всё прочее, делалось как-то само собою.

По вечерам, в погребке, Петр Васильевич и старый Улиер предавались воспоминаниям. Оказывается, привычка предаваться воспоминаниям была в высшей степени свойственна всем людям их поколения. Слишком много было пережито в жизни значительного.

Старик Улиер особенно любил вспоминать, как в 1916 году под Сморгонью, когда немцы пустили удушливые газы, он не растерялся и спас всех обозных лошадей, обмотав им морды мокрыми мешками. Мешки были вымочены в лошадиной моче, и это особенно сместило Улиера. Вспоминая об этом, он смеялся таким тоненьким, таким пислявым дискантом, что, казалось, вот-вот порвет себе голосовые связки.

Он получил за этот поступок георгиевскую медаль четвертой степени и хранил ее, как самую большую свою реликвию, в парадном сундуке, обитом светлой жостью.

Они оба — Петр Васильевич и Улиер — вспоминали свои походы, боевые дела, фельдфебеля Ткаченко — большую сволочь, сверхсрочную шкуру, — но теперь, через двадцать пять лет, как это ни странно, всё это представлялось им очень приятным. И даже фельдфебеля Ткаченко они костили скорее для порядка.

Известно, что старая боевая дружба никогда не забывается. И это очень верно. Перед лицом опасности солдат всегда поможет солдату.

План, который созрел у Петра Васильевича, пока он гостил у старого Улиера, был не совсем ясен.

Одно желание было у Петра Васильевича: как можно скорее перейти фронт и попасть к своим.

Но как это сделать, он не знал.

Во всяком случае, он решил пробраться в Одессу, где рассчитывал найти каких-нибудь знакомых, а дальше действовать в зависимости от обстоятельств.

52

Облава

И вот теперь он ходил по Одессе из улицы в улицу, надеясь найти где-нибудь приют, городскую одежду и помощь.

Прежде всего прямо с базара он отправился на квартиру Колесничука, где оставил свои гражданские вещи.

Он прошел мимо дома, но не решился зайти. Было что-то ненадежное во всем облике этого дома, казавшегося нежилым, но с убранным, подмазанным фасадом, с незнакомым подозрительным дворником в воротах.

Дворник в новом, еще не стиранном фартуке, с новой бляхой на груди посмотрел ему влед, и Петр Васильевич, стараясь не убыстрять шагов, поторопился свернуть за угол.

То, что ему казалось сначала таким легким и простым — найти каких-нибудь знакомых, отсидеться, надеть городской костюм, что-нибудь придумать, — теперь представлялось совершенно невозможным.

Все дома, все двери, ворота, даже улицы и переулки казались как бы наглухо запечатанными невидимой печатью.

Всюду стояли какие-то новые, враждебные дворники, всюду попадались какие-то странные, как будто совсем не похожие на прежних люди.

Было в них, в этих новых людях, в этих странных прохожих, что-то очень враждебное и очень старомодное.

Один старик был в широком, коротком касторовом пальто, в котелке, с тростью подмышкой, в высоком крахмальном воротничке, и его кадкы какого-то багрового, индюшечьего оттенка зловеще высывались из этого воротничка с загнутыми, как у визитных карточек, уголками.

На всех перекрестках кричало радио на старательном, каком-то старомодном русском языке, передавая немецкие военные сводки.

Мучительно хотелось зажать уши.

Кое-где в ларьках толстые, брезгливые женщины в больших серьгах, в шляпках и митенках с отрезанными пальцами продавали домашние пирожные, самодельные свечи, итальянские лимоны и какое-то явно старорежимное монпансье в банках, но не в обычных круглых банках, а в четырехугольных, румынских, с пестрыми наклейками.

В особенности бросалось в глаза и раздражало это монпансье. Оно раздражало своими химическими, анилиновыми красками — капровой, ультрафиолетовой, зеленой. И лимонад в маленьких бутылочках почему-то был отвратительного, неестественного химического цвета, лилового, как раствор марганцовки.

Все было тягостно, враждебно в родном городе, трижды прекрасном, но оскверненном, в городе, из которого была вынута живая душа и вставлена другая, искусственная, мелкая душонка торгаша и предателя.

Только сейчас, впервые, ощутил Петр Васильевич по-настоящему всю глубину несчастья, постигшего Родину, и всю необходимость немедленно действовать.

Потерявши собственное имя, с чужим документом за пазухой, он шел, как затравленный, оглядываясь на запертые подворотни, на дворников, на лавочников, на немецкие и румынские патрули, на карты Румынии и Транснистрии, выставленные в окнах книжных магазинов.

Лишенный семьи, родины, воинского звания, каждую минуту рискуя попасть в руки вражеской контрразведки, он шел все быстрее и быстрее по туманным, дождливым улицам, по их каменным коридорам, как по коридорам громадной тюрьмы.

Казалось, вокруг нет ни одной родной души.

Петр Васильевич понял, что из его плана ничего не выходит. Осталось одно — вернуться на базар, найти подводу Улиера и уехать вместе с ним обратно в Будáки.

Он повернул на базар.

Его путь лежал мимо гимназии, где он когда-то учился. Он сразу, издали, узнал ее знакомые очертания. Он прошел мимо железной ограды, увитой диким виноградом, мимо широкого подъезда.

На ступенях его гимназии стояли румынские часовые.

Он перешел на другую сторону.

За железной решеткой мучительно знакомых ворот мелькнул мучительно знакомый двор. Он ничуть не изменился. Да и как он мог измениться? Двор есть двор. Сколько раз он, задыхаясь, вбегал в эти ворота, боясь опоздать, и пробегал по этому двору, усыпанному пыльным гравием, слыша одновременно третий звонок и громыханье пенала в утробе хромового рандца.

Сейчас он боялся слишком пристально смотреть в этот двор, по которому в расстегнутых синих шинелях ходили чужие солдаты с манерками в руках.

Навстречу Петру Васильевичу шли два румынских офицера, повидимому тыловики или штабные. На них были громадные, безобразно щегольские фуражки, зеркально начищенные узкие сапоги, шпоры, в руках стэки.

Чувствуя тошноту отвращения и бессильную злость, Петр Васильевич сошел с тротуара и уступил им дорогу. Он снял шапку и поклонился по-крестьянски.

А они даже не обратили на него внимания. Они продолжали громко разговаривать по-французски, с ужасным провинциальным акцентом, развинченно шагая по синим плиткам лавы, по советской улице, которую считали своей вместе с домами, акациями, вместе с дождливым небом над мокрыми крышами.

Дойдя до развалин вокзала, Петр Васильевич уже издали заметил, что на базаре неблагополучно.

Там, за развалинами бывшего здания судебных установлений и Александровского участка, происходило какое-то очень тревожное движение толпы, казавшейся в дождевом тумане сплошной и синей.

Люди бежали с базара в разные стороны.

Хлопнуло несколько выстрелов, задушенных туманом.

Петр Васильевич сразу понял, что это облава. Он повернул в ближайший переулок.

Туман сгущался.

Петр Васильевич вышел на Французский бульвар. По Французскому бульвару медленно двигалась колонна пятнистых грузовиков. Он обогнул здание бывшей Третьей гимназии и вышел в Обсерваторный переулок, надеясь пройти к морю. Но посередине Обсерваторного переулочка он увидел румынскую заставу.

Он понял, что Приморский район оцеплен.

Он опять повернул и пошел по Базарной улице назад к центру. Но на углу Базарной и Маразлиевской стояла другая застава и проверяла документы.

Очевидно, во всех районах города одновременно начались облавы.

Петр Васильевич опять повернул и опять дошел до бывшей Третьей гимназии. Он свернул на бывшую Троицкую и сразу же увидел громадную партию арестованных с вещами, которая под конвоем конных жандармских легионеров, одетых в блестящие от дождя плащи, двигалась по мокрой гранитной мостовой, наполняя улицу удручающим, приглушенным гулом множества нестройных шагов, тихим женским плачем, стальным щелканьем подков и утробным дыханьем танцующих лошадей — всеми теми звуками, что так мучительно напомнили Петру Васильевичу самые мрачные дни города после 1905 года, и во время интервенции 1918 года, и во время деникинщины...

Петру Васильевичу стало почти физически душно от этих звуков, мрачно наполняющих улицу. Не размышляя, он вошел в первые попавшиеся ворота. Они были распахнуты, и он вошел в них стремительно, забыв, что он бессарабский крестьянин.

К счастью, это были ворота, ведущие в никуда.

Дом представлял собой развалины, пустую коробку. Остались одни лишь ворота, распахнутые взрывом. По грудам неубранного мусора, спотыкаясь о ракушниковые камни, цепляясь за железные балки, Петр Васильевич прошел через несуществующий двор и очутился на большом пустыре, где, вероятно, летом находились огороды.

Теперь земля была беспорядочно изрыта траншеями щелей и воронками бомб. Он не сразу узнал этот пустырь. Но он его все же узнал. Пустырь был знаком ему с детства. Он примыкал к Александровскому парку, переименованному в Парк культуры и отдыха имени Шевченко.

Здесь было совершенно безлюдно.

Петр Васильевич увидел для себя единственный выход — проникнуть в парк со стороны пустыря и постараться оттуда спуститься на Ланжерон, где можно было бы некоторое время пересидеть среди скал или на какой-нибудь летней заколоченной даче.

В это время года парк обычно пустовал.

Пока Петр Васильевич шел в крестьянской одежде по улицам, он не мог вызвать особенного подозрения. Но теперь, когда он, перепрыгивая через заросшие щели и перелезая через ржавую проволоку огородов, пробирался к Парку культуры и отдыха имени Шевченко, у него был вид не только подозрительный, но, с точки зрения любого румынского солдата или полицейского, откровенно преступный.

Но другого выхода не было.

Когда Петр Васильевич добрался до середины пустыря, его внимание привлекло какое-то странное, согнутое, одинокое дерево. Это была старая, очевидно сломанная взрывом акация. На ней висело что-то длинное, похожее на повешенного со свернутой набок головой.

Среди исковерканного пустыря это одинокое дерево производило такое тягостное впечатление, что Петр Васильевич невольно все время поворачивал к нему голову.

Помимо своей воли он изменил направление и приблизился к дереву. Это, действительно, был повешенный.

Русые волосы свесились на грубо вылепленное, прекрасное, опущенное к земле лицо. Черные, со сведенными пальцами, босые ноги, высушенные из коротких серых брюк, чуть покачивались, касаясь бурьяна; к разорванной, окровавленной рубашке была пришпилена папка с потекшей надписью, сделанной химическим карандашом: «Болшевик».

Несколько ворон снялось с дерева и низко над землей потянулось к Парку культуры и отдыха имени Шевченко.

Петру Васильевичу показалось, что одна ворона оглянулась и посмотрела на него.

Он вытер со лба пот и с окаменевшей душой, делая страшные усилия, чтобы не оглянуться, пошел дальше. Он так сильно сжал руки, что у него даже заболели косточки пальцев.

А вороны уже кружились над голыми деревьями парка и протяжно каркали.

В городе появилось гестапо

О, как знакомы были Петру Васильевичу эти громадные черные деревья акации, но не белой акации, а какой-то другой, из той же породы цизальпиниевых, с шипами острыми и длинными, как у терновника, и с черными лентами стручков.

Он перелез через расшатанный парапет парка.

В парке не было ни души.

Неслышно ступая по сугробам очень мелкой, сырой листвы, Петр Васильевич переходил от ствола к стволу и возле каждого ствола останавливался прислушиваясь. Он задерживал дыхание, боясь нарушить тишину, стеной стоявшую вокруг него.

Ни звука.

Только слева, оттуда, где парк соприкасался с Маразлиевской улицей, из-за ступенчатого парапета долетали звуки города, приглушенные осенней тишиной.

Он прислушался.

Его обострившийся слух уловил в обыкновенных звуках улицы какой-то необыкновенный оттенок.

Несомненно, на Маразлиевской происходило нечто необычное.

Между черными стволами виднелись великолепные дома, красивые мачты электрических фонарей, чугунные ограды особняков, полуприкрытые багровыми плетями умирающего дикого винограда.

Хотя Маразлиевская считалась одной из самых красивых и больших улиц города, но в силу своего особого приморского положения она не отличалась большим оживлением.

Теперь же Пётр Васильевич услышал сильный шум движения и увидел между стволов частое мелькание легковых и грузовых машин.

Легковые машины останавливались у подъезда громадного нового здания.

Грузовики с натужным воем от перегретых моторов въезжали в ворота.

По ту сторону парапета виднелись каски и тесаки часовых. Из этого можно было заключить, что Маразлиевская оцеплена.

И Пётр Васильевич тотчас понял смысл того, что происходит.

В большое здание, повидимому, въезжали румынская и немецкая разведки. Во всяком случае, кроме румынской военной формы, Пётр Васильевич заметил несколько черных эсэсовских шинелей и фуражек.

В городе появилось гестапо.

Теперь стало ясно, почему начались облавы и почему такая тягостная, подавляющая тень упала на улицы, ставшие тихими, как тюремные коридоры.

Судя по движению и гулу возле дома Госбезопасности, которые Пётр Васильевич не столько слышал и видел, сколько угадывал своим необыкновенно обострившимся внутренним чутьем, там в это время происходил съезд главного начальства.

Следовало поскорее уходить как можно дальше от опасной улицы.

Он ускорил шаги и вдруг среди деревьев, далеко перед собой, увидел арки старинной турецкой крепости, те самые арки Александровского парка, которые так часто вставали перед ним чарующим видением детства.

Но те арки были покрыты плащом винограда, живописно окутывавшим стройные, воздушные пролеты на фоне моря, синего, как горящий спирт.

Теперь же они показались Петру Васильевичу суровыми, оголенными, нищенски серыми.

И бурое, истерзанное море дымилось в их маленьких пролетах, как взорванный город, сплошь усеянное угловатыми обломками шторма.

На том месте, где раньше на солнце горел изумрудный газон и тяжело и жарко цвели почти черные штамбовые розы, теперь серые солдаты в глубоких, котлообразных касках торопливо рыли траншею и несколько тупорылых гусеничных тягачей и коричнево-желтых дальнбойных пушек на литых резиновых шинах, как жирафы, стояли среди полуманнх туней, ожидая, когда позиция будет готова и их опустят в ямы.

Вокруг ходили часовые.

Пётр Васильевич постоял за деревом и потом осторожно пошел назад.

Но едва он сделал несколько шагов, как заметил патруль, мелькавший между деревьями навстречу ему.

До крови прикусив губы и задышав носом, Петр Васильевич свернул в сторону и побежал на носках. Хотя он бежал почти беззвучно, ему казалось, что он производит ужасный треск.

Он остановился и замер за деревом, отчетливо слыша, как у него бьется сердце. Он понял, что парк окружен. Парк «прочесывают». Со всем недалеко от себя он увидел старый блиндаж, заваленный желтыми листьями. Это было заброшенное бомбоубежище, вероятно устроенное еще в самом начале войны для посетителей парка. Кое-где оно уже отвалилось и заросло бурьяном. Но земляные ступени еще держались, и Петр Васильевич, быстро оглянувшись по сторонам и нагнувшись, чтобы не стукнуться головой о перекрытие, сбегал вниз по этим ступеням. В тот же миг чья-то рука взяла его за горло, втащила в яму, швырнула и прижала к стене.

При слабом свете, проникающем в блиндаж сквозь дырявое перекрытие, Петр Васильевич увидел прямо перед собой черную эсэсовскую фуражку с белым черепом, серое лицо с беспощадно сжатым ртом, и руку в замшевой перчатке, которая держала финский нож, приставленный к его подбородку.

— Руиг, — тихо сказал эсэсовец, еще более приблизив свое лицо к лицу Петра Васильевича.

Он в упор всматривался в него своими синими холодными глазами, полуприкрытыми тенью большого козырька.

«Ну, вот и всё», — подумал Петр Васильевич.

Кровь жарко бросилась ему в голову, оглушила и тотчас отлила с такой силой, что Петр Васильевич почувствовал, как мозг его леденеет и как бы мучительно высыхает.

«Ну, вот и все».

Он понял, что пропал. И все же он почти бессознательно сделал отчаянную, бессмысленную попытку спастись.

— Ваше благородие, — забормотал он, — виноват, заблудился. Не туда зашел. Извините великодушно...

Он замолчал.

Синие глаза продолжали в упор смотреть на него со страшным напряжением, как бы сляясь что-то вспомнить. Толстая кожа над переносицей сморщилась и надулась.

И вдруг не улыбка, нет, а отдаленное подобие улыбки, тень улыбки тронула сжатый рот немца.

— Как ваша фамилия? — сказал он на очень чистом русском языке, продолжая держать Петра Васильевича за горло могучей рукой, которая в любую минуту могла изо всех сил сжаться.

— Улиер, — сыплю сказал Петр Васильевич. — Савва Тимофеевич Улиер, село Будáки Аккерманского уезда.

— Неправда, — сказал эсэсовец.

— Ваше благородие! Святая истинная правда! Разрешите предъ-явить вид...

— Неправда. Вы — Петр Васильевич Бачей, из города Москвы, юрист. Нет?

Взрыв на Маразлиевской

Петр Васильевич почувствовал, что происходит что-то невероятное. Пальцы эсэсовца разжались. Синие глаза продолжали смотреть в упор. Но теперь в них Петр Васильевич увидел живое человеческое движение.

И в ту же минуту он узнал эти глаза.

Он узнал этот крупный, обветренный, простонародный рот, прямые светлые брови доброго человека, эту крепкую, побуревшую от загара шею и даже этот приятный, горячий запах здорового мужского тела.

— Лейтенант Павлов! — воскликнул Петр Васильевич.

— Руиг, — засмеявшись глазами, сказал эсэсовец. — Лучше говорить спокойно.

— Вы... лейтенант Павлов? — тихо повторил Петр Васильевич.

— Именно, — сказал лейтенант Павлов.

— Я вас не узнал.

— Между тем меня очень легко было узнать. Я ведь не изменил своего лица. Только мундир. Зато вы, товарищ Бачей, постарались. Настоящий молдаванин-единоличник.

Лейтенант Павлов усмехнулся.

— Борода, свитка, шапка... постолы.

— Как же вы меня узнали?

— Профессия.

Петру Васильевичу представился знойный степной полдень, воздух, текущий по горизонту, его сын Петя, пестрая девочка и пограничник в зеленой выгоревшей фуражке, который подбрасывает эту пеструю девочку, как букет, ловит ее, переворачивает, и они оба — папка и дочь — заливаются радостным смехом.

Боже мой, как давно, как далеко все это было! Как будто бы на какой-то другой, счастливой планете.

— Слушайте, вы себе не можете представить, до чего я рад вас видеть! — наивно воскликнул Петр Васильевич.

— И я тоже, — сердечно ответил лейтенант Павлов и вдруг довольно грустно улыбнулся: — Так как вы говорите? Шабо, Аккерман, Будаки?... Страна вашего детства?

— Копченая скумбрия, — прибавил Петр Васильевич печально.

— Вот тебе и копченая скумбрия! — сказал Павлов.

— Н-да... Покатались на моторной лодке. Погуляли. Ничего себе!

И они оба замолчали, задумались...

— Нет, все-таки это чорт знает что! — воскликнул Петр Васильевич сердито.

— Только, я вас очень прошу, руиг, — серьезно сказал лейтенант Павлов, — а то может получиться зер шлехт. И вообще предлагаю перейти подальше от входа. Вы в парке, случайно, не заметили их патрулей?

— Встретил два патруля.

— Два патруля? Это, знаете ли, зер, зер шлехт. Очевидно, они оцепили весь район. Тогда не будем терять времени.

Они перешли в самую глубину бомбоубежища и сели рядом на остатки дощатых нар.

И, торопливо рассказывая лейтенанту Павлову свою историю, Петр Васильевич впервые за последнее время чувствовал подлинное блаженство оттого, что так свободно и просто разговаривает с советским человеком, не притворяясь, не играя никакой роли и не выбирая слов.

— Ну-с, так, — озабоченно сказал лейтенант Павлов, когда Петр Васильевич кончил свой рассказ. — Картина более или менее ясна.

Он посмотрел на часы-браслет и поморщился:

— Без четверти четыре. Вы меня извините, Петр Васильевич, мы ведь, в сущности, с вами так мало знакомы. Мне хотелось бы, так сказать, выяснить...

Он замолк, выбирая выражение.

— Хотелось бы выяснить наши отношения. Вы меня понимаете?

Этого можно было не спрашивать. Конечно, Петр Васильевич понимал. Он склонил голову.

— Вполне, — сказал он.

— Стало быть, уточним обстоятельства, — мягко сказал лейтенант, не торопясь и как бы продолжая выбирать выражения. — Простите, вы — член партии?

— Нет, я беспартийный, — сказал Петр Васильевич, почему-то слегка краснея. — Но, я думаю, это не имеет никакого значения?

— Конечно, конечно. Я просто уточняю. Мы сейчас все большевики — партийные или непартийные. Не так ли? Сколько я вас понял, вы офицер Красной Армии?

— Да. Командир батареи. Мне полагалась броня, но я...

— Это понятно.

Лейтенант Павлов замолчал и молчал довольно долго, видимо что-то обдумывая.

— Петр Васильевич, — наконец сказал он, — нас столкнула судьба... Вы сами видите, при каких обстоятельствах. Надеюсь, для вас ясно, что я выполняю определенное боевое задание. Вам не надо объяснять, какое. Это задание партии и правительства. Государственное задание.

Петр Васильевич кивнул.

— Понимаю.

— Так вот. Не сочтите это за излишнюю прямолинейность, но мне надо знать, каковы ваши намерения? Учтите, что я задаю вам этот вопрос не только от себя, но также от имени государства.

Петр Васильевич сделал движение, но лейтенант Павлов остановил его, дотронувшись рукой до его плеча.

— Не надо торопиться. У нас есть еще минут семь времени. Обдумайте и тогда скажите.

— Нахожусь в полном вашем распоряжении, — быстро сказал Петр Васильевич.

— Я так и думал.

Лейтенант Павлов протянул руку, и они обменялись быстрым, крепким рукопожатием.

— Сейчас у нас нет времени для более подробной беседы, — сказал Павлов. — В данную минуту перед нами — передо мной и перед вами — стоит одна задача: благополучно уйти из парка. Куда? Положитесь в этом на меня. Я доставлю вас в сравнительно безопасное место. Каким образом? Очень простым. Я поведу вас, как арестованного. Вы — впереди с вещами, со своей торбой, а я — сзади с пистолетом. Нам с вами это очень подойдет. Вы себе это уясняете?

— А что ж!.. — усмехнулся Петр Васильевич, с наслаждением подчиняясь лейтенанту Павлову, его легкому и вместе с тем твердому, дружескому тону.

— Мы еще здесь с вами задержимся минуточек на пяток, а уж потом двинемся.

Лейтенант Павлов посмотрел на часы.

— Имеется еще шесть минут.

Петр Васильевич не счел себя вправе расспрашивать. Лейтенант Павлов понял его деликатность и поблагодарил молчаливой улыбкой, в которой Петр Васильевич прочел обещание в скором времени все ему объяснить.

— Вы по каким улицам сюда добирались? — как бы вскользь заметил Павлов. — По Маразлиевской, случайно, не проходили?

— Маразлиевская оцеплена.

— Ах, вот как! — оживился лейтенант Павлов. — Это очень любопытно!

Он даже потер руки, как будто известие о том, что Маразлиевская оцеплена, доставило ему величайшее удовольствие.

— Повидимому, туда въезжает какое-то крупное румынское и немецкое начальство, — сказал Петр Васильевич. — Во всяком случае, я заметил усиленное движение.

— Вы заметили усиленное движение? Легковое или грузовое? — быстро спросил лейтенант Павлов.

— И то и другое.

— Ага. Это очень хорошо. Даже просто замечательно! Вам не пришло в голову, что они въезжают в наш дом?

— Вы имеете в виду дом Госбезопасности?

— Точно. Превосходный дом. Вы, наверное, обращали на него внимание. Шесть этажей.

— Они, наверное, собираются разместить в нем сигуранцу и гестапо, — сказал Петр Васильевич.

— Вполне возможно. Даже более, чем возможно. Наверное так, — сказал лейтенант Павлов, с наслаждением нажимая на слово «наверное».

Он снова взглянул на часы, и лицо его вдруг стало неподвижно-решительным.

— Одну минуточку, — сказал он. — Будьте готовы. Сейчас мы выйдем. Не забудьте порядок: впереди вы с вещами, позади я с пистолетом. И точно исполнять все мои приказания.

— Слушаюсь, товарищ Павлов.

— Да. Еще один момент. Забудьте, что я Павлов. Лейтенанта Павлова нет. Есть некто Дружинин. Начальник подпольной организации Дружинин. Вы запомните эту фамилию?

— Запомню. Дружинин.

— Простая, энергичная русская фамилия — Дружинин. Дружина товарища Дружинина. «С дружиной своей в цареградской броне»... Дружинин.

— Дружинин, — повторил Петр Васильевич.

— Стало быть, договорились. Что бы ни случилось — Дружинин. Но не беспокойтесь, ничего не случится.

С этими словами «Дружинин» отошел в угол, стал на колени и посветил себе фонариком.

Петру Васильевичу показалось, что в углу на земле, под нарами, стоит какая-то небольшая машинка, похожая на аккумулятор. Но он не успел как следует рассмотреть эту машинку, так как Дружинин заслонил ее спиной, что-то сделал руками и почти в тот же миг наверху, за Парком культуры и отдыха имени Шевченко, на Маразлиевской раздался взрыв такой потрясающей силы, что под ногами сдвинулась земля, бомбоубежище закачалось, как каюта, часть прикрытия разошлась, посыпались земля и листья, железное, громыхающее эхо широкими раскатами пошло гулять над городом и несколько воздушных волн одна за другой нажали на барабанную перепонку.

Петр Васильевич еще не успел прийти в себя и поставить в связь движение Дружинина в углу блиндажа с тем, что произошло снаружи, за Парком культуры и отдыха имени Шевченко, как услышал за собой решительный, торжествующий, повелительный голос.

— А теперь можно выходить. Поскорее. Вперед. Я за вами!

Человек в котелке

Петр Васильевич быстро шел с торбой за спиной, не оглядываясь и повинаясь голосу Дружинина, который время от времени отрывисто командовал:

— Направо. Налезо. Прямо,

Иди по-немецки:

— Рехтс. Линкс. Градеаус.

Или, если позволяли обстоятельства, дружески, явно подбадривая Петра Васильевича:

— Больше жизни! Вперед! Еще одно маленькое усилие — и мы дома.

Петр Васильевич не имел права оглядываться.

Все-таки несколько раз он не удержался и оглянулся. В двух метрах от него быстро шел эсэсовец в черной фуражке с черепом, с пистолетом «вальтер» в руке, с синими знакомыми и незнакомыми глазами под большим лакированным козырьком.

И всякий раз это казалось Петру Васильевичу так невероятно, что он сбивался с шага и начинал спотыкаться.

Тогда за спиной опять слышался отрывистый голос Дружинина:

— Не оборачивайтесь. Я здесь. Все в порядке.

Один раз Дружинин сказал даже игриво: «в порядочке».

Они беспрепятственно прошли через весь парк. Хотя в парке им встретилось несколько патрулей, но, разумеется, ни один их не остановил. Как мог простой комендантский патруль остановить эсэсовского офицера с пистолетом в руке, который быстро вел арестованного мужика?

Уже одно то, что арестованного вел не какой-нибудь ефрейтор, а лично офицер СС, показывало, что дело серьезное. Не станет же офицер водить простого мужика. Очевидно, этот мужик был переодетый комиссар, шпион.

Повидимому, в этом именно и заключался простой и верный расчет Дружинина: эсэсовский офицер ведет переодетого большевика.

Кому же могло прийти в голову — особенно теперь, в момент общей паники, когда в городе произошел этот чудовищный взрыв, — что один переодетый ведет другого переодетого, и оба они — большевики?

Они вышли из Парка культуры и отдыха имени Шевченко и пересекли Маразлиевскую улицу. Она была попрежнему оцеплена, но теперь там творилось нечто невообразимое.

Конечно, Дружинин мог бы вести Петра Васильевича каким-нибудь другим, менее опасным путем, минуя Маразлиевскую. Но, как видно, ему нужно было пройти именно через Маразлиевскую. Казалось, какая-то неустойчивая, озорная сила несет его сквозь все препятствия напролом.

Зверски сжав зубы, он грубо отстранил локтем румынского часового, довольно сильно толкнул Петра Васильевича пистолетом в спину, крикнул, свирепо раскатываясь на букве «р»: гр-р-радеаус! — и они быстро, почти бегом пересекли Маразлиевскую, по которой с воем неслись санитарные автомобили.

Петр Васильевич успел заметить, что над тем местом, где только что возвышался громадный дом Госбезопасности, теперь в пустом небе стояло или, вернее сказать, как-то тяжело и душно висело бело-розовое облако битого кирпича и штукатурки, сквозь которое виднелись безобразные развалины взорванного здания. Из пирамиды строительного мусора торчали скрученные железные балки, решетки, трубы и батареи водяного отопления.

Вокруг взорванного дома, среди обломков легковых и грузовых машин, неподвижно стояли оцепеневшие люди в шинелях и фуражках, покрытых белой известковой пылью. И вой санитарных автомобилей казался воем, шедшим из-под развалин.

Петр Васильевич украдкой обернулся и посмотрел на Дружинина. Он увидел неистово-синие глаза, полные такого торжества и такой ярости, что на один миг ему даже стало жутко. В эту же секунду Дружинин сделал неуловимое движение головой в сторону взорванного дома, подмигнул Петру Васильевичу и сказал сквозь зубы:

— Зер гут! А?

И Петр Васильевич вдруг со всей ясностью понял связь между той машинкой, к которой наклонился Дружинин в блиндаже, в Парке культуры и отдыха имени Шевченко, и этими воющими развалинами.

Дом Госбезопасности взорвал Дружинин, и Петр Васильевич присутствовал при этом.

Они быстро переходили из улицы в улицу — впереди Петр Васильевич с торбой на спине, позади Дружинин с пистолетом, и Петр Васильевич уже не чувствовал страха. Он даже не чувствовал беспокойства.

Им овладела непоколебимая уверенность, что все обойдется благополучно.

Дружинин вел его по самым опасным улицам, через центр. Можно было подумать, что он играет судьбой и нарочно лезет на рожон. Но теперь Петр Васильевич понимал, что в их положении итти напролом — самое безопасное. Чем больше вокруг людей, тем лучше.

Эсэсовец в своей черной шинели, в зловещей фуражке с черепом, с «вальтером» в руке, ведущий испуганного крестьянина, переодетого большевика, по улицам недавно занятого города, представлял такое зловещее, подавляющее зрелище, что не только местные жители, но даже немцы и румыны торопились посторониться, уступая им дорогу.

Начинало темнеть.

Улицы быстро пустели. Пороховая копоть сумерек сгушалась и реяла между мертвых домов с черными окнами. В перспективе совершенно пустой, угнетающе-серой Ришельевской улицы проплыл знакомый силуэт театра, знаменитого одесского Городского театра. Теперь его круглый, красивый купол, его нарядный подъезд со статуями и арками, с чугунными фонарями, с гранитными ступенями казался как-им-то водянисто-серым, однотонным, лишенным объема, неосязаемым, как призрак.

— Линкс, — сказал Дружинин, и они, обогнув обгорелый угол разрушенного дома, повернули на Дерibasовскую.

Но нет, это не была Дерibasовская. Это был призрак Дерibasовской. Два или три огонька слабо блеснули в ее водянисто-серой, безжизненной перспективе. Повидимому, это горели свечи или коптилки в нескольких магазинах, открытых по приказанию новых хозяев города.

Потом и эти огоньки один за другим стали гаснуть. Магазины закрывались.

И вот остался лишь один огонек — жидкий, колеблющийся, слезящийся за черным окном, в мрачных недрах торгового помещения.

Когда они подходили, пламя свечи заколебалось, метнулось и погасло. Из магазина вышел человек в пальто с поднятым воротником, в котелке. Он поставил на тротуар железную шкатулку и повесил на дверь большой висячий замок.

Что-то в высшей степени жалкое и вместе с тем комическое было в старомодной фигуре этого господина.

Как осторожно, почти благоговейно поставил он на тротуар свою кассу, как бережно, основательно запирали он замок, звеня и щелкая ключами.

Он поднял палку с крючком, чтобы опустить над витриной железную штору, и вдруг услышал шаги. Он вздрогнул и обернулся.

Как раз в это время Дружинин и Петр Васильевич поровнялись с ним.

Он увидел эсэсовца с пистолетом, засуетился, прижался к стене и, сдернув с головы котелок, отвесил какой-то старомодный, жеманный поклон.

Петр Васильевич посмотрел на него и чуть не вскрикнул. Нет, он не ошибся. Невозможно было ошибиться. Это был Колесничук. Он стоял — товарищ Колесничук, Жорка Колесничук, старинный приятель, друг детства, тот самый Колесничук, с которым они еще так недавно предавались воспоминаниям! — и, прижимая к груди котелок, низко кланялся эсэсовцу, ведущему арестованного большевика.

Колесничук посмотрел на Петра Васильевича. Конечно, он его не узнал. Его взгляд, как показалось Петру Васильевичу, скользнул равнодушно.

Колесничук отвернулся, зацепил своей палкой петлю шторы и с ржавым скрежетом стал ее опускать.

Петр Васильевич увидел за треснувшим, мутным стеклом витрины какие-то самовары, старинные бронзовые часы, зонтики, патефоны. Блеснула манерная золотая рама картины, прислоненная к старинной бормашине с ножной педалью и зловещим чугунным колесом... Над магазином Петр Васильевич заметил временную вывеску — длинную, провисшую от дождя полосу бязи с богато орнаментированной надписью по старой орфографии: «Комиссионный магазинъ «Жоржъ» Г. Н. Колесничука».

Петр Васильевич не верил своим глазам. На миг ему даже показалось, что он сходит с ума и что все это представляется ему в горячем бреду: этот котелок, и эта согнутая спина, и это «и», и эта железная шкатулка с вырубкой, и это оскорбительно глупое слово «Жоржъ» с твердым знаком на конце, среди призрачных развалин Дерibasовской, тонувшей в сумеречной копоти затемнения.

Но в следующую секунду чувство действительности вернулось к нему. Все это было правдой. И вдруг неудержимая страшная ярость потрясла душу Петра Васильевича.

Так вот, оказывается, что в действительности представлял собой господин Колесничук!

На улице было пусто. Их никто не видел. И Петра Васильевича охватило страстное желание схватить Колесничука за горло, надавать ему по морде, изо всех сил поддать ногой железную шкатулку, вдребезги разбить витрину и растоптать все эти паршивые самовары и прочее.

Он уже готов был очертя голову броситься на Колесничука, но в тот же миг внутренний голос резко и холодно сказал ему: «Спокойно! Руи!»

Он вспомнил, что он уже больше не принадлежит себе, а всецело и безраздельно принадлежит Государству, которое велело ему молча идти вперед, не оборачиваться и точно исполнять все, что ему прикажет Дружинин.

А Дружинин ему ничего не приказал.

И Петр Васильевич, резким напряжением воли взяв себя в руки, прошел, не меняя шага, мимо комиссионного магазина «Жоржъ» Г. Н. Колесничука и даже не оглянулся.

В штаб-квартире Дружинина

После нескольких поворотов направо и налево они очутились в темном переулке, где, судя по особой безжизненной тишине, большинство домов было разбито, стояли только их пустые коробки.

— Рехте! — в последний раз скомандовал Дружинин, и, круто повернув направо, Петр Васильевич вошел в темный пролом стены, с которым как раз в этот миг поровнялся.

Следом, так же быстро, в пролом вошел Дружинин.

За ними никто, конечно, не следил. Но если бы даже кто-нибудь и следил, он бы их потерял из поля зрения моментально. Только что они шли по тротуару — и вот их уже нет. Они исчезли, растворились впотьмах.

Петр Васильевич сделал несколько шагов, натываясь на камни, и остановился. Дружинин тотчас подхватил его под руку.

— Осторожно, — прошептал он. — Не трахнитесь головой. Здесь висит железная балка. Подождите. Держитесь за меня.

Теперь они поменялись местами. Дружинин пошел вперед, а Петр Васильевич двинулся за ним, держась рукой за его плечо.

Петр Васильевич с облегчением почувствовал, что маскарад кончился. Дружинин уже больше не был эсэсовцем, а Петр Васильевич — арестованным крестьянином. Теперь они оба были теми, кем они были в действительности. И это доставляло громадное удовольствие.

— Ух, запарился, — сказал Дружинин, снимая свою тяжелую эсэсовскую фуражку и вытирая со лба пот.

Петру Васильевичу даже показалось, что он чувствует рукой жар его распарившегося тела, его горячего плеча.

Он и сам обливался потом.

Только теперь они оба почувствовали, какого чудовищного напряжения всех душевных и физических сил стоил им этот безумно-смелый и на первый взгляд такой простой, легкий марш по городу, где на каждом шагу их сторожила верная смерть.

Они прошли через разрушенную квартиру — эта, несомненно, была квартира, так как Петр Васильевич один раз наткнулся на ванну, стоявшую торчком, — а затем очутились во дворе, заваленном обломками мебели.

Здесь Дружинин остановился, засунул в рот четыре пальца и свистнул с такой силой, что Петра Васильевича мороз подрал по коже.

— Что вы делаете? Вы с ума сошли! — прошептал он, хватая Дружинина за локоть.

— Не бойтесь, — спокойно сказал Дружинин. — Пускай «они» боятся.

И он сделал свое неуловимое движение головой — озорное, мальчишеское, как бы бросая вызов всем врагам, всем темным силам, притаившимся во мраке мертвого города.

Он свистнул еще раз, и Петр Васильевич понял, какой ужас, какую тревогу должен был вселять румынским патрулям этот леденящий душу разбойничий свист среди непроходимых развалин взорванного дома.

В ответ на свист где-то высоко загремел лист кровельного железа.

— Все в порядке, — сказал Дружинин. — Путь открыт.

Они вошли в разбитую лестничную клетку черного хода и стали осторожно подыматься по железной лестнице, которая со скрипом качалась под их ногами.

На некоторых пролетах были сорваны перила. Тогда они шли, прижимаясь к остаткам стены, и чувствовали, как шатаются камни. На высоте третьего этажа отсутствовало пять или шесть ступеней. Дружинин схватился за какую-то, очевидно хорошо ему знакомую, железную скобку, влез на площадку и втащил за собой Петра Васильевича.

Так они добрались до четвертого этажа, или, вернее, до того места, где когда-то был четвертый этаж. Теперь четвертого этажа не было, и на его месте гулял черный ветер. От всего четвертого этажа остались лишь одна маленькая площадка и кусок чердачной лестницы, повисший над пропастью двора.

Они немного передохнули, и потом Дружинин стал подниматься по чердачной лестнице, крепко держа в отведенной назад руке руку Петра Васильевича.

Лестница привела их на чердак, каким-то чудом висевший над отсутствующим четвертым этажом. Он косо держался на нескольких двутавровых балках, вделанных в уцелевшую стену фасада. Вероятно, снизу этот кусок чердака с куском уцелевшей крыши с антенной и даже с одним слуховым окном казался каким-то феноменом, странной прихотью взрывной волны. И уж, конечно, никому не могло прийти в голову, что в этом покосившемся куске чердака кто-нибудь живет.

Между тем именно здесь и была штаб-квартира Дружинина.

— Итак — мы дома, — сказал Дружинин, когда они пролезли в чердачную дверь, и Петр Васильевич почувствовал под ногами хотя и земляной, хотя и очень наклонный, но все же довольно твердый, устойчивый пол, а над головой железную крышу.

— Миша, ты здесь? — спросил Дружинин.

— Здесь, — ответил из темноты такой простой, такой домашний, даже несколько сонный голос, будто это все происходило не на обломке чердака между небом и землей, в глубоком тылу у беспощадно-кровавого врага, а где-нибудь вечером в мирном советском городке, в уютной студенческой комнатухе.

— Ну, как тебе понравилось? — с плохо скрытым торжеством спросил Дружинин.

— Я думал, что наш чердак обвалится ко всем чертям, — сказал Миша из темноты.

— Неужели так сильно рвануло?

— И не спрашивай. Жуткое дело. На два километра стекла посыпались.

— Ты сразу понял?

— Ага.

— Я так и думал, что ты сразу поймешь.

— Дурак — и тот поймет. Кто это с вами?

— Так, один темный молдаванский мужичок-единоличник, — сказал Дружинин весело. — Садитесь, Петр Васильевич.

— Спасибо. А куда садиться? Я ничего не вижу.

— Ты бы засветил, Миша. А то сидишь в темноте, как крот.

— Можно, — покладисто сказал невидимый Миша. — Я свечку экономлю. Подождите. Сейчас проверю светомаскировку и тогда зажгу.

Через некоторое время щелкнула зажигалка и зажглась свеча.

Петр Васильевич увидел себя в маленькой каморке, со всех сторон завешанной плащпалатками, одеялами, шинелями. На косом чердачном полу лежали какой-то старый войлок, видимо сорванный с дверей, и

заднее сиденье легкового автомобиля с вылезшими пружинами. На стропилах висели большая фляжка, обшитая сукном, и маузер в деревянном ящике. Под ними на полу стояли фанерный баул, завязанный веревкой, и чемоданчик из числа тех стареньких, потертых фибровых чемоданчиков, с которыми молодые люди обычно приезжают из провинции в Москву поступать в вуз. Желтая самодельная румынская свеча, укрепленная внутри пустой жестянки из-под мясных солдатских консервов, стояла на полу, а так как пол был наклонный, то, чтобы свеча не оплывала в одну сторону, под жестянку была подложена спичечная коробочка с зелено-красной румынской этикеткой.

Миша оказался маленьким складным солдатиком в черной стеганке, в башмаках и обмотках, рыжий, с желтыми ресницами, от которых не только его круглое лицо выглядело особенно свежим и розовым, но даже глаза казались розоватыми.

Зажегши свечу, Миша сел на войлок рядом с баулом и чемоданом и скрестил ноги по-турецки. Повидимому, это было его любимое местечко и любимая поза.

Он не проявил к Петру Васильевичу никакого особенного интереса: вскользь оглядел его, бегло улыбнулся румяными губами — и только. Но Петр Васильевич понял, что знакомство состоялось. Он лег на войлок и с наслаждением вытянул ноги. Ноги ныли, горели, гудели. Петр Васильевич положил под голову свою мягкую молдаванскую шапку, и все необыкновенно приятно спуталось перед его глазами. Как сквозь воду, он услышал булькающий голос Дружинина, который сказал: «Вы лучше снимите эти ваши молдаванские чоботы», — и тут же заснул как убитый. Проспал он недолго, минут двадцать, а проснувшись, попросил пить; но пить ему не дали, сказав, что мало воды и что сейчас будет чай.

Дружинин без сапог, в расстегнутом черном эсэсовском френче, под которым так симпатично голубела советская майка, лежал на автомобильном сидении и, положив на поднятые колени блокнот, делал карандашом какие-то заметки.

Миша принес из угла чайник, поставил его на два кирпича и зажег под чайником таблетку сухого трофейного спирта. Когда чай поспел, он достал полбуханки пшеничного хлеба, палку сухой московской колбасы и пакетик сахара. Он аккуратно отрезал три не слишком толстых ломтя хлеба, три кружочка колбасы и вынул из пакетика три куска сахара.

— Нынче у нас не слишком густо, — сказал он, строго посмотрев на Петра Васильевича. — Тяжело снабжаться.

Он отделил каждому его порцию на особую бумажку, скупно заварил чай и пригласил ужинать.

— Товарищ Дружинин, подкрепитесь. И вы, пожалуйста, — обратился он к Петру Васильевичу, — не знаю, как вас величать.

— В самом деле, как же мы вас будем величать? — спросил Дружинин и тут же сказал тоном, не допускающим возражения: — Мы вас будем величать «мужичок». Совсем не похоже, зато легко запоминается. Стало быть — мужичок. «Что ты спишь, мужичок, уж весна на дворе»... Верно?

Петру Васильевичу не особенно понравился этот псевдоним: слишком прозаический и даже как бы немного насмешливый. Известный московский юрист, интеллигент — и вдруг какой-то «мужичок». Но в общем это было неважно.

— Пускай будет мужичок, — бесшабашно махнул рукой Петр Васильевич, чувствуя ту свободную, немного легкомысленную радость подчинения обстоятельствам, которая всегда появлялась у него в наиболее трудные, критические моменты жизни и всегда очень помогала ему жить.

Так Петр Васильевич Бачей получил подпольную кличку «мужичок».

В штаб-квартире Дружинина *(продолжение)*

Они закусывали и пили чай из самодельных кружек, стараясь пить как можно медленнее, чтобы растянуть удовольствие. Воды на чердаке оставалось совсем мало, и достать ее можно было не раньше следующего дня.

Ужиная, Дружинин продолжал что-то записывать в блокноте.

— Между прочим, — заметил он Петру Васильевичу, не отрываясь от своих записей, — вы говорили насчет их тяжелой батареи в рай-оне арок бывшего Александровского парка, да я тогда как-то прослушал. Так в чем там дело? Какая батарея?

Действительно, сидя в бомбоубежище и рассказывая Дружинину свои приключения, Петр Васильевич упомянул вскользь и о батарее, на которую он наскочил, блуждая по Парку культуры и отдыха имени Шевченко. Ему тогда показалось, что Дружинин пропустил это мимо ушей. Но, оказывается, Дружинин все помнил, все замечал.

— Сколько вы там насчитали орудий?

— Четыре.

— Калибр?

— По-моему, стосорокапятимиллиметровые.

— Дальнобойные?

— Да. Дальнобойные.

— Они их уже установили?

— Они их устанавливали: рыли огневую позицию.

— Фронтом куда? В море?

— Фронтом в море.

— А может быть, не в море?

Петр Васильевич задумался.

— Нет, по-моему, фронтом в море.

Дружинин поморщился и резко сказал:

— По-вашему... Нам важно установить не как «по-вашему», а как на самом деле.

Дружинин вдруг спохватился, что сделал слишком резкое замечание немолодому, хорошему и в сущности мало знакомому ему человеку. Он густо покраснел и сказал:

— Пожалуйста, извините. Я слишком увлекся работой. Кроме того, я уже три ночи не спал. А эта дальнобойная батарея, которую вы обнаружили, очень показательный факт. Если они ее устанавливают, как береговую, то значит они боятся десанта, и это необходимо отметить.

— Они ее устанавливают фронтом в море, — твердо сказал Петр Васильевич.

— Спасибо.

Дружинин быстро записал в блокнот несколько слов.

— И еще, — сказал он торопливо, — когда вы добирались из Будак в Одессу, вы ехали по какому маршруту?

— На Аккерман.

— А из Аккермана?

— Из Аккермана через Днестровский лиман.

— На Беляевку или на Овидиополь?

— На Овидиополь.

— Как вы переправлялись? На пароме?

— Зачем на пароме? Там они навели превосходный понтонный мост. Мужиков, которые везут продукты на одесский рынок, они пропускают вместе с войсками через понтонный мост.

— Это замечательно, это просто замечательно,— забормотал Дружинин, потирая руки.— Одним ударом двух зайцев. Два очень ценных факта. Во-первых, повидимому, крестьяне неохотно везут продукты на рынок, а во-вторых,— новый понтонный мост между Аккерманом и Овидиополем.

Дружинин достал трехверстку, засунутую под автомобильное сиденье, и углубился в ее изучение. Изучая карту, складывая ее и раскладывая, он машинально упирался карандашом в переносицу. Карандаш был химический, и скоро на переносице Дружинина образовался лиловый след. Иногда Дружинин сверялся с записями в блокноте. Иногда он подымал глаза вверх, как бы что-то припоминая, и беззвучно шевелил обветренными губами.

Он работал.

Но смысла и значения этой работы Петр Васильевич никак не мог понять.

— Миша,— сказал Дружинин, не отрываясь от блокнота,— нам еще не время выходить в эфир? На моих — девятнадцать пятьдесят три.

— Не,— сказал Миша, зевая.— Ваши на три минуты вперед. У меня ровно девятнадцать пятьдесят. По Институту имени Штернберга. Точно.

— Ты все-таки пошарь. Может быть, что-нибудь новенькое.

— Вряд ли. Я сегодня, пока вы производили эту операцию, всю Европу обшарил. Только и слышно по всем их станциям: «Москау», «Москау». Все время марши передают. Одна голая пропаганда.

— Ты все-таки пошарь.

— Пошарю.

Миша покорно открыл фибровый чемоданчик, вынул из него передаточный ключ, надел наушники и стал крутить винты настройки.

В этом потертом, стареньком фибровом чемоданчике помещалась диверсионная рация.

— Сильные разряды,— сказал Миша после некоторого молчания.— Видать, меняется погода. Мороз идет. Турки из Анкары дают джазовую музыку. Больше им нечего делать. А это, кажись, Каир. Кто-то шпарит по-египетски. Не поймешь что. Теперь — итальянцы. Опять марш. Дались им эти марши. Делать нечего.

— Ты лучше Берлин найди,— пробормотал Дружинин.

Миша покрутил винтики.

— Опять Гитлер треплется,— сказал он через некоторое время, сморщившись, как от зубной боли.— Третий раз за последнюю неделю. Как собака лает. Гав, гав, гав...

— Пусть он идет к чорту, надоело, — махнул карандашом Дружинин.

— Сейчас Бухарест пошщу. Вот он — Бухарест.

— А ну-ка давай, что там мамалыжники сообщают.

— Тише! — сказал Миша, поднимая руку.— На русском языке.

Он взялся руками за наушники, чтобы лучше слышать, низко наклонил голову и долго молчал, сосредоточенно помаргивая своими желтыми ресницами. Иногда по его румяным губам скользила самодовольная улыбка, и время от времени он многозначительно подымал вверх указательный палец, как бы желая сказать: «Тише, тише, внимание!» Видно было, что он сдерживается, чтобы не захохотать. Он даже покраснел от напряжения. Наконец, он снял с головы наушники и посмотрел на Дружинина влажно сияющими розовыми глазами.

— Что там произошло? — спросил Дружинин.

— Рвут и мечут,— сказал Миша.

— По поводу чего?

— По поводу дома Госбезопасности.

— Ага, до них дошло! Подробности сообщают?

— Подробностей не сообщают. Сообщают глухо — террористический акт, совершенный подпольной организацией Дружинина. За вашу голову, товарищ Дружинин, дают десять тысяч рейхсмарок. Это сколько выходит, если перевести на советские деньги?

— Если перевести на советские деньги, это выходит шиш с маслом,— хмуро сказал Дружинин.

Но Петр Васильевич видел, что он хмурится притворно. Так же как и Миша, Дружинин делал усилия, чтобы не смеяться. С напускным равнодушием он хрустел пальцами, но в глазах его горело такое злобное веселье, такое неистовое ликование, что никто обмануться не мог.

— Н-да-с,— невольно поддаваясь настроению Дружинина, сказал Петр Васильевич.— В хорошенькую компанию я попал. Нечего сказать. Но, однако, как же они узнали, что это... что эту... — Он замялся, подыскивая подходящее выражение.— ...Что эту, так сказать, оказию произвели именно вы.

— А уж это не беспокойтесь. Наши ребята сразу раззвонили по всему городу.

— Но это, наверное, не слишком хорошо.

— Наоборот. Замечательно. Пусть у них поперек горла станет этот загадочный Дружинин со своей неуловимой подпольной организацией. Пусть гады не спят по ночам и думают о Дружинине. Пусть чувствуют, что есть еще бог. Теперь им в каждом темном углу мерещится Дружинин. Недавно в районе Усатовых хуторов кто-то напал на румынский военный грузовик и побил румынских солдат. Так вы думаете, кто это сделал? Дружинин! А я эти Усатовы хутора никогда и в глаза не видел. Ничего, мы этих мерзавцев доведем до кровавого пота,— сказал он, стискивая зубы и громко хрустя переплетенными пальцами.— Будут они у нас знать, как топтать священную советскую землю.

Он просто и ясно посмотрел на Петра Васильевича своими синими серьезными глазами, но Петру Васильевичу показалось, что его взгляд устремлен куда-то очень далеко вперед и что он видит там что-то очень грозное и вместе с тем очень торжественное.

— Миша, мы не опаздываем? — вдруг сказал Дружинин озабоченно.

— Еще две минуты.

— Пора. Выходи в эфир.

Миша быстро надел наушники и, низко наклонясь к фибровому чемоданчику, застучал ключом, мелко выбивая точки и тире азбуки Морзе.

Бомбардировщики идут на цель

— Сейчас поработаем,— сказал Дружинин, блестя глазами.

Он взял блокнот, карту и подсел к Мише. Теперь они оба сидели по-турецки, наклонясь над фибровым чемоданчиком. Миша продолжал стучать ключом, а Дружинин нетерпеливо посматривал то на карту и блокнот, то на мишино лицо.

Миша стучал довольно долго, часто делая небольшие паузы. Он все время повторял одну и ту же короткую фразу по азбуке Морзе — свои позывные. Он повторял ее четко, настойчиво, неумоимо.

Петру Васильевичу очень хотелось спать, но эта монотонная фраза, состоящая из точек и тире, которая так вкрадчиво и так таинственно звучала в полной тишине чердака, не давала ему заснуть. Она все время держала его в состоянии какого-то необъяснимого ожидания.

Вдруг Миша перестал стучать. Наступила полная тишина. Но чувство ожидания не прекратилось. Наоборот. Оно усилилось. Теперь к нему прибавилось такое же необъяснимое беспокойство.

Мишина рука проворно бегала по червякам настройки, и все его круглое, бесхитрое, простецкое лицо было теперь строго сосредоточено, неподвижно, как маска. Он казался слепым, немым. Казалось, в нем парализованы все внешние чувства, кроме чувства слуха. Но зато это чувство слуха было с потрясающей силой выражено во всех чертах его неподвижного, побледневшего лица с плотно сжатыми губами.

Если человеческое лицо может быть полным воплощением любви, ненависти, гордости, отчаяния, презрения, равнодушия, то его лицо было полным, совершенным воплощением слухового внимания.

Казалось, ни один самый ничтожный, самый микроскопический звук из тысячи звуков, которые носились в эту минуту и с разной силой звучали в эфире, не мог миновать его уха.

Дружинин всматривался в лицо Миши и боялся передохнуть, чтобы не нарушить тишины.

— Ну что? — казалось, говорили его глаза, требовательно остановившиеся на мишином лице.

И вдруг лицо Миши ожило, порозовело.

— Есть! — сказал Миша. — Они нас слушают, товарищ Дружинин. Давайте скорей.

Миша быстро поставил рычажок на «передачу», и в ту же секунду Дружинин начал очень медленно, отдельно и ясно диктовать следующее:

— Одесса. Двадцать часов по московскому времени. Докладывает Дружинин. Город продолжает въезжать немецкая администрация румынская точка. Вчера приехал известный Пынтя будет жить особняке Пироговская угол Французского бульвара точка. Аресты населения продолжают началось массовое истребление евреев точка. Отмечаются случаи столкновения между румынскими немецкими солдатами точка. Цены рынке высокие крестьяне неохотно везут город продукты точка. Районе арок Александровского парка установлена четырехорудийная стосорокапятимиллиметровая батарея берегового назначения точка. Вашей карте лист девятнадцать квадрат семь четырнадцать между Аккерманом Овидиополем имеется новый понтонный мост постоянное движение воинских частей обозов важная коммуникация Бессарабией точка.

Дружинин отчеканивал каждое слово и между словами делал большие паузы. А Миша с вдохновенным лицом, лишь изредка бросая взгляд в какую-то табличку, прислоненную к откинутой крышке фибрового че-

моданчика, стучал подушечкой большого пальца по ключу, и точки и тире азбуки Морзе со щегольской точностью и дробной быстротой так и сыпались из-под его напряженной руки.

Впоследствии Петр Васильевич узнал, что Миша был выдающимся диверсионным радистом. В своей области он был гением, феноменом. Он знал наизусть код и умел шифровать на слух, не прибегая к предварительной записи.

— Наблюдается 'активизация частной торговли, — продолжал медленно отчеканивать Дружинин. — Появились многочисленные ларьки па-латки торгуют бывшие вылезшие из щелей точка. Дерibasовской не-сколько комиссионных магазинов производят жалкое впечатление точка. Наплыв коммерсантов Кишинева Бухареста появились валютчики спеку-лянтс действует черный рынок кофируются фунты доллары видимо ру-мынская буржуазия ориентируется не на немцев больше англичан амеря-канцев точка. Сегодня шестнадцать ноль ноль выполняя вашу директиву взорвал дом Госбезопасности момент въезда гестапо сигуранцы посетил место происшествия лично убедился результатах сильный бенц городе наблюдается растерянность бухарестское радио рвет мечет голову Дру-жинина объявлено десять тысяч рейхсмарок точка. Нахожусь там же завтра выйду эфир обычно двадцать московскому времени той же волне пока все спокойной ночи точка.

Дождавшись, когда Миша выстукал последние точки и тире, Дру-жинин собрал свои листки, скрутил их и тщательно сжег на свечке.

Тем временем Миша перешел на прием и теперь, одной рукой при-жимая наушники к голове, он другой рукой быстро записывал на бу-мажку какие-то четырехзначные цифры.

Наконец, он с видимым удовольствием закрыл чемоданчик и подал Дружинину листок шифровки.

Дружинин углубился в четырехзначные цифры и минуты через две прочитал вслух, как бы по складам:

— «Спасибо. Слышимость прекрасная. Поздравляем успешным вы-полнением задания. Можем вас обрадовать, по нашим сведениям вы уничтожили сто сорок семь человек врагов из числа высших чинов гес-тапо и сигуранцы, не считая раненых. Ждите ближайшие часы усилен-ия полицейского нажима и ответных действий вражеской контрразвед-ки. Будьте осторожны. Чаще меняйте местопребывание. Ставим на вид отсутствие сведений о состоянии вашей агентурной сети. Сколько чело-век имеете на сегодняшнее число, сколько явок, давайте адреса, паро-ли. Обращаем внимание на отсутствие связи с другими диверсионными группами. Вам надлежит постоянно и каждодневно выявлять все эле-менты населения, активно сочувствующие советской власти и Красной Армии, устанавливать с ними контакт, создавать отряды. Ждите по этому поводу дальнейших приказаний. В недалеком будущем ожидается перелом военной обстановки под Москвой в нашу пользу. Учтите и не пропустите выгодной ситуации. Поднимайте дух населения города. В основном вашей работой удовлетворены. Привет. Спокойной ночи».

— Поздравляю вас, мужичок, — не меняя тона, сказал Дружинин, протягивая Петру Васильевичу руку.

— С чем?

— С тем, что нашей работой в основном удовлетворены.

Петр Васильевич засмеялся.

— Ну, уж к себе это я никак не отношу.

— Нет, отчего же! — с живостью воскликнул Дружинин. — Не ска-жите. Ваша дальнобойная батарея берегового действия и понтонный мост Аккерман—Овидиополь это вещь!

— Вы преувеличиваете, — пробормотал Петр Васильевич, крайне польщенный.

Но Дружинин упрямо настаивал на своем:

— Вот увидите, во что превратят в самое ближайшее время наши сталинские соколы вашу батарею и ваш понтонный мост. В этом можете не сомневаться.

И он, настойчиво протянув руку, крепко стиснул руку Петра Васильевича. Они еще немного поболтали с легким чувством людей, закончивших тяжелый трудовой день.

— Ну, а теперь рекомендую вам поспать, — сказал Дружинин.

— Как говорят в армии, «припухнуть».

— Вот именно. Советую вам припухнуть. У нас обыкновенно один спит, другой дежурит. Сегодня могут двое спать, один будет дежурить. Ложитесь. Когда будет ваша очередь, вас разбудят.

Петр Васильевич укрылся шинелью, которую ему бросил Миша, и заснул.

Засыпая, он — впервые за столько дней! — вдруг вспомнил о своей семье, о детях, о жене.

Правда, он думал о них и раньше. В сущности, он думал о них всегда. Они незаметно присутствовали, как-то примешивались ко всем его мыслям. Они нежно, прозрачно окрашивали все его чувства. Но это было так неопределенно, так общо.

Теперь же он стал думать о них по-деловому. Где они сейчас? В Москве или эвакуировались? Как доехал Петя? Не разрушена ли их квартира? Он писал им несколько раз, но от них не получил ни одного письма.

Но, очевидно, он очень устал за этот день. Его душа уже больше не была в состоянии принимать тревог.

Он думал о своей жене, о девочках, о Пете, о квартире без малейшей тревоги. Какая-то совершенно необоснованная наркотическая уверенность, что с ними все обстоит вполне благополучно, овладела его душой. Иначе он не мог бы заснуть. Но не заснуть он не мог.

Его охватил спокойный, целебный сон.

Среди ночи он несколько раз просыпался.

Один раз его разбудил пронзительный свист во дворе и звук загремевшего кровельного железа. Он открыл глаза и увидел Мишу, который, осторожно переступив через спящего Дружинина, выходил на чердачную лестницу и там с кем-то шопотом разговаривал.

В другой раз он проснулся потому, что почувствовал сквозь сон присутствие на чердаке нового человека. Действительно. В ногах у Дружинина на автомобильном сидении боком сидел незнакомый человек в романовском полушубке, с коротко остриженной серебряной головой, отливавшей чернью при багровом свете нагоревшей свечки. Человек наклонился к самому лицу Дружинина и что-то ему быстро и жарко шептал, видимо оправдываясь. А Дружинин резко обрывал его, и Петр Васильевич слышал его осипший со сна и казавшийся грубым голос:

— Слушайте, Ветвицкий, вы перестаньте ссылаться на объективные условия. Скажите просто, что вы там целый день спите и никуда носа не показываете. Мне это надоело. Почему вы до сих пор не были на Гоголевской два? Туда наверное каждый день навешиваются люди, никого не застают и уходят ни с чем. Вы знаете, как это называется? Это называется трусость и дезертирство. Вы что, хотите мне нарушить всю агентурную сеть? Центр каждый день ставит мне на вид и требует сведений. Я больше не намерен терпеть такое положение.

Человек снова начинал жарко шептаться и оправдываться, а Дружинин снова его обрывал:

— Не верю. Не знаю. Не имею сведений. А что предпринимается на Сортировочной, на Одесса-Товарная? Ровным счетом ни черта. Немцы хозяйничают, как хотят. Можно подумать, что там нет советской власти!

Несколько раз Петр Васильевич просыпался от холода. Вокруг свистел ветер и дуло из всех щелей. Ему с трудом удавалось согреться и заснуть опять.

Дружинин разбудил его в седьмом часу утра. Светало. Со слухового окна уже была снята светомаскировка. В круглой дыре виднелось пасмурное, до синевы озябшее небо.

— Если заметите или услышите что-нибудь подозрительное — сейчас же будите, — сказал Дружинин. — Малейший шорох на лестнице или шаги во дворе — будите немедленно. Долго не раздумывайте. Впрочем, ничего не случится.

С этими словами Дружинин с головой завернулся в солдатскую шинель, со звоном повернулся на своем автомобильном сидении и затих.

— Ничего, — послышался из угла сонный голос Миши. — Я услышу.

Стуча зубами и судорожно зевая, Петр Васильевич подошел к слуховому окну, откуда лился не просто холодный, а ледяной, морозный воздух раннего ноябрьского утра, такого хмурого, такого мрачного, что не хотелось жить на свете.

Для того чтобы хоть немного согреться, Петр Васильевич прошелся по чердаку и сделал несколько упражнений утренней зарядки.

Разогнав таким образом кровь, он прислонился к слуховому окну и стал смотреть на город, безмолвный, как могила, в этот безрадостный, предрассветный час.

Он видел сверху однообразное скопление крыш с разбитыми стеклянными мансардами фотоаппаратов, с флюгерами и вышками, со слуховыми окошками, лесом кривых антенн, обломками аршинных букв, сохранившихся на металлических сетках дореволюционных реклам, с немецкими зенитками... Он узнавал знакомые с детства здания, он угадывал щели улиц, колокольни церквей и казенные башни бывших полицейских участков.

Постепенно разглядывая крыши, он определил место, где находится. Он находился где-то в районе бывшей Полицейской и Овчинниковского переулков.

О, как знаком ему был с детства этот Овчинниковский переулок. В Овчинниковском переулке помещался известный одесский клуб «Гармония». При клубе имелся театр. В театре «Гармония» на святках давались дневные спектакли с большим дивертисментом и в заключение — танцы.

На всю жизнь запомнился Петру Васильевичу спектакль «Взятие Севастополя», который он видел в театре «Гармония» в детстве. На всю жизнь запомнился ему приторный сальный запах фиксажуара, которым парикмахер натер его жесткие черные волосы, прежде чем раздрать их «на пробор» невероятно жесткой щеткой. Запомнился ледяной холод рук и холод тесного крахмального воротничка, больно ущипнувшего шею запонкой. Запомнился папа в новом сюртуке, который вел его — маленького гимназистика — за руку по мраморной лестнице, запомнились парадные такты бальной музыки, трехцветные банты распорядителей, опасный блеск паркета, скользкого как лед, разноцветные кружочки конфетти на плечах — бумажные **кружочки**, которые так напомина-

ли пистоны, — и на всю жизнь запомнилась девочка в плиссированном розовом платице, которую он, преодолевая нечеловеческий стыд, решился пригласить на «венгерку». О, как он вцепился потной рукой в ее плиссированное платице, боясь взять ее за талию. Как глупо-старательно выбрасывал он вперед ноги в новых касторовых брюках и новых скороходовских башмаках, как он вспотел, как он все время считал про себя такты «венгерки» — «раз-два, раз-два, раз и два и три». И как он был, наконец, счастлив, когда девочка, с ужасом глядя на его черные, как вакса, вихры, так и не поддавшиеся фиксатуару, пробормотала коралловыми губками «мерси», выдернула из оцепеневшей петиной руки свое окончательно измятое платице и умчалась, мелькая по паркету белыми лайковыми башмачками.

Но все это было ничто в сравнении с тем впечатлением, которое произвел на маленького Петю спектакль «Взятие Севастополя». Вся душа его задрожала от мрачного восторга, когда он услышал гром театральной канонады, бенгальский огонь пылающего Севастополя, рыдания матросов, склоненные знамена, звуки траурного марша и черный гроб Нахимова, покрытый андреевским флагом, который несли на руках скровавленные защитники героического города.

Петр Васильевич стоял, прислонясь к слуховому окну, и вдруг он увидел внизу, совсем недалеко, среди груды обломков взорванного дома каким-то чудом сохранившийся портал театра.

Петр Васильевич сразу узнал его. Это был портал театра «Гармония».

Он стоял среди развалин, как пустая каменная рама, расписанная по бокам музами, лирами и большеротыми масками греческой комедии и трагедии. Пучки длинных труб, перевитых муаровыми лентами, казалось, посылали во все стороны свои торжественно-мрачные медные крики, и босоногая Терпсихора летела над развалинами на складчатых крыльях своего воздушного плаща.

И в этот же самый миг сотни других труб зазвучали над крышами города. Орган воздушной тревоги поднял к небу лес своих удручающих труб.

Поверх домов Петр Васильевич увидел свинцовую полосу моря и красную полоску Дофиновки, освещенную мрачным, как раскаленное железо, только что взошедшим из моря солнцем. Солнце появилось на один миг и тотчас исчезло в гряде грифельных, низких туч, гонимых ледяным норд-остом. И над Дофиновкой, среди бегающих звездочек зениток, Петр Васильевич опытным глазом старого артиллериста увидел эскадрилью тяжелых советских бомбардировщиков, идущих из Севастополя курсом на арки бывшего Александровского парка — на неприятельскую дальнобойную батарею.

Дядя Гаврик и Петя Бачей

Петя сидел на фанерном ящике с макаронами и, задрав вверх лицо, держал в поднятой руке гаечный ключ, который ему дал Святослав.

Собственно говоря, полагалось держать дверной ключ. Это было старинное народное средство. Железный дверной ключ «запирал» кровь, идущую из носа.

На этом настанвала Матрена Терентьевна. Однако в катакомбах ни у кого не нашлось дверного ключа. Был у Гаврика ключ от партийной несгораемой кассы. Но о том, чтобы он его кому-нибудь доверил, не

могло быть и речи. Пришлось прибегнуть к помощи гаечного. Однако гаечный ключ, как и следовало ожидать, помогал плохо. Кровь продолжала итти, и Петя, время от времени морщась, сплевывал ее на землю.

Матрена Терентьевна поддерживала петину руку, чтобы она была поднята как можно выше, а Раиса Львовна Колесничук вытирала у мальчика под носом тряпочкой.

— Потерпи, Петичка, скоро пройдет, — говорила Матрена Терентьевна, подтягивая руку мальчика еще выше.

Петя мрачно сдвигал брови, всем своим видом показывая, что умеет переносить любые страдания молчаливо и безропотно, как и подобает настоящему мужчине.

— Головка у тебя не болит? — строго заглядывая ему в лицо, спрашивала Раиса Львовна.

Это сентиментальное — головка, вместо — голова, приводило его в состояние крайнего раздражения. Мальчик свирепо скашивал глаза, мотал задранной головой и мычал сквозь крепко сжатые губы:

— М... м... м...

— Я не понимаю, при чем здесь какой-то гаечный ключ, — нервно говорила Валентина, расхаживая взад-вперед по пещере и сердито пожимая плечами. — Вы меня, мама, просто удивляете. Какое-то средневековье! Ему надо налить в нос иода — и дело с концом.

— В том-то и дело, что тут у них, оказывается, совершенно нету иода, — оправдывалась Матрена Терентьевна и, укоризненно оборачиваясь к Раисе Львовне, замечала: — Как же это вы не захватили с собой иод?

— Мало ли чего мы не захватили, — сухо отвечала Раиса Львовна. — Всего, дорогая моя, нехватишь!

Петя смотрел на нее и с трудом узнавал в этой похудевшей, строгой женщине с седоватыми волосами, плотно обвязанными красным платком, ту веселую, жирную, раздумянную кухонным жаром усатую Раису Львовну, которая еще так недавно кормила его на «вилле Колесничука» настоящим украинским борщом и жареными бычками и по вечерам, заведя свои большие, черные, как сливы, глаза, пела сильным, порывистым, страстным голосом «Виют витры» и «Ганзю», которая особенно нравилась Пете.

— Может быть, у вас и цинковой мази нет? — с ужасом воскликнула Матрена Терентьевна, делая совершенно круглые глаза.

— Нету цинковой мази! — жестко говорила Раиса Львовна. — Вообще нету никаких медикаментов. Забыли. Разве в такой суматохе вспомнишь все что надо? Я с собственным мужем забыла попрощаться.

И Петя увидел на ее лице новые, незнакомые ему морщины — две сухие горестные складки по сторонам рта, обметанного лихорадкой.

— Что, что? Опять что-нибудь забыли? — спросил Гаврик, появляясь с лопатой в руке из темноты.

Каждую минуту обнаруживалось, что забыли ту или другую важную вещь. Началось с ежиков. Теперь оказалось, что не взяли с собой медикаментов. Кроме индивидуальных пакетов, которые имелись у каждого, никаких медикаментов не было. Забыли. То и дело Гаврику приходилось доставать из кармана записную книжку, долго ее перелистывать и затем, ворча и вполголоса ругаясь, вписывать недостающую вещь.

Подойдя к копилке, он послунил химический карандаш и записал в книжечку: «аптечка». Он еще не знал, каким образом и когда сможет пополнить все эти недостатки, но он был уверен, что рано или поздно это удастся.

Гаврик подошел к Пете, взял его за подбородок и, надев очки, заглянул в нос.

— Ну что, помогает ключ?

— Помаленьку,— сказала Матрена Терентьевна.

— Новейшее достижение медицины,— фыркнула Валентина.

— Ничего, все будет в порядке,— сказал Гаврик и погладил мальчика по обросшему затылку.

Копилка весело отразилась в его очках: в каждом стекле — по дымному золотому червячку.

— Один раз твой папа меня так стукнул по сопатке, что я потом два часа прикладывал снег, пока не остановилась кровь. Я, правда, ему тогда тоже порядочный бланш поставил. В жизни без драки не обойдется. Так что, старик, мужайся!

По лицу Пети, против воли, поползла улыбка.

— Вот видишь, ты уже улыбаешься.

— Давно? — томно сказал Петя.

— Что давно?

— Давно вы поставили моему папе этот самый... бланш? — неуверенно выговорил мальчик странное слово.

— Совсем недавно, — серьезно сказал Гаврик. — Каких-нибудь лет тридцать пять — сорок назад.

— Так давно! Нет, вы правду говорите? — жалобно простонал Петя.

— Да разве ж это давно? — воскликнул Гаврик. — Всего лишь в начале двадцатого века! Спроси Матрену Терентьевну.

Мальчик недоверчиво переводил глаза с Гаврика на Матрену Терентьевну.

— Нет, в самом деле? Вы серьезно?

— Правда, Петичка, правда,— сказала Матрена Терентьевна. — Твой папа и дядя Гаврик тогда были поменьше тебя, а я была совсем малявка.

С выражением грусти и нежности стояла Матрена Терентьевна возле мальчика, крепко держа в своей большой руке его нежную руку, сжимающую гаечный ключ.

А Петя, скосив глаза на запрокинутом лице, с уважением рассматривал простую, мирную и вместе с тем такую воинственную, даже грозную фигуру дяди Гаврика в потертом бобриковом пальто, поверх которого на поясе висел наган, а из кармана торчала рукоятка гранаты.

Петя смотрел на него, как на чудо. Он и был чудом. Ведь это был тот самый Гаврик, папин старинный друг, о котором так часто рассказывал Петр Васильевич, предаваясь воспоминаниям. Это он, маленький нищий мальчик из мира папиного детства, внук рыбака, стоял теперь наяву перед Петей — немолодой человек, подпольщик, скупо освещенный смуглым пламенем самодельной коптилки, мерцающей среди угловатых глыб подземелья.

Петя смотрел на дядю Гаврика, и его душа дрожала от гордости.

Да. Он имел право гордиться. Он участвовал вместе с партизанами, на глазах у дяди Гаврика, в бою с фашистами. Он вел себя мужественно, как и подобает пионеру. Он первый заметил грузовик с румынскими солдатами, и он первый открыл бой, бросив в грузовик гранату. Он был ранен и чуть не попал в плен. Его уже тащили. Но он изо всех сил отбивался. Он работал кулаками, царапался, кусался. И, в конце концов, ему удалось вырваться.

Правда, граната, которую он со всего размаху швырнул в румынский грузовик, не разорвалась, так как он не знал, что надо отодвинуть предохранитель. Но зато она почти долетела до грузовика. Если она и

не совсем долетела, то, во всяком случае, нехватило самую малость, метров восемнадцать. Правда, он, строго говоря, не был ранен. У него от напряжения просто пошла кровь из носа. Но все равно, был бой, он участвовал в бою, и смело можно считать, что он был ранен. Во всяком случае, он был окровавлен. Кровь текла по его лицу. Что касается остального, то остальное было именно так, как было. Его тащил румынский солдат, и он изо всех сил молотил солдата кулаками по голове, царапал его лицо, визжал от ярости и наконец с такой силой укусил его вонючую, волосатую руку, что у солдата помутились глаза и побелело лицо от нестерпимой боли.

Мальчик до сих пор чувствовал во рту омерзительный чесночный запах солдатской руки, и его зубы и десны до сих пор продолжали ныть после этого самозабвенного, до наслаждения тошнотворного укуса.

Он испытал несколько страшных, ужасающих минут, потрясших все его существо. В такие минуты люди иногда седеют. Но он не поседел. Едва ли он даже как следует понимал, что происходит. Он действовал в состоянии полубеспамятства.

Зато сколько радости, сколько новых, необыкновенных впечатлений обрушилось на него, когда все кончилось и он, наконец, вместе с Матреной Терентьевной и Валентиной очутился под землей, в катакомбах.

Как всплеснула руками и бросилась к нему Раиса Львовна, растерянно повторяя:

— Боже мой, Петя! Откуда ты взялся? Нет, в самом деле, откуда ты взялся? Как ты сюда попал?

Ведь она сама посадила его на теплоход. Она была уверена, что он уже давно в Москве. А он вдруг оказался здесь, перед ней, оборванный, нестриженный, окровавленный, с воспламененным лицом и глазами, сверкающими, как антрацит.

Прижимая лопнувший рукав полушубка к окровавленному носу, Петя стал, захлебываясь, рассказывать свою историю, но в это время Гаврик, который только что узнал от Матрены Терентьевны, что этот незнакомый парнишка — не кто иной, как сын Петьки Бачей с Канатной угол Куликова поля, подошел к мальчику и уставился на него с таким изумлением, как будто перед ним стоял не самый обыкновенный мальчик, а по крайней мере какое-то морское чудовище.

Гаврик, конечно, знал, что у его старинного друга Петьки есть сын. Он знал, что сына Пети тоже зовут Петя. Но он никогда его не видел. Старый холостяк, никогда не имевший детей, Гаврик не мог себе представить этого другого, маленького Петю Бачей.

Петькин сын!

В представлении Гаврика это было нечто в высшей степени отвлеченное, почти невероятное, даже комическое.

И вдруг он так неожиданно увидел его — черноглазого, вихрастого, живого, подлинного.

Он всматривался в перепачканное, возбужденное лицо мальчика, с изумлением открывая в нем черты Петьки Бачей с Канатной угол Куликова поля — черномазого гимназистика из далекого, туманного мира своего детства. С каждым мигом открывалось все больше и больше сходства.

Можно было подумать, что, вопреки всем законам времени, Гаврик видит перед собой не сына Пети, а самого Петю. Это было не просто сходство, а тождество. Казалось, время потеряло на миг власть над человеческой жизнью, повернуло вспять, и Гаврик снова с поразительной силой почувствовал себя тем бесконечно далеким, маленьким Гавриком, которого давно уже не существовало в мире. Он снова был маленьким

Гавриком, и перед ним стоял маленький Петя. И Гаврик поймал себя на том, что готов дружески хлопнуть этого маленького Петю по спине и сказать:

— Здорово, Петька! Клифт!

Но вместо этого он растроганно притянул к себе петькиного сына и прижал к своему бобриковому пальто. Он вытер его замурзанное лицо рукавом, с нежным любопытством заглянул в это лицо, покрасневшее от смущенья, и неловко поцеловал мальчика в сухие, пыльные волосы.

— Молодец, Петя,— сказал он.

Гаврик совсем не был сентиментален. Его чувства были всегда заперты в самой глубине его одинокой души. Он редко выказывал их. Но сейчас они вдруг сами собой вырвались наружу. Гаврик неожиданно поцеловал сына Пети и в ту же минуту рассердился на себя за эту нежность.

— Ну и ладно, хватит,— притворно сердито сказал он, отстраняя мальчика. — Подумаешь! Но надо тебе сказать, ты здорово-таки похож на своего папу, когда он был такой же маленький, как ты. Тебе сколько лет?

— Одиннадцать—двенадцатый,— пробормотал Петя, хватаясь за нос, из которого опять пошла кровь.

— Что ты скажешь, Мотя? — сказал Гаврик. — Похож, верно?

— Вылитый Петичка,— сказала Матрена Терентьевна и, заметив, что у мальчика снова пошла кровь носом, засуетилась, забегала, усадила его на ящик и дала держать гаечный ключ.

Так началась жизнь Пети в катакомбах.

60

Жизнь во мраке

Какая это была странная, ни на что не похожая жизнь.

Как утомительно двигалось здесь время. Иногда можно было подумать, что оно совсем не движется.

Прошло много дней, прежде чем Петя научился понимать, что сейчас: утро, день, вечер или ночь. Может быть, вечная ночь? Нет! Ночь, пусть даже вечная, всегда имеет свое, особое, ночное течение. Здесь не было никакого течения. Здесь все было неподвижно, кроме людей.

Когда бы ни посмотрел Петя вокруг себя, он видел все одно и то же: неподвижные каменные или земляные своды, покрытые неподвижной вековой пылью, темный неподвижный воздух, совсем слабо позолоченный одним или двумя огоньками светильников, неподвижных, как отражение во льду. А дальше все тонуло в полном, совершенно непроницаемом мраке.

Но не только поэтому жизнь казалась Пете такой тягостной и странной. Она была тягостной и странной еще и потому, и главным образом потому, что стоило только выйти из катакомб наверх, как человек сразу же попадал в тысячу раз более тягостный, страшный мир фашизма. В этом мире нечем было дышать. Мрак охватывал душу. Свободная воля и светлый человеческий разум цепенели. Человек превращался и животное, в раба.

Горсточка отважных советских людей — свободных и независимых — жила в такой жуткой близости от своих смертельных врагов, жила, в сущности, окруженная ими со всех сторон, иногда слыша над головой их глухие шаги; одно лишь сознание этого должно было превратить жизнь этих людей в кошмарный сон, в ад.

Может быть, так бы и случилось, если бы в катакомбах просто жили, скрывались. Но люди жили в катакомбах не для того, чтобы просто скрываться, и скрывались не для того, чтобы просто жить. Они жили и скрывались для того, чтобы бороться.

И они боролись.

Они боролись страстно, неутомимо.

Незаметно выходили они из своего подземелья, как призраки, появлялись среди врагов, наносили им внезапные удары и снова возвращались в катакомбы, никем не узнанные, незримые, как будто на них была шапка-невидимка.

Разумеется, ни Петя, ни Валентина не принимали участия в этих дерзких вылазках. Им было строжайше запрещено даже близко подходить к выходу из катакомб. Но зато они, не зная усталости, помогали готовиться к этим вылазкам.

Казалось бы, какие могли быть особенные приготовления для такой, в сущности, простой вещи, как выйти ночью из катакомб, залечь возле дороги и обстрелять румынский грузовик или заложить под рельсы килограмм тола, взорвать воинский поезд и вернуться тем же путем назад?

Нет слов, нужна безумная смелость, решительность, быстрота, точность. А какая же, собственно говоря, специальная подготовка? Но так думать мог лишь человек, ни разу не побывавший в катакомбах и совершенно не знакомый с условиями подземной жизни.

Каких трудов стоило, например, содержать в боевой готовности оружие и патроны!

В катакомбах всегда была пронизывающая сырость. Металлические предметы с необыкновенной быстротой окислялись, ржавели. Особенно быстро ржавели железные патроны и пулеметные ленты. Каждые два-три дня Пете и Валентине приходилось перебирать и чистить от ржавчины весь наличный запас винтовочных и револьверных патронов, взрывателей, капсюлей. Каждый патрон был на вес золота.

Петя и Валентина сидели на каменных тумбах, заменявших табуреты, перед большой, грубо вытесанной каменной плитой, заменявшей стол. На этом ракушниковом столе была насыпана большая куча заржавленных патронов. Они брали патроны по одному и над каждым патроном трудились до тех пор, пока он не начинал блестеть. Они изо всех сил терли его кирпичом или кусочком того же ракушника, как пемзой. Удалив с патрона всю ржавчину, они протирали его куском солдатского сукна, отрезанного от старой шинели, и складывали очищенные патроны в особый фанерный ящик. А через два дня патроны опять ржавели, и все начиналось сначала. Может быть, если бы их можно было смазывать салом, патроны ржавели бы не так скоро. Но сало тоже было на вес золота. Салом смазывали только ружейные затворы.

Часов восемь или десять уходило на то, чтобы хорошенько вычистить и уложить все патроны. Со стороны эта работа могла показаться легкой. Но на самом деле она была трудная, кропотливая, изнурительная. Она требовала большой физической силы.

Мускулы ныли. Согнутая шея болела. Глаза слезились, утомленные скупым бессильным светом копилки, который все время боролся с окружающим мраком и никогда не мог его побороть. Ломило лоб.

Но никакая сила в мире не могла бы заставить Валентину и Петю добровольно бросить работу, не доведя ее до конца. Даже сам Гаврик ничего не мог с ними поделать. До тех пор, пока не был вычищен последний патрон, они никогда не прекращали работы.

Это была не просто работа. Это была борьба. Не желая отставать от взрослых, Петя и Валентина боролись, как умели, отдавая все свои силы этой ежедневной, изнурительной, однообразной и скучной борьбе.

Но когда они сидели друг против друга за каменным столом и, сопя от усилий, терли кирпичом патроны, им не было скучно. Они знали, что ржавый патрон не может войти в ствол винтовки и выстрелить. А он непременно должен был стрелять. Стрелять хорошо, безотказно. Они чувствовали себя участниками каждого выстрела, который взрослые делали по врагу там, наверху, куда они время от времени тайно отправлялись из катакомб, рассовывая по карманам вычищенные ручные гранаты и накрест обматываясь вычищенными пулеметными лентами.

Валентина была крепче Пети. Когда она замечала, что мальчик начинает сопеть все громче и громче — а это был верный признак того, что он устал и уже работает из последних сил — она начинала его задирать:

— А ну-ка, малый, расскажи, как ты бросал гранату в румынский грузовик.

Уже одно то, что она называла его «малый», действовало на него, как прикосновение шила. Петя взвизывался, вскакивал с места, но тотчас брал себя в руки и сумрачно говорил:

— Во-первых, я тебе не малый.

— А какой же ты мне?

— Какой бы ни был, только не малый.

— А какой?

— Никакой.

— Может быть, не малый, а великий?

— И не великий.

— Тогда какой?

— Никакой.

— Хорошо. Нехай будет никакой. Так и запомним. А во-вторых?

— Что — во-вторых?

— Я не знаю, что во-вторых. Это ты, наверное, знаешь. Ты сказал, что, во-первых, ты мне не малый. Хорошо. Я согласна. Пусть будет — во-первых, ты мне не малый. А во-вторых?

— А во-вторых, это тебя не касается.

— Что — не касается?

— Не касается, как я бросал гранату. Как бы ни бросал — тебе так никогда не бросить. Бросал, как надо.

— Чего ж она у тебя, Петичка, не разорвалась? — произносила Валентина таким нежным, таким воркующим и вместе с тем таким ядовитым голосом, что мальчик опять взвизывался, как будто бы его тронули шилом. Он терпеть не мог, когда касались этой неприятной истории с неразорвавшейся гранатой.

— Потому что потому оканчивается на у! — с кривой улыбкой кричал Петя, как бы желая своим криком заглушить неприятный вопрос.

— Эх, ты, вояка-мученик, — тоном оскорбительного сожаления и глупого превосходства говорила Валентина, глядя на Петю в упор прозрачными глазами с твердой косточкой зрачка. — Шляпа ты, малый, вот что я тебе скажу.

Этого уже Петя не мог снести.

— Валентина! — говорил он торжественно и грозно. — Замолчи, а то стукну.

— Кто стукнет? — заливаясь вызывающим хохотом, кричала Валентина. — Ты стукнешь? Меня? А ну стукни.

- И стукну.
- Попробуй.
- И попробую.
- Чего ж ты не пробуешь? Слабó?
- Кому слабó?
- Тебе.
- Мне?

— Эх ты, знаменитый бросальщик грāнат!

Она явно нарывалась на драку. Она смеялāсь над ним в глаза. И мальчик больше не мог владеть собой. Испуская воинственный клич, он бросался через стол на Валентину, но она, молниеносно проведя по его лицу сверху вниз пятерней, с хохотом уносилась в коридор.

Перепрыгивая через ящики и спотыкаясь о камни, Петя преследовал ее. Валентина только того и ждала.

Она вовсе не хотела обижать мальчика. Ей только нужно было немного отвлечь его от работы, растормошить, заставить размяться. И ей это вполне удавалось. Она хорошо изучила его вспыльчивый, самолюбивый характер.

Они шумно носились по всем закоулкам, по всем «комнатам» под-земелья.

Да, здесь имелись комнаты, если так можно было назвать маленькие и большие ниши, вырубленные в залежах ракушника или выкопанные в грунте. Отчасти это были старые, давным-давно выработанные штреки подземных каменоломен, отчасти новые помещения, специально устроенные Гавриком и его товарищами для имущества и людей отряда. Это подземное жилище можно было назвать как угодно: штабом, казармой, арсеналом, райкомом партии, командным пунктом. Но почему-то привилось самое скромное, самое прозаическое название — квартира.

Действительно, это было больше всего похоже на квартиру, превращенную в учреждение, или, вернее, на учреждение, превращенное в квартиру, где поселились вооруженные сотрудники этого учреждения вместе со своими семьями.

Семейный характер придавали дети — Петя и Валентина, в особенности тогда, когда они начинали шуметь и носиться по всем комнатам, подымая пыль и ветер, колеблющий слабенькие язычки светильников.

Ловя друг друга, Петя и Валентина вскакивали на столы, табуреты, кровати. Вероятно, они переломали бы всю мебель, если бы эта мебель не была каменной. Но она вся была сделана из ракушника. Ракушниковые тумбы служили стульями. Большие каменные прямоугольники, похожие на саркофаги, служили столами, и на таких же каменных прямоугольных саркофагах, застланных соломой и шинелями, люди спали, как на кроватях.

Женщины — Раиса Львовна, Матрена Терентьевна и Валентина — помещались отдельно. Их ниша была занавешена ситцевой занавеской. Они — все трое — спали на одном громадном саркофаге. Это были их нары. Но зато какой порядок, какая чистота царили здесь. Нары всегда были гладко застланы байковыми одеялами. Подушек, правда, не было. Вместо подушек в головах лежали аккуратно сложенные верхние вещи и мешки. На каменной тумбочке, покрытой пожелтевшим номером газеты «Черноморская коммуна» с вырезанными фестончиками, стояло небольшое зеркало, пластмассовое блюдо для шпилек, глобус и светильник. Но даже этот светильник, сделанный Валентиной, отличался от других светильников тем, что был сооружен из очень за-

тейливого, фигурного флакона из-под духов ТЭЖЭ и как бы подчеркивал своим изяществом, что здесь живут женщины.

В «дамское отделение», как его называли подпольщики, Петя и Валентина забегали ненадолго и возились там осторожно, боясь разбить зеркало—единственное зеркало, имевшееся в подпольном райкоме.

Зато в других комнатах они не стеснялись. В других комнатах нечего было разбивать. Все вещи там были грубые, небьющиеся: лопаты, кирки, ломы, винтовки, пистолеты.

Смазанные и заткнутые тряпочками винтовки стояли, как полагается по уставу, в пирамиде, врезанной в стену «мужского отделения», три четверти которого занимали каменные нары, где спали собственно райкомовцы: Гаврик, Леня Цимбал, Синичкин-Железный и Серафим Иванович Туляков. Их личное оружие, полевые сумки, портфели и утиральники висели у каждого в головах, на деревянных костылях, крепко вбитых в рыхлую стенку.

Собственно говоря, по всем правилам субординации Гаврик, как первый секретарь и командир отряда, мог и должен был помещаться отдельно. Но он пожелал поместиться вместе с другими райкомовцами, на одних нарах. И хотя они возражали, в особенности Синичкин-Железный, донимавший всех дисциплиной, Гаврик настоял на своем. Во всем же остальном он проявил удивившую всех мелочность, даже как бы некоторый бюрократизм. Не говоря уже о том, что с первого же дня пребывания в катакомбах он установил совершенно точный график работы подпольного райкома и обязанности других секретарей, не говоря о том, что он почти ежедневно устраивал заседания и проводил их, хотя и коротко, но по всем правилам — с регламентом и протоколом, — он кроме того дал указание отрыть просторное помещение для своего кабинета и оборудовать его так, как это принято во всех кабинетах первых секретарей райкомов. Он сам первый взялся за кирку и принялся расширять старый штрек.

Ворча под нос и сварливо поругиваясь вполголоса, Гаврик шагал вдоль и поперек, обмеривал помещение. С придирчивой точностью он отметил, где что должно находиться. Он отметил местоположение своего секретарского стола и перпендикулярно к нему — другого стола для заседаний, так что оба они, как полагается, составили букву Т. Он наметил вокруг столов места для стульев, вдоль стен места для скамеек, в одном углу место для несгораемого шкафа и в другом для столика с водой.

Весельчак Леня Цимбал, подмигивая, предложил еще наметить место столика для телефона, но Гаврик посмотрел на него с таким молчаливым вниманием, так узко сощурил глаза и так наморщил маленький пестрый нос, что Леня невольно поперхнулся и, пробормотав «я, конечно, очень извиняюсь», с удвоенной энергией начал орудовать лопатой.

Через две недели кабинет Гаврика был готов.

Конечно, этот «кабинет» в значительно большей мере напоминал пещеру, чем комнату. Два грубых каменных стола, два прямоугольных саркофага, составлявших букву Т, стояли у задней стены на изрытом земляном полу. Они были окружены каменными кубиками стульев. В дальнем углу на каменном цоколе стоял несгораемый шкафчик. В другом углу помещалась каменная тумбочка, на которой стояло ведро с водой и кружка, сделанная из консервной банки. На полке, выдолбленной в стене, виднелось несколько десятков книг, и на этой же стене висело несколько карт: карта Советского Союза, карта Одесской области, план города Одессы и план Пригородного района.

Обойдя несколько раз свой новый кабинет и найдя, что все в порядке, Гаврик пригласил всех свободных от караула подпольщиков войти. Затем он принес два знамени — алое знамя районного комитета партии и малиновое знамя районного совета, а также два портрета — портрет Ленина и портрет Сталина. Он, не торопясь, поставил знамена в угол, затем встал на каменную скамью и укрепил на стене, над столом, портреты. Он сел за свой каменный стол, снял кепку и некоторое время молчал, поглаживая свои довольно заметно поредевшие на темени волосы.

Решетчатый фонарь «летучая мышь», поставленный на стол заседаний, не ярко, но выразительно освещал всю эту мрачную и вместе с тем торжественную картину, невероятную, как во сне. Смуглый, золотистый свет двигался по портретам, и казалось, что лица Ленина и Сталина живут, дышат, струятся. И два скрещенных знамени: знамя Государства и знамя Партии—золотясь тяжелыми кистями, прибавляли к свету «летучей мыши» алый, шелковый свет своих полотнищ.

— Вот здесь именно и находится та власть, которая управляла, управляет и будет управлять Пригородным районом города Одессы,— сказал Гаврик. — А они себе там как хотят.

И он так нажал на слово «они», что у него скрипнули зубы.

61

Листовка подземного райкома

Гаврик наравне со всеми другими подпольщиками нес караульную службу у входа в катакомбы, выходил на диверсии, дежурил по квартире. Остальное время он проводил у себя в кабинете, который больше всего напоминал теперь командный пункт. Здесь подробнейшим образом разрабатывались планы диверсий и выходов наверх. Здесь решались партийные дела. Здесь утверждались лозунги, составлялись и печатались на большой, неуклюжей пишущей машинке листовки, которые потом разносились по окрестным селам и расклеивались на стенах хат.

Еще готовясь к переходу в подполье, Гаврик предвидел, что на первых порах будет трудно печатать большое количество листовок. Он составил и напечатал первые листовки заранее, в обкомовской типографии. Еще в городе была советская власть, а уже в ящиках, предназначенных для будущего подпольного райкома, лежали туго увязанные пачки тонких розовых листов воззваний и прокламаций.

Гаврик, переживший не одну оккупацию, хорошо знал, с чего надо начинать борьбу.

«Товарищи колхозники и единоличники, все честные советские люди!— так начиналась первая листовка Гаврика.— Исчадие рода человеческого, кровавый людоед Гитлер вместе с бандитской шайкой своих приспешников посягнул на нашу священную советскую родину. Он хочет отнять у нас все завоевания Великой Октябрьской революции. Он захватил наш родной город Одессу и всю Одесскую область. Он хочет отнять у крестьянства землю и превратить свободных советских людей в рабов. Он грабит наши села, забирает хлеб, сало, яйца. Он угоняет наш скот. Он хочет превратить счастливый, зажиточный украинский народ в бездомных и нищих бродяг. Тех, кого не удалось еще убить или повесить, Гитлер хочет задавить костлявой рукой голода. Но вы, товарищи, не сдавайтесь. Не бойтесь Гитлера. Не так страшен чорт, как его малюют. Оказывайте немецко-румынским фашистским гадам сопротивление. Зарывайте хлеб, прячьте сало, масло и другие продукты питания. Не давайте гитлеровским мерзавцам ни куска хлеба. Пусть дохнут

с голоду. А то, что не сможете спрятать, уничтожайте. Помните, что в тылу врага неутомимо действуют отряды славных советских партизан, «народных мстителей». Они помогут вам в вашей борьбе с проклятыми фашистами. Вступайте в партизанские отряды. Бейте захватчиков, где только сможете. Наше дело правое. Враг будет разбит. Смерть фашистским захватчикам».

Уже через два дня после того, как немецко-румынская армия заняла Одессу, сотни этих маленьких розовых листков появились во всех деревнях и селах в районе Усатовых хуторов, и народ сразу понял, что борьба с фашистами не кончилась, а только еще по-настоящему начинается.

Гаврик по опыту хорошо понимал, какое громадное, даже решающее значение имеет разрушение транспорта в тылу врага.

«Товарищи железнодорожники! — так начиналась другая листовка. — На наших глазах гитлеровские бандиты вывозят в Германию награбленное добро из нашей отчизны. Кровоийцы высасывают соки из нашего народа. Священный долг патриота нашей родины требует от каждого вести беспощадную борьбу с ненавистными оккупантами. Не мазутом, а песком засыпайте бусы, поджигайте эшелоны, цистерны с бензином, создавайте пробки на станциях, всеми способами срывайте транспорт ненавистных оккупантов».

Эти листовки неизменно подписывались так: «Районный партийный комитет и Исполнительный комитет совета трудящихся Пригородного района города Одессы».

Гаврик придавал особенное значение этим двум подписям. Народ должен был чувствовать, что хотя на советской земле временно и хозяйничают фашисты, но существуют партия и советская власть, они были, есть и будут до тех пор, пока на советской земле жив хотя бы один честный советский человек. Все равно — на земле или под землей.

Потом, когда эти напечатанные заранее листовки разошлись, в кабинет первого секретаря была принесена старая, высокая пишущая машинка, взятая из райкомовского инвентаря. На ней было решено печатать новые листовки, которые, сидя за своим каменным столом, сочинял Гаврик, строго учитывая политическую обстановку, ежедневно меняющуюся «наверху» в зависимости от положения на фронтах.

Однако сразу же натолкнулись на некоторое препятствие: никто не умел печатать на пишущей машинке. Гаврик сильно рассчитывал на Раису Львовну. Почему-то он полагал, что Раиса Львовна, как женщина интеллигентная и старая курсистка, непременно умеет печатать на машинке. Тем более, что играла же она на рояле, и у нее были хорошо развитые, быстрые, музыкальные пальцы. Но оказалось, что она понятия не имеет о машинке.

— Откуда ты взял, что я умею печатать? — с удивлением сказала она, когда Гаврик позвал ее в кабинет.

— А пальцы? — неуверенно сказал Гаврик.

— Что пальцы?

— Музыкальные пальцы.

— Ну и что ж из этого следует?

— На рояле можешь, а на машинке не можешь?

— Одно к другому не имеет никакого отношения.

— Ну, не скажи. Все-таки техника. Во всяком случае, нам необходимо в срочном порядке печатать листовки.

— Как ты странно рассуждаешь, — сказала Раиса Львовна и презрительно пожала плечом. — Ни разу в жизни даже не прикасалась к

пишущей машинке. Впрочем, я могу попробовать. Может быть, со временем научусь.

— Э, нет. Со временем мне не нужно. Мне нужно сейчас.

— Неужели же никто не умеет печатать на машинке?— сказала Раиса Львовна и презрительно пожала другим плечом. — И почему именно я должна этим заниматься?

Она очень изменилась за последнее время. Гаврик ее положительно не узнавал. Когда он брал ее с собой в катакомбы, он рассчитывал, что она будет вести хозяйство, стряпать, шить, стирать, одним словом займется своей привычной домашней работой, которой всегда занималась с жаром, с увлечением и в которой не знала соперниц.

Но все вышло совсем не так.

Очутившись в катакомбах, она стала вдруг совсем другим человеком. Куда девались ее веселье, ее добродушие, ее любовь к стряпне, которыми она всегда так пленяла товарищей Колесничука. Правда, она несколько раз приготовила для отряда обед, и очень недурно. Но сделала она это без души и уж во всяком случае без всякого удовольствия. Когда же в катакомбах появилась Матрена Терентьевна, она быстро передала ей свои обязанности кухарки. Она стала сухой, нервной. Она туго повязала свои кудрявые волосы платком, обмоталась пулеметными лентами, стала носить сапоги. Она потребовала, чтобы ей выдали пистолет. Мрачный, мстительный огонь зажегся в ее глазах. И когда она, опираясь на коротенький костылек, пробиралась с винтовкой в руках по подземному ходу на дежурство, в ее крепкой согнутой спине, в ее походке, во всей ее медлительной, сумрачной фигуре чувствовалась неутолимая жажда борьбы. Наравне с мужчинами она несла все дежурства, но на диверсии ее не брали. И это, очевидно, сильно ее мучило, даже оскорбляло.

Одним словом, надежда Гаврика на то, что она будет печатать листовки, рухнула. Выйти из положения помог, как это ни странно, Синичкин-Железный.

Высокий, худой, молчаливый, он сел на каменную тумбу перед машинкой и длинным черным указательным пальцем с твердым, будто железным ногтем стал очень медленно, сосредоточенно стучать по клавишам заржавленной райкомовской машинки. Он стучал мучительно долго, с томительными паузами, то и дело наклоняясь к оригиналу, видимо плохо разбирая почерк Гаврика. Но он не встал с каменной тумбы до тех пор, пока не выстукал последнюю точку. Он вынул из каретки листок и подал его Гаврику.

— Ну как? Годится? — сказал он, глухо покашляв.

Гаврик надел очки, не торопясь прочел листовку два раза подряд и сказал:

— Хорошо. Годится.

В листовке не оказалось ни одной опечатки.

Секретарь завинчивает гайки

Теперь в кабинете первого секретаря часто и подолгу стучала пишущая машинка и слышался гулкий, рокочущий кашель Синичкина-Железного.

В кабинете не было дверей, так как, в сущности, он представлял собой не более, чем обширную нишу, а для того чтобы ее занавесить и отделить от прочих помещений, не имелось материала.

Вход сюда никому не запрещался за исключением тех случаев, когда происходило закрытое партийное собрание. Постепенно кабинет первого секретаря сделался любимым местом, куда собирались свободные от нарядов подпольщики со своей работой. А работа у них не переводилась никогда. Они пришивали здесь пуговицы, чинили одежду, ставили заплатки на сапоги, меняли набойки. Под землей одежда и обувь буквально горели на них. Если бы они постоянно не следили за своей одеждой, они бы давно уже превратились в оборванцев.

Гаврик ворчливо и придирчиво требовал, чтобы обмундирование сохранилось в полном порядке. Он требовал, чтобы подпольщики брились и стриглись и каждый день обязательно чистили зубы и мылись с мылом. Но мыло скоро вышло, и с этим ничего нельзя было поделаться. Когда же кончился и зубной порошок, то первый секретарь потребовал, чтобы зубы чистили толченым известняком, который в одном месте выходил из стены штрека. Он первый натолк известняка, просеял его через бинт индивидуального пакета и первый, морщась от брезгливости, вычистил себе зубы этим жестким, неприятным, но в сущности не таким уж противным порошком. И с этого дня все стали чистить зубы известняковым порошком.

На некоторое время известняковый порошок сделался для Гаврика его «пунктиком». Он вдруг неожиданно подходил к человеку и спрашивал:

— А зубы сегодня известняковым порошком чистил? Смотри, узнаю, что не чистил, поставлю на бюро и запишу выговор.

Однажды он поймал Серафима Тулякова на том, что он чистит зубы хотя и щеткой, но без порошка. Он отвел его в сторону, в темноту, прижал к стенке и сказал:

— Слушай, Туляков. Это безобразие можно было ожидать от кого угодно, но только не от тебя. И, клянусь жизнью, Туляков, я бы тебя потянул на бюро райкома. Я бы тебя там добре распатронил. Но мне неудобно подрывать перед людьми твой авторитет. Ведь ты не кто-нибудь, а председатель исполкома совета трудящихся. А что это значит? Это значит, что ты представитель советской власти. Ты, собственно, здесь и есть советская власть. Какой же пример подаешь ты советским людям?

— Прошу прощения, — сказал Серафим Туляков серьезно, даже несколько сумрачно. — Больше не повторится.

Он стоял перед Гавриком большой, широкоплечий в своей черной телячьей куртке, хорошо выбритый и, скромно сдвинув прямолинейные брови, смотрел на первого секретаря виноватыми глазами.

Гаврик засмеялся.

— Что, очень противно?

— Да нет, я бы не сказал, — подумав, ответил Туляков. — Что ж, порошок как порошок. Чистит крепко.

— А на мой вкус — ужасная дрянь, — с простодушной откровенностью сказал Гаврик, но тут же спохватился и строго прибавил: — Но — надо. Ничего не поделаешь. Слышь, Туляков, ты наверное думаешь — вот зануда на нашу голову, заставляет чистить зубы каменным порошком. Верно?

— Нет, я этого не думаю, зачем. Я понимаю.

— Очень рад, что ты понимаешь. Дело, брат, серьезное. Дело гораздо серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Дело тут не в каменном порошке. Пусть он сгорит. Я его сам ненавижу. Дело в принципе. Мы должны жить с толком, как культурные советские люди, и не отступать ни на капелюшечку. Отступишь хоть на шаг — кончено.

При создавшейся для нас ситуации опаснее всего, если люди начнут опускаться. Тогда — гроб. Забраться-то сюда в катакомбы мы забрались, а сколько времени нам здесь придется сидеть — неизвестно. Хорошо, если еще месяца два, три. Ну, а если все шесть? Да и то я, откровенно тебе скажу, не уверен. Слушай здесь...

Гаврик взял Тулякова под руку и повел по штреку. Они прошли шагов двадцать в темноте и, пошарив вокруг себя руками, сели на отвалившиеся камни.

— Слушай здесь, — сказал Гаврик. — Положение, в общем, тяжелое. Я бы даже сказал, положение — дрянь. Немцы под Ленинградом, под Москвой, далеко за Киевом. И когда всё это кончится — чорт его знает. Если даже Красная Армия перейдет в наступление, то, представляешь себе, сколько времени пройдет, пока она освободит Одессу? Месяцев шесть, от силы пять. Правда, Севастополь держится. Я сильно надеюсь на Севастополь. Может быть, оттуда ударит десант и Одессу отобьют с моря.

Гаврик вздохнул и задумался.

— Всё может быть. Во всяком случае, мы должны подготовиться к самому худшему. Видать, придется зимовать в катакомбах.

— Не думаю, — сказал в темноте Серафим Туляков. — Что-то не похоже на это.

— А как же ты оцениваешь ситуацию?

Прежде чем ответить, Серафим Туляков долго молчал. Гаврику даже показалось, что он не услышал его вопроса.

— Я оцениваю положение так, — наконец произнес Серафим Туляков в темноте, отчего его голос показался каким-то особенно глухим и мрачным. — Я оцениваю положение так, что нам здесь придется просидеть не меньше года.

Если бы два месяца тому назад Гаврик услышал нечто подобное, он бы, вероятно, сильно рассердился и назвал Тулякова паникёром. Два месяца тому назад он считал, что в катакомбах придется пробыть месяца четыре, не больше. Теперь же, услышав от Серафима Тулякова это страшное, невероятное предположение, что в катакомбах придется сидеть не меньше года, он не удивился и остался совершенно спокоен. Втайне он уже думал об этом. К нему уже приходила эта мысль, хотя он и не решался ее высказать вслух.

— Тем более, — сказал Гаврик. — Стало быть, Серафим Иванович, нам с тобой надо не торопясь и без всякого хая покрепче завинтить гайки и перестроить партийную и советскую работу с расчетом на длительное пребывание под землей. Ты меня понял, председатель?

— Понял, товарищ секретарь.

— Будем чистить зубы каменным порошком!

Гаврик нашарил впотьмах Тулякова, хлопнул его рукой по колену, засмеялся, и они отправились обратно.

Следствием этого разговора первого секретаря районной партийной организации с председателем исполкома совета трудящихся Пригородного района было то, что гайки стали постепенно завинчиваться.

Теперь в кабинете первого секретаря, ставшего также и красным уголком, проводилась обязательная утренняя зарядка всех обитателей подземелья, свободных от нарядов. Но нарядов и всяческих обязанностей было очень много, часто почти все люди были в разгоне, оставались в наличии лишь Петя и Валентина. Но и они, даже если их было только двое, обязаны были делать утреннюю зарядку. Петя старался увильнуть. Но недаром же Валентина считалась любимой внучкой Гаврика. Она унаследовала от своего двоюродного дедушки

взедливый, настойчивый характер. Она не давала мальчику никаких поблажек. На правах старшей она заставляла Петю аккуратно делать зарядку, ложиться на пол и по очереди задира́ть ноги, чего, правду сказать, Петя терпеть не мог.

Теперь в кабинете первого секретаря не только чинили одежду и печатали листовки. Тут же, на каменном столе заседаний, делали копировальную бумагу, натирая листы обыкновенной бумаги толченым графитом, вынутым из карандашей. Благо, карандашей почему-то оказался громадный запас. Тут же фабриковали самодельные бикфордовы шнуры, заряжали взрыватели, варили и укладывали в банки клейстер для наклейки листовок. В особенности Гаврик интересовался клейстером. Он придавал качеству клейстера громадное значение. Он требовал, чтобы листовки наклеивались не кое-как, лишь бы только держались, а так, чтобы их невозможно было содрать.

С некоторых пор прибавилась еще одна постоянная, изнурительная и довольно скучная работа: надо было крутить вручную маленькую динамку для зарядки аккумулятора, без чего не могло действовать радио. Для того чтобы радио работало в течение десяти-пятнадцати минут, приходилось предварительно крутить проклятую динамку несколько часов подряд. Ее крутили постоянно. Ее крутил каждый, у кого выпадало хоть полчаса свободного времени.

Когда маленький Петя читал в «Пионерской правде» о папанинцах на льдине, как они по очереди, несколько часов подряд, без устали крутили динамку для того, чтобы товарищ Кренкель в блистательной тьме полярной ночи, сквозь тысячи километров снегопадов, магнитных бурь, вьюг и штормов мог услышать на своей льдине голос Родины, передававшей им привет, полночный бой часов Спасской башни и, хотя и приглушенные расстоянием, но все же могучие, торжественные звуки «Интернационала», — он испытывал восторг, он преклонялся перед бесстрашными полярниками-сталинцами, вступившими во славу Советского Союза в смертельный поединок со стихиями. Но он никогда не думал, каких им это стоило усилий, простых физических усилий, ежедневных, постоянных, изнурительных и, вероятно, очень скучных.

Но теперь, вращая рукоятку проклятого самодельного колеса, которое выковал и приспособил к динамке Синичкин-Железный, Петя понял, как это мучительно трудно.

Если бы он не знал, что без этой утомительной, скучной работы не будет действовать радио, он бы, наверное, уже тысячу раз бросил надоевшую хуже горькой редьки рукоятку, натиравшую кровавые мозоли. Но он знал, что вечером Святослав будет принимать сводку Информбюро; он целый день вместе с другими ждал этой сводки; и он, закусив губу, крутил и крутил тихо повизгивающее, плохо смазанное, неуклюжее самодельное колесо.

Когда же Валентина замечала, что мальчик выдыхается, она снова задира́ла его, и они начинали носиться по комнатам друг за другом. Сначала Петя, не на шутку обозленный, норовил поймать Валентину и как следует стукнуть. Но потом злость проходила, и начинался обыкновенный детский азарт погони.

Боже мой, какой шум они поднимали!

Клубы каменной пыли крутились в штреках, светильники мигали, со стен сыпался песок.

Они прыгали по каменным кроватям, по каменным табуретам, иногда они даже позволяли себе пробежаться по столу заседаний. И никто на них не сердился. Им это позволялось. Все понимали, что без этих

вспышек беспричинного беснования они захирели бы, наглѹхо замурованные в каменном подземном мире катакомб.

Кроме того, этим они согревались.

В катакомбах всегда стояла ровная, не слишком низкая, но и недостаточно высокая температура. Всегда немного нехватало тепла. Всегда как-то странно, вкрадчиво, незаметно знобило. Во всяком случае, люди никогда не снимали верхней одежды. Но и верхняя одежда, пропитанная тонкой, вкрадчивой сыростью, не спасала от холода.

От этого особенно — и как-то незаметно для самих себя — страдали дети. Попросту говоря, им нехватало дневного света. Они изголодались по солнцу. Может быть, эти порывы буйства, согревавшие кровь и вызывавшие на побледневших щеках румянец, чем-то заменяли им солнце.

В общем, Пете и Валентине жилось очень не легко.

Им жилось бы еще трудней, если бы в числе их маленьких радостей не было одной громадной, всепоглощающей радости хождения за водой. Воду брали из подземного колодца неподалеку от квартиры.

Пете и Валентине было запрещено не только выходить на поверхность, но даже приближаться к выходам. К тому времени уже было два хода: один известный нам ход недалеко от кладбища Усатовых хуторов, называвшийся «ежики», и другой, дальний, выходивший где-то километра за три в районе села Куяльник, называвшийся «Утка», — в честь той утки, которая нечаянно залезла в этом месте в катакомбы и была принесена предприимчивым Леней Цимбалом к обеду.

К колодцу детям ходить разрешалось.

Правда, после того как в катакомбах стали «завинчиваться гайки» и каждый выход на поверхность должен был разрешаться специальным постановлением бюро, Петя и Валентина не могли просто взять ведро и отправиться за водой. Каждый раз они должны были получить формальное разрешение дежурного по райкому или заведующей кухней, в ведении которой находилась вода.

Заведующей кухней, или, говоря попросту, артельной стряпухой была Матрена Терентьевна. С тех пор, как Раиса Львовна передала ей свои обязанности, Матрена Терентьевна безропотно погрузилась в хозяйственные заботы. Она отдалась им всей душой, со страстью, с жаром. Но, к сожалению, очень скоро выяснилось, что у нее к этому нет никакого призвания. Рвение не могло заменить талант. Талант отсутствовал.

Когда дело касалось хранения продуктов, учета, распределения порций, она еще с этим кое-как справлялась, хотя это стоило ей громадных трудов. Это было действительно очень не легко. Для того чтобы продукты не портились от сырости, их нужно было перекладывать, сушить, проветривать. Почти все время Матрены Терентьевны уходило на борьбу с сыростью. Это было еще труднее, хлопотливее, чем бороться с ржавчиной. Каждый день она была принуждена высушивать на огне муку, сахар, соль, макароны, крупу. А на завтра они снова оказывались совершенно сырыми и их заново приходилось сушить. У Матрены Терентьевны была своя особая ниша для продуктов—кладовая. И в ней появился тяжелый, затхлый запах плесени, приводивший Матрену Терентьевну в отчаяние. К тому же продукты таяли со сказочной быстротой. Матрена Терентьевна ужасалась, замечая, как быстро расходуются мука, масло, сахар.

С круглыми глазами она подходила к каменному столу Гаврика и, немного заикаясь от волнения, начинала шептать первому секретарю на ухо свои зловещие хозяйственные секреты и совала рапортички с указанием наличности продовольствия.

Он надевал очки, просматривал рапортничку, потом снимал очки, долго и укоризненно смотрел на Мотю и говорил:

— Мотичка, ты меня удивляешь. Я просто не знаю, что мне с тобой делать. У тебя все продукты буквально-таки горят. Мы скоро вылетим в трубу.

Он это говорил точно таким же высоким, канительным голосом с выматывающими душу педагогическими интонациями, каким говорил ей в детстве по поводу износившихся башмаков:

— Мотичка, честное-благородное слово, ты меня просто удивляешь. Удивляешь и огорчаешь. Ты опять порвала ботинки. Совершенно порвала. Ни один сапожник не берет. Я буквально не знаю, что мне с тобой делать. На тебе все горит. Я скоро вылечу в трубу.

— Дядя Гаврик, ей богу я не виноватая, — говорила тогда маленькая Мотя и краснела так, что не только ее лицо, уши и шея делались густорозового цвета, но даже краснели руки, а на глазах выступали слезы.

Может быть, тогда она и была виновата. На ней действительно все горело. Но на какой же девочке вещи не горят?

Теперь же она действительно была не виновата. Она прилагала все усилия, чтобы тратить как можно меньше продуктов. Но, как известно, именно продукты и имеют скверную привычку «буквально-таки гореть», особенно когда их мало.

Так же как в детстве, Матрена Терентьевна и теперь заливалась до корней волос густой краской, в отчаянии хлопала ладонями, прижимала их к груди и восклицала таким тоненьким голоском, как будто в горле у нее пищала маленькая птичка:

— Дядя Гаврик!

Она так всю жизнь и называла его «дядя Гаврик».

— Дядя Гаврик! Накажи меня бог. Чтобы мне не сойти с этого места. Я сама не могу понять. Я готовлю, а их каждый день становится меньше, я готовлю, а их каждый день становится меньше. Прямо не знаю, что делать!

И на глазах у нее блстели голубые слезы.

— Она не знает, что делать, — ворчал Гаврик. — Она не знает... А кто же знает? Давай сюда норму.

Он доставал карандаш, и они оба, дядюшка и племянница, навалившись на каменный стол, долго шептались над листком бумаги, а на другой день, вставая после завтрака, подпольщики чувствовали если и не голод, то во всяком случае то, что они порядочно недоели.

Так или иначе, с этой стороны дела Матрена Терентьевна кое-как справлялась. Но стряпня у нее вовсе не удавалась. Она стряпала на двух примусах добросовестно, старательно, но, если можно так выразиться, муза кулинарии забыла ее поцеловать. Готовила она не то чтобы вовсе плохо, а как-то неинтересно, без фантазии. Но до фантазий ли было подпольщикам? Сыты — и ладно.

Итак для того, чтобы пойти к колодцу, требовалось разрешение Матрены Терентьевны. Это очень упрощало дело.

— Мама, мы идем за водой, — говорила Валентина.

— Пойдешь за водой — не воротишься, — строго замечал Петя.

— Ах, да, я очень извиняюсь, по воду, — поправлялась Валентина. — Мама, мы идем с Петей по воду. Ты не возражаешь?

— Ну что ж, деточки, идите. Прогуляйтесь. Подышите немножко свежим воздухом.

Они снимали с деревянных гвоздей ведра, которые висели на стене

кухонной ниши, над двумя вечно гудящими примусами, а Матрена Терентьевна, утирая красное, измученное стряпней лицо, подавала им фонарь «летучая мышь» и коробку спичек.

Она делала им последние наставления:

— Фитиль очень не выкручивайте, экономьте керосин. Пускай горит чуть-чуть, лишь бы можно было итти. Как только придете к колодцу— потушите, чтоб даром не горело. А когда пойдете обратно, тогда опять зажгите. Меня и так дядя Гаврик мучает каждый день через этот керосин. Воду по дороге не разливайте, идите аккуратно. Спички зажигайте только в самом крайнем случае. В коробке — шестнадцать спичек. Чтоб вы по крайней мере тринадцать принесли обратно..

Она еще долго что-то говорила и ворчала им вслед, но они уже не слышали ее, медленно удаляясь по низкому земляному коридору, который все время то очень сужался, то немного расширялся, делая повороты и неожиданные извилины.

63

Окно в мир

Петя нес фонарь, а Валентина оба ведра в одной руке. Они опирались на костылики, которые держали в свободной руке. Эти коротенькие костылики были специальным, очень полезным изобретением. Кто их изобрел — неизвестно. Они появились как-то сразу, сами собой. Без них передвигаться по катакомбам было бы очень трудно, почти невозможно. В низких подземных ходах приходилось сгибаться, очень часто даже под прямым углом. А итти в согнутом положении, на согнутых ябгах вещь мучительная. И потому в катакомбах все ходили, опираясь на коротенькие костылики, которые делал из старых ружейных шомполов Синичкин-Железный.

Костылики были так же необходимы для подземной жизни, как свет.

Петя и Валентина шли подземным ходом, как старички, опираясь на свои костылики.

До колодца было сравнительно недалеко — метров четыреста, не больше. «Наверху» они добежали бы до него в три минуты. Под землей на это требовался по крайней мере час, хотя дорога к колодцу считалась легкой: ползти надо было один раз, и то всего метров пять.

Время от времени они останавливались, и при слабом свете фонаря Валентина выцарапывала на стене гвоздем, специально взятым для этой цели, петину букву «П» и свою букву «В», для экономии соединяемые в виде вензеля,—большое печатное «П», ко второй палочке которого приписывалось большое печатное «З», так что получалась одна странная буква ПЗ, Петя-Валентина.

Вообще, на всем пути стены были испещрены различными буквами и значками, выцарапанными на камне, нарисованными углем, кирпичом или просто начерченными пальцем на толстом слое пыли.

Это были знаки подземной навигации, указатели подземного фарватера.

Иначе как можно было бы двигаться по катакомбам и не заблудиться среди запутанного лабиринта ходов, поворотов и разветвлений?

Разумеется, никакой более или менее точной карты катакомб не существовало. Стоило бы колоссальных трудов составить хотя бы простую, грубую схему этого невероятного лабиринта, имеющего к тому же несколько горизонтов залегания.

Компас здесь бесполезен. Во-первых, на глубине под землей он позыывает не точно, а во-вторых, без карты он все равно ни к чему. Звук голоса почти не распространяется.

Оставалась лишь сигнализация значками, этими иероглифами, таинственными и непонятными для человека, случайно попавшего в катакомбы.

Каждый член подпольной организации имел свои так сказать «позывные», свои иероглифы, буквы. Передвигаясь по лабиринту катакомб, он обязан был время от времени оставлять на стенах свои «визитные карточки» и шифрованные, иероглифические сведения о своем направлении, для того, чтобы в случае аварии со светом, его могли бы отыскать товарищи.

Не следует забывать, что авария фонаря, при отсутствии спичек или зажигалки, была равносильна гибели.

Пока Валентина выцарапывала гвоздем их вензель, Петя рассматривал на мерцающей стене другие знаки. Один был похож на топографическую стрелку, но только с двумя вертикальными черточками поперек хвоста. Другой состоял из одной лишь буквы «ять» — забавная фантазия Лени Цимбала, выбравшего своим знаком эту старорежимную букву. Третий представлял собой крестик со стрелкой — позывные Святослава. Был кружок с крестиком наверху — старинный мистический знак Земли, выбранный для себя Гавриком из старого календаря, и пятиконечная звезда, принадлежавшая Серафиму Тулякову. Были овалы, стрелки, направленные в разные стороны. Были цифры. Почему-то цифра 5 была Матрены Терентьевны, а цифра 2 — Райсы Львовны.

С непонятной для себя радостью и тайным волнением видел Петя, как среди этих знаков, точно среди знакомых, живых людей, появляется на мерцающей стене их вензель—его и Валентины, в котором их буквы были так тесно сближены, что даже одна палочка оказалась общей.

Недалеко от колодца они потушили фонарь. Впереди брезжил дневной свет. Сам по себе он был очень слаб и бесцветен, но в сравнении с вечной подземной тьмой, озаренной желтыми светильниками, он казался до странности ярким, режущим глаза.

Они некоторое время с удовольствием привыкали к этому белому, ровному дневному свету, который так прочно, так неподвижно лежал на неровностях стен, на пыльном полу и тянулся спокойными полосами из-за поворотов подземного хода.

Подземный ход упирался в колодец. Дневной свет проникал сверху. Это был деревенский колодец. Его очень глубокий ствол пересекался с одним из ходов катакомб на глубине по крайней мере десяти метров, а до воды было еще столько же.

Петя и Валентина осторожно подходили к стволу колодца и садились на краю круглого хода, наслаждаясь дневным светом, рассеянно падавшим сверху. Их глаза, измученные вечной тьмой и мерцанием светильников, отдыхали.

Изредка они бросали вниз камешек, и проходило некоторое время, прежде чем до них долетал всплеск воды.

Крепко держась за руки, чтобы не упасть, они высовывали головы в ствол колодца и, лежа на животе, смотрели вниз, а потом старались посмотреть вверх.

Далеко внизу, во тьме, дрожал маленький блестящий кружок — отражение неба. Далеко вверх этот же самый кружок был немного побольше, и он уже не дрожал, так как был не отражением неба, а

самим небом. И между этими двумя светлыми кружками — подлинного и отраженного неба — на самой середине гулкой трубы колодца, из таинственного подземного хода, о существовании которого никто наверху и не подозревал, выглядывали две головы, тесно прижавшиеся одна к другой, — голова Пети и голова Валентины.

Это было единственное место, откуда они могли видеть небо и где они могли дышать свежим воздухом. Это было их единственное окно в мир. Возле этого окна они устроили маленький огород. Они посадили в землю несколько луковиц, которые стащили у Матрены Терентьевны. Каждый раз, когда они приходили сюда за водой, они поливали свои луковицы. С каким нетерпением ожидали они появления первой стрелки. Наконец, стрелки появились — слабенькие, желтые, почти белые. Но все же они стали расти. Это была маленькая тайна Пети и Валентины. Они готовили сюрприз для подпольщиков. Ведь лук был не просто лук. Лук был витамины, которых так нехватало.

И, надо отдать ему должное, это придумал Петя: недаром же он был вице-президентом кружка юных натуралистов.

Итак они лежали, высунув головы в свое окно, — Петя и Валентина — среди бледных стрелок лука, которые изо всех сил тянулись по каменистой земле и выгибались, как бы стремясь выбраться вон из подземелья.

Казалось, что можно было увидеть в такое окно?

Однако они видели в него очень много. Они видели небо, видели птиц, видели облака. Однажды, когда они пошли по воду ночью, они увидели несколько звезд. И, может быть, это было самое изумительное в их жизни зрелище. Им еще ни разу не удалось увидеть солнце. Солнце проходило как-то стороной. Впрочем, была поздняя осень, начало зимы. Чаще всего небо было серое от туч.

Наконец, они видели людей. Они видели закутанные, как капустный кочан, головы и плечи женщин, приходивших к колодцу за водой из какой-то деревни. Они видели ведра, которые опускались и подымались так близко от них, что их легко можно было коснуться рукой.

Было что-то невероятное в этих простых крестьянских ведрах. Ведь они были выходцами с того света. Трудно, почти невозможно было себе представить, что вот их наденут на коромысла и понесут по улице деревни, занятой фашистами. Может быть, фашисты будут трогать их руками и пить из них воду.

Петя и Валентина слышали звуки, доносившиеся до них по стволу колодца с того света. И эти звуки говорили им о многом; они расширяли и оживляли картину, представлявшуюся им так живо, когда они видели кружочек зимнего неба и пролетевшую в нем галку. Они слышали наверху скрип шагов по снегу, крики мальчишек. Лаяла собака. Даже по этому звонкому лаю было ясно, что это маленькая пушистая собачка с хвостиком круглым, как бублик. В соединении с холодом, который лился сверху, это составило полную картину студеного вечера с катаньем на салазках, желтым закатом и галками над синими шапками деревенских крыш.

Мимо них подымались и опускались обледеневшие ведра на обледеневшем, стеклянном канате. Черная вода дымилась в обледенелых ведрах. Голоса баб раздавались над головой особенно отчетливо. И особенно резко звучала румынская военная труба. Это была зима.

Ах, как им хотелось хотя бы полчаса побыть наверху, побегать в снегу и побросать друг в друга снежками.

Клятва

Один раз в колодец залетела снежинка. Валентина протянула руку, и снежинка села на ее ладонь. Это была большая, очень правильная звезда из белых елочек и молоточков. Они наклонились над ней и стали рассматривать ее, как чудо. Она была чудо. Она была с того света. Она была граненая и вместе с тем мохнатая. Но ее мохнатость в свою очередь тоже была выгранена с ювелирной тонкостью.

Она вся была воплощение зимы. Она включала в себя все составные части блистательной советской зимы с ледяными кубиками прудов, с кристаллическими коридорами еловых просек, с канителью метели, с синим звоном коньков и круговоротом хоккейного поля, осыпанного звездами фонарей, и с замерзшей рекой, над которой повисли арки и пролеты громадного нового моста, как бы сделанного из тех же в миллионы раз увеличенных деталей снежинки.

Снежинка медленно растаяла.

А они все еще продолжали смотреть на каплю, дрожащую на теплой ладони.

Они уже давно набрали воды. Наполненные ведра стояли у стены. Надо было идти назад. Но Петя и Валентина оттягивали эту неприятную минуту. Им так хотелось еще хоть немного побыть при дневном свете, дыша чистым зимним воздухом, льющим сверху. Они молчали. Но молчание их не тяготило. Они уже так привыкли друг к другу, были так душевно близки. Они знали, о чем каждый из них думает. Они не думали о себе и о той странной, фантастической жизни, которой они жили в катакомбах. Эта жизнь уже начинала казаться им естественной и совсем не фантастической. Они просто жили и просто боролись, не думая, что они борются и совершают что-нибудь необыкновенное, а тем более героическое. Они думали о войне и о своих отцах, которые были на фронте. Валентина думала также о своих старших братьях, воевавших где-то вместе с отцом, а Петя думал о маме, и о сестрах, и о Москве, и о своей школе, и о школьных товарищах, и обо всем том, что теперь казалось ему таким невозвратимо далеким, потонувшим в тумане времени. Валентина уже хорошо знала всех петиных друзей-приятелей и все их дела. Она имела полное представление о некоей ветренной москвичке Оле Нечаевой, которая предпочла красивого, но поверхностного Виктора Садовникова серьезному и бесстрашному Пете, и о Татьяне Бирюковой, с которой за последнее время у Пети обнаружилось так много общего. Она знала все подробности знаменитого полета Москва—Одесса. Она была в курсе всех петиных общественных и личных интересов. Он столько раз рассказывал ей обо всем этом.

Они молчали. Им не надо было разговаривать.

Но была одна тайна, которую Валентина не знала. Эта тайна мучила Петю. Она не давала ему покоя. Иногда среди разговора он вдруг замолкал на полуслове. Наморщив лоб, он опускал глаза и долго смотрел в какую-то одну точку на земле. Он покусывал толстые губы и что-то бормотал себе под нос.

Это, конечно, не могло укрыться от внимательных глаз Валентины. Она объясняла себе это тем, что мальчик опять «начинает переживать», и сейчас же старалась его развлечь, растормошить. Но в минуты этой странной, непонятной задумчивости растормошить мальчика было невозможно. Он только вяло и как-то жалостно, вскользь улыбался, как бы прося глазами оставить его в покое.

— Эй, Петька, что с тобой? — говорила Валентина, тряся его за плечо. — Слушай здесь!

Он поворачивал к ней черные, огорченные глаза и продолжал вяло молчать.

— Чего ж ты молчишь?

— Я не молчу.

— Может быть, ты больной?

— Не...

Он даже не произносил слово «нет» полностью. Он его не договаривал, начинал и бросал:

— Не...

Как Валентина ни билась, она не могла его вывести из состояния глубокой, печальной задумчивости. И ей приходилось оставлять его в покое.

О чем он думал? Какая тайна тяготила его душу? Он бы не открыл эту тайну даже своему отцу — самому близкому человеку на свете. Он дал пионерское слово. Он дал честное сталинское. Он поклялся под салютом. И он не нарушит клятвы, если бы даже это стоило ему жизни. В такие минуты он видел перед собой умирающего матроса. Тайна, тяготившая душу мальчика, была тайна знамени, которое он поклялся сохранить.

И Петю часто мучил вопрос — не нарушил ли он клятву?

Опасаясь, что он может попасть в руки врагов, а вместе с ним в руки врагов может попасть и знамя, которое он под салютом поклялся сохранить, Петя, как мы знаем, спрятал знамя в облицовке заброшенного степного колодца. Он чувствовал, что поступил правильно. Но теперь все чаще и чаще перед мальчиком вставал вопрос: что же будет со знаменем дальше? Хорошо, если оно так и пролежит все время. Наступит же, наконец, день — а Петя был уверен и никогда не сомневался, что такой день обязательно наступит, — когда враг будет разбит и можно будет спокойно пойти, вынуть знамя и возратить его победоносной Красной Армии от имени комсомольца Николая Андреичева, верного сына Советского Союза, павшего в бою за Родину.

Но вдруг за это время со знаменем что-нибудь случится? Вдруг кто-нибудь нечаянно раскопает старый колодец и среди камней найдет знамя? Вдруг оно как-нибудь попадет в руки врагов? При одной только мысли, что руки фашистов могут коснуться священного знамени, жар заливал лицо мальчика, и он надолго терял душевное спокойствие.

Петю преследовали картины, созданные его живым воображением. Каждая картина представляла собой вариант того, как знамя попадает в руки врагов. Вот по степи идет неприятельский обоз. Солдаты хотят пить, но у них нет воды. Они видят колодец. Они бегут к нему с ведрами. Но в колодце нет воды. Они поворачиваются и уже хотят идти назад, как вдруг один из них замечает кусочек материи, говорит: «Что это?» — и вытаскивает из щели знамя. Вот Красная Армия наступает на Одессу. Враги бегут. Они добегают до старых, полуразрушенных окопов и пытаются в них закрепиться. Они втаскивают в старый колодец пулемет и замечают угол материи, высывающийся из щели. «Что это?» И они вытаскивают знамя. Вот по степи идет немецкая трофейная команда, собирающая железный лом, брошенное оружие и неразорвавшиеся снаряды. «А ну-ка посмотрим, нет ли чего-нибудь в этом старом колодце», — говорит один из немцев в черной фуражке с большими полями и мертвой головой вместо кокарды. Он протягивает руку и вытаскивает из камней знамя. Картины следовали одна за

другой безостановочно, как в бреду, и часто они снились Пете всю ночь, и наутро он просыпался с тяжелой головой и сухими, запавшими глазами.

Кроме знамени, еще одна вещь не давала покоя мальчику. Дело в том, что во время боя «под ёжиками» или где-то раньше он потерял комсомольский билет и комсомольский значок Николая Андреичева, которые лежали у него в кармане полушубка.

Вряд ли можно было винить себя за эту потерю. Петя перелезал через заборы, дрался с румынским солдатом, бежал, падал. Его полушубок оказался разорванным в клочья. Ничего не было удивительно, что комсомольский билет и значок выпали.

Но Петя винил себя, казнил и мучился. Он тем сильнее переживал эти мучения, что ни с кем не мог поделиться своей тайной. А, собственно говоря, почему он не мог поделиться? Он поклялся, что сохранит знамя. Но ведь это вовсе не значило, что он должен скрывать эти ст друзей. Наоборот. Ему следовало все рассказать друзьям, которые могли ему помочь. Но с самого начала он это не сделал, а теперь ему казалось, что уже поздно.

И он мучился.

Иногда он готов был рассказать Валентине всё. Несколько раз он уже даже начинал рассказывать, но всегда его останавливало чувство ложного самолюбия.

Они сидели на краю подземного колодца и молчали. По лицу Пети, по его опущенным в землю глазам, по его наморщенному лбу, по движению его толстых губ было заметно, как ему трудно молчать.

— Валентина, слушай здесь! — вдруг сказал он сумрачно, не поднимая черных ресниц.

Он сказал «слушай здесь», и Валентина невольно усмехнулась, с удовольствием замечая, что московский мальчик незаметно для себя уже позаимствовал у нее это южное выражение.

— Слушай здесь, — сказал Петя.

— Слушаю.

— Я хочу тебе сказать одну вещь.

— Давай говори.

— Только прежде поклянись, что никто не узнает.

— Клянусь! — быстро сказала Валентина, и глаза ее нетерпеливо засветились. — Говори давай.

— Это мало, что ты клянешься. Еще неизвестно, чем ты клянешься.

— А чем тебе надо?

— Можешь дать честное пионерское?

— Могу.

— А честное под салютом?

— Честное под салютом?..

Она задумалась.

— Смотря какая у тебя тайна.

— У меня очень важная тайна.

— Мне надо сначала знать, какая именно.

— Дай честное под салютом, тогда скажу.

— Э, нет. Ты сначала скажи, а тогда я дам честное под салютом.

— Хитрая.

— Сам хитрый!

— Дай честное под салютом, тогда скажу.

— А не выйдет вдруг у тебя какая-нибудь пустяковая тайна? Разве можно по пустякам давать честное под салютом?

— У меня тайна не пустяковая.

— Дай честное под салютом, что не пустяковая.

— Хорошо. Я тебе дам честное под салютом, что не пустяковая, но только ты мне сначала дай честное под салютом, что если я тебе дам честное под салютом, то ты мне дашь честное под салютом...

Петя совершенно запутался.

— Ты под салютом, я под салютом, он под салютом, они, оне под салютом! — захохотала Валентина, махая руками.

— Замолчи! — закричал Петя. — Ты меня сбила.

Он собрался с мыслями и упрямо окончил свою мысль:

— ...ты мне сначала дай честное под салютом, что если я тебе дам честное под салютом, то ты мне дашь честное под салютом, что не выдашь моей тайны.

И тут же он не удержался и сам захохотал.

Вдруг Валентина насторожилась, заглянула в колодец и дернула мальчика за рукав.

— Помолчи. Тише.

Она предостерегающе подняла палец.

Петя заглянул через ее плечо вниз и увидел на фоне блестящего кружка желтого, вечереющего неба, отраженного в воде, темный силуэт двух голов, наклонившихся над колодцем. Повидимому, это были две крестьянки, пришедшие по воду.

Они разговаривали, облокотившись о край колодца.

65

Разговор у колодца

Они разговаривали негромко, сблизив головы, но каждое слово было слышно довольно ясно, хотя и гулко, будто сказанное в рупор.

Петя и Валентина затаили дыхание, прислушиваясь к этим человеческим голосам с того света.

— А у вас как? — сказал один голос почти шопотом, продолжая начатый разговор.

— Еще хуже, чем у вас, — ответил другой голос так же тихо, испуганно, и по его звуку можно было понять, что головы еще более сблизились.

— У нас прошлую ночь шестнадцать человек забрали. Ходили по хатам и вытаскивали по списку.

— У нас то же самое. Двадцать три человека. И одного старика завели за клуню и тут же убили из винтовки.

— Какого старика?

— Может быть, вы слышали — Левченко Афанасия.

— Старого Левченко?

— Вот именно.

— Убили старого Левченко? Что вы говорите?

— То, что слышите.

— Да ему ж, мабуть, восемьдесят рокив, старому Левченко.

— А они его убили, не посчитались.

— За что же?

— За то, что он им не схотел показать, где его внуки сховались. У него внуки в партизанском отряде, и он их не схотел выдать.

— И они его убили?

— И они его, не сходя с места, убили из винтовки за клуней, а потом тело его выставили посреди Усатовых хуторов возле церкви и не

велели три дня хоронить, чтоб другие люди видели, на что они способные.

— Ах, злодii! Ах, каты проклятые! До каких пор они будут хозяйновать на нашей земле, я вас спрашиваю?!

Голос поднялся, задрожал, оборвался. В гулком стволе колодца слышалось сдерживаемое рыданье и затем шопот:

— Я вас прошу, не плачьте так громко, бо если они увидят, что две женщины стоят возле колодца и плачут, то безусловно заберут в коммандатуру. Они у нас не разрешают людям даже останавливаться на улице и разговаривать.

— У нас то же самое.

— Давайте лучше набирать воду.

Наступило молчанье, и сверху одно за другим опустились, а затем поднялись два обледеневших ведра.

Пока ведра опускались и поднимались, Петя и Валентина смотрели друг на друга неподвижными глазами. Но они не видели друг друга. Они видели одну и ту же страшную, неподвижную картину: убитого старика, который, раскинувшись, лежит посреди Усатовых хуторов, и снег падает на его ввалившиеся, открытые глаза, и вороны прыгают по снегу, совсем низко перелетают через него с места на место, а люди не смеют выйти из своих хат и смотрят на брошенного старика сквозь ледяные глазки замерзших ошшек.

— К нам сегодня утром пригнали целую роту солдат, — снова раздался вверху шопот.

— И к нам тоже. А пушки к вам привезли?

— Нет, пушек не привозили.

— А к нам привезли две пушки. Теперь у нас на Усатовых хуторах стоит ихний штаб. В бывшей школе. Всюду патрули.

— Что им, кáтам, здесь нужно?

— Ихние солдаты говорят, что скоро будут выбивать из Усатовых катакомб партизанов.

— Ты слышишь? — шопотом сказала Валентина, изо всех сил сжимая Пете руку.

— Слышу, — одними губами ответил мальчик.

— Как же они их будут выбивать? — сказал первый голос.

— Будут бить из пушек.

— Пушками не выбьешь.

— Они думают, что выбьют.

— Не выбьют. Товарища Гаврика ничем не выбьешь.

Петя и Валентина переглянулись.

— Товарищ Гаврик против пуль и против снарядов заговоренный. Весь его отряд заговоренный. Они все невидимки.

— Слышь, Петька, мы с тобой заговоренные! — шепнула Валентина, тихонько хихикнув.

— А много их? — сказал второй голос.

— Более чем полторы тысячи.

— У нас солдаты говорили, что две тысячи.

— Может быть, и две. У них там под землей, говорят, целый город. Танки есть, самолеты.

Петя и Валентина снова переглянулись и сунули себе в рот кулаки, чтобы громко не засмеяться.

Все это было для них ново. Они никак не предполагали, что слава Гаврика и их маленького подпольного райкома достигла таких размеров.

— Румынские солдаты говорят, что есть приказ уничтожить весь отряд, а самого Гаврика живого или мертвого доставить ихнему маршалу Антонеско. Кто его доставит, тому сто тысяч румынских лей.

— Ну нет, товарища Гаврика не возьмешь ни живым, ни мертвым. Он скорее всего сам уничтожит весь ихний штаб вместе с ихним командиром. Ух, они же и боятся Гаврика, не дай бог! У них часовые теперь на пару стоят, потому что одному часовому страшно, не выдерживает.

— У нас то же самое. Па́рами ходят.

— Они сегодня утром разведку делали возле Усатовского кладбища. Нашли там в скале какую-то трещину. Говорят, ход в катакомбы. Но они, конечно, туда не полезли—побоялись. Они только вокруг поставили посты и никому не велели даже близко подходить. Кто подойдет ближе чем на пятьсот метров, в того стрелять без предупреждения.

— Ах, кáты поганые!

— А вчера ночью, в метель, туда ходили минеры с ящиками и сквозь вокруг всё заминировали. Теперь оттуда ни хода, ни выхода.

Валентина чуть не вскрикнула. Для того чтобы не вскрикнуть, она до крови прикусила губу и с такой силой сжала руку Пети выше локтя, что мальчик тихо застонал:

— М... м... м...

— Тише! — прошептала она, и ее глаза засветились в полутьме, как фосфор. — Ты слышал?

— Слышал.

— Они заминировали... ты понимаешь?.. Скорее.. Давай скорей.

Ей не надо было объяснять Пете значение того, что они узнали. Это было слишком ясно. Почти каждый день через усатовский ход «ежики» выходили на боевое задание или возвращались с боевого задания подпольщики. Теперь этот ход был заминирован. Каждую минуту могла произойти катастрофа.

Петя и Валентина схватили ведра и с самой большой быстротой, с какой только возможно было двигаться по тесному и низкому подземному ходу, двинулись назад, в лагерь.

(Продолжение следует)

СЛОВО О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

Из книги

ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ

★

Посвящение

Может быть, затея ранняя —
Дни и ночи напролет
Дочке мастерить приданое,
Если ей всего лишь год.
Ей, времен грядущих суженой,
Что в подарок подберешь?
Старики сулят ей кружево
Или бабушкину брошь.
Но когда сумеет молодость
Предъявить свои права,
Ни к чему ей будет золото
И истлеют кружева.
Пусть же будут ей подарками
Сталинградские леса

И под мраморными арками
Заводские корпуса;
Пусть и нынче на рассвете я
Не сомкну над книгой глаз,
Чтобы к совершеннолетию
Приготовить ей рассказ,
Как дорогою упрямою,
Самой честной и прямой,
Весь народ — и папа с мамой —
Шли за мир на труд и бой!
Вдохновенные строители
Обгоняли планы лет,
И всегда сегодня видели
Солнца завтрашнего свет.

Бесплатный хлеб

Вижу трепет рассвета
И утро над завтрашним миром...
Хлеб в хрустящих пакетах
Везут по домам и квартирам.
Хлеб...
Обычное дело!
И юным, и старым понятно,
Что и черный, и белый
Для всех будет роздан бесплатно.
Но тебе, моя дочка,
Рожденная после Победы,
Исторически точно
О хлебе хочу я псевдать:
Как смотрели по-волчьи
Обрезы вослед продотряду,
Как в печальном Поволжье
От голода пухли ребята,
Как в великом тридцатом
Мне Партия ехать велела
К староверам, с мандатом
Рубцовского политотдела;
Как немецким ножом
Кулаки пионера убили
И пшеничным зерном
Рот, сведенный страданьем, набили.
И настала пора —

Стали нивы колхозов бескрайны,
 И пошли трактора,
 И расправили крылья комбайны.
 ...Коль в былое взглядеться,
 Увидишь огонь и руины,
 И сапог чужеземца
 На тучных полях Украины.
 Тяжело вспоминать
 Ленинградское бледное небо,
 Ровно сто двадцать пять
 Грамм пайкового хлеба.
 Не осталось листочка
 От карточек продуктовых.
 Но узнай, моя дочка,
 О наших дорогах суровых.
 Ты запомнить должна:
 Хлеб,
 Бесплатный, как небо, как реки,
 Был оплачен сполна
 Нашей жизнью и кровью —
 Навеки.

Замок

А это — висячий замок.
 Его отпирают ключами.
 Он долго и честно берег
 Все то, что ему поручали,
 Он силою ржавых пружиц
 Держал и ворота и двери,
 Стоял меж «моим» и «чужим»,
 Ни слову, ни взгляду не веря.
 Века продержалось литье,
 Но время настало иное,
 И «наше» звучит, как «мое»,
 И сходит в могилу «чужое».
 Игрушкой станет замок,
 В нем будут копаться мальчишки,
 Дверной сохранится крючок —
 От ветра простые задвижки.
 Стяжательства жадный позор,
 Бегущие тени в потемках,
 Зловещее прозвище «вор» —
 Неведомы будут потомкам.
 Но скажут спасибо они
 Замку, послужившему людям.
 (Далекого прошлого дни
 На радостях мы не забудем).
 В эпоху открытых дверей,
 Которая близится ныне,
 Замок отдадим мы в музей —
 Пускай он лежит на витрине,
 Затем, что в Отчизне моей,
 Шагающей счастью навстречу,
 Открыли без старых ключей
 Богатства души человечьей.

Приметы

Коль найдешь подкову на дороге
И ее приладишь на пороге,
Будет счастьем жизнь твоя согрета —
Такова народная примета.

Ты промчишь на скоростной машине
По широкой утренней равнине,
Мимо стройных домиков веселых
(Не узнать, где города, где сёла).
Но нигде на магистралях новых
Не найдешь оторванной подковы —
Видно, кони здесь не проходили,
Заменили их автомобили.

Говорят, что если попадетса
Около студеного колодца
Девушка, идущая навстречу,
Коромысло положив на плечи,
Ведро до краев полно водою —
Значит, будет счастье молодое.

Только Завтра ты не встретишь эту
Верную старинную примету:
В ведрах по селу не носят воду:
Уступил журавль водопроводу.

Было множество примет у горя,
Да прогнали мы его за море,
А приметы если и остались,
С ними все равно не посчитались.
Горе не веревочкой завили,
Верой в счастье мы его разбили.

И приметы будущего всюду
Входят в нашу жизнь, подобно чуду.

Не пора ли нам, друзья поэты,
Новые описывать приметы!

Зависть

Есть в нашей жизни будущего завязь,
Прекрасный день расцвета недалек.
Меня ты спросишь:
— Что такое зависть?
— Как это объяснить тебе, дружок?
Ну ладно, слушай!
Это, правда, древность,
Но людям были свойственны вчера
Такие чувства:
Жадность, зависть, ревность,
И злость — несправедливости сестра.
В твою эпоху, в солнечные дали
С боями пробивался наш Союз,

А эти чувства — нам они мешали,
 Сгибали плечи нам, как тяжкий груз.
 Каких трудов нам стоило той ранью
 Найти вчерашним чувствам новый путь,
 Для новых чувств — им нет еще названья —
 В работе вдохновенье почерпнуть.
 Ты будешь молода при Коммунизме...
 Была бы зависть ведома тебе,
 Завидовать могла б ты нашей жизни —
 Упорству, беззаветности, борьбе,
 Как я твоей завидую судьбе.

Суд

С нами рядом рабочая встанет Америка.
 Ни молитва, ни бомба врагов не спасут.
 Как тогда в Нюренберг — Риббентропа и Геринга,
 Привезут поджигателей новых на суд.
 И опять в микрофон говорит переводчица
 На втором этаже за зеркальным стеклом.
 На скамью подсудимых смотреть мне не хочется,
 Посмотрю, кто сидит за судейским столом.
 Вижу гордого юношу с профилем греческим.
 Ты откуда, товарищ? И скажет он так:
 Я от Греции... Нет, от всего человечества!
 Я участник последних на свете атак.
 Тишина под колоннами здания гулкою.
 Собрались представители мира сюда:
 Сталевар из Магнитки, ученый из Пулковā,
 Люди правды, науки, борьбы и труда.
 Мы рассмотрим вещественные доказательства.
 Перед нашим судом, обессилен, лежат
 Гравированный доллар — монета предательства,
 Злая бомба, в которую атом зажат.
 Не ищите у судей своих сострадания,
 Поджигатели войн!
 Правда вышла из недр.
 Вас осудит измученный узник Испании,
 И китайский солдат, и линчеванный негр.
 Встаньте!
 Именем мира — постановление:
 К смертной казни виновных в чудовищном зле:
 Поджигателям войн — только смерть искупление.
 ...Это будет последняя казнь на земле.

Твой свет

Ты видела, когда жила на даче,
 Во Внукове, где поле и лесок,
 Столбы высоковольтной передачи,
 Шагающие вдаль наискосок.
 Они шагали прямо через речку,
 Собрав на плечи ниточки сетей,
 Похожие на длинных человечкоь,

Которых так рисуют для детей.
 Мы в детстве этих линий не видали
 И сами их недавно провели.
 Мы в годы пятилеток начинали
 Второе сотворение земли,
 Мы не по книгам прошлое учили —
 Соху мы помним, узкую межу.
 Я людям Коммунизма о лучине
 Сам, как живой свидетель, расскажу.
 Но я же расскажу о Днепрогэсе,
 Его я комсомольцем полюбил,
 И про Урал, где я узнал, как весел
 Бег деревенских маленьких турбин.
 Большие годы прожиты неплохо,
 Их осветили славные дела —
 На нашей памяти прошла эпоха,
 Открыв источник света и тепла.
 Какой же свет увидишь ты в далекой
 И очень близкой юности своей,
 Каких турбин услышишь ровный рокот
 И пенье проводов среди полей,
 Когда столбы высоковольтной сети,
 Раскрыв глаза, впервые видишь ты,
 Что, взявшись за руки, стоят, как дети —
 Большие дети Ленинской мечты.

Сталинградский дубок

*Здравствуй, племя,
младое, незнакомое.*

А. Пушкин.

Как ни мала годовалая дочка,
 Все же она чуть повыше дубочка,
 Что вырастает в совхозе на грядке
 Вместе с другими, в строжайшем порядке.
 Скоро дубочек, окрепнув, как надо,
 Будет отправлен в район Сталинграда,
 Сильные ветви свои раздвигая,
 Перерастет он тебя, дорогая.
 Не огорчайся! Давно уж об этом
 Сказано было великим поэтом.
 Словно солдаты бригады зеленой,
 Встанут деревья, сомкнувшие кроны.
 Сдавши экзамены в классе девятом,
 Съезди на праздники к этим солдатам.
 Волгу увидишь в дубовой аллее —
 Через нее не пройдут суховеи —
 Близко от берега Дикова балка,
 Там побывать постарайся, Наталка.
 В дни сталинградские, осенью ранней
 Бомбой фугасною там я был ранен
 Рану мне мама твоя бинтовала.
 (Грустный денек — нашей дружбы начало!)
 Дикова балка...

На край обороны
Встанут деревья, сомкнувшие кроны:
Шопот разведчиков слышится в листьях,
Сучья — похожи на руки танкистов...
Словно зеленые взрывы, клубятся
Купы дубов на земле сталинградской.
Это выходит родная природа
В светлую битву за счастье народа.

Твой завтрашний полет

Это Щелково иль Внуково,
Летний полдень Подмосковья.
Дочка дремлет, убаюкана
Доброй Родины любовью.
Дуб шумит над нею листьями,
И, с курлыканьем знакомым,
Самолеты серебристые
Кружат над аэродромом.
Вырастешь, тебе захочется
Пролететь над миром светлым,
Может, ты не станешь летчицей,
Но сумеешь спорить с ветром!
Ты придешь порой рассветною
На окраину столицы,
Где стоят в ряду ракетные,
Нами созданные птицы,
Сядешь в кресло у квадратного
Либо круглого окошка.
Сразу в сторону обратную
Мчится взлетная дорожка.
И — полет!
Дорога гладкая.
Свист ракеты.
Все в порядке!
Манит скорою посадкою
Петропавловск-на-Камчатке.
Я хочу, чтоб ты припомнила
Чкаловских полетов даты.
Ведь со всей страной, взволнованно
Твой отец следил когда-то,
Как пилоты знаменитые
Над землею онемелой
Мчали, с крыльями, покрытыми
Ледяною коркой белой.
Смертный гул врывался в уши им...
А теперь, в тепле кабины,
Ты сидишь беспечно, кушая
Мурманские апельсины.
Над полями и над скалами
Путь рассчитан по минутам.
Ты летишь дорогой Чкалова,
Верным Сталинским маршрутом.

Твоя сила

Ты вздрогнула. Далекий гул
Колясочку твою,
Как будто ветер, шевельнул.
Баюшки-баю.
Спят кукла, мишка и волчок,
Спокоен детский сон.
Откуда этот был толчок?
Что означает он?
...В тайге, за тридевять земель,
В другом конце страны,
Где желтых листьев акварель
Не гаснет до весны,
Стоит гранитная гора,
Нам преграждая путь.
Давным-давно ее пора
Вверх дном перевернуть,
Давным-давно она должна
Отдать руду свою.
Усни, дочурка. Ночь темна.
Баюшки-баю.
...Там жил геологов отряд.
В морозе и жаре,
Двенадцать месяцев подряд
Он ползал по горе,
Потом доставил самолет
Профессоров туда,
Потом пришел саперный взвод,
Ребята — хоть куда.
И командир их молодой,
Как долг ему велит,
Закладывал снаряд взрывной —
Не тол, не динамит,
Есть посильнее вещество
Теперь в твоём краю.
Не буду называть его...
Баюшки-баю.
В урочный час раздался взрыв,
Гранит развеял в дым,
Тайгу в округе осветив
Сияньем золотым.
Исчезла старая гора,
А гул взрывной волны
Задел к пяти часам утра
Младенческие сны,
Как дуновенье ветерка
В далеком далеке...
Спи, девочка!
Твоя рука
Лежит в моей руке.
Пусть к заграничным берегам
Докатится волна.
Предупреждением врагам
Там прозвучит она.

Рассыпалась гора, как пыль,
Отдав руду свою...
Недавно сказка — нынче былъ.
Баюшки-баю.

Твои книги

Всё для тебя, дорогая, впервые —
Первые нынче поют соловьи,
Первые радости — эти цветные,
Первые книжки твои.
Ты их листаешь от корки до корки.
Пестрые скоро завянут листы —
Пушкин и Гоголь, Некрасов и Горький
Ждут, когда вырастешь ты.
Сколько чудесных, бессмертных творений...
Вырастешь — всё это смело возьми.
Здесь нашей Родины пламенный гений,
Мир, освещенный людьми.
Будет твой день молодым и огромным,
Я для тебя все шкафы отворю,
Книгу о счастье в издании скромном
Взрослой тебе подарю.
Книгу о честных, упорных, бесстрашных,
Мудрых строителях новых веков.
Это история Партии нашей,
Летопись большевиков.
Вера в грядущее книгой воспета,
Нам вручена на путях ветровых.
Если мне трудно, ищу я ответа
Здесь, на страницах живых.
В битвах рождаются новые главы,
День Коммунизма над нами встает.
Старых и юных единая слава
Движет Отчизну вперед.
Я для тебя берегу и лелею
Нашей эпохи партийный билет —
Мудрую книгу.
Сегодня над нею
Снова встречаю рассвет.

Твое Государство

Как всюду, и у нас в семье
Есть фото над кроватью детской:
В саду весеннем на скамье
Сидят отцы страны Советской.
Два имени. Великих два —
Они дороже всех на свете —
И лишь начав слагать слова,
Их произносят наши дети.
Мир, отвоеванный в огне,
Свободен, чист и благороден,
Мы Коммунизм в своей стране,

В советском Государстве строим.
 Наследники!
 Мы строим вам
 Не рай, не сказочное царство,
 Мы дочерям и сыновьям
 Дадим в наследство Государство.
 Весь жар души,
 Мечту и страсть
 Мы в это здание вложили,
 Советскую крепите власть,
 Любя все то, что мы любили —
 Наш герб, и гордый алый флаг
 Над Красной площадью родною,
 И обогнавший время шаг
 Коммунистического строя.
 Наследники!
 Любите их —
 Страны народных депутатов,
 Ее бессонных часовых
 И непреклонных дипломатов,
 Ее простой и строгий стиль
 И справедливые законы,
 Чтоб прошлого седая пыль
 Не тронула ваш сад зеленый.
 Из-за зубцов стены Кремля
 Восходит Коммунизма солнце,
 И знаем мы, что вся земля
 Под флаг Свободы соберется.

Наследники спокойно спят...
 Всю ночь, беседуя о счастье,
 Над их кроватками сидят
 Создатели Советской власти.

Будет ли война?

В наше радостное Завтра веря
 Искренно, светло и горячо,
 В воскресенье я гуляю в сквере,
 Посадивши дочку на плечо.
 Человечка раненой рукою
 Нелегко удерживать. Но я
 Справлюсь с милой ношею такую,
 Ты не бойся, девочка моя.
 ... Вот у нас в народе говорится —
 Радостно такое слышать мне:
 Нынче много девочек родится —
 Это значит — не бывать войне.
 Но опять кровавою войною
 С запада туманного грозят,
 И опять, с надеждой и тоскою
 На мальчишек матери глядят.
 Будет ли война или не будет?
 Нападут ли на Союз опять?
 Неужели вновь придется людям

Лучших сыновей своих терять,
И чужие танки, словно слизи,
Поползут, найдя свой старый след,
И постройку здания Коммунизма
Вновь задержат?
Мы ответим: Нет!
Нет!
Должны мы Родину возвысить,
Не страшась грозящей нам войны.
Быть войне или не быть — зависит
От того, как будем мы сильны.
Армия Советского народа,
В нерушимой крепости твоей
Будущего солнечные своды
И судьба счастливая детей.
Мы живем спокойно и открыто,
Вкладываем в труд мечту и страсть...
Если же безумцы Уолл-стрита
Все-таки попробуют напасть —
Час войны и станет смертным часом
Для прожженных этих палачей,
В чем клянется офицер запаса
С маленькою дочкой на плече.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

ШАНДОР ПЕТЕФИ

31 июля 1849 года в боях за свободу Венгрии пал смертью храбрых великий венгерский революционный поэт, певец чаяний и борьбы венгерского трудового народа Шандор Петефи. Эту знаменательную дату героической гибели Шандора Петефи советская общественность отмечает вместе с дружественным венгерским народом.

★

К вершинам!

Явилась смерть, чтоб нас смести бесследно
С лица земли. Повальный этот мор
Из сатанинской гнилой утробы
Злодей король дохнул на нас в упор.
Смертельный вихрь летит со страшной силой
Как будто в день последнего суда,
И гнемся мы, как лес во время бури,
Но жигы! Не сломить нас никогда!

Венгерец жив! Стоит еще отчизна.
Заговорили сабель голоса,
И отзвук их летит по всей Европе.
Венгерец, сотворил ты чудеса.
Кто прежде знал, что где-то на Дунае
Живешь ты, унижаясь и скорбя,
А вот теперь первейшие из наций
Взирают с изумленьем на тебя!

Кто из венгерцев не считал проклятьем
Того, что был венгерцем он рожден!
Кто из венгерцев нынче не гордится,
Что божьей милостью венгерец он!
Венца из самых драгоценных лавров,
О Венгрия, заслуживаешь ты!
Где я найду, священная отчизна,
Твоей главы достойные цветы!

Однако не закончена работа,
Которую должна ты завершить, —
Наполовину лишь разрублен узел,
Который ты решила разрубить.
И в день, когда его ты перерубишь,
Страна моя, окрепшею рукой,
Уже не мне венчать тебя придется —
Венчать тебя придет весь род людской.

Ты слышишь, нация! Остановиться
 Не можешь ты вот здесь, на полпути!
 Твой тяжек путь, но ты идешь к вершинам.
 Легко бывает только вниз итти.

Венгерец вновь венгерцем стал

Венгерец вновь венгерцем стал!
 Он сам собою стал отныне —
 Не будет больше он слугой
 При иноземном господине.

Венгерец вновь венгерцем стал!
 Ярма он не потерпит снова.
 Звеня осеннею листвою,
 На землю сыпятся оковы.

Венгерец вновь венгерцем стал —
 Сверкают палаши и шпаги,
 Лучится солнце на клинках,
 В очах горит огонь отваги.

Венгерец вновь венгерцем стал —
 И пламенеют наши лица
 Огнем развернутых знамен,
 Зовущих в битву устремиться!

Венгерец вновь венгерцем стал!
 Одно у всех венгерцев сердце,
 И это сердце бьется так,
 Что в ужасе враги венгерца:

Венгерец вновь венгерцем стал,
 Героем стал на поле брани.
 И мир, великий мир готов
 Зреть чудеса в венгерском стане.

Венгерец вновь венгерцем стал.
 И вечно будет сам собою —
 Или в ужасный славный час
 Падем мы все на поле боя!

В альбом К. Ш.

На дряхлый дом наш мир похож —
 Стропила оседают низко...
 Друг, слишком гордо ты идешь.
 Согнись! Тогда не будет риска!
 Не смогут голову пробить
 Ветшающие перекрытья...
 — Готов я голову сломить,
 Но горбясь не хочу ходить я!

Перевел с венгерского Л. Мартыков.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

СКОРОСТИ РЕЗАНИЯ

А. ХАВИН

★

«Данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом, — какая же это наука? Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отжившее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики».

И. СТАЛИН.

1. Начало науки о резании.

Почти восемьдесят лет назад на прилавках книжных магазинов Петербурга появилась книга, на титульной странице которой значилось:

Сопротивление металлов
и дерева резанью.
Теория резанья и
приложение ее к машинным
орудиям.
Сочинение,
составленное на основании
собственных исследований
ИВАНОМ ТИМЕ,
горным инженером.
Санкт-Петербург.
1870.

Эта книга не была замечена. Да и чье внимание могла она привлечь в то время? Отечественная инженерно-техническая интеллигенция, по существу, только зарождалась. Вопросами техники, ее теории интересовалась только горсточка ученых. Вот почему книга, написанная Иваном Тиме, книга, которая вписывала яркую главу в мировую науку и закладывала теоретические основы новой науки — учения о резании, не была замечена широкими кругами читателей.

Русский ученый Иван Тиме внимательно ознакомился с трудами иностранных исследователей: Ферберна, Годкинсона, Морена и др. Он констатировал, что эти инженеры совершенно упустили из вида сопротивление резанию. «Мы приходим, — подчеркивал Тиме, — к весьма печальным результатам, что научно этот вопрос совершенно не исследован».

На Луганском (ныне Ворошиловградском) литейном заводе ученый проделал свыше трехсот опытов, не имевших прецедентов в мировой технике. Под его наблюдением подвергались резанию на станке самые разнообразные металлы: чугун, сталь, железо, бронза, свинец, цинк. Оригинальное, чрезвычайно простое и остроумное приспособление, спроектированное исследователем, давало возможность вести обработку на такой скорости, какая требовалась по условиям каждого отдельного эксперимен-

та, и останавливать станок в любой момент. Это позволило ученому проследить процесс резания во всех деталях. Полученные таким путем экспериментальные данные Тиме и положил в основу разработанной им теории резания.

Станок работает. Резец снимает стружку с обрабатываемого металла. Какой физический процесс происходит при этом?

Тиме отвечал:

— Последовательное скалывание металла, постепенное разрушение сцепленных частиц его.

Это теоретическое положение легло в основу всей науки о резании.

Впервые в мировой технике Тиме сформулировал основные законы резания металла, дал таблицу коэффициентов скалывания, формулу, характеризующую продолжительность службы резца.

Спустя семь лет после издания классическая книга Тиме была переведена на французский, а затем и на немецкий языки. Прошли годы, и его теория вошла в учебники, издаваемые на всех языках, в курсы лекций, читаемых в самых различных странах. Все последующие исследователи опирались на его основные теоретические положения.

Так труд Ивана Тиме, изданный восемьдесят лет назад в Петербурге, оказал величайшее влияние на развитие не только отечественной, но и мировой техники.

2. Русская школа резания и ее американские подражатели.

Станок пущен. Инструмент врезается в металл, снимает с него слой стружки, превращает бесформенный кусок стали в тщательно отделанную деталь, сверкающую чистотой своей поверхности. Резец — металлический прямоугольник с отточенным лезвием — решает производительность рабочего, станка, точность обработки.

Этот небольшой кусок металла сыграл громадную роль в истории развития промышленности. Карл Маркс особо подчеркивал значение эволюции инструмента для развития человеческого общества, утверждая, что инструмент «...снова и снова является исходным пунктом переворотов»¹.

Да, инструмент оказывает огромное влияние на поступательное движение материальной культуры, на судьбу технического прогресса мира. От действия резца, то есть от его внешней формы, от качества его материала, угла наклона граней, от режущей силы лезвия зависит вся обработка металла, а значит, и все разнообразнейшие отрасли машиностроения.

Когда инструмент вознает свое острие в деталь, на стыке двух металлов — обрабатываемого и обрабатываемого, режущего и подвергающегося резанию — возникают и быстро развиваются сложнейшие многообразные процессы. Русская школа резания, начало которой положил Тиме, блестяще справилась с труднейшими задачами их изучения. Вслед за Тиме в России выдвинулась плеяда блестящих исследователей, тонких аналитиков, смелых экспериментаторов, на долгие годы опередивших современную им иностранную теорию и практику.

В 1893 году опубликовал свою теорию резания профессор Харьковского технологического института К. А. Зворыкин. Он первый дал формулу зависимости размеров слоя металла, снимаемого резцом, от силы, действующей на инструмент. Зворыкин впервые сконструировал самопишущий гидравлический динамометр и, пользуясь им, провел многочисленные опыты в разнообразнейших условиях. Все свои теоретические выводы Зворыкин строил исключительно на собственных наблюдениях.

Следующее слово в истории науки о резании сказал преподаватель Михайловской артиллерийской академии А. А. Брикс. Его труд «Резание металлов» был издан в 1896 году. В отличие от Тиме и Зворыкина Брикс был чистым теоретиком, мыслителем. Мастер математического анализа, он подверг сокрушительной и вполне обоснованной критике теоретические работы, опубликованные в иностранной специальной печати того времени.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 302.

В частности Брикс доказал полную несостоятельность «теории» образования стружки, которую в 1873 году пытался обосновать француз Треска. Столь же серьезной критике подверг он теоретические изыскания немецкого инженера Гаусснера, опубликовавшего в 1893 году свою работу.

Одновременно Брикс заново обработал все опубликованные Тиме и Зворыкинским экспериментальные данные. Он сделал ряд глубоких обобщений. Важнейшая заслуга этого исследователя перед русской наукой — глубокая разработка проблемы углов резания.

Брикс, впервые в мировой технике, сформулировал условия, определяющие оптимальные режимы резания, и опубликовал таблицу, показывающую, какие углы следует считать нормальными для резцов при обработке самых различных металлов.

Прошло еще два десятка лет, и русские ученые обогатили мировую технику первыми исследованиями о влиянии смазки на процесс резания, о тепловых процессах, возникающих под лезвием инструмента.

Не только в столицах — Петербурге и Москве, но и в Киеве и Екатеринославе (ныне Днепропетровск), в Новочеркасске, в Ростове-на-Дону и в далеком Томске работали над проблемами резания.

Почти все пионеры науки о резании были учеными, работа которых целиком связана с лабораторией и профессорской кафедрой.

Накануне первой мировой войны с блестящими работами по теории резания выступил не профессор, даже не инженер. В мастерской Петербургского политехнического института работал Яков Григорьевич Усачев. Этот талантливый практик, не получивший систематического образования, обладал поразительной инженерной интуицией, сочетал в себе черты подлинного теоретика и дерзновенного новатора-экспериментатора.

Все его научное наследие обобщено в одной обширной работе. В ней сформулированы результаты многолетней исследовательской деятельности. Характерно, что этот труд, сперва опубликованный в «Известиях Петроградского Политехнического Института» в 1915 году, был в 1916 году полностью перепечатан в «Вестнике инженеров». Даже в тяжелых условиях войны он не прошел незамеченным.

Эта работа своей методологией, смелой трактовкой, глубокой постановкой ряда вопросов, над которыми ранее никто не задумывался, своими яркими выводами знаменовала новый многообещающий этап в науке о резании.

Усачев первым в мире применил металлографию к изучению процессов резания: он подвергал микрофотографированию отдельные куски стружки, а полученные фотографии увеличивал. Это давало ему возможность в мельчайших нюансах изучить изменения, смещения, происходившие в структуре металла. И его зоркий глаз увидел многое, что до того оставалось неизвестным науке.

Изучая отдельные куски стружки, Усачев доказал, что строение металла изменилось, что в теле, подвергаемом резанию, происходит внутреннее смещение частиц, вызывающее ослабление металла.

Крупнейшее значение имело и другое наблюдение Усачева. Опирируя разнообразным экспериментальным материалом, он пришел к выводу, что металл, подвергнутый сжатию или растяжению, изменяет свои свойства. Каждый металл при этом имеет свой предел, за которым он начинает разрушаться.

При резании металл деформируется, и за известными пределами начинается отделение стружки.

Усачев также первый исследовал вопрос, связанный с выделением тепла в процессе резания. Он доказал, что распределение ее зависит от скорости резания и что при форсированных режимах в стружку переходит около 80 процентов накопленного тепла.

Русский исследователь с большим вниманием изучил все процессы, происходящие на рабочей поверхности у лезвия резца. Он сделал еще одно открытие: он нашел здесь нарост, спрессованный из мельчайших частиц. Нарост двигается во время работы вместе с резцом. Под действием высокой температуры этот слой или нарост

приваривается к рецу столь прочно, что требуется большое усилие, чтобы удалить его. При больших скоростях нарост не удерживается: он размягчается под действием высокой температуры.

Усачев не убоился иностранных авторитетов, действительных и мнимых. Он смело вскрыл ряд грубых ошибок в их работах.

Идеи, развитые и обоснованные русским исследователем, открыли перед наукой резания новые горизонты. Усачев впервые поставил во всем объеме проблемы ускорения темпов резания, подачи, глубины резания, одним словом все те важнейшие вопросы, над разрешением которых и поныне работает исследовательская мысль в машиностроении.

Деятельности Усачева свойственны характерные для всей русской школы резания особенности. Школа эта строит свою работу на сочетании большого количества опытов с глубокой научной теорией, и на базе этой теории выводятся уже сугубо практические предложения.

Усачев указал пути, которыми должны идти и наука и практика резания.

Вся дореволюционная школа резания не случайно создавалась почти исключительно деятелями науки. Единственный рядовой практик—Усачев, и тот работал в мастерских высшего учебного заведения. Это на первый взгляд парадоксальное положение вполне естественно и объяснимо. Машиностроение в царской России было чрезвычайно немощным и отсталым: иностранному капиталу было выгодно сдерживать рост русской техники для того, чтобы использовать страну в качестве рынка. Вот почему, например, и концерн Зингера построил в Подольске не филиал своего завода швейных машин, а только сборочный цех. Вот почему Мак-Кормик соорудил в Люберцах плохонький корпус, где только собирались части жатвенных машин, доставлявшиеся из-за океана. Так же поступали и другие акционерные компании: немецкие, английские, бельгийские, французские.

На машиностроительных заводах Питера и Тулы, в Сормове и Брянске, Коломне и Мотовилихе выделялись тысячи талантливых людей, искусных мастеров, изобретателей, творцов новых конструкций. Но русским инженерам, конструкторам, технологам, даже самым талантливым, Зингеры, Мак-Кормики и другие иностранные предприниматели не давали хода, предпочитая им порой малограмотных и бездарных людей, гастролеров из Англии, Германии, Франции. На заводах не было никаких исследовательских лабораторий, экспериментальных мастерских: вся технология создавалась на основных предприятиях, за границей.

И все же, разбросанные по всей России, лишенные материальной поддержки заводчиков и государства, пионеры русской школы резания своими открытиями в области теории на полвека опередили исследовательскую мысль в таких технически высокоразвитых капиталистических странах, как США, Англия, Германия, Франция.

Царское правительство, пресмыкавшееся перед всем иностранным, было глубоко равнодушно к открытиям русских ученых. Это обстоятельство немало способствовало тому, что иностранцы, идя по следам русских ученых, зачастую присваивали их открытия.

Американец Фредерик Тейлор «использовал» исследования Тиме для объяснения дрожания реза. Классификация стружки, разработанная русскими учеными, принята всеми иностранными исследователями без ссылок на авторов.

Привыкнув пользоваться плодами русской науки и замалчивать имена русских ученых, иные иностранцы до сих пор не могут отказаться от этого воровского приема. В 1925—1928 годах, спустя десять-тринадцать лет после опубликования работ Усачева, Розенгейн, Сторней, Герберт пытались «открыть» металлографию для изучения процессов резания.

В 1944 году, через семьдесят четыре года после выхода в свет классического труда И. Тиме, американские инженеры научно-исследовательского отдела завода фрезерных станков в Цинциннати Н. Эрнст и М. Мерчент опубликовали в «Джорнал оф Апплинд физик» ряд статей, в которых они формулируют свою «оригинальную»

теорию резания, пзлагая ее так, будто и не существовало всех тех трудов русских ученых, на которых базируется современная наука о резании. А между тем они в значительной мере только присваивают теории, разработанные русскими учеными. Они, в частности, точно копируют опубликованную профессором Зворыкинм в 1893 году схему сил, действующих на инструмент. Они пересказывают установленные еще в 1914 году Г. Усачевым положения о существовании, помимо плоскости скальвания стружки, еще и плоскости скольжения. Да и вся их «теория» построена на в высшей степени странных «совпадениях» с работами русских ученых. Там, где «создатели» американской школы следовали по стопам русских предшественников, выводы их безупречны; в самостоятельных же изысканиях, например при определении коэффициентов трения, они допустили грубейшие ошибки.

В ряду иностранных деятелей науки о резании особо широко рекламировалось имя американца Фредерика Тейлора.

Опубликованная им в 1906 году книга «Искусство резать металл» была объявлена промышленным евангелием, знаменующим начало новой эпохи в истории техники. Она была переведена на все европейские языки. Стараниями американской печати имя Тейлора было окружено ореолом великого ученого-новатора. Ряд лет Тейлор занимал почетный пост в американском обществе инженеров.

Действительно, за сорок лет работы Тейлор накопил огромный экспериментальный материал. Но этим его заслуги и ограничиваются. На книге «Искусство резать металл» лежит яркая печать эмпиризма и узкого практицизма. Она пронизана свойственным американским инженерам недоверием к теории, к объяснению явлений, к научному мышлению и в теоретическом отношении означает шаг назад по сравнению с трудами Тиме, Зворыкина, Брикса.

Приступая к своим работам, Тейлор, как он сам об этом рассказывает, ставил перед собой узкие утилитарные задачи. «Главная цель наших изысканий, — пишет он, — была чисто практическая, именно: наиболее дешевым способом произвести в механической мастерской возможно большее количество работы лучшего качества».

В течение двадцати шести лет Тейлор накапливал факты и излагал их в формулах. К своей книге он приложил многочисленные таблицы о влиянии различных факторов на скорость резания. Они были полезны для работников цехов. Но тщетно искать в этой книге какие-либо общие положения, какую-либо попытку формулировать новые законы, открыть новые горизонты в технике. Попытки распространить формулы Тейлора за узкий круг конкретных явлений, которые он наблюдал, приводят к явным нелепостям. Подчас Тейлор даже не дает вычислений, путем которых он вывел те или иные формулы.

Советского читателя многое удивляет и возмущает в книге Тейлора. Его поражает не раз выраженное автором недоверие к теории, которое было бы понятно еще в устах рядового, отсталого мастера, но в высшей степени странно звучит со страниц «классической» книги президента американского общества инженеров. Не менее удивительно читать скептические замечания Тейлора, относящиеся к применению металлографии — новой науки, делавшей тогда первые шаги.

Рабочему Тейлор отводил роль механического исполнителя отдаваемых ему приказов. «Всякое усовершенствование, — доказывал Тейлор, — которое рабочий захочет ввести в данные ему указания, будет гибелью для успеха».

Еще Усачев вскрыл серьезные методологические ошибки в работах Тейлора. Наблюдая нарост на резце, Тейлор констатировал ряд, по его выражению, необъяснимых явлений. Усачев вскрыл и объяснил явления, ставившие в тупик Тейлора.

Передовые деятели советской науки решительно отмежевались от основных положений Тейлора, от его поклонения чистому эмпиризму. Они направили теоретическую мысль в области резания по пути подлинной науки, обобщающей явления, вскрывающей их суть, устанавливающей определенные закономерности и открывающей практике новые горизонты.

Советская наука развеяла ореол, десятилетиями создававшийся вокруг имени Тейлора, доказала, как далеки от действительной науки его изыскания.

3. Ключ к скоростям.

Великие открытия русских ученых не были на практике использованы российской промышленностью. Глубокая пропасть лежала между лабораториями высших учебных заведений и заводами, цехами. Это объяснялось не только отсталостью заводов. Не в меньшей мере сказывалось и другое. Дореволюционная Россия не располагала собственным станкостроением, хотя первый в мире резьбо-фрезерный станок был построен в Туле талантливым русским механиком Павлом Дмитриевичем Захаво в 1828 году, а первый токарный станок с суппортом был создан еще в начале XVIII века Алексеем Нартовым, опередившим на семьдесят лет англичанина Модслея. Россия имела лишь незначительную инструментальную промышленность: иностранные акционерные компании всячески доказывали, что русским рабочим не освоить столь тонкое производство, требующее особо высокой квалификации и культуры. А царское правительство ничего не сделало, чтобы собственными силами наладить внутри страны выпуск инструмента.

Только при нескольких заводах — Путиловском, Тульском оружейном и Ижевском — существовали небольшие инструментальные цехи. Потребности русской промышленности в инструменте на 90 процентов удовлетворялись импортом из США, Германии, Англии. Крупнейшие мировые фирмы Шток, Вебер, Людвиг Лева и другие безраздельно господствовали на русском инструментальном рынке, и потому любая попытка русского машиностроительного предприятия реализовать теоретические достижения отечественных ученых была заранее обречена на неудачу.

Русская школа резания разрабатывала учение об углах, о наиболее рациональной форме инструмента, его геометрических очертаниях, о скоростях. Но практически влиять на инструментальную промышленность она не могла. Основоположники новой науки видели, что их труды не идут далее страниц специальных изданий, оставаясь достоянием узкого круга профессуры и делаясь добычей зарубежных плагиаторов.

И только после Великой Октябрьской социалистической революции, в стране Советов, создавшей могучую социалистическую индустрию, наука о резании металлов вышла на широкую дорогу, из лабораторий и кабинетов — на заводы, в цехи. Советская станкостроительная и инструментальная промышленность создала все условия для внедрения передовой теории в производственную практику, в жизнь.

Еще в годы гражданской войны, когда железное кольцо фронтов смыкалось вокруг юной республики Советов, в Москве были заложены основы социалистической инструментальной индустрии. Летом 1919 года, в самое трудное для страны время, у Семеновской заставы в Москве создается первый отечественный инструментальный завод.

Трудно, очень трудно было тогда создавать эту отрасль промышленности, требовавшую тончайшего мастерства рабочих, высокой культуры и передовой технологии. Советским инструментальщикам приходилось самостоятельно разрабатывать технологию, методы организации производства. Старая Россия почти не имела инженеров, знающих инструментальное дело. Русская теория резания была искусственно оторвана от практики. То, что сейчас известно студенту четвертого курса, тогда приходилось заново «открывать» на собственном опыте.

Только в 1925 году — на шестом году существования — завод создал свою лабораторию, разработал стандарт сталей. Только в 1927 году — через восемь лет после организации — завод заключает договор с заводами-поставщиками о снабжении его сталью точно обусловленного диаметра и длины, чтобы зря не снимать слишком большой слой стружки. Постепенно Московский инструментальный становился технически первоклассным заводом. Настал день, когда сверло с маркой «МИЗ» уже не уступало сверлам лучших иностранных фирм. Скромный завод у Се-

меновской заставы стал зачинателем советской инструментальной индустрии, школой кадров инструментальщиков. А в годы сталинских пятилеток Советский Союз создал уже высоко развитую, первоклассно оснащенную, новую отрасль промышленности. Ныне инструмент производят многочисленные, вновь созданные или коренным образом реконструированные по последнему слову техники, специализированные заводы.

Но резцы, сверла, фрезы вырабатываются не только на специализированных предприятиях. Каждый машиностроительный завод, большой или малый, обязательно имеет и свой инструментальный цех. А Уралмашзавод, Ново-Краматорский гигант, Челябинский, Сталинградский, Харьковский тракторные, Горьковский и Московский автозаводы и другие колоссы машиностроения обладают инструментальными цехами, ничем по сути дела не отличающиеся от самостоятельных заводов.

Советская страна воспитала замечательные кадры конструкторов инструмента, создавших большое количество новых типов резцов, фрез. На «Калибре», «Фрезере» и всех других заводах, специализированных и неспециализированных, выращены кадры рабочих, овладевших всеми тонкостями этого сложного и трудного производства, требующего особого мастерства и культуры.

Огромная работа, проделанная под руководством партии, привела к тому, что уже к концу первой довоенной пятилетки наша страна не зависела от импорта инструмента. Советская индустрия теперь была в состоянии делать инструмент любого типа. Создание мощной инструментальной индустрии стало великим достижением советской страны в борьбе за экономическую независимость.

4. Зарождение и развитие порошковой металлургии.

Инструмент производится из специальных материалов, способных сохранять свои режущие свойства при высоких температурах. Техническая мысль беспрестанно ищет пути к созданию все новых и новых материалов, которые были бы в состоянии удовлетворить возрастающие запросы конструкторов машин, инструмента. Три раза за последние восемьдесят лет большие технические открытия начинали новые этапы в развитии машиностроения, и всякий раз судьба этой отрасли индустрии решалась в печах, где плавится или спекается металл для инструмента.

В те годы, когда Иван Тиме создавал свою теорию резания, в мировой технике полновластно царила углеродистая сталь, в которой меньше двух процентов углерода. Инструмент из углеродистой стали, изготовленный даже самым искусным мастером, при температуре свыше 200° делается инертным, вялым, теряет активность, а при 250° выходит из строя. Им можно работать со скоростью, не превышающей 5 метров в минуту. Такая скорость не могла удовлетворить быстро развивающуюся промышленность. Потребовались иные стали для инструмента.

В 1870 году родилась самокальная сталь, в которую входил уже вольфрам.

Новый металл знаменовал новые температуры, новые скорости: инструмент, изготовленный из этой стали, успешно работал при 400°. Он давал возможность повысить скорость резания в полтора раза — до восьми метров в минуту.

Но техника движется вперед, возникают новые отрасли машиностроения, возрастает роль обработки металлов. Нужны новые, еще более совершенные инструментальные стали. И на самом рубеже нового века — в 1900 году — рождается новая сталь. В ней 20 процентов вольфрама и хрома. Эти облагораживающие, не боящиеся высоких температур металлы придают стали удивительную силу и жизнеспособность. Ее называли быстрорежущей.

Инструмент, сделанный из быстрорежущей стали, не боится температуры и в 500° и даже в 550°. Он выходит из строя лишь при температуре 600°. Появляется невиданная ранее скорость: новые инструменты режут металл втрое быстрее, чем прежние. Быстрорез совершает триумфальное шествие по миру, знаменуя собой конец отжившему времени тихих ходов, умеренных температур.

Накануне первой мировой войны шумно заявляет о своем рождении первый в истории техники литой твердый сплав — стеллит. В нем уж не участвуют черные металлы. Он целиком составлен из кобальта, вольфрама, хрома, к которым прибавляется ничтожная доля углерода. Стеллиту уже не страшны температуры и в 600°. Этот сплав открывает новые возможности в обработке металлов.

Однако промышленность требует сплавов еще более эффективных, чем стеллит.

Все попытки создать такой сплав старыми технологическими приемами не дают успеха. Здесь необходимы еще не виданные ранее методы производства. Инженерная мысль начинает поиски разрешения проблемы на новых, не известных ранее, технологических путях. И вот, наконец, инженерный мир оповещается о том, что в лаборатории фабрики Осрам создан необычайный инструментальный материал, который начинает новую эру в технике. Он называется «видиа» (wie Diamant, то есть «тверд, как алмаз»). Он изготовлен новым методом — методом порошковой металлургии.

«Видиа» еще более стоек, чем стеллит, и выдерживает температуру в 800°. Изготовленному из него резцу под силу скорости до 70 метров в минуту, то есть в 1,6 раза большие, чем его предшественнику — стеллиту.

Но новое ли это открытие — сплав, созданный методами порошковой металлургии?

За сто лет до «открытия» фирмы Осрам — 21 мая 1827 года — в Петербурге происходило торжественное заседание Ученого комитета по горной и соляной химии.

В зале заседания были установлены массивные чаши, разложены жетоны, медали.

Докладчик, горный инженер Петр Григорьевич Соболевский, демонстрировал эти на первый взгляд ничем не примечательные изделия. И присутствующие с удивлением узнали, что все они сделаны из чистой платины.

Незадолго до того в России были найдены богатые месторождения этого благородного металла. Но он обычно встречается лишь в сочетании с другими металлами. Встала сложная техническая проблема: как извлечь чистую платину, годную для механической обработки? И в XVII и в XVIII веках во всех странах делались попытки найти такие способы. Крупнейшие ученые того времени бились над этой задачей, но она для них оказалась непосильной.

Производил многочисленные исследования, смелые эксперименты и русский инженер Соболевский. И вот результат — изделия из чистой платины.

Как удалось это сделать? И Соболевский рассказал о своем открытии. Платиновый сплав был растворен в царской водке, в которой на две части соляной кислоты приходится часть азотной кислоты. На дне сосуда оказалась чистая платина, имевшая вид рыхлой массы, состоящей из мельчайших «песчинок» металла.

Но как эти пылинки, этот порошок превратить в монолитный, массивный металл, который можно было бы ковать, прокатывать, сваривать?

Соболевский подверг платину высокому давлению под прессом. Бесформенная масса превратилась в компактный кусок металла. Но он еще не был достаточно устойчив. Металлу предстояло пройти еще две важных операции. Сперва он был нагрет и подвергнут спеканию, а потом вновь подвергся давлению. Пройдя крещение огнем и давлением, вновь рожденный сплав окреп. Теперь его можно было обрабатывать.

Члены комитета рассматривали выставленные изделия. Над ними поработали и кузнецы, и граверы, и мастера других профессий. Металл не рассыпался на песчинки, на пылинки, из которых он состоял.

Изложив суть своих методов, Соболевский формулировал основной и важнейший вывод: обработка платины «для содеяния ее способной к употреблению на разные изделия требует особенных приемов, весьма отличных от металлургических процессов, наблюдаемых при обработке других металлов».

В № 4 «Горного журнала» за 1827 год была опубликована работа Соболевского, знаменовавшая рождение новой отрасли техники — порошковой металлургии. Русский ученый хорошо знал всю накопившуюся к тому времени обширную иностранную ли-

гературу о методах обработки платины. Он подверг обоснованной критике попытки иностранных изобретателей найти способы ее обработки. Он доказал, что в основе работ Делиля, Неккера, Кнетша и всех других лежат неправильные предпосылки, что их методы исследования не выдерживают критики.

Современники высоко оценили великое изобретение Соболевского. Отец порошковой металлургии был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.

И тем не менее во всех современных иностранных учебниках изобретение порошковой металлургии приписывается английскому физику и химику Уильяму Волластону, который разработал «свой» метод через год после опубликования трудов Соболевского. Выдающееся достижение русского ученого было и на этот раз украдено иностранцами.

Кстати сказать, здесь нельзя пройти мимо того удивительного факта, что даже Большая Советская Энциклопедия ни слова не говорит о Соболевском и отдает его изобретение англичанину, ссылаясь при этом на... английскую литературу.

Американцы и немцы предпочли обойти молчанием и русскую и английскую литературу. И вот через сто лет после замечательного открытия Соболевского порошковая металлургия была вновь «открыта» фирмой Осрам.

В советской промышленности порошковая металлургия занимает прочное место. На заводах этой новой, своеобразной отрасли индустрии нет ни тиглей, ни мартенов, в которых обычно плавятся качественные металлы. Твердые сплавы не отливаются, не выплавляются, они рождаются сжатием под высоким давлением. В шаровых мельницах тончайшие частицы твердых тугоплавких металлов — карбид-вольфрама, карбид-титана тщательно перемешиваются с порошками связывающего их металла — кобальта. Эта смесь прессуется под большим давлением. Порошок, спрессованный, превращенный в пластинку, идет в специальные электрические печи, в которых и спекается при температуре в 1400—1500°, становясь прочным, твердым, как алмаз.

Созданные этим методом новые сплавы оставили позади все инструментальные стали. Они сохраняют свою режущую силу уже при 800—900°.

Понятно, что значение таких сплавов велико не только для инструментальной промышленности. В 1940 году, например, после вторжения гитлеровских полчищ во Францию, директор концерна Круппа Амман хвастал, что гитлеровская армия сокрушила Францию немецкими сплавами, якобы пробивающими самую крепкую броню. Да, действительно, не только французская, но и американская промышленность была хуже оснащена твердыми сплавами, нежели германская. Но Амман предпочел умолчать о некоторых в высшей степени деликатных обстоятельствах.

После вступления США во вторую мировую войну правительство Рузвельта установило, что еще в 1927—1928 гг. компания «Дженерал электрик» заключила хранившееся в глубокой тайне соглашение с концерном Круппа. Это соглашение ставило под контроль Круппа все основные американские патенты на производство карбид-вольфрама. В результате такой сделки цены на этот материал сразу выросли в США с 50 до 453 долларов за фунт. В 1936 году Крупп заключил новое соглашение, предоставившее ему право вообще запрещать отдельным американским фирмам производить карбид-вольфрам. Этим же соглашением в США были установлены цены на карбид-вольфрам, в десятки раз превышающие себестоимость и в восемь раз более высокие, чем те, которые существовали в Германии. Дело дошло до того, что несколько американских фирм, имевших лицензии на производство карбид-вольфрама, вынуждены были прекратить работу из-за сокращения спроса на продукцию. Таким путем этому важнейшему металлу фактически был закрыт путь в американскую промышленность. Следует ли в свете этих фактов удивляться тому, что к началу второй мировой войны в США производилось карбид-вольфрама в двадцать раз меньше, чем в Германии?

Магнаты американской промышленности еще раз доказали, что у них нет родины, что они готовы предать интересы своей страны во имя высоких прибылей, **наживы**.

Да, в союзе с американскими монополиями Крупп обезоружил и промышленность США, и народы Европы.

И лишь страна социализма, свободная от иностранной зависимости, встретила вторую мировую войну во всеоружии, обладая собственным производством новейших, наиболее совершенных сверхтвердых сплавов.

5. Всемирная победа советских сплавов.

Это было четверть века тому назад. В одном из московских переулков на дверях небольшого здания появилась дощечка-вывеска с надписью «ВСНХ СССР. Бюро редких элементов». Группа молодых инженеров — из первого выпуска советских вузов — приступила к разработке сложных проблем молодой, только нарождающейся отрасли техники.

Старая Россия не только не добывала, не плавилась редких металлов, но даже не знала, где их искать. Из-за бездарности царского правительства и правящей верхушки Россия встретила войну 1914 года, не имея ни своего вольфрама, ни молибдена, ни титана, ни кобальта. Нетронутые природные богатства были открыты уже советскими людьми. Многочисленные геологические партии в первые же годы мирного советского строительства приступили к тщательным изысканиям в самых различных областях, краях, республиках.

Тогда же в Москве молодой коллектив лаборатории ВСНХ приступил к созданию своих, советских, твердых сплавов.

На путях создателей новой, необычайно тонкой и сложной отрасли индустрии стояли многообразные трудности, одна другой серьезнее. Предстояло создать материал дешевый, доступный любому производству. Если сплавы будут обходиться слишком дорого, советская промышленность не будет в состоянии их применить достаточно широко.

Молодые советские инженеры принялись за работу. Лаборатория не могла похвастаться совершенством своей аппаратуры, своих приборов. Но ее работники были готовы преодолеть все трудности.

Великая партия Ленина—Сталина руководила созданием новой отрасли индустрии, вдохновляла ее коллектив: В. В. Куйбышев и Серго Орджоникидзе день за днем помогали строить эту отрасль передовой техники.

Каждый советский человек хорошо запомнил сталинские слова, произнесенные в 1928 году: «Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности»¹. А уже тогда было ясно, что без твердых сплавов нельзя овладеть высшей техникой, и, следовательно, эти сплавы надо было во что бы то ни стало дать.

Неустанно расширялись масштабы работ по созданию сплавов. Один за другим появлялись сплавы: «победит» и другие. К концу первой пятилетки, в 1932 году, на вооружении у социалистической индустрии был уже ряд сплавов.

Люди, стоявшие тогда у истоков этого нового дела, и сейчас с честью служат ему.

Старшее поколение творцов советских твердых сплавов окружено новыми кадрами исследователей, выращенных ими же. Один из зачинателей новой отрасли индустрии Г. Н. Левин и сейчас занимает пост главного инженера комбината твердых сплавов. Но как непохож комбинат на то скромное, плохо оборудованное предприятие, каким было оно двадцать пять лет назад! Сейчас к услугам исследователей самые тонкие приборы, аппараты, прекрасно оборудованная лаборатория. И сколько выросло здесь молодых, одаренных, влюбленных в свое дело исследователей, уже давших стране свои новые сплавы!

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, стр. 359.

Директор комбината Владимир Блатов учился у первого поколения творцов советских сплавов. Свою дипломную работу он делал в лаборатории комбината. Алексей Шафаренко некогда начал свою деятельность в комбинате кузнецом, теперь он руководит одним из крупнейших цехов.

За два десятилетия воспитаны, прошли большую школу замечательные мастера, чувствующие малейшие колебания в температурном режиме, привыкшие обращаться с самыми тонкими и капризными приборами. Они научились управлять высокими температурами, напряжениями, давлениями...

Один сплав за другим создаются комбинатом сперва в лаборатории, потом в цехах. С радостью встречают на машиностроительных заводах граммы сплавов, несущих с собой новые темпы, новые скорости. Преображается внешний вид инструмента. Его остов, его тело нужны только для того, чтобы держать миниатюрную, чудодейственную пластинку, с несокрушимой силой режущую металл. Пластинка из твердых сплавов в сорок раз легче резца из быстрореза, и в то же время она снимает металла в четыре с половиной раза больше, чем быстрорез.

XVIII съезд партии дал наказ советской металлургии: развивать индустрию инструментальных сталей, в первую очередь твердых сплавов. В могучем арсенале Советской Армии должны были сыграть немалую роль и твердые сплавы. В них нуждалась промышленность, дающая самолеты, танки, боеприпасы.

Грянула война. Конструкторы и ученые фашистской Германии создавали все новые и новые виды вооружения, заранее рекламируя их непобедимость. На решающем этапе войны они выпустили своих «тигров», «пантер», обшитых мощной броней. Геббельс хвастливо предсказывал, что советские снаряды окажутся бессильными перед ними.

К этим заявлениям жадно прислушивались по ту сторону океана. Но созданные по указанию товарища Сталина новые мощные танки «ИС», построенные при помощи советских сплавов, и новые бронебойные снаряды советской артиллерии очень быстро развеяли в прах надежды геббельсов так же, как и херстов. Магнитка победила Рур, уральские танковые заводы побили заводы Круппа, советские сплавы одержали победу над осрамо-крупповским сплавом. Так труженики индустрии советских сплавов внесли свою долю в великое международное дело победы над гитлеровской Германией. Во время войны, наряду с советскими сталями, советскими танками и пушками, мировое первенство завоевали и советские сплавы.

Появлялись новые марки, увеличивалось количество советских сплавов. А одновременно быстро рос и выпуск их. В самые трудные годы войны — 1941—1942 — на Урале был сооружен второй завод твердых сплавов.

После войны московский и уральский заводы быстро развиваются и идут вперед. А пионер новой отрасли индустрии — московский комбинат — уже завершил свою пятилетку в три года, достигнув еще в 1948 году уровня производства, запроектированного на 1950 год.

Но советская техника развивается непрерывно. Скорости резания, которые еще вчера удивляли, сегодня уже не всегда удовлетворяют. Растут требования советских машиностроителей к промышленности твердых сплавов.

В цехах советской индустрии налаживается серийное и массовое производство новой техники, техники послевоенной пятилетки. Конструкторы творят быстроходные турбины, новые типы тракторов, экскаваторов, угольные комбайны. Для них нужны и новые сплавы. И они рождаются! Возникает новая семья сплавов, изготовленных новейшими методами. Широкую известность приобретает новый сплав. Инструмент, оснащенный этим сплавом, режет сталь с немыслимой до сих пор скоростью — до 10—20 километров в час. А ведь инструмент из углеродистой стали резал со скоростью 300 метров в час!

В 1947 году за разработку и внедрение новых методов производства твердых сплавов присуждена Сталинская премия группе работников: Я. Е. Уманскому, Г. А. Меерсону, А. Е. Ковальскому, Г. Н. Левину, Н. А. Судариковой.

Создается и такой сплав, который не только срезает слой металла, но и шлифует поверхность.

Советский Союз в изобилии обладает самыми первоклассными сплавами. Заводы могут получить их в необходимом количестве. Но немало еще требуется мастерства, чтобы правильно использовать, эффективно применить сплав. И индустрия твердых сплавов создает специальную службу технической помощи. Эту помощь оказывают инженеры, специализировавшиеся на применении сплавов, накопившие огромный опыт. И когда у завода-потребителя дело не ладится, когда сплав не желает слушаться, в цех машиностроительного завода приходит инженер из Службы технической помощи. Вместе с заводским коллективом он находит пути эффективного использования сплава в условиях данного производства.

6. Советская школа резания.

Уже с первых лет мирного хозяйственного строительства представители советской школы резания публикуют свои серьезные и оригинальные теоретические исследования. Развертывают работу специальные лаборатории резания.

Заводские практики не только внимательно следят за деятельностью ученых. Они ставят перед ними новые технические проблемы, подсказывают вопросы, над которыми бьется мысль производственника. Индустрия твердых сплавов и инструментальная промышленность — эти важнейшие рычаги борьбы за большие скорости — развиваются быстро и успешно.

В ноябре 1935 года с трибуны Первого Всесоюзного совещания стахановцев товарищ Сталин говорил о стахановском движении, что оно «ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы... Оно призвано произвести в нашей промышленности революцию»¹.

Советская школа резания сделала для себя выводы из этих сталинских указаний. В 1936 году группа научных работников, руководимая профессором И. М. Беспрозванным, развернула экспериментальную работу непосредственно в цехах «Красного Пролетария». Осуществив свыше двухсот шестидесяти экспериментов, эта группа показала, что, следуя опыту передовых людей, работающих повышенными скоростями, можно на всех станках увеличить производительность в полтора раза.

В цехах заводов развернулась творческая работа. Инициатива людей была направлена на поиски наиболее эффективного резца, на создание новых приспособлений и замену однорезцовых суппортов многорезцовыми.

Незабвенный командарм тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе создал при Народном комиссариате тяжелой промышленности СССР специальную комиссию резания. В состав ее вошли крупнейшие ученые — не только машиностроители, но и представители смежных отраслей наук и работники заводов. Нарком поставил задачу перед комиссией резания изучить, теоретически обобщить опыт передовых стахановцев и, пользуясь им, разработать новые передовые режимы резания, новые нормативы для всех без исключения видов холодной обработки металла.

Комиссия превратилась в научный центр всей советской науки резания. Она объединила 28 научно-исследовательских организаций, проделавших за пять лет 120 тысяч экспериментов.

В результате этих огромных исследовательских работ невиданных ранее масштабов были созданы передовые режимы резания для обработки всех наиболее употребительных металлов самыми разнообразными инструментами.

Отныне каждый завод, цех, инженер, рабочий мог целиком опираться на передовой опыт всей промышленности, теоретически обобщенный советской наукой.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 494.

7. Новый переворот в теории и практике.

Работы комиссии резания ознаменовали новую эпоху в истории борьбы за скорости. Перед комиссией была поставлена задача вооружить всю армию машиностроителей опытом наиболее передовых производственников и двинуть вперед теоретические работы.

Академия наук СССР и Народный комиссариат тяжелой промышленности создали конференцию по резанию металлов. На ней присутствовали виднейшие ученые, крупнейшие специалисты не только в области холодной металлообработки, но и в смежных отраслях науки.

Особенный интерес вызвал на конференции доклад об исследовательских работах группы киевских инженеров.

По мере того как докладчик развивал свои соображения, в зале нарастало напряжение. Положения доклада совершенно противоречили тому, что всегда считалось элементарным, азбучным. И вместе с тем они были столь убедительны, что никто не находил оснований для возражений.

Всегда считалось: чем тверже сталь, тем большее сопротивление приходится преодолевать резцу, и потому скорость резания должна быть естественно уменьшена. А очень твердые, закаленные стали и вовсе нельзя обрабатывать на токарном станке. Принято было также считать, что по мере того, как растет скорость резания, инструмент, естественно, теряет стойкость: «Время стойкости резца обратно пропорционально скорости резания в восьмой степени», — так гласил один из законов резания.

Эти положения входили в элементарные учебники резания металлов, в пособия, по которым готовились специалисты. Ныне эти положения разбиты.

— Нет, — смело утверждал докладчик, — закаленные стали можно обрабатывать и на токарных станках, при том именно скоростными методами. При нарастании скорости сопротивление обрабатываемого металла не возрастает, а снижается, стойкость же резца при этом сохраняется.

И он доказал это положение данными многочисленных опытов.

Богатый экспериментальный материал позволил исследователям построить остроумную и плодотворную гипотезу.

При малых скоростях резания тепла выделяется мало. К тому же оно успевает перейти в обрабатываемую деталь, инструмент, излучиться в окружающую среду. При таких условиях температура в зоне резания сравнительно невелика. А так как срезаемый слой металла недостаточно прогревается, то он отличается твердостью и прочностью, поэтому отделение его требует большого труда. Применение форсированных скоростей увеличивает количество выделяемого тепла, одновременно сокращается, сжимается время, в течение которого тепло теряется. Поэтому температура в зоне резания достигает 700—800°. А под влиянием тепла срезаемый слой теряет закалку, размягчается, перестает сопротивляться инструменту и легко срезается.

А раз так, то, естественно, и стойкость резца возрастает. Ее лимитирует теперь не твердость обрабатываемого металла, а температура, при которой резец может сохранить свои режущие свойства.

Итак бороться за высокие скорости можно только борясь за высокие температуры. Но ведь не менее элементарным считалось: и режущий инструмент и отделяемую стружку надо охлаждать, чтобы тем самым охладить резец. «Необходимо струю жидкости, — указывалось в учебнике, — направить прямо на стружку, так как наибольшее количество теплоты образуется именно в стружке, вследствие ее усадки и трения о переднюю грань резца. Значит от этого участка и выгодно отводить тепло».

Киевская группа исследователей предложила в корне перестроить всю систему охлаждения: поливать инструмент не сверху, а изнутри, чтобы жидкость проходила под самой пластинкой твердого сплава и в то же время не попадала к месту отделения стружки. Так сразу достигаются две цели — резец, его режущая кромка охлаждается, и в то же время температура срезаемого слоя, под которой идет процесс ре-

зания, не падает. Этот принцип резания исследователи применили при обработке всех сталей как закаленных, так и не закаленных.

Смелые новаторы уделили особое внимание внешней форме инструмента. Резец, оснащенный твердым сплавом, особенно сильно сжимает обрабатываемый металл и тем самым вызывает наиболее интенсивный процесс накопления тепла. Но резцы, работающие на сжатие, как показали опыты, должны иметь иную форму.

Новые идеи быстро делают достоянием всей промышленности, и в течение нескольких месяцев они завоевывают всеобщее признание. Их авторы входят в науку о резании как признанные создатели теории скоростных методов. Тогда же, в 1938 году, в «Вестнике машиностроения» публикуется статья, в которой подробно изложены и аргументированы все эти положения.

В науку о резании твердо входит с этого времени новое понятие — «отрицательный» передний угол. Вокруг этого понятия в течение последующего десятилетия концентрируется внимание теоретиков и практиков. Тогда же группы ученых, работающих под руководством профессора В. А. Кривоухова и доцента П. П. Грудова, начали поиски путей для обработки высоколегированных твердых сталей — хромансиля, роль которого так велика в некоторых отраслях машиностроения.

Одновременно и в Московском высшем техническом училище имени Баумана начинают эксперименты профессора М. Н. Ларина по разработке методов скоростного фрезерования. Вместе с научным работником Г. М. Рывкиным он еще в 1938 году¹ создает фрезу новой, не виданной ранее формы — торцево-коническую.

Лишь в 1944 году — через шесть лет после опубликования труда киевских исследователей — в лабораториях США приступают к экспериментальным работам над изысканием новых скоростных режимов, широко применяя методику советских исследований. В 1943 году, через пять лет после изобретения торцево-конической фрезы Лариным и Рывкиным, американский журнал «Механик инженеринг» поместил статью Эрнста и Филга, в которой авторы трактуют тот же вопрос, конечно умалчивая о советских первоисточниках. Американцы ранее доказывали, что задний угол фрезы не должен превышать 3°. Советские исследователи, в частности профессор Ларин, теоретически и экспериментально установили, что оптимальным является угол в 15°. Американцы «заимствовали» этот опыт, опять-таки, конечно, без ссылок на действительных авторов.

8. Томск и Филадельфия.

В годы Советской власти Томск стал крупным центром науки. Сибирский физико-технический институт при Томском университете превратился в одно из самых известных ученых учреждений страны. Здесь возникла новая школа физики твердого тела. Ее создал и ею руководит член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Дмитриевич Кузнецов.

Наука о резании почти целиком строилась на законах механики и сопротивления материалов. Наука о резании была оторвана от физики. А между тем многие достижения физики твердого тела несомненно можно было применить и к резанию металлов.

В. Д. Кузнецов, его помощники и ученики решили сломать старые традиции. Они взялись за создание новой, не известной ранее отрасли науки — физики резания.

Впервые в истории науки они начали исследовать физические процессы резания. Физики завязали тесную связь с учеными-машиностроителями, работающими в области резания, с заводскими людьми.

— Нас не может удовлетворять знание того, как протекает процесс и какие явления его сопровождают, — говорил своим помощникам и ученикам В. Д. Кузнецов. — Мы должны ответить, почему процесс резания протекает по-разному в тех или иных случаях, почему он сопровождается теми или иными явлениями, на которые до сих пор не обращалось никакого внимания.

После многих лет напряженной творческой работы В. Д. Кузнецов выпустил третий том своего классического труда «Физика твердого тела», целиком посвящен-

ный физике резания металлов. В нем собран огромный экспериментальный материал, обобщенный и творчески продуманный, базирующийся на глубоком изучении и исследовании физических свойств обрабатываемого материала. Эта книга открывает новую эпоху в науке о резании.

В созданной В. Д. Кузнецовым теории резания важнейшее место занял обрабатываемый материал, его физические свойства. Ранее материалу приписывалась пассивная роль, считалось, что он только подвергается воздействию, а его огромное влияние на весь процесс резания оставалось неисследованным. Все формулы, характеризующие законы резания, не отличали один металл от другого — они были одинаковы для материалов различной прочности и пластичности.

Кузнецов и его ученики широко применили в своих исследованиях металлографический метод. Это позволило им определить, какие изменения происходят в структуре металла во время резания как в стружке, так и в обрабатываемой детали.

Опираясь большим количеством экспериментальных материалов, томская школа доказала, что процесс резания подчиняется тем же законам, что и растяжение, сжатие, кручение.

...Молот ударил по слитку металла, сжал его. Взгляните на этот кусок металла в микроскоп. Вы увидите, что его зерна изменили свою форму. Они, как говорят специалисты, подверглись пластической деформации.

Резание металлов представляет собою тоже процесс пластической деформации, на него распространяются все законы, имеющие силу при растяжении, сжатии, кручении. Этот вывод имел первостепенное — и теоретическое и практическое — значение.

Как доказали томские исследователи, большая часть усилий, затрачиваемых в процессе резания, именно и расходуется на деформацию. Обильная теплота под резцом, столь губительно влияющая на его стойкость, также образуется в процессе деформации.

В. Д. Кузнецов показал экспериментально и теоретически, что по достижении определенных скоростей резания в слое, находящемся под обрабатываемой поверхностью, деформации резко снижаются, а следовательно, соответственно уменьшаются и усилия, необходимые на производство их. Иными словами, чем больше возрастает скорость резания, тем меньше энергии приходится тратить на каждое новое приращение скорости.

Уменьшение пластической деформации по мере возрастания скорости резания доказано и тем, что при больших скоростях идет непрерывная стружка, не успевающая распадаться на куски.

Так была теоретически доказана возможность сверхскоростного резания. Идя по этому пути, томская школа искала такие сверхвысокие скорости, при которых материал в зоне резания был бы полностью переведен в хрупкое состояние. Производя опыты резания со скоростью 1 500 метров в минуту (90 километров в час), ученый доказал, что при этом требуется затратить меньше усилий, чем при работе обычными режимами. Так было опытным путем доказано, что при сверхвысокой скорости деформация сводится к минимуму, и металл в зоне резания переводится в хрупкое состояние, облегчающее отделение стружки.

В. Д. Кузнецов и его ученики заложили теоретические основы сверхскоростного резания и тем самым открыли путь к технике будущего. Эти результаты достигнуты именно на базе создания физики резания. Школа Кузнецова подняла на большую теоретическую высоту научную мысль в области резания, направила ее по новым путям.

Сорок лет назад Тейлор повернул учение о резании на путь эмпирики, сугубого практицизма. «Его школа, — указывает В. Д. Кузнецов, — свела резание металлов к рецептуре, к ремеслу и почти совершенно заглушила научную мысль, стремящуюся понять и объяснить процесс резания». Десятилетиями американская печать, а вслед за ней и печать других стран, рекламировала Тейлора. Филадельфия — город, где он работал, прославлялась как колыбель творческих достижений американского инженерства.

Тейлор и Кузнецов воплощают два полярно противоположных подхода к науке.

Тейлор двадцать шесть лет производил экспериментальные работы, строго сохраняя их в секрете. Сведения о них сообщались только узкому кругу фирм, соглашавшихся давать деньги для опытов. Тейлор расточает комплименты фирмам, сохранившим его секреты. В этой связи он с большим пафосом превозносит «честность» американских компаний... Результатом этой «честности» было то, что свыше четверти века материалы опытов, имевших сугубо практическое значение, лежали под спудом.

Томская школа физиков с первых же дней своей деятельности широко оповещала о своих выводах научно-исследовательские учреждения, работников промышленности. Сообщения из Томска толкали мысль москвичей, ленинградцев. Но в то же время и в Томске следят за исследованиями ученых других советских городов, используют их для своих экспериментов и выводов. Профессор В. А. Кривоухов сообщает В. Д. Кузнецову о новых формулах, к которым он пришел на основе своих опытов. И В. Д. Кузнецов с разрешения московского ученого включает его работу в свой труд.

9. Начало нового наступления.

В 1946 году, в первом году послевоенной пятилетки, борьба за высокие скорости ознаменовалась новыми большими событиями.

К этому времени скоростные режимы резания играли уже немалую роль на производстве. Но под «скоростными» режимами мыслилась обработка детали со скоростью 40—70 метров в минуту. Это вдвое превышало скорости, существовавшие при работе быстрорезом, в восемь раз — самокалом, в тринадцать раз — углеродистой сталью.

В научно-исследовательских институтах, лабораториях и прежде всего на заводах начались поиски новых скоростей.

В лаборатории резания одного московского института вел напряженную работу небольшой коллектив научных работников под руководством одного из создателей советской школы резания профессора В. А. Кривоухова. Среди них: кандидат технических наук Б. Е. Бруштейн, почти двадцать лет работавший с профессором В. А. Кривоуховым, имеющий немало исследовательских работ; научные работники кандидаты технических наук С. В. Егоров и Д. Н. Козлов, им помогал инициативный и опытный практик мастер Н. И. Пагутин.

Задача, стоявшая перед этой группой, была предельно конкретна: найти для резца такую форму, которая наилучшим образом способствовала бы образованию тепла в срезаемом слое металла и в то же время позволяла бы максимально отводить тепло от режущей кромки инструмента, удлинняя тем самым его жизнь.

В течение многих десятилетий складывалась и стала привычной традиционная форма резца. Теперь исследователи, и в том числе группа В. А. Кривоухова, начали искать пути к тому, чтобы обновить и реконструировать все элементы инструмента. Свыше 2800 экспериментов было проведено в лаборатории МАИ. И вот настал момент, когда исследователи сказали: форма найдена.

Перед нами лежит созданный ими инструмент «КБЕК» — так окрестили его по первым инициалам его создателей: Кривоухова, Бруштейна, Егорова, Козлова.

КБЕК не обманул ожиданий. Он режет самые трудные для обработки металлы: хромоникелевые, хромомолибденовые, закаленные, нержавеющей, жароупорные стали. Нет металла, который мог бы противостоять КБЕК'у. При обработке труднообрабатываемых сталей скорость резания достигает 300 метров в минуту — 18 километров в час, а при обработке мягких сталей — во много, много раз больше. Таких скоростей еще не знала мировая техника.

Отживают, уходят в прошлое многие привычные понятия. Резание рассматривалось во всех учебниках, как один из видов холодной обработки металлов. Эта трактовка превращается в явный анахронизм. Теперь ведь резец снимает раскаленную стружку.

Обычно стружка, срезанная с металла, сходит в виде синей ленты. При работе КБЕК'а бежит огненная, пылающая полоса.

Но одно дело — работать в лаборатории, где созданы специальные условия, где все заранее рассчитано до мельчайших подробностей. Другое дело — применять эти методы в цехе, на заводе, в массовом производстве.

КБЕК'у предстояло еще немало испытаний, чтобы прочно завоевать право на жизнь в цехе.

И создатели КБЕК'а идут на заводы. В цехах наблюдают они первые трудные шаги своего детища. Они инструктируют заводских людей, обучают их, руководят внедрением.

На одном московском заводе сопротивление новым методам приняло своеобразную форму.

— Да, — говорили консерваторы, — мы за большие скорости. Но это возможно лишь при полном перевооружении завода.

Консерваторы прятались за важные заказы, выполнявшиеся заводом. Они уверяли, что переход на новые скорости сорвет всю программу. Пришлось развернуть научно-разъяснительную работу.

При содействии изобретателей КБЕК'а и других работников МАИ обучались технологи, мастера, рабочие, был проведен капитальный и профилактический ремонт станков, подготовлены рабочие, установлены приспособления. Сопротивление противников новых скоростей было преодолено.

В течение двух последующих лет 40 заводов перешли на сверхскоростное резание. В промышленности появляется большая группа страстных сторонников КБЕК'а, добивающихся подлинных чудес. Для речных судов, например, приходится производить части машин из наиболее трудных для обработки металлов. Но КБЕК вонзается в любую сталь. С первых же дней глубоко поверил в великие возможности сверхскоростного резания инженер А. Н. Мясоедов, работник Министерства речного флота СССР. При его непосредственном участии на многих заводах этого Министерства новый метод был претворен в жизнь. Свои выводы Министерство речного флота кратко сформулировало в нескольких строчках: «Опыт работы показал, что применение резцов нсвой геометрии дает возможность повышать скорости резания в два—четыре раза».

Много ярых сторонников имеет КБЕК. Но кое-где инерция старого все еще борется с новым. Создателей КБЕК'а это не смущает; практикой утверждают они право своего изобретения на жизнь. Вслед за КБЕК'ом заявляют о себе новые образцы резцов и фрез.

В Москве специальный Научно-исследовательский инструментальный институт создает целую группу резцов, фрез, сверл, зенкеров для скоростного резания. Он разрабатывает режимы скоростных работ, методы напайки, заточки, доводки инструментов.

Создает свою конструкцию скоростного инструмента завод «Фрезер». Конструктор Д. Г. Христофоров разрабатывает здесь целую гамму скоростных головок для обработки крупных деталей различных размеров. Этот инструмент изготавливается крупными сериями. Одновременно в Сестрорецке организуется серийное производство скоростных головок для фрезерования небольших деталей.

Набирают темпы и инструментальные заводы, созданные в годы Великой Отечественной войны в городах Урала и Сибири. Чтобы представить себе масштаб развертывания инструментальной промышленности, достаточно сказать, что заводы столицы в 1948 году на 57,5 процента превысили довоенный уровень выпуска режущего и мерительного инструмента.

Но теперь в центре внимания уже не просто инструмент, а инструмент, годный для скоростных методов обработки, — и промышленность перестраивается, чтобы выпустить именно такой инструмент.

Всего лишь три года назад, в 1946 году, специализированные инструментальные заводы выпускали незначительное количество скоростного инструмента. В 1948 году они дали его уже на многие десятки миллионов рублей, а в нынешнем году выпуск утраивается.

А ведь это только специализированные заводы Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности! Но ведь и все остальные машиностроительные министерства сами делают для себя скоростной инструмент.

Еще в 1945 году резцы с отрицательными углами являлись достоянием лишь немногих лабораторий, только некоторых экспериментальных и опытных цехов. А теперь уже на всех инструментальных предприятиях, в инструментальных цехах заводов всех отраслей машиностроения делают в больших количествах инструмент с отрицательными углами.

10. Год 1948.

Огромная творческая работа, вдохновленная партией Ленина—Сталина, предопределила широчайшее народное движение за большие скорости, развернувшееся в 1948 году и захватившее десятки тысяч машиностроителей.

Двадцать первого февраля 1948 года телеграмма из Ленинграда, помещенная в газетах, сообщила о том, что токарь станкостроительного завода Г. Борткевич достиг на своем станке небывалой в мире скорости резания — 700 метров в минуту (42 километра в час). Дневную норму Борткевич выполнил на 1 296 процентов.

Сын токаря, потомственный рабочий города Ленина, выросший на славных традициях Выборгской стороны, Борткевич владеет искусством и производственной культурой ленинградских машиностроителей.

Борткевич прошел обычную школу советского рабочего. Окончив в 1937 году семилетку, он поступил в школу фабрично-заводского ученичества. Он был хорошо грамотным, развитым подростком, страстно любившим технику. С увлечением занимался он геометрией, физикой, черчением. Через два года Борткевич стал токарем, сдав выпускной экзамен на «отлично». Осенью 1941 года молодой токарь ушел в армию; сперва он был сапером и строил оборонительные рубежи на Волховском фронте, потом перешел в артиллерию. От Волхова до Эльбы — таков боевой путь Борткевича.

И вот он снова на родном заводе. Большие и сложные задачи стоят перед его коллективом. На партийных собраниях, на производственных совещаниях толкуют об одном: какие новые резервы поставить на службу производству. И прежде всего и чаще всего говорят о переходе на большие скорости. Борткевич и все другие квалифицированные токари получили резцы, оснащенные сверхтвердым сплавом.

Он хорошо запомнил тот день, когда решил перейти на новые скорости. Все было заранее продумано: резцы подготовлены, сделан запас деталей, станок налажен. Но увы, как только станок достиг скорости, приближающейся к 1 000 оборотов в минуту, шпиндель, покоящийся на подшипниках, начал вибрировать. Пришлось остановить станок. Внимательно проанализировав причины неудачи, Борткевич решил, что надо строго отрегулировать подшипники.

После тщательной работы эта задача была решена. Станок вновь пущен. Пока он работал обычными скоростями, все шло как нельзя лучше. Но когда деталь начала вращаться со скоростью 200 метров в минуту, резцы вышли из строя. На этот раз в станке не удалось обнаружить никаких дефектов. Источник вибрации ускользал от самого тщательного исследования. Тогда Борткевич обратился к помехам извне. И оказалось, что вибрация передается его станку через цементный пол от двух соседних станков.

Пришлось под станок Борткевича подвести самостоятельный фундамент.

Вибрации исчезли. И тогда скорость резания сразу была доведена до 250 метров в минуту.

Следующих 100 метров он добился за счет улучшения резца. Так была достигнута скорость в 350 метров.

Казалось, это предел. При первых же попытках токаря ускорить обработку детали резец терял работоспособность. Борткевич зорко вглядывался, проверяя происходящие процессы. Он увидел: после 2—4 минут резания стружка, стремительно

стекающая по передней грани резца, делает в ней небольшую лунку. После этого резание идет несравненно легче. Токари, вооруженные резцами из стали, хорошо знают, как помогают лунки за кромкой инструмента. Поэтому они тщательно их вышлифовывают. Теперь Борткевич убедился в том, что такие лунки полезны и на резцах, снабженных твердыми сплавами.

Одновременно Борткевич разработал ряд других нововведений. Новатор не оставил без внимания и организацию рабочего места, и все ручные приемы.

И в день, когда страна праздновала тридцатилетие Советской Армии, солдат-фронтовик, используя всю систему продуманных им мероприятий, уже резал металл с быстротой 700 метров в минуту. Таких скоростей в заводских условиях до того еще не знала мировая техника.

И вновь повторилось то, что имело место в первые дни развертывания стахановского движения. Достаточно было прогнать рекорду Борткевича, как вслед за тем стали известны десятки имен других прославленных скоростников Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Ростова, Краматорска, Свердловска, Челябинска, Ново-сибирска.

В творческой работе токаря Борткевича ярко и полно отразились черты, характеризующие новое поколение рабочего класса, выросшее в нашей стране в годы военных пятилеток, впитавшее все достижения отечественной науки и индустрии, выдвинувшее немало дерзновенных новаторов.

Пламенный патриот, воспитанник ленинско-сталинского комсомола, Борткевич ищет и находит новые пути в технике.

Какие условия обеспечили ему успех?

Способность анализировать производство, ставить перед собой технические задачи и самостоятельно их разрешать.

Он сам проектирует приспособления и создает новые приемы. Он встречает полную поддержку своей творческой инициативы со стороны инженеров и руководителей завода.

Борткевичей у нас не десятки, а десятки тысяч. Их славные дела полностью подтвердили сталинское предвидение о грядущем культурно-техническом подъеме рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда.

Одним из первых в Москве почин Борткевича подхватил токарь завода «Красный Пролетарий» Алексей Никифорович Марков.

— Наша семья, — рассказывает Алексей Никифорович, — коренная крестьянская. До самой службы в армии и я пахал, косил, сеял. Когда попал на военную службу, иначе и не располагал — думал обязательно вернуться в деревню. В действительности же все по-другому повернулось.

Часть наша стояла в Москве. И в 1929 году собралась экскурсия на «Красный Пролетарий». Тогда завод выглядел не так, как сейчас: оборудование было старенькое, таких станков, как сейчас, не делали. Да ведь я до того, кроме деревенской кузницы, никакой техники не видал. Посмотрел я, как ловко орудут токари, фрезеровщики, как послушны им станки, как режут они сталь, словно бумагу. И после этого повадился я ходить по заводу. Прихожу, гляжу, как бежит деталь, как сбегает с нее стружка. Часами я мог так стоять да глядеть, как под руками токаря самая обыкновенная сталь преобразуется, меняет свою форму, превращается в вал, суппорт.

Вот тогда-то, должно быть, во мне и сказался прирожденный токарь. Появились у меня друзья среди краснопролетарцев, стал я технические книжки почитать. И уже задолго до того, как кончился срок моей службы в армии, отписал я в деревню родителям: «Остаюсь, дескать, в Москве, буду токарем на «Красном Пролетарии».

Почти два десятка лет прошло с тех пор, а я — все в одном цехе, на одном участке «Красного Пролетария», и механический цех № 2 стал для меня вторым домом. На всех станках работал, все их узнал. Станки — что люди: у каждого свой нрав, свой характер. Один покорен, послушен, он повинуетя малейшему нажиму ру-

ки, другой своенравен, упрям. И надо изучить его характер, его повадки, чтобы укротить, подчинить его себе. И чем замысловатее заказ, тем интереснее работать. Нередко бывало так: на завод приходят представители другого завода. Они просят выполнить очень важный для них заказ. По всем правилам выходит, никак не можем его взять: оборудование не подходит. А с другой стороны, если государственно поразмыслить — кому ж его выполнять, как не краснопролетарцам? Не даром же наши токари да фрезеровщики на всю страну славятся!

И приходят к нам в цех из технического отдела инженеры, устраиваем «военный совет». Вместе ищем путей—и, глядишь, выход найден, такой, что никакими учебниками и инструкциями не предусмотрен.

Еще, примерно, в 1933—1934 году пришли к нам на завод первые советские твердые сплавы «победит», «альфа-15», «альфа-21». Тогда-то мы начали переходить на новые скорости. Но по-настоящему мы занялись этим делом во время войны.

Поверьте, я люблю свой дом, свою семью, но в те месяцы, когда нависла над Москвой фашистская опасность, я почти не бывал дома. Я чувствовал себя хорошо только в цехе, на боевом посту. То же переживали и все наши заводские.

Тогда-то мы и взялись за новые скорости. Да вот беда! Обрабатывали мы чугуны. А когда перешли на новые скорости, резцы, словно игрушки, стали из строя выходить. Сделаешь полдесятка деталей — и трах, резец уже негоден.

Надо было, следовательно, найти новые пути. Мы начали искать резцы, сверла, лерки новой формы, увеличивали, уменьшали углы. Пробовали и так, и этак. А в то же время связались с твердосплавщиками. Не раз и не два ездили на их комбинат. Пришли к нам в цех с комбината. Вместе прикидывали. Раз, помню, звонят: «вот, друзья, для вас новенький сплав приготовили». А в это время сигнал известил об очередной тревоге. Посоветовались мы и решили: ехать все же надо, нельзя откладывать до утра.

Трещат зенитки... Наша машина мчится по безлюдным улицам. Вот и комбинат. В проходной нам вручают маленькую коробочку со сплавами, и мы мчимся назад. И в ту же ночь начали мы новыми сплавами орудовать.

Так мы во время войны стали работать на высоких скоростях. А потом война кончилась. Стали мы думать о новых, еще не виданных рекордах, готовились к ним. Немало мы и успели. В феврале 1948 года я резал металл со скоростью 120—130 метров в минуту. Это было много. Придешь на другой завод, глядишь, а там режут со скоростью 70—80 метров. Или берешь технический журнал. Там толкуют, как о достижении, о 100—110 метрах. Ну, и считали мы себя первыми людьми в машиностроении.

И вдруг сообщение из Ленинграда о делах Борткевича. А скоро мы сами увидели его у себя в цехе. Это было для нас для всех памятным уроком. Выходит, перестали быть первыми в станкостроении, сдали позиции.

Ну что ж, надо было нагонять.

В это время организовали у нас технологическую лабораторию. Ни на одном станкостроительном заводе нет такой лаборатории. И снова занялись инструментом. Главный технолог Шукарев, его заместитель Болотин, начальник лаборатории Губаренко целыми днями не выходили отсюда. Ежедневно и я наведывался к ним. Приходили к нам друзья с комбината твердых сплавов. Надо было найти новые резцы, новые сплавы... А потом оказалось, что и станок надо перестроить: шкивы изменить, мотор усилить. Очень много вопросов встало: и о том, как стружку удалять, как быстрее заточивать резцы.

После работы, бывало, останешься, попробуешь один резец, другой. А потом ночью сопоставляешь, сравниваешь. Лежишь, бывало, думаешь все о том же — об углах, о сплавах. И вдруг новая мысль блеснет. Да так тебя за живое берет, что и спать уже не можешь.

Трудное это было время. Каждый день был на счету. На всех ведь заводах шла борьба за скорости. Берешь газету, а там сообщения с Путиловца и Уралвагон-завода, с Челябинского тракторного, с Харьковского электромеханического. И вот

настал день, когда и я мог во всеоружии встать к своему помолодевшему, обновленному станку. До того я много раз испытал резец, мы к нему напаяли пластинку Т5К10.

...Шпиндель набирает обороты, все быстрее вращается деталь. Резец уверенно режет стружку. Я терпеливо жду. Минута, другая... Все еще идет бледно-голубая лента. Вот затем на ней появляется багровая полоска, она все ярче рдеет, наливается багрянцем. И вот, наконец, она принимает пышущий жаром цвет.

Да, наши расчеты не подвели. В этот день я резал сталь со скоростью 550 метров в минуту.

Так краснопролетарцы вновь завоевали достойное место в общем наступлении на скорости. Вместе с Марковым переходили на новые скорости Угольков, Мурашов, Кашпар, Макеев. «Красный Пролетарий» стал зачинателем всесоюзного соревнования на большие скорости. И в первый же месяц он одержал в нем победу.

В мае 1948 года в город Ленина — колыбель русской науки и промышленности — съехались делегаты машиностроительных заводов со всех концов Советского Союза.

Машиностроители восьмидесяти двух городов приняли участие в конференции по борьбе за высокие и сверхвысокие скорости. Руководители крупнейших научно-исследовательских учреждений — ученые, имена которых известны на весь Советский Союз, заседали рядом с прославленными стахановцами, чей опыт обобщается, изучается ими, берется за основу в новом разделе науки о резании, целиком посвященном теории скоростных методов. Здесь же присутствовали сотни командиров производства.

Делегаты стремились вынести все, что они слышали, чтобы, вернувшись к себе на завод, в цех, обо всем рассказать своим друзьям, товарищам, соратникам, чтобы вместе с ними до конца использовать опыт новаторов.

И в докладах, и в прениях менее всего говорили о желательности или возможности скоростных режимов. Этот вопрос давно решен. Как скорее, как лучше, как вернее добиться внедрения скоростей — вот что было в центре внимания.

Каждый из присутствующих приехал сюда с десятками вопросов и ждал на них ответа.

— При каких углах наклона резца надо обрабатывать более твердые стали?

— Каковы предельные скорости резания на автоматах?

— Какими твердыми сплавами целесообразнее всего вести скоростное фрезерование?

— Что сделать для лучшей уборки стружки?

Сотни проблем обсуждались на конференции.

Нередко развертывались и полемика, и критика. Ее участники предъявляли серьезные требования к присутствовавшим здесь же представителям промышленности твердых сплавов, станкостроения, инструментального производства, к ученым.

Конечно, индустрия твердых сплавов провела большую работу, велики ее достижения. Но все же ассортимент сплавов надо расширять... А творцы сплавов, например, не учитывают особых требований для грубых обдирочных работ в тяжелом машиностроении. Нельзя мириться с тем, что выпускаемые станки не вполне приспособлены к условиям скоростной обработки. Серьезные упреки делались и по адресу самих заводов, переходящих на новые методы: они не уделяют достаточного внимания подготовке оборудования, производству необходимых расчетов.

Выступали не только чистые «резальщики», но и представители индустрии твердых сплавов, станкостроительной и инструментальной промышленности. Они рассказывали о том, какими новыми сплавами, станками, инструментами вооружают и вооружают они борцов за высокие скорости. Они внимательно прислушивались к критике по их адресу. Ибо только широким фронтом творцов твердых сплавов, станкостроителей, инструментальщиков, резальщиков можно двигаться вперед.

Конференция напряженно работала. Один из старейших ученых — профессор, доктор технических наук А. П. Соколовский сделал интересное сообщение о приоритете отечественной науки в области теории резания металлов.

На трибуну поднялся человек с высоким лбом, глубоко сидящими, пытливыми, умными глазами. Две колодки орденовских ленточек говорили о его славных ратных делах. Это был Борткевич.

Он был немногословен. Так же, как и другие докладчики, Борткевич оперировал формулами, техническими терминами. Время от времени он подходил к большой доске и иллюстрировал свои положения быстро набросанным чертежом. И тот, кто не знал, что это выступает токарь, рабочий, еще утром стоявший у станка, имел все основания думать, что это инженер, исследователь.

И потому-то так бурно аплодировала ему конференция. В лице Борткевича она приветствовала передовых советских рабочих, своим примером доказавших, как в стране социализма стираются грани между трудом физическим и трудом умственным.

Многим была примечательна эта конференция. И докладчики, и участники прений в своих выступлениях неизменно связывали борьбу за высокие скорости с всенародным движением за сверхплановые накопления. Новые режимы знаменуют новую, несравненно более высокую производительность труда, а следовательно, снижение себестоимости. Одна цифра буквально ошеломила конференцию. Оказывается, по самым скромным подсчетам, перевод на скоростные режимы одного только фрезерования даст 700 миллионов рублей экономии! Какие же огромные возможности для сверхплановых накоплений открывает перевод на новые скорости всех основных процессов обработки металла.

Делегаты разъехались на места. Блокноты, записные книжки их были испещрены записями. На десятки конкретных вопросов, над которыми бились люди в конструкторских и технологических бюро и в цехах, был дан ответ.

Но одно дело—вынести хорошие решения, а другое дело—претворить их в жизнь. Победа, как и всегда, останется за новым, но насколько трудно дается такая победа, можно увидеть на примере коллектива одного московского завода. Он очень охотно и быстро взялся за реализацию большой программы нововведений, созданной на ленинградской конференции. Но оказалось, что это не легкое и не простое дело. Высокие скорости требуют высокой культуры производства. Даже небольшое отклонение качества резцов от нормы, малейший промах в изготовлении приспособления дают себя чувствовать.

На заводе хорошо помнят тот день, когда в цехи пришли новые резцы, заправленные твердыми сплавами. Их дали в первую очередь лучшим, наиболее искусным токарям.

Прошел день, другой... А скорости почти все те же. Казалось, все теоретические расчеты обманывают. Более того, на каждом шагу скоростников ждали неприятности одна другой горше. Один из наиболее прославленных токарей завода—Заикин, человек, всегда подхватывавший все новое, с большим воодушевлением взялся за дело. С помощью технолога Васильева он рассчитал новые режимы, долго и тщательно готовился. Казалось, все было предусмотрено. Но в первый же день этого токаря и его друга-технолога постигло тяжкое разочарование. Станок не желал работать по-новому. На полном ходу он вдруг останавливался, инструмент из твердого сплава ломался. Стахановец менял резец и осторожно, соблюдая все тонкости технической инструкции, пускал станок. Но его снова ждала неприятность, снова ломался резец.

К концу дня оказалось, что он не столько работал, сколько стоял. Ему не только не удалось повысить производительность, но наоборот, он нанес прямой ущерб заводу, государству, сломав несколько дорогостоящих резцов и выработав меньше нормы.

Заикин вновь и вновь перебирал все события за день. Он просматривал чертеж, проверял режимы и приходил все к тому же выводу—дело в станке! А между тем все расчеты показывали: мощность станка вполне достаточна для того, чтобы он мог одолеть новые скорости. Следовательно, нужно было его проверить, просмотреть, модернизировать наиболее уязвимые части. Но когда стахановец заговорил об этом, его

руководитель — начальник цеха — наотрѣз отказался что-либо сделать. Он оставался глух ко всем просьбам Заикина.

Лишь после того, как начальник цеха был снят и его заменил другой, дело пошло. В очень короткий срок станок реконструировали, подготовили к новым задачам, и производительность была удвоена.

Победа Заикина знаменовала победу больших скоростей на заводе. Те, кто выжидал или втихомолку предсказывал поражение, убедились в том, что перед ними стоит дилемма: быть вместе с теми, кто двигает дело, растет, или уйти с завода. Нейтралитету не было места в этой борьбе нового со старым.

Эпизод с Заикиным научил многому. И рабочие и командиры производства убедились: большие скорости сами не приходят. Нельзя также овладеть ими и штурмом, наскоком. Они требуют знания теории, сосредоточенной вдумчивой работы, целого комплекса подготовительных операций. При тщательной проверке обнаружались небольшие дефекты в качестве резцов. При обычных скоростях они не замечались, при новых режимах потребовалось зорко следить за качеством инструмента. Пришлось также заменить ряд патронов и приспособлений.

Переход на новые скорости потребовал частичной реконструкции многих станков: замены ряда моторов более мощными, перешивки ремней, перемены токарных центров.

Овладеть большими скоростями — значит создать новую культуру на производстве.

Ремонтный цех завода занялся частичной модернизацией станочного парка. Инструментальный отдел готовил резцы. Начальники цехов обучали, инструктировали мастеров и рабочих... Первыми на новые скорости перешли наиболее искусные токари и фрезеровщики, славившиеся своим мастерством, а вслед за ними потянулась и вся масса рабочих. Один за другим заработали станки по-новому.

Коллектив завода продолжал наступление. Была создана комплексная бригада из специалистов московского комбината твердых сплавов и работников завода. Коллективы двух предприятий совместными усилиями искали новых путей для применения скоростных режимов на трудно обрабатываемых металлах. Искали и нашли. С января 1949 года 58 чугунных деталей стали обрабатываться со скоростью 120—180 метров в минуту вместо прежних 40—50 метров.

II. Новые горизонты.

Высокая скорость достигнута. Станок работает на максимальном числе оборотов, резец снимает огромную ленту раскаленной стружки. Все хорошо. Но к концу дня токарь с изумлением видит: скорость резания он увеличил в пять раз, а выработка выросла только на 40 процентов.

Эта странная на первый взгляд диспропорция между изумительным ростом скоростей и медленным нарастанием темпов выработки объясняется просто.

Вот скоростник взял деталь, поднял ее, поднес к патрону, зажал и пустил станок. Резец быстро выполняет свое дело. Операция закончена скорее, чем раньше, в несколько раз. Теперь рабочий должен снять деталь, отложить ее, взять новую, поднять ее, поднести к патрону и т. д. Эти обслуживающие операции не стали короче ни на секунду.

Рабочий день токаря, фрезеровщика, расточника разбивается на две части. Одну занимает собственно обработка детали, когда инструмент снимает стружку — это время называется «машинным». Другая часть поглощается подготовкой к основной операции — это время именуют «вспомогательным». Предположим, что раньше, при медленных режимах, вся работа по одной детали длилась 50 минут. Из них 25 минут занимала работа станка, 25 минут уходило на установку и съем детали, измерение ее, установку резца и другие обслуживающие операции. Но вот токарь перешел на новые скорости — процесс резания продолжается теперь 2,5 минуты вместо прежних 25. Но ручные операции поглощают столько же времени, сколько и раньше. И поэтому

вся операция продолжается 27,5 минут. Иными словами, увеличив скорость резания в 10 раз, токарь повысил свою производительность менее чем вдвое.

Вывод мог быть только один: новые скорости требуют и новых приемов обслуживания. И творческая мысль на заводах начинает усиленно работать над созданием приспособлений, позволяющих быстро устанавливать и закреплять деталь, сокращать время измерения ее и т. д. и т. п.

Имя токаря московского завода шлифовальных станков П. Б. Быкова давно уже широко известно в нашей стране. Два десятка лет работает он на одном заводе, в одном цехе. Живым и непрестанным творчеством, подлинным горением наполнен его труд. На заводе привыкли к тому, что этот токарь вносит свои поправки в чертежи и в технологию. Несколько лет мысль Быкова занята проблемой того, как свести к минимуму паузы, перерывы в работе даже в тех случаях, когда они считаются неизбежными.

Он достиг многого. Коэффициент полезного времени его станка всегда выше предусмотренного нормами. И намного!

Вот работает станок, деталь движется, вьется стружка... Но токарь в это время не сидит сложа руки. Он готовит следующую деталь. Он производит с ней все операции, кроме последней — подводки под инструмент. Как только резец завершил свою работу, следующая деталь вступает на место законченной при помощи особого, спроектированного и изготовленного Быковым зажима. Неизбежные перерывы в работе станка предельно сжимаются, сокращаются простои и удлиняется машинное время действия станка.

Эти проблемы волнуют администрацию, партийные организации, тысячи людей на предприятиях страны.

Пришла весть с Урала. На небольшом машиностроительном заводе в Серове Павел Панафидин спроектировал и изготовил специальные приспособления. Критически просмотрев каждый рабочий прием, он втрое сократил «вспомогательное» время. Раньше закрепление детали требовало нескольких рабочих движений. Теперь Панафидин пустил в ход новый пневматический зажим и закрепляет деталь одним движением. Пересмотрев и рационализировав 27 движений по установке деталей, используя новые пневматические зажимы, он сократил время установки с 36 секунд до 12. Идя теми же путями, он снизил время, расходуемое на то, чтобы снять деталь, с 15 секунд до 4,2 секунды.

Высокие скорости не мирятся с отсталым обслуживанием.

Борьба за новые прогрессивные режимы не может замыкаться в рамки узкой техники, она обязательно охватывает и всю систему организации производства. Раньше, когда деталь еле-еле двигалась под резцом, не бросались в глаза самые грубые изъяны в системе работы; новая техника безжалостно раскрывает все пороки — она не мирится с ними и властно диктует необходимость применения новых порядков и новых методов.

Мысль рабочего, технолога, мастера, инженера обращается к новым вопросам. Надо лучше организовать наладку станка, чтобы свести к минимуму время на настройку. И на заводах перестраивают работу наладчиков, систему оплаты их труда. Наладчик втягивается в борьбу за скорости.

Большую массивную деталь, весом в 100 килограммов, надо поднять, поставить на станок. Ранее обходились одним краном, передвигавшимся по всему цеху. Нередко его приходилось ждать 10—20 минут и даже дольше. Сейчас, когда дорог всякий миг, цех не желает обходиться одним краном. У станков появляются свои индивидуальные, небольшие, но очень маневренные краны.

Раньше рабочий терял десятки минут на измерение детали. Теперь создаются особые подвижные шкалы и приборы, позволяющие делать измерения на ходу, без останковки машины. И когда встал вопрос о конструировании новых скоростных станков, токарь «Красного Пролетария» Мурашов потребовал, чтобы на новом станке был устроен прибор для автоматического измерения деталей.

Перед всеми машиностроителями — от конструктора до рядового рабочего — открылись новые горизонты.

В июне прошлого года собралось на совещание 500 представителей московских заводов и научно-исследовательских институтов. В повестке дня стоял один вопрос: «состояние и пути внедрения широким фронтом скоростной обработки металлов резанием». Московские машиностроители пришли к выводу: заводы имеют все возможности повысить режимы обработки на существующих станках по крайней мере в полтора-два раза без сложной модернизации. Но на этом же совещании машиностроители подчеркнули, что скоростное резание металлов — не единственная цель. Повышение режимов необходимо сочетать с сокращением вспомогательного времени. Достигнутые скорости резания обязывают к повышению производительности и оборудования, и рабочего. Так в борьбе за темпы все время углубляются и повышаются требования.

И в Ленинграде, и в Москве знамя скоростного движения развернули, в первую очередь, крупнейшие заводы, предприятия, давно уже ставшие рассадниками технической культуры, накопившие богатые традиции. Кировский завод, станкостроительный завод имени Свердлова в Ленинграде, автозавод имени Сталина, «Красный Пролетарий», «Борец», завод шлифовальных станков в Москве — вот признанные лидеры этого движения. Но если еще в начале 1948 года работа на больших скоростях являлась признаком новаторства, технической смелости, то уже в середине 1948 года сохранение прежних темпов стало синонимом отставания, робости. И вся масса средних и даже малых заводов идет по следам лидеров. Перед каждым коллективом, вновь начавшим борьбу за новые скорости, обязательно встают новые вопросы, продиктованные спецификой производства, всей обстановкой, сложившейся на данном предприятии. Десятки факторов надо глубоко продумать: и особенности выпускаемой продукции, и условия, диктуемые обрабатываемым металлом, и состояние оборудования, и многое, многое другое. Новые скорости не копируются механически, они не рождаются сами, их творчески создают.

12. Широкий фронт.

С самого зарождения машиностроения существует извечное состязание между станком и инструментом.

В 1948 году новые типы скоростного инструмента резко вырвались вперед, оставив позади себя станки. Настал черед станкостроителей двинуться вперед. Новые режимы заставляют менять облик станков, предъявляют к ним другие требования. Большие скорости вызывают колебание, вибрацию станка. Следовательно, станок должен быть более массивным, более устойчивым, более точно сбалансированным.

Еще до войны талантливый советский ученый С. В. Вотинов, безвременно погибший в Ленинграде в дни блокады, разработал оригинальную теорию жесткости станков. Теперь экспериментальный научно-исследовательский институт станкостроения создает на ее основе нормативы жесткости и виброустойчивости станков. Пользуясь ими, можно на любом заводе правильно рассчитать необходимую жесткость станка в целом и отдельных его элементов, осуществить все необходимые меры, чтобы обеспечить работу станка на больших скоростях.

Институт разрабатывает конкретные методы, позволяющие повысить прочность и быстроходность действующего станочного парка, видоизменить, модернизировать, приспособить его к новым режимам. Но наряду с этим встает и вопрос более сложный: какие станки следует выпускать? Его поставили перед промышленностью перодовые рабочие, овладевшие новыми скоростями.

Рассказывая о своем опыте коллегии Министерства станкостроения СССР, токарь Борткевич поставил вопрос о технической политике в станкостроении, исходя из последних достижений стахановцев-скоростников.

Прения по докладу токаря Борткевича охватили много вопросов, поставленных движением скоростников. А резюмируя итоги совещания, министр выдвинул перед станкостроителями основную задачу: давать оборудование, способное работать на больших скоростях.

Станкостроительные заводы Москвы, Горького, Ленинграда, Киева и других городов переходят на выпуск станков более мощных и быстроходных. Не один уже год производится станок типа 1Д63. Его хорошо знают и ценят на заводах. Но теперь облик станка преобразуется. Творцы модернизированного станка подготовили его ко всем испытаниям: станку под силу теперь новые скорости. Мощность его возросла с 7 до 10 квт, его шпиндель теперь делает не 480, а 750 оборотов. Суппорт и задняя бабка ранее были наиболее уязвимы при быстром ходе машины, они го и дело вибрировали, а теперь они стали устойчивыми, массивными, жесткими.

Улучшая, видоизменяя существующие модели, конструкторы не забывают и о другом: они создают оригинальные, мощные, быстроходные станки, вписывая этим новую страницу в историю станкостроения.

Появился первенец послевоенной пятилетки, рожденный борьбой за темпы, — высокоскоростной станок, созданный на заводе «Красный Пролетарий». Три тысячи оборотов в минуту делает его шпиндель. Другой завод фрезерных станков организует выпуск вертикально-фрезерных станков с электродвигателем в 40 квт. Эта машина делает до 1300 оборотов в минуту. Новые модели быстроходных расточных станков, мощные быстроходные гидрофицированные поперечно-строгоальные станки, станки по безабразивной заточке резцов, оснащенных твердыми сплавами, и еще многие и многие новинки создает наше станкостроение.

Создавая новые типы станков, конструкторы заботятся не только о новых режимах резания. Они вооружают станок приспособлениями, сокращающими до минимума затраты ручного труда, они сжимают вспомогательное время, автоматизируя управление, выбор скоростей, замер изготовленных деталей.

13. На пороге четвертого года пятилетки.

Машиностроители вступают в четвертый год пятилетки под знаком борьбы за высокие скорости.

Еще год тому назад, в феврале 1948 года, за большие скорости дрался лишь авангард армии машиностроителей. Массовость движения — вот что наиболее знаменательно для начала 1949 года.

Далеко вперед ушла славная гвардия: Мурашов и Панафидин, Заикин и Кожанов, Борткевич и Быков и тысячи других прославленных людей. 400—500—600—700 метров в минуту — вот их скорости. Этот авангард прокладывает дорогу всей армии, открывая путь в завтрашний день техники социализма. Существенного увеличения скоростей ныне добиваются не тысячи, а многие десятки, сотни тысяч рабочих.

Возникают коллективы скоростников. В городе Ленина каждый четвертый фрезеровщик, каждый седьмой токарь работает скоростными режимами. В Москве на «Красном Пролетарии» на повышенные скорости переведено 200 станков. На многих других заводах работают скоростные бригады.

Центральное статистическое управление при Совете министров СССР опубликовало сообщение об итогах выполнения государственного плана народного хозяйства СССР в 1948 году. Все машиностроительные министерства перевыполнили задание. Страна получила сверх плана большое количество дизелей, нефтяных двигателей, электромоторов, шарикоподшипников, металлорежущих станков, породопогрузочных машин, турбобуров, насосов, экскаваторов и т. д. Это — в немалой мере — результат самоотверженного труда скоростников.

Славные дела Борткевича, Маркова, Быкова, десятков тысяч других передовых людей позволили оснастить заводы, нефтяные промыслы, шахты, МТС, совхозы, стройки прекрасными машинами и поднять их производительность на новую ступень.

Промышленность принесла стране свыше 6 миллиардов рублей сверхплановой экономии от снижения себестоимости. На эти средства можно построить не одну гигантскую электростанцию типа великой Днепровской имени Ленина. Этих денег было бы достаточно, чтобы соорудить 180 новых машиностроительных заводов среднего типа или три новых города, в каждом из которых было бы 1500 благоустроенных домов из 23 квартир. В эти миллиарды сверхплановых накоплений не одну сотню миллионов внесли скоростники.

Вот каковы первые, только первые результаты наступления скоростников, подготовленного всем предшествующим развитием советской промышленности, техники, науки.

20—21 января 1949 года заседало всесоюзное совещание хозяйственного актива Министерства станкостроения: прославленные конструкторы, известные на всю страну технологи, знаменитые ученые. С трибуны выступали скоростники Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири, Украины, Поволжья. На предыдущем активе, ровно год тому назад, о скоростях не было речи. А сейчас... Все выступавшие: и министр, и его заместитель, и директоры, и конструкторы — больше всего говорят о борьбе за скорость и тех задачах, которые вытекают из этой борьбы.

В большом зале Московского станкоинструментального института имени Сталина демонстрируются первые новые модели скоростных станков. К ним тянет всех — и конструкторов, и технологов, и токарей. Вот Борткевич подходит к первому скоростному быстроходному станку. По его просьбе станок пускают в ход. Борткевич осматривает станок, один узел за другим, и его помыслы уже далеко — там, в Ленинграде, в цехе. Он уже готовится к новым делам.

Марков много раз видел этот станок у себя на заводе. Он знакомился с ним еще в чертеже. День за днем следил он, как чертеж претворялся в металл. И сейчас он никак не может оторваться от него... А кругом собрались горьковчане, харьковцы, уральцы, сибиряки... Это детище скоростного движения открывает новые перспективы. Правда, это только первый опытный образец. Но скоро из ворот «Красного Пролетария» начнут выходить целые серии этих чудесных станков и одновременно двинутся новые скоростные станки из заводских ворот предприятий других городов.

Вновь обретенные скорости — результат великого творческого содружества науки и практики, закономерный итог всего развития советской техники, подъема технического и культурного уровня людей в стране социализма.

14. На рубеже второго полугодия.

Проходит еще несколько месяцев.

Страна вступает во вторую половину завершающего года пятилетки.

Промышленность по всему фронту добивается новых скоростей. Теперь речь идет уже не об отдельных скоростниках, даже не об отдельных группах их. Нет! Новые скорости вошли в норму. Прежними старыми темпами работать уже невозможно.

Цех № 3 завода «Борец» — тот самый, где год с лишним тому назад впервые зародились новые приемы. Времена, когда резали 50—60 метров в минуту, сейчас кажутся уже ушедшими в глубокую древность. Технологи цеха долго приходится напягивать память, чтобы вспомнить, на каких скоростях работали в 1947 году.

Сейчас уже трое из каждых четырех рабочих — скоростники. А большая группа людей режет металл с быстротой 350—400—500 метров в минуту.

Жизнь Сергея Стефашина неотделима от жизни всего коллектива. Сюда еще пионером приходил он вместе с отцом — кадровым литейщиком. Здесь он учился в школе фабзавуча, здесь 15 лет назад впервые встал к станку, из этого цеха в 1938 году ушел в армию. А демобилизовавшись, конечно, вернулся в свой цех.

Живет он в заводском доме, построенном четверть века тому назад. К нему приходят в гости друзья с «Борца». И когда он рассказывает о больших скоростях, он

никогда не говорит о себе, о своих замыслах, в его рассказе фигурирует все то же местоимение «мы».

— Год назад наши скорости достигали 100 метров, — говорит Стефашин, — теперь дошло дело до 350; деталей мы стали обрабатывать в два с половиной раза больше.

Токарь непринужденно оперирует сложными формулами сплава, он толкует об отрицательных углах, об основных узлах станка—с полным знанием дела, с полной свободой. Иногда он поясняет свою мысль тут же набрасываемым чертежом. Когда он говорит, он словно мысленно читает лежащий перед ним чертеж.

И за его сжатым рассказом встает повесть о многих днях, наполненных творческими исканиями, волнением, радостью побед.

Да, «350» сами не пришли.

Каждый десяток метров брался с боя. Всё новые и новые барьеры вставляли на пути.

И особенно много хлопот причиняла стружка. Бесконечная раскаленная лента ее ползла из-под реза, то и дело вынуждала прекращать работу станка. На заводе долгими неделями искали путей борьбы с ней. Искали все: рабочие, мастера, технологи. И вот четыре приспособления различных типов спроектированы. Три из них уже установлены на станках, действуют, четвертое испытывается. Приспособления ломают, мельчат стружку. Взят, следовательно, и этот труднейший барьер.

Еще полгода назад казалось, что чугун никак не воспримет скоростную обработку, что как ранее резали на скоростях в 40—50 метров, так и впредь придется резать. А сейчас уже в норму вошли и 290 и 300 метров.

Но немалая часть деталей из чугуна все еще обрабатывается попрежнему — нужны какие-то новые сплавы. Их ищут и несомненно найдут.

Не теряют времени и на «Красном Пролетарии». Раньше, в 1948 году, мысль краснопролетарцев была направлена к тому, чтобы предельно сжать, сократить машинное время, вести станок на максимальных скоростях. Теперь, в 1949 году, внимание повернуто к сокращению вспомогательного времени. Теперь реже толкуют о скоростях, но все больше говорят о выработке, о технической норме. Марков, Угольников, десятки их друзей и учеников теперь проектируют новые приспособления, ищут новые, более экономные приемы работы.

Недавно в цехах узнали об изобретении инженера Кауфмана. Это прибор, напоминающий диск телефонного аппарата. Рабочий набирает заданные размеры длины и ширины детали. Этим его функции по измерению детали закончены. Все остальное выполнит сам прибор. Прежде токарь внимательно следил за каждым движением детали. Он то и дело останавливал станок, чтобы вновь и вновь измерить деталь. Малейшая ошибка грозила бедой, браком. А теперь все операции по измерению отпала. Прибор Кауфмана стоит на страже точности. В момент, когда это потребуется, станок автоматически остановится. Вспомогательное время резко упало. Более того, токарь может одновременно работать скоростными методами на нескольких станках.

Прибор Кауфмана знаменует еще один шаг к автоматизации токарной обработки. Иностранная техника не знает таких аппаратов. Разрешили краснопролетарцы и другую проблему, так волновавшую скоростников: проблему ломки стружки.

Вот небольшой, изящный станочек, обслуживающий весь завод. Он наносит на резцы канавки. Попадая в эту канавку, стружка ломается. Замечательные свойства этой канавки признаны всеми.

Борьба за новые скорости вдохновляет новаторов. Между коллективами заводов идет негласное соревнование. Краснопролетарцы ревниво следят за всем происходящим на «Борце», люди с «Борца» часто бывают на автозаводе имени Сталина, на станкозаводе имени Орджоникидзе. Никто не хочет отставать. И каждый вносит свою долю в общее дело.

Один из крупных машиностроительных заводов занялся станкостроением для собственных нужд. Здесь спроектировали и изготовили агрегатные станки, специально

рассчитанные для скоростников. Токарей, работающих на этих станках, уже ничто не задерживает. Вспомогательное время здесь вовсе отпало, целиком слившись с машинным. Станок работает, обрабатывает деталь, а тем временем скоростник в запасных гнездах устанавливает новую деталь. Как только станок завершил операцию, рабочий нажимает кнопку, и приспособление, в котором зажата обработанная деталь, отодвигается, его место мгновенно занимает новая. Станок не теряет ни одного мгновения.

Расширяется фронт работы скоростников. Год тому назад на новые режимы переходили, главным образом, токари, а потом к ним присоединились фрезеровщики. Теперь за это дело берутся и сверловщики.

Коллектив одного очень старого заводика, делающего насосы, в конце прошлого года взялся удвоить производство. Были перепланированы цехи, был организован поток — и станочники стали переходить на большие скорости.

Вот группа старых, изрядно потрепанных, устаревших станков. Но у этих старых станков работает целиком молодежь. Помощнику начальника цеха Борису Кольванову — 21 год, только полтора года назад окончил он техникум. Признанному лидеру скоростников Михаилу Ермолаеву — 23 года. На завод он пришел в 1943 году из ремесленного училища.

Вот этот-то веселый и задорный отряд молодежи поднял здесь знамя скоростного движения. Услышав о делах Борткевича и Маркова, они пришли гурьбой в комсомольский комитет и заявили:

— И мы хотим работать по-новому!

И молодежь добилась своего. Заводские инженеры объехали другие заводы и вернулись с целой горой чертежей, с образцами резцов. Взялись за станки — поставили новые моторы, заменили наиболее уязвимые детали. И станки-ветераны помолодели, начали вторую жизнь. Молодежь повела их на больших скоростях. Теперь весь цех работает по-новому.

На заводе почувствовали вкус к большим скоростям. Но насосное дело имеет свою специфику. В ходе производства насоса приходится делать большое число сверлильных работ. И старый завод стал одним из пионеров перевода сверления на большие скорости. Как раньше на других заводах экспериментировали в поисках резцов и фрез новых типов, так здесь взялись за поиски сверла.

Ранее сверлили инструментом из быстрореца, теперь на стальное тело сверла стали напаивать пластинку твердых сплавов.

Но какую форму должен иметь инструмент? Этого никто не мог сказать. На этот вопрос ответ должен был дать опыт, эксперимент.

Начальник технологического бюро А. И. Кувалдин, работники инструментального цеха — все принялись за поиски. Они меняли размеры и переднего и заднего углов. Они добивались наиболее благоприятного сочетания. С каждым вновь сконструированным типом инструмента они все более уверенно приближались к цели. И настал день, когда задача была разрешена. Скорость сверления выросла втрое.

Борьба за форсирование режимов по всему производственному фронту — в этом одна из характернейших особенностей первого полугодия 1949 года. Если год назад знамя скоростного движения высоко подняли токари, если к середине 1948 года в ряды скоростников вступили фрезеровщики, то теперь за большие скорости дерется вся армия машиностроителей.

Не только токари, фрезеровщики, сверловщики, шлифовальщики, расточники, не только люди, режущие металл, вовлечены в движение. Нет! Из механических цехов жажда новых темпов просочилась в литейные, кузнечные, инструментальные цехи.

И есть еще нечто, придающее особый облик первому полугодью 1949 года. Никогда еще не была так сильна, неразрывна связь между наукой и практикой. Работники Научно-исследовательского института гидромашиностроения пришли на завод «Красный Факел» и помогли заводским людям модернизировать станки, переобучить рабочих так, что теперь токари режут металл со скоростью 670 метров — и никто не удивился тако-

му факту. Деятели научно-исследовательских и экспериментальных институтов и кафедр высших технических учебных заведений работают рука об руку с цеховыми технологами, помогают токарям, фрезеровщикам реализовать их творческие замыслы.

Девятого апреля 1949 года было опубликовано постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки и изобретательства за 1948 год. В новой славной плеяде лауреатов Сталинской премии мы увидели зачинателей скоростных методов обработки металла резанием товарищей: Г. Борткевича, А. Маркова, Н. Уголькова, П. Быкова, В. Трутнева, Н. Симановского, К. Тютина, Я. Чебышева, Р. Денисова.

Массовое движение за большие скорости стало возможным и могло дать такие быстрые результаты лишь в стране, где промышленность расширяет производство, не боясь призрака кризиса сбыта, где патенты и технические усовершенствования не замораживаются, не омертвляются монополиями, где творческий успех каждого отдельного труженика является достоянием всего народа, — в стране, строящей коммунизм.

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Н. КОВАЛЕВ

Парторг ЦК ВКП (б) на автозаводе имени Сталина

★

1

Читательские конференции... Два привычных, хорошо знакомых слова. Однако что такое «читательские конференции», что скрывается за этими словами?

Внешне—это похоже на обычное собрание. Зал, заполненный людьми, президиум, на трибуне — очередной оратор. Споры, столкновения мнений...

Только тема несколько иная, чем на других наших собраниях. Не вопросы производственной программы и не внутривнутрипартийные проблемы. Разговор идет о литературе, о книгах, о впечатлениях читателей после знакомства с новым художественным произведением.

Правда, и на этой читательской конференции можно услышать многое, относящееся к производственной программе и к партийной работе, потому что оценка литературного произведения происходит в сопоставлении с близкой всем присутствующим жизнью.

За этой внешней стороной — обычным собранием рабочих и служащих — скрывается незаурядное явление нашей новой, социалистической действительности, к которому мы настолько привыкли, что порой не замечаем всей его значительности.

Много лет тому назад, когда социалистический строй представлялся далекой целью, к которой нужно идти долгие годы, Владимир Ильич Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература» писал: «В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индиви-

дуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой,— социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

...Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»¹.

Это было сказано сорок четыре года тому назад. Это была целая программа действий для большевиков, воспитывавших массы, готовивших их к решающим схваткам с царизмом и затем к грядущим боям за построение коммунистического общества. И вот сейчас можно видеть, как эта провозглашенная великим вождем Лениным задача получила свое конкретное воплощение.

Присутствуя на читательских конференциях, вслушиваясь в мнения рядовых коммунистов; партийных и беспартийных рабочих, вы видите, что принцип партийности литературы начал осуществляться в наиболее полной и цельной форме и что литературное дело уже действительно стало частью всего общепролетарского дела.

В самом деле. Разве мыслимо было прежде что-либо подобное широким читательским конференциям, где рабочие и совет-

¹ В. И. Ленин Сочинения, изд. 3-е, т. VIII, стр. 387.

ские интеллигенты публично высказывают свое мнение о художественных произведениях, и делают это с большой убежденностью во взглядах, со знанием литературы, предъявляя ей высокие идейные и художественные требования?

Разве бывало когда-нибудь столь близкое общение авторов и читателей, как теперь, когда писатель с огромным интересом прислушивается к тому, что говорит читатель, и делает глубокие, значительные выводы для своего дальнейшего творчества?!

Это возможно лишь в нашей стране, где литература является частью общепролетарского, а теперь можно сказать, общегосударственного дела, где она вся проникнута партийностью, то есть идеями, дорогими и близкими всему народу.

Мы часто говорим: «это возможно лишь в нашей стране», и говорим это с полным основанием. Я читал различные статьи, в которых рассказывается, что за рубежом, в капиталистических странах, имеется много писателей и художников, которые бросают нам обвинение в том, что наш принцип партийности литературы суживает «свободу писателя», его «индивидуальность». Я читал о таких, с позволения сказать, «философских», «глубокомысленных» высказываниях писателей Запада, как «бытие в небытии» и так далее. Недавно, открыв журнал «Огонек», я увидел статью известного советского художника Александра Герасимова об изобразительном искусстве на Западе, проиллюстрированную несколькими репродукциями с картин французских художников. Я внимательно разглядывал эти репродукции и силился понять, что это такое. Подпись гласит: «Семейная группа», а изображены какие-то уроды без лиц, без рук и ног, нечто совершенно расплывчатое, безобразное, отталкивающее. Следующий рисунок: «Дрожащий человек». Никакого человека конечно, нет, есть только непонятные зигзагообразные линии, что-то напоминающее пружинки, винтики, а еще вернее, рисунок младенца, которому сунули карандаш, а он по малолетству не в силах держать его как следует в руках и бессмысленно водит им по бумаге.

Это выдается на Западе за последние достижения искусства, это называется «индивидуальностью», «свободой творчества» и другими красивыми словами. А по-моему, это просто бред, рисунки сумасшедших из

учебника по психиатрии для студентов медицинских институтов...

Какое счастье, что мы в нашей стране свободны от такого «творчества», что партия и товарищ Сталин заботятся о том, чтобы искусство служило народу, было простым, понятным, доходчивым и преследовало высокоидейные, благородные цели воспитания человека в духе коммунизма, в духе служения народу, в духе прославления труда и всего самого лучшего, что только есть в человеке труда!

Постановления партии по идеологическим вопросам, принятые в последние годы, явились для деятелей советской литературы и искусства могучим источником вдохновения, и нельзя не выразить благодарности нашему великому вождю товарищу Сталину за то, что он так ясно ориентирует писателей на верное служение великой цели — построению коммунистического общества.

Пусть на Западе, в капиталистических странах, говорят, что хотят, о своей «свободе творчества». Мы знаем ей цену. Этим «пылким сторонникам свободы» ответил Ленин еще в 1905 году. «В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной»¹. Ленин говорил, что действительно свободной может быть только литература, открыто связанная с пролетариатом. И поэтому мы видим, что та часть зарубежных писателей, которая стоит на демократических, прогрессивных позициях, идет по стопам советских художников. Правда, ей нелегко. Недавно я читал в «Правде» отчет о пресс-конференции у бывшего редактора журнала «Британский союзник» господина Джонсона. Старый английский журналист сказал, что если бы он вернулся на родину, в лучшем случае он мог бы разговаривать с людьми на перекрестках улиц, но на страницы распространенной печати его статьи не попадут, потому что в этих статьях он говорит правду.

Вот как обстоит дело со «свободой творчества» в капиталистических странах.

Иное дело у нас. Представляя себе, какой будет литература, когда она утвердит принцип партийности и открыто свяжет

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. VIII, стр. 389.

себя с пролетариатом, Ленин писал: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»¹.

И вот мы видим, как миллионы трудящихся читают книги по самым различным вопросам, с самой разнообразной тематикой, мы часто слышим, как они говорят, что книга для них все, что они без нее не могут жить. Мы видим, что они собираются на специальные читательские конференции, где обсуждают достоинства и недостатки произведения, спорят, говорят открыто о том, что их волнует, чего они ждут от писателя...

Значит, именно наша литература и только наша литература истинно свободна.

Автомобильный завод имени Сталина — одно из крупнейших предприятий страны. Для его рабочих выстроен великолепный Дворец культуры, здание, которое является дворцом в полном смысле этого слова. Здесь по вечерам встречаются тысячи рабочих, инженеров, служащих нашего завода. Тут они отдыхают, танцуют, смотрят спектакли и кинофильмы, слушают концерты, лекции, участвуют в самых разнообразных кружках художественной самодеятельности, включая студию изобразительного искусства, театральные школы и так далее.

Здесь же в Малом зале Дворца культуры и в Лектории проходят читательские конференции и «литературные среды», тут рабочие встречаются с лучшими писателями и артистами страны. Часто читательские конференции проводятся непосредственно в цехах.

За сравнительно короткий срок во Дворце культуры и в цехах было проведено пять читательских конференций. На них обсуждались следующие литературные произведения: две конференции (в том числе одна в цехе «Мотор») были посвящены роману В. Ажаева «Далеко от

Москвы», на трех конференциях обсуждались роман М. Бубеннова «Белая береза», книги Л. Гумилевского «Русские инженеры» и Н. Михайлова «Над картой Родины». В прошлом году наши автозаводцы встречались с товарищем А. Фадеевым и беседовали с ним о его широко известном романе «Молодая гвардия», встречались и с поэтом А. Сурковым при обсуждении проблемы «Образ молодого человека в советской литературе».

Но раньше чем рассказать подробно о самих конференциях, мне хочется поделиться впечатлениями о той обстановке, в которой они проходят.

За две-три недели до назначенного срока наша заводская газета сообщает о предстоящей конференции, обычно сопровождающейся встречей с автором. Во Дворце культуры появляются огромные красочные плакаты и стенды. Заводское радиовещание также оповещает рабочих. Дворец культуры выпускает печатные приглашительные билеты, в которых среди прочего текста рабочий может получить сведения об основных произведениях автора и о критической литературе, написанной по поводу его творчества.

И вот наступает день читательской конференции. Страстные читатели художественной литературы (а таких на нашем заводе много) не задерживаются в цехах и отделах, а стараются пораньше попасть домой, чтобы успеть понарядней приодеться, лишний раз заглянуть в книгу, перечитать наиболее понравившиеся места, подготовить заметки к выступлению. Кое-кому, вероятно, нужно отменить назначенную встречу или провести ее до начала конференции, справиться с домашними делами и так далее...

Но вот постепенно заполняется Малый зал или помещение Лектория. Малым залом он называется не потому, что действительно мал, а потому, что во Дворце культуры есть и Большой зал, еще более вместительный. В Малом зале на читательской конференции обычно присутствует до пятисот человек. В Лектории — просторном помещении со скамейками, расположенными амфитеатром, как в студенческой аудитории, — триста — триста пятьдесят. Участники конференции заполняют все места, все проходы.

Читательская конференция, встреча с писателем, является всякий раз серьезным

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. VIII, стр. 390.

культурным и политическим событием в нашем коллективе. Она неизменно вызывает огромный интерес рабочих, служащих и инженерно-технических работников.

Следует отметить, что с тех пор, как были опубликованы исторические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы, читательские конференции стали проводиться чаще. Рабочие и служащие присматриваются к явлениям литературы со все возрастающим интересом.

Олег Кошевой и Уля Громова из романа А. Фадеева; «настоящий человек» — Алексей Мересьев; Батманов, Беридзе, Ковшов, Залкинд из книги В. Ажаева; Воропаев — герой повести П. Павленко «Счастье»; капитан Озеров из «Белой березы» — эти и многие другие персонажи литературных произведений стали нарицательными. К ним обращается читатель в самые трудные минуты своей жизни, по их поступкам проверяет свои, у них учится жизни.

Об этом прямо говорят все читатели на своих конференциях. И я не представляю, что может быть радостней для писателя, чем такая оценка. А она возможна лишь потому, что наша советская литература стала частью всего общенародного дела. Вот что такое читательская конференция, если попытаться вдуматься в это интересное явление, возможное лишь в нашей стране. Это — выражение того факта, что великие мечтания Ленина о партийности литературы уже стали осуществившейся действительностью.

2

Читательские конференции, в сущности говоря, являются последним, что ли, звеном в той огромной работе, какую ведут цеховые парторганизации и заводской партийный комитет по пропаганде идей, заложенных в художественной литературе. Им предшествует многое другое: и использование литературно-художественных произведений агитаторами и пропагандистами; и работа заводского литературного объединения, то есть выступления в печати и устные выступления в цехах наших заводских поэтов и прозаиков; и, наконец, мимолетные разговоры библиотекарей с посетителями библиотек, когда выясняются вкусы читателей, их отзывы о книгах, и, с другой стороны, читателям рекомендуются те или иные заслуживающие внимания произ-

ведения; и еще «литературные среды», которые проводит регулярно наш Дворец культуры, где каждую неделю лучшие чтецы страны выступают перед автозаводцами.

Поэтому, прежде чем ознакомить читателей с мыслями, высказанными на конференциях, необходимо рассказать обо всем, что этому предшествует.

Партийность литературы определяется ее идейным, остро направленным большевистским содержанием.

Все советские люди знают, как часто товарищ Сталин обращается в своих докладах и речах к образам Салтыкова-Щедрина, Гоголя. Вот нередко и у нас на собраниях, критикуя того или иного человека, рабочий нет-нет да и вспомнит какой-либо запомнившийся персонаж, выражение или афоризм писателя. И сразу его мысль приобретает необыкновенную остроту.

На одной из читательских конференций кто-то рассказывал, что когда ему нужно соединиться по телефону с одним инженером, за которым установилась не очень хорошая слава, он не говорит своему секретарю ни номера, ни фамилии этого инженера, а просит так: «Ну-ка, соедините меня с нашим Грубским...» И секретарь безошибочно угадывает, кого именно нужно вызвать к телефону. Ведь она-то читала роман В. Ажаева «Далеко от Москвы!»

Так литературные образы, поговорки, сравнения входят в быт рабочих, инженеров, служащих, в практику партийных собраний, производственных совещаний.

В то же время наш партийный комитет всячески рекомендует использование художественной литературы при изучении истории партии, значительных событий в жизни страны.

Начиная новый учебный год в сети партийного просвещения, мы собрали пропагандистов на специальный семинар. Руководители различных школ и кружков рассказывали о накопленном ими опыте пропаганды. Все они единодушно отмечали, что литературные произведения помогали их слушателям усваивать исторический материал. Тогда парткабинет при нашем партийном комитете решил выпустить специальный рекомендательный список художественной литературы, которую целесообразно привлечь при изучении «Краткого курса». Он был отпечатан в большом ко-

личестве экземпляров и роздан на руки многим слушателям и всем пропагандистам.

В цехе «Задний мост» одной из школ по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» руководит Анна Климентьевна Козловская. В ее школе 21 слушатель: станочники, мастера, старшие мастера, есть инженер-технолог. Примерно половина из них — молодые коммунисты, вступившие в партию либо во время войны, либо после ее окончания. Как рассказывает А. Козловская, их идейный уровень, их знания и интерес ко всему окружающему растут, как говорится, прямо на глазах.

Никто из ее слушателей не был очевидцем событий 1905 года. Но когда они изучали третью главу «Истории партии», им захотелось отчетливо представить себе эту эпоху, теперь уже кажущуюся весьма отдаленной. Рассказать о ней по личным воспоминаниям тут же на занятиях некому было. И вдруг выяснилось, что почти все слушатели имеют о ней отнюдь не абстрактное, а весьма отчетливое представление. Почему? Да потому, что одни читали «Цусиму» А. Новикова-Прибоя, другие — «Порт-Артур» А. Степанова. И хотя это была не читательская конференция, а обычное занятие одной из школ партийного просвещения, на занятиях вспыхнула оживленная дискуссия о сравнительных достоинствах того и другого произведения.

Характерно, что книга А. Новикова-Прибоя имела больше приверженцев, чем «Порт-Артур», ибо в ней, как говорили участники этой импровизированной читательской конференции, с большей силой показан народ, рост его самосознания, непримиримости к царскому строю, в то время как произведение А. Степанова, при всех его больших достоинствах, характеризовало преимущественно офицерскую и генеральскую среду...

Школа подошла к восьмой главе. А. Козловская только собралась рекомендовать подходящую к этой теме художественную литературу, как слушатели сказали, что они уже читали и «Чапаева» Д. Фурманова и «Разгром» А. Фадеева... Им бы хотелось прочесть «Необыкновенное лето» К. Федина, да трудно достать. В библиотеке слишком мало экземпляров, и все они на руках.

Посидите на одном из занятий школы А. Козловской — и вы обязательно услышите какой-нибудь отрывок из художественного произведения, прочитанный вслух пропагандистом.

— Я читала как-то во время беседы главу из повести Горького «Мать», — рассказывала А. Козловская. — Эту книгу, конечно, хорошо все знали, и тем не менее, в комнате воцарилась необыкновенная тишина. Мои слушатели были захвачены изумительным горьковским образом русской женщины. Казалось, мы все перенеслись в давно ушедшую эпоху. Она так ярко встала перед нами, что и весь остальной материал показался легче, доступней.

Анна Климентьевна Козловская не случайно так широко пользуется художественной литературой в своей пропагандистской работе. Она сама любит литературу, не пропускает ни одного мало-мальски значительного произведения.

— Книжки — мои друзья, — говорила А. Козловская. — Как не может человек жить без друзей, так не могу я быть без книг.

Школа А. Козловской приведена здесь для примера не потому, что она необычна, а именно потому, что она наиболее ярко показывает, что характерно для всей сети нашего партийного просвещения.

Стихи — и цифры выполнения производственного плана... Казалось бы, что между ними общего? Этого не поймут те, кто рисует «дрожащего человека» в виде винтиков и пружинков, кого вообще привлекает проблема «дрожащего человека». Но мы-то, советские люди, отлично знаем, как помогает крылатое слово, удачное четверостишие, язвительный фельетон борьбе за досрочное выполнение производственной программы.

Не так давно завод перешел к производству новой марки грузового автомобиля. В жизни всякого автомобильного предприятия это очень ответственный и сложный этап. Обычно, — такова практика автомобильной промышленности капиталистических стран, — когда завод приступает к освоению нового типа машины, предприятие на три-четыре месяца останавливается, конвейер замирает, и пока завод не закончит полного освоения новой технологии, он не выпускает прежней продукции.

Мы, решившие выполнить послевоенную сталинскую пятилетку в четыре года, дерз-

нули нарушить эту установившуюся техническую традицию. Результаты известны всей стране. Наш завод перешел на выпуск новой машины, не останавливая конвейера ни на один день. Эта работа была высоко оценена правительством: группа руководителей и инженеров завода была удостоена Сталинской премии.

Когда совершался этот технический эксперимент, не имевший примера в истории автомобильной промышленности, всякий день выявлялись все новые и новые герои пятилетки, стахановцы, убыстрявшие процессы труда, считавшие время не минутами, а секундами. Нужно было во время заметить каждого такого человека, возвеличить его труд. В этом смысле большую роль призвана была сыграть наша заводская печать.

Семнадцать лет тому назад на заводе, при редакции ежедневной рабочей газеты «Сталинец», было организовано литературное объединение. Сейчас в нем — свыше тридцати товарищей, систематически работающих над рассказами и повестями, стихами и поэмами, сатирическими эпиграммами и фельетонами. В их числе кузнецы тт. Сустретов и Тюлькин, фрезеровщик Сарцевич, кладовщик ремонтно-механического цеха Борисовицкая, мастер Пенкин, инженеры Коротин и Намлегин и многие другие.

Члены литературного объединения печатают свои произведения в газете «Сталинец», выступают по заводскому радио, а некоторые из них уже выходят и на всесоюзную печатную трибуну. Недавно, например, Сарцевич опубликовал большой фельетон в журнале «Крокодил».

Творчество для этих людей — не забава, не желание как-нибудь скрасить будни. Это органическая потребность. И в этом факте (как много фактов, над которыми мы не задумываемся, потому что очень к ним привыкли!) тоже видно то стирание грани между человеком умственного и физического труда, которое характерно для нашего советского времени.

И вот в дни, когда началась подготовка завода к переходу на производство новой машины, заводские поэты и писатели выступали в цехах с чтением своих произведений, написанных по свежим следам событий. Их стихи, посвященные производственным успехам знатных кузнецов Ушкалова, Кокошки, стерженщицы Александры Беловой и других стахановцев, пользовались неизмен-

ным успехом. Стихотворные лозунги и эпиграммы вывешивались в цехах, переходили из уст в уста.

Конечно, никакими цифрами нельзя выразить ту роль, которую сыграла заводская литература в решении сложной производственной задачи — перехода предприятия на выпуск новой машины без остановки конвейера. Но ведь вообще результаты воспитания людей выражаются не цифрами, а теми делами, которые они совершают. А делами нашего заводского коллектива по праву гордится вся страна.

3

Через несколько месяцев исполнится 25 лет существования Московского автомобильного завода имени Сталина. Это есть и юбилейная дата всей советской автомобильной промышленности. Помните знаменитые сталинские слова, сказанные в докладе об итогах первой пятилетки: «У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь»¹. Первенцем советской автомобильной промышленности был наш «ЗИС», коренным образом реконструированное предприятие, выросшее на базе маленького заводика «АМО», занимавшегося, и то без успеха, сборкой автомобилей из импортированных деталей.

7 ноября 1924 года, в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, мимо мавзолея Ильича прошла колонна рабочих «АМО». Впереди нее торжественно катились десять новеньких свежeverкрашенных грузовичков, незадолго перед тем изготовленных своими силами московскими «амовцами».

С этого и начинается история советского автомобилестроения, ибо известно, что в царской России автомобили не производились вовсе, а только привозились из-за границы.

Многое изменилось с тех пор. Не только от «АМО» ничего не осталось прежнего, но и от завода первых лет пятилетки до нынешнего «ЗИС» расстояние несоизмеримое. Наш завод может считаться лучшим автомобильным предприятием в Европе как по техническому оборудованию, так и по технологическому процессу и, наконец, по классу выпускаемых автомобилей.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 373.

Но самое важное — изменились люди. Теперь не узнать в них тех, что шагали на Красной площади позади десяти грузовиков... «Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня,— говорил товарищ Жданов.— Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны»¹. Эти замечательные слова можно проиллюстрировать тысячами примеров из практики нашего автозавода.

Да, изменились люди автозавода. Одной из отличительных перемен является стирание граней между трудом умственным и трудом физическим, между интересами и заботами интеллигента и рабочего. Ярче всего это видно на фактах стахановского отношения к труду, на том, как в физический труд рабочие вносят элемент творчества, изобретательства, большой и глубокой мысли. Я приводил и другой пример: литературное творчество рабочих. Но есть и еще один показатель: как и что читают рабочие.

При нашем Дворце культуры существует библиотека. И вот масштаб ее работы, выраженный в цифрах. На стеллажах библиотеки — 78.000 книг и столько же брошюр. Помимо Центральной заводской библиотеки, в 16-ти крупных цехах завода работают цеховые библиотеки, а в 7-ми небольших — передвижки.

Библиотека насчитывает много постоянных читателей. Ежедневно ее посещают около 600 рабочих и служащих завода. За прошлый год было выдано свыше 300.000 книг.

Еженедельно библиотека проводит так называемые «литературные среды». В каком-нибудь педагогическом или литературном институте их называли бы, вероятно, «литературные чтения»... По существу же это одно и то же.

Программа такой «среды» посвящена одному произведению какого-либо крупного писателя или всему его творчеству. Обычно в начале «среды» специалист-литературовед выступает с лекцией, затем кто-либо из мастеров художественного чтения ис-

полняет произведение писателя или композицию из его сочинений.

Вот какие чтения устраивались по средам в мае и июне нынешнего года в Малом зале Дворца культуры нашего завода.

Один из вечеров был посвящен русской сатирической поэзии: И. Крылов, А. Пушкин, А. Толстой, В. Маяковский, С. Михалков. Исполнитель — народный артист республики Игорь Ильинский.

Гоголь, «Мертвые души» — в исполнении Антона Шварца — вот содержание другого такого вечера.

«Гражданин Гайдар» — литературная композиция в исполнении артистов Н. Эфрос и П. Ярославцева составляла содержание очередной «среды».

Сурену Кочаряну была предоставлена эстрада для чтения отрывков из поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Всеволод Аксенов читал автозаводцам «Евгений Онегин» Пушкина. Рассказы Горького читал в течение вечера Эммануил Каминка.

«Литературные среды» были посвящены и творчеству советских писателей. В одну из них заслуженная артистка Н. Ефрон читала композицию «Кирилл Извеков» по романам Конст. Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето». «Флаг над сельсоветом» — поэму Недогонова — исполнял на одной из «сред» артист Н. Першин...

Каждый такой вечер вызывал самый оживленный интерес. Правление Дворца культуры выпустило специальные абонементы на цикл таких вечеров, и все они очень быстро разошлись. Малый зал всегда переполнен. И от «среды» до «среды» можно услышать на заводе оживленный обмен впечатлениями.

Партийным работникам, так же как и писателям (впрочем, и писатели в известном смысле слова — партийные работники!), стоит бывать на таких «литературных средах». Здесь они смогут своими глазами увидеть, как реагирует современный рабочий на высокохудожественное слово, здесь они узнают, что интересует рабочего, на что он горячо откликается, к чему равнодушен.

Я посоветовал бы товарищам с этой же целью заглянуть и в библиотечные формуляры рабочих-читателей. Не правда ли, зная, что читает человек, легко догадаться об уровне его развития и о его художественных вкусах?

¹ А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград».

И если у кого-нибудь из писателей сохранилась еще тень снисходительного отношения к читателю, она живо пройдет при знакомстве с таким библиотечным формуляром.

Вот передо мной читательский формуляр Александры Павловны Лукьяновой, постоянной читательницы заводской библиотеки.

Но сначала несколько слов о ней.

А. Лукьянова — обыкновенная работница нашего завода, каких тысячи. Она комсомолка, по профессии фрезеровщица в 1-м инструментальном цехе. Ей 27 лет.

Вот что прочла она за последние три года (добавлю, кстати, что я привожу далеко не полный перечень всех прочитанных ею книг).

В отделе общественно-политической литературы библиотеки Александра Павловна брала произведения Ленина. Сталина, биографию товарища Сталина, книгу М. И. Калинина «О моральном облике нашего народа» и ряд других классических работ марксизма-ленинизма. Ее интересуют техника и экономика. Она прочла книги: П. Ивашкевича «Методика проектирования приспособлений», М. Жебрака «Основы плано-нормативного учета производства», технические пособия: «Зуборезные станки» и «Техника безопасности».

А. Лукьянова любит русскую классическую и современную советскую литературу. Перечисляю некоторые прочитанные ею произведения.

Н. Помяловский. «Очерки бурсы».

И. Лесков. Том 34.

И. Тургенев. «Дворянское гнездо».

Н. Чернышевский «Что делать?»

А. Герцен. «Былое и думы».

Д. Мамин-Сибиряк. Том 4.

А. Пушкин. Избранная лирика.

Ф. Достоевский. «Бедные люди» и том повестей.

В. Маяковский. Избранное.

К. Федин. «Города и годы».

А. Макаренко. «Педагогическая поэма».

А. Фадеев. «Молодая гвардия».

В. Ажаев. «Далеко от Москвы».

М. Бубеннов. «Белая береза».

Н. Емельянова. «Хирург».

В. Сафонов. «Дорога на простор».

Ф. Панферов. «Борьба за мир».

А. Первенцев. «Испытание».

А. Твардовский. Поэмы.

М. Исаковский. Стихи.

Она прочтала многие произведения западноевропейских авторов, в том числе книги Шиллера, Гюго, Ибсена, Мопассана, Дюма, Франса, Барбюса, Келлермана, Теккерея, Диккенса.

В ее формуляре значатся книги по критической литературе: В. Белинский «Письмо к Гоголю» и произведения, вошедшие в его третий том, Н. Гудзий «Лев Николаевич Толстой», В. Перцов «Подвиг и герой», С. Спасский «Маяковский и его спутники», А. Дейч «Генрих Гейне».

Но даже и эти книги не дадут полного представления о круге интересов фрезеровщицы. Потому что к ним нужно добавить занесенные в ее библиотечный формуляр книги по искусству, такие как «Эстетические отношения искусства к действительности» Н. Чернышевского, «Записки актера Щепкина», «Записки актрисы» В. Юрениной, книгу С. Дурылина о Корчагиной-Александровской, книги о Леонардо да Винчи, о Репине, Бородине и так далее...

Мне хочется, чтобы меня поняли читатели этой статьи. Я подчеркиваю не количество книг, прочитанных А. Лукьяновой (прочитано гораздо больше), я хочу обратить внимание на разнообразие интересов, присущее простой работнице, фрезеровщице.

Библиотекари как-то спросили А. Лукьянову, нет ли у нее особого интереса к специальной литературе по искусству, не готовится ли она к поступлению в литературный или искусствоведческий вуз, но А. Лукьянова ответила, что она читает так много потому, что ей хочется побольше узнать об окружающем ее мире, потому, что книги — ее друзья. А. Лукьянову даже несколько обидел такой вопрос: «Разве есть что-нибудь удивительное в том, что работница много читает? Разве с таким вопросом библиотекари обратились бы к человеку умственного труда? А ведь сейчас разница между ними часто и вовсе незаметна...».

— Книжки — мои друзья, — сказал библиотекарю и мастер механосборочного цеха Семен Федорович Удалов.

К другому библиотекарю однажды пришел семнадцатилетний подросток, слесарь из 1-го инструментального цеха Иван Жампендунов. Он попросил книгу Героя Советского Союза Д. Медведева «Это было под Ровно». Повесть эта очень ходкая, и ее

как раз не было под рукой. Между слесарем и библиотекарем произошел такой разговор:

— Ну, пожалуйста, дайте мне эту книжку...

— Я запишу тебя на очередь, и как только она поступит от читателя в библиотеку, приспасу для тебя... Хорошо?

Но семнадцатилетний слесарь с юношеской непосредственностью повторял просьбу:

— Ну, пожалуйста, дайте. Я вас никогда не забуду...

Библиотекарь заинтересовался Иваном Жамопендуновым и стал его расспрашивать о том, что он читает, где еще берет книги, предложил ему несколько наиболее известных произведений русской классической литературы. Но именно от этих классических книг он отказывался. Когда же библиотекарь стал допытываться, почему юноша не интересуется русской классикой, он возмутился и сказал:

— Почему вы думаете, что я ею не интересуюсь?.. Они у меня дома есть.

И тут выяснилось, что у молодого слесаря есть собственная библиотека, что после каждой полочки он обязательно идет в книжный магазин и если не находит того, что его интересует в обычном магазине, то направляется в букинистический. Денег на книги он не жалеет.

— Где же ты хранишь их?— спросил библиотекарь.

— В тумбочке, в общежитии...

— В общежитии? Ты б уж подождал, пока тебе комнату дадут, а потом и стал бы книги покупать...

— Я-то подожду,— улынулся Иван Жамопендунов,— да вот книги не захотят ждать... Нет, в комнату въеду с целой библиотекой...

Книга помогает жить советскому человеку. Я хотел бы, чтобы об этом особенно помнили наши товарищи советские писатели и всегда при выборе темы, образов, характеров думали об этом. Вот случай, тоже рассказанный одним из наших цеховых Библиотекарей.

К этому библиотекарю однажды пришла работница Вера Васильевна К. Они разговорились вначале о книгах, потом вообще об условиях жизни. И тут библиотекарь узнал, что Вера Васильевна находится в чрезвычайно подавленном состоянии. Немцы убили ее мужа и двоих детей. Она

невероятно страдала, потеряла всякий интерес к жизни и находилась на грани отчаяния. Трудно было найти сюжета утешения, которые не казались бы неуместными, холодными.

И вот библиотекарь осторожно предложил ей прочесть книгу Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Он сказал к тому же несколько теплых, от всего сердца идущих слов. Вера Васильевна взяла книгу нехотя. Казалось, ей было все равно, читать или не читать и что читать. Через несколько дней она вернула эту книгу и попросила еще что-нибудь. Библиотекарь предложил ей две книги сразу: «Молодую гвардию» А. Фадеева и воспоминания Елены Кошевой о сыне. Это было рискованно: произведения о молодогвардейцах могли еще сильнее растравить раны Веры Васильевны К. Но расчет оказался правильным. Книги эти не утешили женщину, но зато они облегчили ее горе сознанием того, что гибель ее родных, как и смерть многих других в бою, в немецкой оккупации, озарена вечной памятью живущих советских людей. Потом «Белая береза», роман В. Ажаева... Вера Васильевна К. всем своим сердцем почувствовала, какие тяготы пришлось переносить советским людям и как они выстояли, не согнулись под их напором. И у нее самой постепенно возникло желание не сгибаться перед постигшим её горем, найти свое место.

Жизнь возвращалась к женщине, она втянулась и в чтение и в работу и теперь много и успешно трудится...

Я представляю себе, что должен был почувствовать человек в капиталистической стране, если бы он обратился за ободрением и сочувствием к литературе «бытия в небытии»... Ведь вся эта литература построена на том, чтобы внушить человеку мысль о бессмысленности и ничтожности жизни, чтобы вызвать у него чувство униженности, смирения перед подлостью.

Наша же литература — жизнеутверждающая. Она активно вторгается в современный быт, она помогает формированию коммунистического сознания, она поднимает, окрыляет человека. Читатель ищет и находит в ней ответ на волнующие его вопросы, он руководствуется ею, как компасом. Можно смело утверждать поэтому, что многие инженеры, прочитавшие роман «Далеко от

Москвы», стали работать лучше, энергичнее, начали увереннее идти навстречу трудностям и преодолевать их. Я не сомневаюсь, что не раз, во время перехода завода на новую марку автомобиля без остановки конвейера, инженеры вспоминали Батманова и Беридзе, Қовшова и Таню Васильченко и в их поступках черпали силы для себя.

Ленин писал, что пролетариат должен контролировать литературу, как часть всего общепролетарского дела, что он должен «...во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полу-обломовского, полу-торгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает»¹.

Нет, теперь читатель не «почитывает» и, следовательно, никогда писатель не может себе позволить «пописывать»...

4

Постараюсь сейчас суммировать самое важное, что было сказано читателями на конференциях, посвященных книгам «Белая береза», «Далеко от Москвы», «Над картой Родины» и «Русские инженеры».

Прежде всего нужно отметить, что читатели со всей присущей им политической зрелостью противопоставляют литературу нашей страны и пропагандируемые ею идеи литературе и идеям капиталистических стран.

— Я хочу сказать,— говорил на одной из конференций мастер моторного цеха Муромцев,— что книга В. Ажаева хотя и описывает собирательную и, следовательно, несуществующую стройку, тем не менее правдиво рассказывает о том, что показательно для всей нашей страны. Мы ведь и во время войны строили метро, в частности — линию к нашему заводу. И строили не для временного облегчения транспортных трудностей, а по-настоящему, хорошо облицовывали гранитом, строили на всю жизнь. Это говорило тогда, что и в тех тяжелых условиях войны мы были уверены в своей победе. Почему? Да потому, что мы верим в человека, считаем его самым ценным из всех капиталов. Это первейший принцип партии. И его верно

и правдиво показал В. Ажаев в романе, знакомя нас со строительством нефтепровода на Дальнем Востоке.

Мы — люди мирного труда, мы не хотим войны. Сейчас идет гигантская борьба двух социальных систем: мира социализма и мира капитализма. И вот один мир за то, чтобы человек жил хорошо, счастливо, обеспеченно, не эксплуатируя и не подвергаясь эксплуатации, а другой мир построен на вражде к человеку, на отрицании человека.

Я читал речь А. Фадеева на Парижском конгрессе сторонников мира. А. Фадеев привел там выдержки из книги американского публициста Вильяма Фогта. По мнению этого американца, единственный «выход из тупика» состоит в уничтожении людей. Так прямо и говорится: в уничтожении людей! К 1955 году в Европе, не считая России, рассуждает Фогт, будет 404 миллиона человек. Мир не в состоянии прокормить столько людей. Поэтому их нужно уничтожать!..

Вот две точки зрения на человечество: американца Фогта — ненавистническая точка зрения, и с другой стороны — взгляд советского писателя: любовь к людям, восхищение ими и их трудом...

Так говорил мастер Муромцев, и в его выступлении, как я уже писал выше, сказались присущая всем читателям тенденция противопоставлять нашу советскую, прогрессивную литературу литературе деградирующего капитализма.

Поступая так, читатели с тем большей строгостью применяют свой самый верный критерий оценки того или иного конкретного художественного произведения — требование правдивости. Они требуют правдивости во всем: и в главной идее, и в обрисовке характеров, в мотивировке поступков, и даже в малом, в самых незначительных мелочах.

Советский читатель всегда был любознательным, умным, чутким, серьезным. Но нужно сказать, что после войны эти качества его, прошедшие через серьезные испытания, еще более обострились.

Писатель написал о войне, о людях, сражавшихся с немцами в течение четырех лет. Но ведь те, кто сидит сейчас в зале читательской конференции, сами прошагали много верст по дорогам войны.

Писатель написал о заводе, о труде, о стахановцах. Но те, кто сейчас обсуждает

¹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е, т. VIII, стр. 388.

его произведение, сами ежедневно заняты таким же стахановским трудом, сами все время общаются с людьми труда, с заводским коллективом.

Поэтому они имеют все возможности поверять мысли, высказанные писателем, его отношение к жизни, к событиям, происходящим в стране и во всем мире, своими собственными представлениями о том, что такое война и как она проходила, что такое завод и каковы на нем взаимоотношения людей. Они поверяют литературу жизнью, а это самая верная проверка.

Их не успокоит объяснение, что здесь, мол, писатель допустил фальшь, потому что это вызывается необходимостью сделать произведение занимательным, интересным, что этого требовал «литературный прием» и т. д. Читатели никогда не поступятся правдой. Об этом всегда должны помнить советские писатели, работающие для народа и во имя народа.

Нужно сказать, что четыре произведения, явившиеся предметом дискуссии на читательских конференциях на нашем заводе, получили в целом единодушную положительную оценку.

— Я служила в стрелковом полку, — говорила читательница Заславская, — и прошла большую путь вместе со своим полком. Было нелегко. Приходилось не думать ни об отдыхе, ни об усталости, ни о сне. И часто после боя мы сидели в землянках и рассуждали: окончится война, и как много будет работы для писателей и поэтов, чтобы правдиво передать то, что мы теперь переживаем!..

Читала я «Знаменосцы» А. Гончара, «Звезду» Э. Казакевича, «Бурю» Ильи Эренбурга, много еще прочла. Чего я ищу там? Я ищу отражения действительности, того, что происходило на поле боя. Так ли увидит бой читатель, не побывавший в сражениях, а знающий о нем только из книг и сводок Советского Информбюро?

Недавно я прочитала книгу М. Бубенцова «Белая береза». В два дня прочитала. Не могла оторваться. Передо мной проносились образы, вырванные из самой гущи жизни. Прекрасная книга! Я с нетерпением буду ждать продолжения романа!..

Оценивая книгу Н. Михайлова «Над картой Родины», инженер Коротин сказал:

— Мы привыкли к книге относиться критически, подходить к ней не с такой меркой! — интересно или интересно, а по-

другому — насколько она полезна, насколько помогает нашему народу.

О книге Н. Михайлова я сказал бы так: читая ее, отчетливо видишь, как изменился наш Союз, как изменилась за короткое время карта страны. Наша советская земля настолько обновилась, что вновь и вновь с огромной гордостью думаешь о нашем народе, который тридцать с лишним лет строил эту страну!..

Значит, читатели в отличие от некоторых отсталых критиков сравнивают книги с жизнью, а не с какими-то литературными категориями. Для них один критерий: большевистская правда. И можно понять работницу Борисоглебскую, когда она говорила с гневом о тех эстетях, которые видят в героях романа В. Ажаева не живых людей, а только схемы. «Это они, эстеты, — говорила Борисоглебская, — не знают живых людей, оторваны от них, а мы их хорошо знаем, мы сами подобны героям В. Ажаева, мы каждый день встречаем и Беридзе и Ковшовых на нашем заводе»!..

Я уже говорил, что, требуя правдивости, читатели не пропускают без замечания ничего, что кажется им неестественным, хотя бы это касалось сущих мелочей. Конечно, здесь возможны и весьма субъективные высказывания, но много говорится меткого, справедливого.

Казалось бы, мелочь: мог или не мог носить на руке обручальное кольцо начальник строительства Батманов? То есть, разумеется, какой-то увиденный В. Ажаевым конкретный человек, описанный в образе Батманова, может быть и носил обручальное кольцо. Но ведь в романе — собирательная фигура советского руководителя, инженера. Так вот, характерно ли это для такого человека? И на читательской конференции об этом говорили. Несколько человек отметило, что в их представлении Батманов — человек нового склада, он весь в советском укладе жизни, а обручальное кольцо взято из старого быта. Батманов, которого читатели сразу же подлюбили, не может быть похожим, даже внешним обликом, на старомодных инженеров, прежних русских интеллигентов!..

А может быть это и не «мелочь»? Кольцо идет от старого русского церковного обряда. Как же это вяжется с образом Батманова?

Большое внимание уделяют читатели языку, его неточностям, невыразительности, часто еще встречающейся в тех или иных произведениях.

— Вы написали «плоскоступие»,— говорила одна читательница В. Ажаеву, присутствовавшему на конференции,— а ведь такого слова нет. Есть слово «плоскостопие», от «стопы»...

— В вашей книге, товарищ Михайлов,— говорил другой читатель автору произведения «Над картой Родины»,— есть такая фраза: «А когда расплозлось, не выдержав испытаний мировой войны, лоскутное одеяло Австро-Венгерской империи, земли эти стали разменной монетой в руках империалистов Антанты...». Нет, это плохо звучит. И лоскутное одеяло, и монеты... Совершенно различные ассоциации. Не слишком ли их много, и не сбивает ли это с толку? Русский язык очень богат, в нем можно найти тысячи удачных слов для сравнений...

Дальше. «Наша страна была аграрной, сельскохозяйственной...». Но ведь эти разные слова «аграрная» и «сельскохозяйственная» обозначают одинаковые понятия. Зачем же эта тавтология? Подумайте о тех, кто впервые приобщается к книге. Они будут искать объяснения, недоумевать, спрашивать...

Вы говорите: «Большевики Ленинграда, возглавляемые незабываемым Сергеем Мироновичем Кировым...». Неужели вас удовлетворяет такое слово как «незабываемый» по отношению к товарищу Кирову? Мне думается, что оно одно, в таком построении фразы, слишком слабо выражает чувство народа по отношению к товарищу Кирову. Я говорю об этом, чтобы лишний раз напомнить о богатстве нашего языка...

И нужно сказать, что авторы, присутствовавшие на конференциях, с большим вниманием относились и к таким мелким замечаниям... Им приходилось выслушивать не только критику, не только лестные отзывы, но и советы о том, как поступить в дальнейшем с героями.

Читатели успевают полюбить многих героев, они стараются угадать их судьбу.

— Я желал бы одного,— говорил рабочий инструментального цеха Семенов,— чтобы товарищ Бубеннов сохранил таких героев,

как Марийка, Андрей и другие. Будет тяжело читать, если кто-либо из них погибнет...

Б

Один из участников читательской конференции сказал: «Не так давно было закончено наше строительство, а сейчас уже прокладывается новая трасса. Милости просим, товарищ Ажаев, этих героев перенести туда».

Инженеру мало одного большого произведения о строительстве, одной, хотя и значительной, книги о труде, о производстве...

В советской литературе совершенно недостаточно показан труд наших рабочих, завод во всем его своеобразии.

Мы часто говорим, что советский рабочий класс коренным образом изменился, что наш рабочий — это уже не прежний пролетарий... Это все верно. Мы с увлечением вспоминаем о пути, пройденном рабочим классом за время сталинских пятилеток. Мы много пишем и рассуждаем о героизме рабочего на производстве в период послевоенного восстановления и строительства. Но книг об этом очень мало.

В сущности, еще не создано такое художественное произведение, которое показало бы жизнь и быт рабочих за время сталинских пятилеток, дало бы широкую обобщающую картину роста рабочего класса.

Наша советская литература — самая массовая литература в мире, не только по своим тиражам (это формальная сторона вопроса), а по тому факту, что советские писатели пишут о народе, для народа и во имя народа. Но человек промышленного труда — это самый главный герой массы советских людей. О нем должно быть много книг, хороших, глубоких, умных, правдивых.

Товарищ Молотов в докладе о 31-й годовщине Октябрьской революции говорил по поводу успехов советской литературы: «Наша литература, кино и другие виды искусства всё больше обогащаются такими произведениями, которые в своих образах раскрывают идейный смысл событий и работы людей советской эпохи».¹ Нужно по-

¹ В. М. Молотов. Доклад о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. «Правда» от 7 ноября 1948.

желать, чтобы еще больше и полнее раскрывали наши писатели идейный смысл событий советской действительности на материале производства, на образах рядовых рабочих.

Конечно, для того, чтобы такое произведение было впечатляющим, чтобы оно глубоко затрагивало читателя, необходимо, чтобы писатель близко знал производство.

Нельзя написать о заводе, зная его только по газетным корреспонденциям, по комплектам многотиражек или по своим прежним воспоминаниям, связанным с поездками на предприятия в довоенный период. Особенность советской литературы заключается в ее новаторстве, в том, что она идет не проторенным старой литературой путем, а новыми дорогами, она новаторская потому, что показывает нового человека, новатора нашего советского времени. Поэтому писатель должен идти и сам в ногу со своим устремленным вперед героем.

Теперь, для того чтобы написать о заводе, необходимо проникнуть в самую суть новых, социалистических производственных отношений, изучить не только технические проблемы, но и все стороны социалистического производства, принципы, на которых строятся взаимоотношения людей. Теперь, чтобы написать о заводе, нужно суметь увидеть его во всей его многогранности, ибо завод это не только производство машин, это и огромный университет, это школа воспитания.. Чтобы правильно и интересно написать о заводе и его людях, нужно знать этот завод и нужно увидеть в нем то передовое, что движет страну вперед, и, часто, то отсталое, консервативное, что еще иногда тянет назад, нужно суметь разобраться в главном и второстепенном, в существенном и мелочном... А это можно сделать только путем длительного общения с заводским коллективом, а не кратковременными экскурсиями на производство, путем проникновения в сущность новых социалистических взаимоотношений, а не поверхностными наблюдениями.

Тогда не будет, в частности, и тех мелких, обидных ошибок в технической терминологии, которые иногда встречаются в некоторых произведениях.

Вот что говорили на конференциях читатели, страстно мечтающие о десятках интересных книг, посвященных рабочему классу, производству, заводским людям...

Они подчеркивали—и не раз!—что М. Бу-беннову потому удалось с такой правдивостью изобразить первый период войны, что он был рядовым участником сражений; В. Ажаев сумел ярко показать строительство потому, что, видимо, провел не один месяц на Дальнем Востоке, на прокладке нефтепровода...

6

Следует сказать еще об одной претензии, высказанной многими участниками читательских конференций. С особой силой она прозвучала при обсуждении книги Н. Михайлова «Над картой Родины».

Автор услышал по своему адресу много похвальных слов. Он согласился с теми, кто указывал на отдельные недостатки его произведения, в частности на то, что Север нашей страны не нашел яркого отражения на страницах книги.

Но представителю издательства, присутствовавшему на конференции, пришлось выслушать немало горьких упреков. Книга издана неоправданно. Карты, приложенные к ней, неясны для большинства читателей, иллюстрации небрежны. Хорошо обо всем этом сказал работник автозавода Коротин.

— Книга хорошая, сделана горячим сердцем. И очень досадно, когда иллюстрации не разъясняют, а затемняют текст. Давайте посмотрим. Нарисован автомобиль «ЗИС-110». Да это же детский автомобильчик, так он у вас изображен! Наш автомобиль «ЗИС-110» — красавица-машина. А у вас что нарисовано? Какая-то машина на деревянных колесах, круг, в середине гвоздочки, какие ребятишки заколачивают, чтобы колеса в игрушках не валились...

Бывало, на уроке сидишь, когда скучно — урок неинтересный или давно изученный, — вот и начинаешь рисовать: и колокольня, и грачи летят, и дерево, и одно на другое нанизывается, а что к чему — и до конца урока не разберешь... Откройте иллюстрацию на странице 204. Где-то далеко горы, потом, глядим, с гор вода бежит. Потом видишь мост, а по нему паровоз идет. По бокам растут два дерева, а ниже — циркуль, молоток, автомобиль «ЗИС-110»...

Что вы хотели этим сказать, чем порадовать читателя? Должно быть, это действи-

тельно дяденька рисовал, когда ему было скучно...

Нет, книги для советского читателя не могут писать «скучные дяди», и нельзя доверять «скучным дядям» издание литературы. Это очень большое, государственное дело, это неотъемлемая часть партийной работы. Книга советского писателя должна быть высококачественной и по содержанию, и по стилю, и, наконец, по ее издательскому оформлению.

Так говорит читатель. С ним нужно считаться.

* *
*

Я хотел написать статью только по одному вопросу: о читательских конференциях. Но едва прикоснувшись к теме, понял, что придется говорить обо всем том, что связывает наш народ с литературой. Читательские конференции — это одно из проявлений глубокой заинтересованности рабочих, колхозников, служащих, интеллигенции в том, чтобы было книг побольше, чтобы они учили новой коммунистической морали, новым социалистическим правилам общежития, новым нормам поведения.

Приходят на память воспоминания Алексея Максимовича Горького о Ленине.

На Лондонском съезде партии они встретились впервые, и Ленин, как рассказывает Алексей Максимович, «ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать»; оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у И. П. Ладыжникова. Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить, почему торопился, — Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяс-

нил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя»¹.

То, что говорил Ленин Горькому на Лондонском съезде, сейчас охотно повторяют нашим советским писателям тысячи рабочих, разумеется с учетом изменившихся условий жизни.

— Торопитесь писать книги, которые объясняли бы людям значение их деятельности для всего человечества и для них самих.

— Пишите нужные народу книги.

— Пишите книги, которые читатель может прочесть с большой пользой для себя.

— Пусть эти книги будут так же правдивы и художественны, как горьковская повесть «Мать»...

На одной из конференций читатель, обращаясь к В. Ажаеву, сказал:

— Я хочу пожелать автору долгих лет здоровья, чтобы он не зазнавался (это самое основное!) и написал не одну, а несколько книг. Пусть они будут называться: «Очень, очень далеко от Москвы», но мне хочется, чтобы герои этих книг находились своими сердцами в Москве и чтобы сердца читателей были вместе с героями книги.

Эти слова я переадресовываю всем советским писателям, ими я хочу и закончить эти заметки партийного работника, являющегося в то же время рядовым читателем, одним из многих миллионов.

¹ М. Горький. В. И. Ленин. Стр. 5. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1933.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

ИНТЕРВЕНЦИЯ ДОЛЛАРА

Латино-американская литература и борьба против империалистической экспансии Соединенных Штатов

НИКОЛАЙ ГАБИНСКИЙ

★

1. НЕМНОГО ИСТОРИИ

«Бедная Мексика, ты так далека от бога и так близка к Соединенным Штатам».

Эта мексиканская народная поговорка могла бы быть повторена народом любой из двадцати латино-американских республик, низведенных алчным и агрессивным Вашингтоном на положение полуколонийных провинций «империи доллара».

Страны Латинской Америки первыми испытали на себе коварство и жестокость экспансии Северо-Американских Соединенных Штатов. Внешнеполитические принципы, провозглашенные президентом США Джеймсом Монроэ в 1823 году, известные под названием «доктрины Монроэ», были использованы позднее для распространения и укрепления владычества Соединенных Штатов в Западном полушарии. Прикрываясь лицемерными речами о «солидарности стран американского континента», вашингтонские политики вели агрессивное экономическое и политическое наступление на латино-американские страны.

Самодовольно оглядываясь на результаты завоевания Техаса и Новой Мексики, государственный секретарь Джеймс Блейн, выставленный кандидатом в президенты Соединенных Штатов, писал в 1889 году в своей предвыборной программе: «Соединенные Штаты, вытесняя Европу, должны превратиться в промышленного поставщика стран Латинской Америки». Под «вытеснением Европы» Блейн и его единомышленники понимали изгнание европейских конкурентов из Западного полушария и установление безраздельного господства Соединенных Штатов.

В течение следующего десятилетия экспансионистские устремления, возведенные Джеймсом Блейном, стали воплощаться в жизнь. В 1898 году, после испано-американской войны, США аннексировали Кубу, Гаван, Порто-Рико, Филиппинские острова, Гуам.

Натиск Вашингтона на страны Латинской Америки непрерывно возрастал. «Мы начали овладевать континентом», — самодовольно заявил президент США Теодор Рузвельт, годы президентства которого (1901—1909) были отмечены интенсивным проникновением США в латино-американские государства. Теодор Рузвельт поставил под американский контроль «независимую» Панаму, Венесуэлу, Гондурас, Доминиканскую республику, Никарагуа. Бизнесмены, прибывшие с севера, обосновывались в важнейших отраслях экономики стран южного континента, прибирали к рукам природные сокровища, которыми так богата Южная Америка.

В 1904 году Теодор Рузвельт в своем послании Конгрессу провозгласил право Вашингтона не только на «экономическое руководство» латино-американскими странами, но и на осуществление функций «международной полиции» в этих странах. Это был прямой призыв к установлению полного господства американских колонизаторов в Латинской Америке.

Столкнувшись с дельцами Уолл-стрита, проникавшими во все поры экономики латино-американских стран, народы на практике начали познавать сущность экспансионистских устремлений новых конкистадоров. Уже в начале нашего века раздался голос протеста передовых представителей латино-американской интеллигенции против нашествия вашингтонских «культуртрегеров». И хотя критика эта велась с абстрактно-этических позиций и не подымалась на первых порах до общественно-политических и классовых обобщений, сам факт разоблачения американского «утилитаризма», духовной нищеты американских монополистов, заявивших о своих претензиях на руководство странами Латинской Америки, был весьма знаменательным.

Ярким представителем передовой латино-американской интеллигенции, выступавшей против усиливавшегося натиска Соединенных Штатов на государство южного континента, является уругвайский ученый и публицист Хосе Энрикэ Родо (1872—1917 гг.). Всю свою деятельность Х. Родо, владевший многие годы умампередовых интеллигентов стран Латинской Америки, посвятил утверждению самостоятельности и самоценности латино-американской культуры, которую он противопоставлял бедности интеллектуальной жизни Соединенных Штатов. Огромной популярностью в странах Латинской Америки пользовался его трактат «Ариэль» (1900 г.), направленный против так называемой «американской системы» и «американского образа жизни».

Этот трактат привлек к себе внимание и приобрел широкую известность в первую очередь благодаря тем главам и страницам, в которых резко критикуются буржуазная демократия, культура, искусство. Для доказательства лицемерности буржуазной демократии и деградации ее культуры автор трактата неизменно ссылается на облик Соединенных Штатов, на пресловутый «американский образ жизни». «Демократия, которую мы раньше прославляли, — писал Х. Родо, — подавляется сейчас грубой действительностью, попирающей мораль, свободу и человеческое достоинство». Охарактеризовав систему, утвердившуюся в Соединенных Штатах, Родо делает вывод, что современная буржуазная демократия выродилась в «политическое господство самодержавной плутократии», монополизирующей не только экономику, но и культуру страны. Далее автор трактата утверждает, что «подлинное искусство не может существовать в подобной среде».

Если шекспировский герой Ариэль олицетворяет в трактате Родо национальных героев Латинской Америки эпохи ее борьбы за независимость, то в отталкивающем образе дикаря Калибана автор рисует Соединенные Штаты, которые при всем своим богатстве не могут «удовлетворить самые умеренные представления массы их обитателей о человеческом достоинстве».

Несмотря на свою классовую ограниченность, знаменитый уругвайский публицист сумел верно подметить ряд важнейших тенденций в развитии американской действительности начала XX века, подчеркнуть характерные черты «Желтого дьявола», который впоследствии с огромной политической глубиной и испепеляющей ненавистью был разоблачен Алексеем Максимовичем Горьким.

Х. Родо, прогрессивный буржуазный демократ, не был, разумеется, способен дать подобный социально-классовый анализ американской экономической и политической системы. Однако голос Х. Родо — обличителя Соединенных Штатов дошел до тысяч и тысяч умов и сердец его соотечественников. «Калибания», нарисованная мастерским пером уругвайского публициста, стала для республик Южной Америки живым портретом врага, против которого нужно упорно бороться. Труды Х. Родо помогли интеллигенции стран Латинской Америки осознать самобытность своей национальной культуры и увидеть облик грубого и жестокого врага, стремящегося к экономическому порабощению, политическому подчинению и культурному разоружению народов Латинской Америки.

Дикарь Калибан — это образ, рожденный трактатом публициста. На страницах латино-американской художественной литературы злобная фигура американского хищника-колонизатора впервые появляется в конце 20-х годов.

Во время первой мировой войны американцы заставили англичан уступить значительную часть своих экономических позиций в странах Латинской Америки. Промышленные и финансовые монополии Соединенных Штатов прочно обосновались на южно-американской земле. Империалистическая экспансия Вашингтона год от года становилась все более жестокой и циничной. Место английского колонизатора постепенно занимал его американский конкурент. «Соединенные Штаты, — писал Джон Маккормик в книге «Америка и мировое господство», — должны усиливаться в той же мере, в какой слабеет Англия. По мере того как слабеет рука Англии, держащая мировую власть, американское могущество должно расти, и там, где кончается владычество Англии, должна начать господствовать сила Америки».

По подсчетам известного уругвайского экономиста Роднея Арисменди с 1914 по 1919 год Соединенные Штаты вложили в латино-американскую промышленность более 100 миллионов долларов, не считая огромных сумм, инвестированных в страны Латинской Америки в виде займов.

Передовые деятели культуры Латинской Америки ответили рядом антиамериканских произведений на эту новую фазу уолл-стритовского натиска. В 20-х и начале 30-х годов появились, наряду с историческими романами, произведения, рисующие «зеленый ад» — каторжный труд пеонов на плантациях каучука, кофе, хлопка и подневольную работу пролетариев на шахтах, в мастерских, портах и т. д. В некоторых из этих романов выведены образы американских бизнесменов, хитрых, бесчестных, алчных, руками которых Уолл-стрит превращает страны Латинской Америки в свои колониальные владения.

Для характеристики этого типа произведений весьма показателен роман перуанского писателя Сесара Вальехо «Вольфрам», вышедший в 1929 году. Сюжетно роман строится на подробном изображении деятельности американской «Вольфрамовой компании» в отдаленном горном районе Перу. Осведомленный читатель без труда узнает в этой компании знаменитую американскую «Серро Пастокопер и К^о», которая в 1918 году завладела ценнейшими природными богатствами Перу.

Автор романа стремится показать, что империалистическая колонизация США отдаленных латино-американских республик несет разорение, порабощение и развращение примитивного, стоящего на уровне патриархального строя коренного населения этих районов. Этот тезис С. Вальехо художественно раскрывает, сталкивая индейское племя соров с современным капиталистическим городом, выросшим на их земле вокруг богатых вольфрамowych рудников.

Этот тезис сам по себе показывает недостаточную политическую зрелость автора, выдвигающего на первый план не социально-классовые конфликты между пришлыми поработителями и эксплуатируемым местным трудовым населением, конфликты столь характерные для латино-американской действительности, а проблему столкновения «экзотических» индейцев с современной цивилизацией. Однако писатель дает в своем романе живые и характерные портреты американских завоевателей, стремящихся превратить латино-американские республики в свою вотчину, а их население в своих рабов. Главари «Вольфрамовой компании» Тайк и Вейс олицетворяют экспансионистские вождения американских колонизаторов. Писатель показывает, как дельцы, движимые жадной наживой, проникают не только в экономику латино-американских стран, но и подчиняют себе местную власть. Выведенный в романе супрефект города Кольки, вокруг которого расположены рудники, послушно выполняет волю американских бизнесменов. Он настолько зависим от американских хозяев, что вопреки распоряжению перуанских властей передает молодых людей, предназначенных для отправки в армию, в распоряжение американских дельцов, нуждающихся в рабочей силе.

Автор ярко обрисовал моральное разложение, внутреннее ничтожество колонизаторов и их приспешников. Но ограничившись только этой стороной характеристики уолл-стритовских завоевателей, С. Вальехо не показал главного в кровавом шествии американского капитала — экономических и политических последствий хозяйничанья капиталистических монополий в странах Латинской Америки.

Недостатки романа «Вольфрам» характерны для начинавшей свой путь революционной литературы латино-американских стран. Социальные романы 20-х и 30-х годов, вышедшие в различных республиках Латинской Америки, отличаются натуралистическим изображением жизни, обращением к частным явлениям действительности, неумением сделать широкие общественно-политические обобщения, вскрыть и до конца обнажить социально-классовые связи американских экспансионистов с национальной буржуазией. Эти недостатки молодой прогрессивной латино-американской литературы обуславливались политической незрелостью пролетариата этих стран и еще незначительным тогда влиянием коммунистической партии.

Однако нельзя не подчеркнуть, что уже в 20-х и начале 30-х годов передовые художники стран Латинской Америки выступили против американских колониаторов, развенчали их «цивилизаторскую» миссию, во весь голос заявили народам об опасности, которая грозит им со стороны новоявленных конкистадоров.

2. ПОД ПЯТОЙ КОЛОНИЗАТОРОВ

«Я хочу найти в нашей стране хоть немножко нашего, но не встречаю ничего, если не считать малярии».

(Из венецуэльского журнала «Голубая черепаха»).

Кругнейший американский банкир — миллиардер Томас У. Ламонт в 1933 году составил доклад об американской финансовой внешней политике, в котором прямо заявил, что страны Карибского моря «бесспорно находятся в сфере специального влияния Соединенных Штатов, финансового и политического». Ламонт цинично иронизирует над «независимостью» этих стран. «Наши капиталовложения в районе Карибского моря в целом составляют около 2 867 млн. долларов, — пишет он. — Ставка такого масштаба на практике, если не в теории, явно оправдывает некоторое пренебрежение к тонкостям конституционности».

Затаптывая в грязь само понятие свободы и конституционности, американский монополистический капитал утверждал свое господство в странах Латинской Америки. Уже к 1940 году, по сведениям так называемого «Координационного комитета по межамериканским делам», общая сумма инвестиций Соединенных Штатов в Латинской Америке достигла 3 миллиардов 700 миллионов долларов, что составляло более трети мирового экспорта северо-американского капитала. Прикрываясь все теми же фальшивыми теориями о «межамериканской общности», американские бизнесмены укрепились в экономике большинства латино-американских государств. Чилийский сенатор Сальвадор Окампо не без основания заявил на страницах американского журнала «Нью рипаблик», что подлинными хозяевами Чили являются американские компании. Завоеватели, вооруженные долларом, хозяйничают и в других странах южного континента. Если компания «Браден концерн» контролирует 95 процентов всей меди, производимой в Чили, то орудующая в Перу американская компания «Черро де Паско» вывозит половину добываемого в этой стране золота, три четверти серебра и девять десятых меди, а в Венесуэле 99 процентов ее основного богатства — нефти — принадлежит «Стандард ойл», «Сакони вакуум» и другим американским компаниям. В Бразилии американские колонизаторы захватили плантации кофе и производство магнезия, хлопкообрабатывающие предприятия и обувные фабрики, торговлю нефтепродуктами и авиационные линии. Р. Арисменди в своей книге «Вторжение доллара в Латинскую Америку» пишет: «Весь асфальт, бокситы, ванадий в Южной Америке добываются на рудниках, принадлежащих Соединенным Штатам. То же самое можно сказать почти о всей железной руде Латинской Америки, почти о $\frac{9}{10}$ запасов меди, о $\frac{7}{10}$ серебра, о $\frac{2}{3}$ цинка, более чем о половине нефти, почти о половине марганца, платины, более чем об $\frac{1}{3}$ свинца...»¹

¹ Р. Арисменди. Вторжение доллара в Латинскую Америку. Государственное издательство иностранной литературы. Москва, 1948.

Вашингтонские монополисты и дипломаты теперь уже не скрывают, что по их мнению республики Латинской Америки должны представлять собою колониально-сырьевые придатки американской экономики. Эти колонии должны заниматься только развитием добывающей промышленности и сельского хозяйства, продукция которых необходима для американских монополюстических корпораций.

Нараставшее наступление империалистов, опирающихся на реакционные профашистские круги в латино-американских странах, вызвало рост и консолидацию передовых прогрессивных сил, решительно выступивших против американского засилья и порабощения. Начиная с половины тридцатых годов, все громче и громче звучал голос лучших латино-американских писателей в защиту независимости и свободы своих стран. В их произведениях появились острые социальные темы, четкие политические характеристики, гневное обличение американских порабощителей.

В традиционных латино-американских романах о «зеленом аде» авторы изображали невероятно трудную жизнь пеонов на плантациях и в тропической сельве, подчеркивая при этом сложность преодоления препятствий, которые воздвигает перед человеком природа. Классовый и национальный враг народов Латинской Америки нередко в этих романах уступал место чисто биологическим категориям. Тропические заросли становились одушевленными, активными, наделенными волей и хитростью, упорно борющимися с измученными и обессиленными пеонами. Примерами такого типа произведений может служить известный по русскому переводу роман колумбийца Хосе Эустасио Ривера «Пучина» и популярный роман венецуэльского писателя Ромуло Гальегоса «Кананима».

Передовые писатели Латинской Америки, на глазах которых американские колонизаторы все более цинично и бесчеловечно хозяйничали в странах южноамериканского континента, взломали традиционные каноны романов о «зеленом аде». Первым новаторским произведением такого типа был роман венецуэльского писателя Рамона Диаса Санчеса «Нефть», вышедший в 1935 году. Писатель-революционер, не один год проработавший на предприятиях «Роял Детч Шелл», долго скитавшийся по тюрьмам и лагерям, нарисовал правдивую и живую картину работы нефтяных промыслов, вторжения иностранных империалистов в экономику и политическую жизнь латиноамериканских стран.

Роман «Нефть» открывается картиной мирной, идиллической жизни глухого уголка Венецуэлы — селения Кабимас. В этот, казалось, забытый внешним миром благословенный уголок тропического края прибывают на кораблях белые «мистеры» — так автор именует американских промышленников. На их фуражках, документах, деньгах была одна эмблема: хищная птица. «Как будто ястреб... нет, скорее филин», — спорили местные жители. Эта птица оказалась орлом — государственным гербом Соединенных Штатов.

Пришельцы, охраняемые своим хищным орлом, снесли деревушки туземцев и повсюду построили нефтяные вышки. Появились дороги, машины, огороженные железной оградой аккуратные коттеджи. Для рабочих-туземцев были сколочены дома-лачуги, сделанные наспех из ящиков и покрытые листами жести. Появились кабаки, притоны, публичные дома — непременные спутники американской «цивилизации».

Жадные бизнесмены набросились на венецуэльскую нефть. Писатель показывает, как нефть, являющаяся богатством страны, превращается в условиях хозяйничания иностранных колонизаторов в проклятие, несущее разорение народу, порождающее нищету и преступления. С большой убедительностью автор «Нефти» рассказывает о том, как насыщение промыслов новой техникой порождает безработицу, увеличивает обнищание масс. «При замене человека машиной, — цинично говорит один из выведенных в романе американцев, — сводится к минимуму возможность ошибок и небрежности. Исправная машина, хорошо питаемая, хорошо смонтированная и регулярно смазанная, не знает, что такое ошибки, никогда не испытывает усталости и не нуждается во сне».

Автор разоблачает суть капиталистической индустриализации. Но его разоблаче-

ние — не чартистское проклятие машинам, а призыв поставить технику на службу народу.

Американские компании, сосущие венецуэльскую нефть, — злейший враг народа Венесуэлы. Автор романа «Нефть» правдиво рисует американских хищников, рассматривающих латино-американские республики, как свои колониальные провинции, а местное население, как представителей «низшей расы», недостойных общения с белыми господами.

Сцены, показывающие расовую дискриминацию, которую широко насаждают «министеры», проникнуты острой горечью и страстным негодованием. Гневно обрушиваясь на белых колонизаторов, писатель в то же время резко клеймит «низкопоклонничающих» соотечественников, для которых «ничего не было более лестного... как поддерживать знакомство и принимать у себя иностранцев».

Рамон Диас Санчес назвал свое произведение романом-репортажем. В действительности же он создал роман-памфлет, в котором звучит страсть обличителя империалистов, разоряющих его родину, издевающихся над ее народом.

Несмотря на то, что роман «Нефть» написан пятнадцать лет назад и повествует о событиях почти четвертьвековой давности, он, благодаря жизненной правдивости, остается актуальным и сегодня, продолжая звучать как обвинительный акт против воротил Уолл-стрит, чеканящих доллары из пота и крови зависимых от них народов. Рамон Диас Санчес показывает в романе, что для защиты своих нефтяных интересов американцы пойдут на всё, не останавливаясь перед сменой министров и правительств. Достаточно вспомнить политические события, происшедшие в Венесуэле осенью 1948 года, чтобы понять, насколько правдива картина, нарисованная в «Нефти». Как известно, в конце ноября прошлого года группа военных, прибывших из Вашингтона, свергла законное правительство Венесуэлы и поставила у власти американского ставленника — полковника Варгаса. Эмигрировавший на Кубу президент Венесуэлы писатель Ромуло Гальегос заявил: «Меня сверг Вашингтон... Движение против меня было организовано твердой рукой и при помощи огромных средств».

Причиной военного переворота, произведенного Вашингтоном, явилось то, что венецуэльское правительство ввело 50-процентный налог на прибыли нефтяных компаний и готовило законопроект о национализации природных богатств страны. Пришедшее к власти в результате прямого американского вмешательства, марионеточное правительство Варгаса сразу же объявило, что оно займет «дружественную позицию в отношении нефтяной промышленности». Варгас заверил уолл-стритовских хозяев, что «крупные капиталовложения американцев и другие их торговые интересы в Венесуэле находятся в полной безопасности».

Недостатком романа «Нефть» является отсутствие в нем показа прогрессивных сил, которые способны противостоять империалистическим поработителям. Хищник-чужеземец в романе Р. Санчеса нагло и безнаказанно шествует по венецуэльской земле, сметая стихийное возмущение одиночек, пытающихся протестовать против разграбления и унижения их родины. Организаций рабочего класса, коммунистической партии автор не показал.

Нефти посвящена также книга видного бразильского писателя Монтейро Лобато «Нефтяной скандал». Автор показывает, что американские монополисты заинтересованы не только в уже эксплуатируемых нефтяных источниках, но и в тех, которые еще не разрабатываются и являются «резервным фондом» для планируемой Уолл-стритом новой войны. До самого последнего времени по американской указке тщательно конспирировался сам факт существования в Бразилии нефтяных богатств. Из книги Монтейро Лобато мы узнаем, что бразилец, осмелившийся заговорить о наличии в Бразилии нефти, либо погибал в результате «несчастливого случая», либо оказывался за тюремной решеткой. Не избежал этой участи и автор «Нефтяного скандала» — он был брошен в тюрьму за разоблачение «нефтяной тайны».

В период 30-х и начала 40-х годов латино-американская литература все чаще выступала под знаменами борьбы с империалистической экспансией Соеди-

ненных Штатов. Со страниц крупнейших художественных произведений звучал голос народов, протестующих против иноземного рабства и долларовой кабалы.

В литературе каждой из республик Латинской Америки мы найдем множество произведений, посвященных этой борьбе. Таковы романы «El águila y la serpiente» («Орел и змея») и «En la sombra del águila» («Под тенью орла») — мексиканца Луиса Мартинеса Гусмана; эквадорцев Хорхе Икаса «Jasirungo» и Агилера Мьялта «Canal Zopa» («Зона канала»); романы никарагуанца Эрнана Роблето: «Sangre en los trópicos» («Кровь в тропиках») и «Los estrangulados» («Удавленные»).

В этих романах разоблачается подлинная сущность американских колонизаторов и их туземных марионеток, предавших национальные интересы и национальную независимость своих народов. В романе Эрнана Роблето «Удавленные» так характеризуются уолл-стритовские завоеватели Никарагуа: «Да, говорят, коммерческое поглощение, но обратная сторона его — тысячи пушек военных эскадр Соединенных Штатов... Оно несет с собой античеловеческий, трагический характер подлинного уничтожения. В Никарагуа не один раз восставали против северо-американского владычества. И, естественно, эти восстания подавлялись, потому что прошло то время, когда Давид* со своей пращей ходил в одиночку на великанов. Есть много Давидов в маленьких странах... но против них выступает сложная и жестокая машина».

Характеризуя современные экспансионистские методы Вашингтона, Роблето заключает: «Война совсем не обязательна. Теперь используются всевозможные щели и лазейки, прибегают к содействию отребьев человеческого рода — тиранов или предателей — и все эти злодеяния прикрываются флагом Соединенных Штатов. Теперь доллар может сделать больше, чем пушка».

Роблето ярко показывает империалистический грабег американских колонизаторов в Никарагуа, орудующих под защитой американского правительства и вооруженных сил Соединенных Штатов. Писатель живо и психологически достоверно показал разорение героя романа Габриэля Аломара, попавшего в банкирские сети. Поняв безысходность своего подневольного существования, Габриэль Аломар поднимает знамя восстания. Но гациенда «мятежника» уничтожается американскими бомбардировщиками, вызванными продажными властителями Никарагуа.

Передовые писатели Латинской Америки показывают, что колонизаторы с Уолл-стрита стремятся вытравить из сознания народов чувства национальной независимости и патриотической преданности. «Через пять-десять лет, — писала недавно бразильская газета «Демокрасиа», — мы будем говорить, смешивая английский язык с португальским. Мы будем питаться и одеваться, пользуясь только американскими товарами, и в то же время будем, очевидно, продолжать рассуждать о независимости. Сначала было американское кино, потом американская литература, а вслед за этим пришло и все остальное. Получается, что у нас вовсе нет ни своей промышленности, ни своей торговли, что мы представляем собой страну рабов».

3. «ЕСТЬ ТАКАЯ СИЛА!»

«Компартия не может исчезнуть в результате издания декретов. Ее существование — историческая неизбежность, и все репрессии против сил демократии и прогресса ведут лишь к ускорению движения человечества по пути к социализму».

(Из речи Луиса Карлоса Престеса в бразильском парламенте перед переходом коммунистической партии на нелегальное положение).

Годы второй мировой войны явились новым этапом на пути безоговорочного и безраздельного подчинения стран Латинской Америки воле Вашингтона. Уже в начале войны Великобритания была вынуждена отказаться от всех своих баз в Западном полушарии. Продолжая интенсивное проникновение во все поры латино-американской экономики, Соединенные Штаты усиленно укрепляли свои политические и воен-

ные позиции на южном континенте. Из 434 военных баз, созданных Соединенными Штатами во время войны, 92 базы были сооружены на землях латино-американских стран. Американские монополисты действовали рука об руку с американскими дипломатами и генералами. Пока концерны США усердно вытесняли английский капитал из латино-американской внешней торговли и заменяли своих итальянских, немецких и японских конкурентов, дипломаты из Вашингтона устанавливали все более откровенный контроль над политической жизнью этих стран, а генералы прибирали к рукам фактическое руководство их вооруженными силами.

Вашингтонские политики приступили к сколачиванию военно-политического блока американских стран и вооружению их стандартизованным оружием, которое в огромных размерах вырабатывается сейчас военной промышленностью Соединенных Штатов. Латинская Америка является для монополистических корпораций США рынком сбыта оружия и в то же время выгодным и заманчивым источником важнейшего стратегического сырья: марганца, железа, меди, свинца, урана и т. д. Для утверждения своего полного господства в странах Латинской Америки вашингтонские экспансионисты не останавливаются ни перед экономическими диверсиями, потрясающими экономический организм этих небольших государств, ни перед сменой неугодных правительств и режимов.

Не только на венецуэльском, но и на других военных переворотах в странах Латинской Америки значится невидимое клеймо: «Сделано в США». Американский журналист Иоганнес Стил недавно писал, что государственные перевороты и военные мятежи в латино-американских странах «являются прямым результатом вооружения Соединенными Штатами военных клик этих стран, а также финансирования их американскими монополиями, заинтересованными в чилийской селитре, бразильском каучуке и венецуэльской нефти». Малейшие попытки оградить остатки национальной промышленности от вмешательства американских бизнесменов встречают беспощадный и сокрушительный отпор алчных колонизаторов.

Осуществление так называемого «плана Клейтона» — этого латино-американского издания плана Маршалла — привело к ухудшению и без того чрезвычайно тяжелого положения трудящихся. Заработок мексиканского рабочего даже газета «Нью-Йорк геральд трибюн» называет «нищенским». Рабочие американских рудников в Чили ведут полуголодную жизнь, повально больны туберкулезом. Половина населения Бразилии — этой «жемчужины Южной Америки» — умирает в возрасте до 30 лет. «О крайней нищете народов Латинской Америки, — писал в январе прошлого года журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин», — большинство из нас не имеет никакого представления. Между тем эта нищета означает постоянную голодную диету; глиобитные или бамбуковые хижины, где вся семья ютится в одной конуре; хронические заболевания малярией, кишечные расстройства и венерические болезни при полном отсутствии медицинской помощи; полное отсутствие школ. Такая нищета является главной отличительной чертой всех стран Латинской Америки».

С каждым годом нагнетает американский империализм, усиливается его вмешательство во внутренние дела латино-американских стран, возрастает его контроль над жизнью народов южного континента. Но растет и сопротивление прогрессивных сил стран Латинской Америки, борющихся за спасение своих народов от смертельных объятий «дружественного» Вашингтона. В авангарде этой благородной борьбы против иноземной кабалы, опирающейся на марионеточные тиранические режимы дутров и виделов, стоят коммунистические партии. Несмотря на гонения и преследования, коммунисты все шире распространяют свое влияние среди народных масс.

Первым латино-американским писателем, показавшим коммунистическую партию, как силу, объединяющую народ для борьбы против долларовой порабощенности и невыносимого социального гнета, был бразилец Жоржи Амаду. Его роман «Земля золотых плодов», получивший широкую известность, — подлинно новаторское произведение латино-американской литературы, в котором акцент перенесен с традиционного изображения безысходного «зеленого ада» на показ сознательных и организованных действий тружеников, борющихся за социальную и национальную свободу.

Талантливый писатель рисует широкую панораму жизни Бразилии. Рядом с роскошной плантаторов — потрясающая нищета пеонов. С большим реалистическим мастерством писатель показывает облик американских и немецких «экспортеров». Играя на искусственном повышении и понижении цен на какао, они разоряют туземных плантаторов, скупают за бесценок их земли и превращаются в монополистов по производству бразильского какао. Жоржи Амаду обнажил в своем романе механизм закабаления американскими бизнесменами экономики латино-американских стран.

Душой и мозгом экспансионистских операций, развертывающихся в кабинетах биржевых залов, является точно изображенный автором американец Карбанкс. Это типичный колонизатор, завоеватель XX века, покоряющий страну при помощи подчинения своему капиталу различных акционерных обществ и установления контроля над предприятиями, имеющими жизненное значение для национальной экономики. Карбанкс не тщеславен. Он не стремится к тому, чтобы его фамилия фигурировала на марках завоеванных им фирм. Напротив, он предпочитает прикрывать свои подрывные операции скромной вывеской «Экспортной компании», где всеми делами заправляет Карлос Зуде — бразилец, продавшийся американским монополистам, грязный и беспринципный делец, верой и правдой служащий доллару. Карлос Зуде — марионетка в руках вашингтонских хищников типа Карбанкса. Руками таких предателей американские колонизаторы осуществляют не только экономическую власть, но и политическое давление. Весьма показательно, что Карлос Зуде, показавший себя верным американским холопом, выдвигается колонизаторами на пост губернатора.

Американским хищникам и их бразильским марионеткам Жоржи Амаду противопоставляет силу трудового народа и его руководителя — коммунистической партии. Писатель ярко показал плодотворную деятельность и последовательную политику коммунистов, отстаивающих права трудящихся и честь своей страны.

Истинным героем романа Жоржи Амаду является слесарь Жоакин, руководитель партийной организации района. Это — профессиональный революционер, жизненная история которого перекликается с биографией автора романа.

Жоакин — подлинный патриот, непреклонный борец, самоотверженно выступающий против империалистических насильников. Человек большой духовной силы и внутреннего обаяния, он полон веры в светлое будущее своей униженной иностранными колонизаторами родины. «Мы ни за что не отступим, — говорит он. — Мы будем идти вперед, пока не уничтожим всю эту сволочь — империалистов... Придет день, когда не будет и этих хозяев земли... И не будет больше рабов».

Жоакин — весь в движении, в действии. Сын народа, он тесно связан с ним, живет его жизнью, подымает его на борьбу. Организующая рука передовых людей страны ощущается в каждом акте сопротивления масс иноземным властителям Бразилии и их подлым агентам. Жоакин покоряет людей силой своих убеждений, благородством проповедуемых им идей, горячей верой в победу над врагами бразильского народа. Влияние Жоакина распространяется не только на рабочих. Под его воздействием талантливый поэт Сержио Маура преодолевает мелкобуржуазный индивидуализм, начинает понимать величие коммунистических идей, пишет произведения, близкие и понятные народу.

Для Жоакина нет ничего более святого, нежели борьба за благо народа, нет ничего более высокого, нежели партия. Эту сокровенную любовь Жоакина к партии писатель передает в не многих, но исполненных глубокого смысла словах: «Счастье наполняет сердце Жоакина, когда он думает о партии. Жоакин многое любит в жизни: любит свою старую Раймунду, похожую на дерево, пригнувшееся к земле, сажающую и собирающую плоды какао; любит также, несмотря ни на что, Антонио Витора, который выгнал его из дома и ничего не понимает; любит мулатку Жадиру, служанку иностранца Асфора — он гуляет с ней по пляжу в лунные ночи; любит океан и ночи в порту Ильеоса, разговоры с грузчиками на палубах; любит мсторы автобусов и грузовиков, любит дерево какао, неизменно связанное для него с впечатлениями детства. Но по-особому любит он свою партию. Партия — его дом, его школа, смысл его существования». Проникновенно, тепло, взволнованно говорит о коммунистической

партии Жоржи Амаду, роман которого проникнут глубокой мыслью, искренним чувством, темпераментом революционного борца.

Тема коммунистической партии органически близка Жоржи Амаду. Еще в 1942 году, за два года до выхода в свет романа «Земля золотых плодов», писатель опубликовал книгу, посвященную жизни и революционной деятельности вождя бразильской компартии Луиса Карлоса Престеса. Со страниц этой вдохновенной книги встает образ «рыцаря надежды», жизнь которого являет собой замечательный пример благородного служения народу, борьбы за свободную демократическую Бразилию. Эта книга, написанная в дни исторической битвы за Сталинград, проникнута чувством любви к советскому народу и великому Сталину, указывающему путь всем народам к свободе и счастью. «Советский народ,— пишет в этой книге Жоржи Амаду,— сумевший построить свое счастье, сумеет защитить свое право на счастье. Великая любовь к свободе живет в стальном сердце этого народа, выкованном из стали Сталина — лучезарного солнца нового мира».

Идеи и борьба коммунистической партии Бразилии находят дальнейшее отображение в опубликованном в 1946 году новом романе Жоржи Амаду «Красные восходы». В этом произведении рисуется судьба пеона, который после многих лет страданий и борьбы приходит в стан коммунистической партии. Образ героя «Красных восходов» Неннена, сначала пеона, затем солдата и, наконец, коммунистического организатора, воплощает в себе непреклонность бразильского и других латино-американских народов, не желающих быть рабами американского империализма.

Произведения Жоржи Амаду не только обнажают неприглядную бразильскую действительность, не только изобличают американских колонизаторов и их приспешников в преступлениях против бразильского народа, но призывают к действию, к организованной борьбе, к сплочению прогрессивных сил и освобождению от империалистического ига. В латино-американской литературе появился новый герой, человек борьбы и действия, представитель партии коммунистов, которая, говоря словами одного из персонажей романа «Земля золотых плодов», «дает нам уверенность в том, что будет создан другой мир, о котором мы мечтаем».

4. ПУТЬ БОРЬБЫ

«За освобождение Латинской Америки!».

(Из декларации Конфедерации трудящихся Латинской Америки в связи с праздником 1 мая 1949 г.).

После второй мировой войны давление «долларовой дипломатии» на страны Латинской Америки приняло угрожающие размеры. Магнаты Уолл-стрита и их приказчики из Государственного департамента, отбросив всякое подобие «дипломатических» приличий, теперь все чаще действуют с откровенностью грубых завоевателей на искоренной земле. За последние полтора года Вашингтон сверг одно за другим правительства Венесуэлы, Перу, Парагвая.

Зимой 1949 года партия «Народного авангарда» Коста-Рики опубликовала специальный меморандум, в котором разоблачала скандальное участие американского посла мистера Томсона в организации гражданской войны, закончившейся свержением неугодного Соединенным Штатам президента Пикадо.

Каждый такой акт наглого вмешательства Вашингтона во внутренние дела латино-американских стран приносит американским дельцам новые экономические выгоды. Когда в конце 1947 года, после более чем полугодовой гражданской войны, в Парагвае окончательно укрепился у власти американский ставленник генерал Мориниго, то фактическим хозяином в стране стали нефтяные компании «Юнион ойл компани оф Калифорния», и «Стандард ойл», получившие монопольное право в течение 50 лет эксплуатировать богатейшие нефтеносные земли района Чако.

Иногда американский капитал, приспособляясь к обстановке, перекрашивается и действует под вывеской национальных фирм, не становясь от этого, конечно, менее

алчным. В Мексике, например, правительство оказывает покровительство компаниям со смешанным иностранным и мексиканским капиталом. Это ничуть не смутило американских бизнесменов, они отвели место под солнцем и мексиканским промышленникам. Каково это «место», можно судить хотя бы по авиационной компании «Браниф», монополизировавшей воздушное сообщение в стране. В 1948 году акционерный капитал этой компании, по данным иностранной печати, исчислялся в 500 000 песо; из них 490 000 (98 процентов) были собственностью американских акционеров и 10 000 принадлежали мексиканцам.

Американские пропагандисты охотно декламируют об «обоюдовыгодной и равноправной» торговле Соединенных Штатов и республик Южной Америки. Для подтверждения этого они обычно ссылаются на активные торговые балансы некоторых стран. Что стоит подобная декламация, можно видеть на примере республики Чили. Она действительно имеет активный торговый баланс, но, в то же время, ее платежный баланс постоянно остается пассивным, так как значительная часть валютной выручки, принадлежащая иностранцам, оседает за границей и не попадает в Чили. По данным британского департамента заморской торговли ежегодный дефицит Чили достигает 50 миллионов долларов. Более трети прибылей чилийской медной промышленности вывозится в Соединенные Штаты. Та же картина в других латино-американских республиках. По данным бразильских экономистов свыше 45 процентов прибылей всей промышленности Бразилии уходит в иностранные банки.

Подобное, чисто колониальное, разграбление Уолл-стритом республик Латинской Америки приводит к катастрофическому истощению их золотого запаса. Эти страны стоят на грани полного экономического и политического банкротства. В 1944 году золотой запас Аргентины равнялся 1 119 миллионам долларов; в 1948 году он упал до 119 миллионов. Золотой запас Чили за эти годы сократился с 82 миллионов до 43; Мексики — с 293 миллионов до 70; Перу — с 31 миллиона до 20.

Разбойничья политика долларовых крестоносцев и их туземных пособников привела к крайнему обнищанию широких слоев населения всех без исключения республик Латинской Америки. Министр иностранных дел Мексики Торес Бодет, выступая на панамериканской конференции по поводу распространения плана Маршалла на страны Южного континента, должен был признать, что «народы Латинской Америки живут в таких же ужасных условиях, в каких живут европейцы в концентрационных лагерях». Сделав такое заявление, мексиканский министр ничуть не сгустил краски и не погрешил против действительности. Ведомство его коллеги — министра народного хозяйства — опубликовало в конце 1947 года весьма красноречивые данные, свидетельствующие, что половина населения страны нищенствует и не имеет возможности покупать хлеб, носить обувь, спать под кровлей.

Народы Латинской Америки, доведенные до отчаяния грабительской политикой Соединенных Штатов, встают на защиту своей национальной независимости, своих экономических и политических прав. Третий конгресс Конфедерации трудящихся Латинской Америки в своем манифесте, проникнутом боевым антиимпериалистическим духом, заявил: «На всем латино-американском континенте нет ни единой страны, которая не продемонстрировала бы решительной воли к сопротивлению».

По-разному разворачивается сейчас эта, ставшая подлинно всенародной, борьба народов Латинской Америки против невыносимого долларового гнета. Если пролетарии Чили своим непрекращающимся забастовочным движением вынудили американского марионетку-президента Гонсалеса Видела отменить в стране чрезвычайное положение, то трудящиеся Бразилии подняли голос решительного протеста против передачи нефтяных богатств страны американским капиталистам. Это движение в последние месяцы приняло большие масштабы. На предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях организуются комитеты «В защиту нефти». Эти комитеты связывают защиту бразильской нефти от посягательства американских монополий с общей борьбой за мир и свободу.

Передовые деятели культуры Латинской Америки в настоящее время прекрасно сознают, что подлинное освобождение их родины невозможно в изолированной борьбе

одного континента. Уже упоминавшийся нами член ЦК уругвайской компартии Р. Арисменди так выразил эти новые политические задачи: «Народы Латинской Америки должны освободиться от связывающего их по рукам и ногам панамериканизма и принять участие в создании атмосферы всеобщего мира и сотрудничества, которые будут благоприятствовать росту национальной независимости стран Латинской Америки. Политика мира и сотрудничества активно поддерживается СССР, социалистическая структура которого исключает стремление к господству. Этой политике следуют и страны новой демократии в Европе и подавляющее большинство населения мира, не желающего быть пушечным мясом и разменной монетой эрзаца нацистского «нового порядка», именующего себя «веком Америки»¹.

В латино-американской литературе наших дней все чаще и чаще слышатся призывы к международной классовой солидарности. Творчество передовых писателей и поэтов выходит за узко национальные рамки и связывает свой гневный протест против засилия доллара в латино-американских странах с борьбой всего прогрессивного человечества за мир, демократию и свободу. Представители передовой латино-американской литературы приветствуют освободительное движение народов Китая, Греции, Индокитая, видя в нем очаги единой всемирной борьбы против империалистического порабощения.

Боевой страстью, глубокой ненавистью к хищным американским экспансионистам проникнуто творчество вождя современной передовой латино-американской литературы, выдающегося революционного поэта чилийца Пабло Неруда, объявленного на родине вне закона и продолжающего в изгнании разоблачать врагов, призывать к сопротивлению и борьбе. В своей поэме «Хроника 1948 года», написанной «в одном из пунктов Америки», Пабло Неруда, говоря о гнете и терроре, которым подвергаются народы Латинской Америки и других опекаемых Вашингтоном стран, пишет:

Мистер Трумэн
прибыл
На остров Порто-Рико
Омыть кровавые пальцы
В воде голубых морей.
Он только что предал смерти
Двести
юношей-греков...²

В своей другой, ставшей поистине знаменитой поэме «Да пробудится Лесоруб», написанной также «где-то в Америке», поэт с памфлетной остротой изображает американского спрута и поднявшиеся против него миллионы простых людей.

Поэт обращается к простому американцу — вернувшемуся на родину солдату, который видит у себя в стране то же зло, против которого он сражался в войне с гитлеровцами. Пабло Неруда предупреждает своего героя об опасности новой войны, которую собирается разжечь «новый хозяин», «завладевший его домом».

Однако чилийский поэт, подобно всем передовым латино-американцам, видит на мировом горизонте не только распоясавшихся уолл-стритовских политиканов и потрясающих атомной бомбой генералов, но и ту силу, которая способна остановить преступную руку, пытающуюся взорвать мир. Эта сила — борьба демократического лагеря за мир, возглавляемая великим Советским Союзом.

Беспримерная борьба советского народа с фашистским нашествием в годы второй мировой войны породила среди честных людей мира огромное восхищение и глубокую любовь к нашей стране. Латино-американская литература в военное время обогатилась множеством произведений, прославляющих Советскую державу, выражающих возмущение вероломной политикой «союзников».

Тот же Пабло Неруда в поэме «Песнь любви Сталинграду», вышедшей в 1942 году, превосходно выразил чувства, волновавшие тогда всех честных людей:

¹ Р. А р и с м е н д и. Вторжение доллара в Латинскую Америку.

² Перевод Инны Тыняновой; все следующие переводы Ф. Кельмина.

...Где ж они,
Союзники твои в гигантской битве.
Нью-Йорк танцует... Лондон погружен
В коварное раздумье... О, позор!

Как в годы войны, так и в наши дни передовые писатели Латинской Америки воспевают великого человека, в жизни и делах которого видят они залог своей свободы. Известный аргентинский поэт-коммунист Рауль Гонсалес Туньон в поэме «Сталин» дал образ вождя народов, который «встал навстречу волн», «среди грома, вихря, шума, чтоб мир спасти».

Рауль Гонсалес Туньон противопоставляет современной «калибании» Советскую страну, которую ведет гениальный вождь в лучезарное завтра:

Но, Сталин, голос твой звучит
 в сердцах свободных.
Он будит их, он их зовет.
Для дел великих, благородных
Встает гигантский твой народ.

Поэт говорит читателям о всемирном значении славных деяний великого Сталина.

Мы знаем: близок день, кровавых войн обман
Прогонишь ты навек в могильные пределы,
И к нам вернется труд, и снова океан
Увидит вольный бег крылатой каравеллы.
И славим мы тебя, о кормчий наш умелый.
Мой Капитан,
 наш Капитан!

Образ вождя трудящихся всего мира славит и венецуэльский поэт-коммунист Карлос Аугусто Леон. Советской стране и ее вождю он посвятил поэмы «Песнь о Советском Союзе в дни войны» и «Советский Союз в дни мира». В последней поэт обращается к Ленину:

Сквозь мрамор мавзолея до тебя
Доходит море наших стонов
И наших бед жестокий ураган.

Поэт твердо уверен, что ленинское дело победит, ибо:

Бодрствует могучий твой преемник,
Великий Сталин! В нем, как в океане,
Слились все жизни, все людские реки
Его народов и чужих племен.

В поэме «Советский Союз в дни мира» сильна струя интернациональной братской солидарности народов всего мира. Обращаясь к великому Ленину, Карлос Аугусто Леон восклицает:

Отец народов, корень всех миров,
Брат Человека, русского, грузина,
Киргиза, и китайца, и француза,
Индийца, негра...

Кажется, нет ни одного крупного поэта или писателя в странах Латинской Америки, в произведениях которого мы бы не нашли горячих и взволнованных слов, посвященных Стране Социализма, Ленину, Сталину.

Воспевая Советскую страну — государство труда и свободы, передовые деятели культуры стран Латинской Америки ни на одну минуту не забывают об опасности новой войны. Они зовут народы своих стран обуздать обезумевших людоедов, стремящихся свергнуть человечество в пучину смерти и страданий. Силы для этой борьбы, бодрость, уверенность в успехе своего дела они черпают в замечательных

успехах Союза Советских Социалистических Республик, строящего величественное здание коммунизма.

Бразильский романист и поэт Жоржи Амаду в своей поэме «Песнь о Советской земле» обращается к народным массам всего мира с горячим призывом к бдительности:

Убийцы вновь оттачивают когти,
Готовят пушки, ружья, пулеметы.
Зловещий Трумэн атомною бомбой
Грозит стереть с лица земли свободу..
Но взор мы устремляем на тебя,
Советская Земля.. О да, мы знаем,
Бессмертна ты в веках, непобедима,
Живешь ты в сердце каждого из нас!

Устами своих лучших людей народы всех двадцати латино-американских стран заявляют перед лицом всего мира, что они никогда не допустят, чтобы их вовлекли в антисоветские авантюры. Непреклонной и нерушимой клятвой звучат слова поэта:

...Не наши руки
Взломают мир твоих земель счастливых!
Не с наших баз воздушные убийцы
Поднимутся, неся с собою смерть.
И не богатством нашим хищный враг
С тобою поведет войну.. Сумеет
Завоевать мы право для себя
Располагать судьбой своей.. Мы, руку
Подав тебе, пойдем с тобою вместе.
Ты нас навстречу счастью поведешь!

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Александр Чаковский. Дух времени. — **Е. Книпович.** Новое русло жизни. — **С. Кирьянов.** Сила патриотизма. — **С. Бабенышева.** Счастье борьбы. — **Л. Михайлова.** Голос народа. — **Г. Ленобль.** Студенты. — **Геннадий Фин.** Перечитывая старые журналы. — **Ц. Солодарь.** Песни советских поэтов. — **Всеволод Азаров.** Поэма о комсомольце.

ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ВОЕННАЯ НАУКА.

В. Чепраков. Ценные признания Эрика Джонстона. — **Б. Леонтьев.** Правдивая книга о «плане Маршалла». — **Д. Мельников.** Арсенал поджигателей войны. — **Генерал-майор В. Московский.** Жизнь советского летчика. — **Профессор К. Базилевич.** Документы славных побед русской армии.

ТЕХНИКА И ХИМИЯ

Академик А. Арбузов. Сочинения гениального русского химика. — **Академик Г. Кржижановский.** Выдающиеся русские электротехники.

БИОЛОГИЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Академик В. Бушневский. Советское луговодство. — **Доктор геолого-минералогических наук А. Эбсэри.** Труд по истории палеонтологии. — **И. и Л. Круленковы.** Наследие В. В. Докучаева. — **Академик А. Опарин.** Путешествие в страну премоучих трав.

ГЕОГРАФИЯ И МЕТЕОРОЛОГИЯ

Н. Михайлов. Человек и стихия. — **А. Иглицкий.** Книга об отважном русском путешественнике.

Литература и искусство

Дух времени

Один из авторов альманаха «Год XXXII», начальник Запорожстроя В. Дымшиц, упоминает в своих записках о романе Василия Ажаева «Далеко от Москвы».

О новой книге альманаха, насколько мне известно, написаны одна-две статьи. О произведении В. Ажаева — их десятки. И все же я начну разговор именно с «Далеко от Москвы». О причинах широкого массового успеха этой книги, проявившегося в нескончаемых потоках читательских писем, в сотнях читательских конференций, стоит подумать.

Я убежден, что только книга, в которой наиболее полно выражается дух времени, может рассчитывать на успех, подобный успеху книги В. Ажаева.

Дух времени прежде всего выражается, конечно, в идейной сущности произведения.

Альманах «Год XXXII». «Советский писатель», 1949.

Он воплощается и в конкретном сюжете, выбранном автором. Однако не только в этом. Дух времени сказывается в типе изображенных людей, в их характерах (что в свою очередь бесспорно является конкретным выражением идейной сущности произведения). Дух времени проявляется и в большом и в малом — в движениях души советского человека, в главном деле его жизни — и в «мелочах»: в отдельных фразах, вкусах, симпатиях и антипатиях, во всей атмосфере, в которой живет и действует советский человек.

Правильное представление об образе советского человека всегда связано с показом его развития и совершенствования. Одни и те же основные принципы поведения отличают советского человека на всех этапах существования нашего государства. И все же тип советского человека в жизни, а следовательно, и в литературе, естественно изменяется. Советский человек пе-

риода военного коммунизма отличен в своей конкретности от человека периода нэпа, равно как отличен тип строителя периода реконструкции страны от героя послевоенной Сталинской пятилетки.

Не помню, кому из наших писателей, кажется, Овечкину, принадлежит очень верная, глубокая мысль: в литературе, как и в жизни, нельзя построить Сталинградский тракторный дважды.

Можно восстановить СТЗ. Можно сделать его еще лучше, еще краше, чем он был до войны. Но стройка тридцатых годов и стройка сороковых — две разные стройки. И глубоко ошибся бы писатель, который попробовал бы написать о послевоенной стройке так, как он писал бы о стройке довоенной. Он не отразил бы в своей книге духа времени.

Другие люди, прошедшие великие испытания войны, пронесшие на своих плечах судьбы мира, повзрослевшие, более мудрые, много познавшие люди восстанавливают ныне Сталинград.

Уловить этот конкретный дух времени в жизни людей, в их отношении к труду, друг к другу, к будущему — вот задача писателя.

И народ бывает неизменно благодарен писателю, в чем произведении воплотился дух времени. Именно в таком произведении читатель узнает себя, своих товарищей, друзей, находит свои мысли, чаяния...

Именно это сделало книгу В. Ажаева любимой в народе. В. Ажаев не только изобразил стройку, характерную для военного периода нашей страны. Он создал типы наших современников. Его Батманов — не начальник крупного строительства, скажем, тридцатых годов. Это носитель конкретных черт руководителя, прошедшего через сталинские пятилетки, неизмеримо выросшего, ставшего в период войны руководителем нового типа.

То же самое можно сказать и о многих других героях В. Ажаева.

Теперь вернемся к альманаху «Год XXXII». Полагаю, что сборник этот в гораздо большей степени, чем какая-либо другая книга, должен носить на себе яркую печать времени, быть проникнутым его боевым духом.

Говоря метафорически, к такому альманаху должно быть горячо прикоснуться. Если в нем пишут о плавке металла, то она должна слепить глаза и дышать жаром, эта плавка. Если речь идет о стройке, то мы должны ощущать запах незастывшей известки и свежего теса. Если речь идет о людях, то это должны быть в полном смысле слова наши современники.

Альманах — на правильном пути. Печать времени лежит на большинстве помещенных в альманахе произведений.

В рецензируемой книге опубликованы «Записки строителя». Автор их В. Дымшиц, начальник Запорожстроя, о нем уже упоминалось. Эти «Записки» не дают исчерпывающего представления о восстановлении разрушенной немцами Запорожстали.

Но благодарим автора и за написанное. Здесь заключено многое. И главное — «Записки» проникнуты духом времени. И выражается он прежде всего в конкретности, присущей именно послевоенным годам восстановления.

Начальник строительства приезжает на место. «С чего же... начать? — пишет В. Дымшиц. — Что сделал бы я, приехав на обыкновенную стройку? Прежде всего создал бы штаб, управление производством. С этого правильно начал начальник строительства Василий Батманов из романа В. Ажаева «Далеко от Москвы». Потом я разобрался бы в положении на каждом участке, чтобы навести там порядок. Занялся бы подсобными предприятиями, изготовляющими местные строительные материалы, механизацией, набором и обучением кадров. На все это, конечно, потребовалось бы не малое время.

Но для Запорожья такой «обычный» план действий совершенно не годится: до выпуска стального листа в нашем распоряжении остается всего-то меньше года».

Это не Кузнецкий завод, вспоминает В. Дымшиц, где постепенно, одно за другим вводились в действие его сооружения — коксовые печи, доменные печи, мартеновские печи, прокат. Здесь нельзя допустить просчета; лимит времени запрещает делать ошибки. «Надо использовать весь организационный опыт, накопленный советскими строителями, передовые методы, которые в Кузнецке, Мариуполе,

Кривом Роге, на Магнитке годами собирались, испытывались, прививались и завоевывали всеобщее признание».

В этом-то и есть дух времени! Люди, прошедшие через испытание войны, пришли на место разрушений. Не усталость отличает их, но жажда творчества.

Они приступают к созидательному труду. Используют при этом весь огромный технический и, я бы сказал, моральный опыт предыдущих мирных и военных лет. В этом — конкретность послевоенной стройки. Кто строит Запорожсталь? Марк Иванович Недужко — в прошлом один из строителей Кузнецкстроя. Во время войны он с группой храбрецов варил трубопровод для подачи горючего осажденному Ленинграду. Перед приездом в Запорожье участвовал в восстановлении Донбасса. Сталинский лауреат. «Он уже не тот юный Марк, памятный мне по кузнецкой стройке», — вспоминает В. Дымшиц. »

Вместе с ним создают новую Запорожсталь тысячи людей, молодых и старых, ремесленников и кадровиков, бойцов фронта и тыла. И всё это люди 40-х годов! Для них характерен высокий уровень специальных знаний, смелость в разрешении технических проблем, огромная государственная заинтересованность в деле.

Живые черты времени отмечают и работу Всеволода Иванова «Летом 1948 года». Я умышленно употребил слово работа, потому что затрудняюсь определить жанр этого произведения. Это — очерки, записки, мемуары, путевые заметки — все что хотите. Здесь присутствует подлинная поэзия, острый глаз и авторская заинтересованность в событиях.

Описывается путешествие автора по Узбекистану. Прочтите, как рассказывает Всеволод Иванов о празднествах в честь Навои в Ташкенте, как живописует он Ферганскую долину, как рассказывает о встречах со старым ирригатором, с мелиоратором, как показывает нам написанные по-узбекски лозунги: «Послевоенную сталинскую пятилетку — в четыре года!» — и во всем этом вы почувствуете горячее дыхание современности.

Это оплодотворяющее дыхание чувствуется и в пейзаже, и в жанровых зарисовках, и в разговорах людей. Автор посвящает колхоз имени Л. М. Кагановича.

Приходит председатель колхоза Камельджан.

— Почему не предупредили? — говорит он. — У меня телефон с городом. Да не только с городом, на каждый полевой стан линия. Очень помогает...

Комсомолец спрашивает:

— Я пойду к себе работать. Распоряжений не будет?..

...И юноша опять скользит от нас. Я гляжу ему вслед и говорю с восхищением:

— Красив.

— И умен, — подтверждает председатель. — К жизни жаден, к книге. Одним огорчается: что по возрасту на войне не мог сражаться. Я ему обещал, что он прославится в колхозе.

— Велик колхоз? — спрашиваю.

— Все наше, — говорит Камельджан Назаров, широко разводя руками, — если через всю долину, от гор до гор повесить большой плакат с достижениями ферганцев, несколько слов будет лежать и над нашим колхозом.

Таков этот разговор. Дух времени отразился в нем. И дело отнюдь не только в телефоне. Дело в особой, гордой уверенности советского человека в себе, в своих силах, в своей технике, в своем государстве.

Эта уверенность звучит и в словах Таутанова, бригадира казахской МТС, и в песне акына Кобдыкова о советском патриотизме, и в том, как встречали на пароходе знатного животновода Нурмахамедова...

Она заключена в гигантском труде мелиораторов, в их борьбе с «засолением» почвы, в ирригации, в механизации сельского хозяйства.

Многое увидел автор на узбекской и казахской землях. Он увидел напряженный творческий труд. Он увидел расцвет национальной культуры. Он ощутил, как неизмеримо выросло достоинство советского человека, как развиваются в нем качества государственного деятеля... И это значит, что писатель почувствовал дух времени и сумел донести это ощущение до своего читателя!

В альманахе напечатаны страницы из дневника учительницы Ф. Вигдоровой «Четвертый класс «В». Это непосредственный и взволнованный рассказ советской учи-

тельницы о том, как она воспитывает детей — будущих советских граждан. В рассказе этом много ценного и интересного. Он читается, как увлекательная художественная повесть. Путь советского педагога к душам детей нарисован красочно и правдиво.

В нашей стране нет проблемы «отцов и детей» — это общеизвестно. У старого и молодого поколения советского государства одни идеалы, одни жизненные цели, одна советская, социалистическая мораль.

И тот дух современности, те черты, которые отмечают жизнь старшего поколения, характерны и для формирования детского характера.

Ф. Вигдорова с неопровержимой убедительностью показывает нам, как благотворно влияют на формирование характера ребенка примеры честного, самоотверженного служения Родине. В классе Вигдоровой учился Саша Гай, «энергичный, решительный мальчуган». Однажды он передал учительнице приглашение своего приехавшего из Тулы деда зайти в гости. Учительница идет и знакомится с кадровым тульским рабочим, ныне помощником начальника цеха одного из заводов. Он рассказывает о героической обороне Тулы и о работе своего завода во время войны, рассказывает горячо, увлеченно.

«Вот он откуда такой, наш Саша Гай», — думалось мне, — пишет Ф. Вигдорова. — Я вспомнила, как Саша доброжелателен с товарищами, сколько в его поведении мягкости и вместе с тем достоинства... и понимала, что в его характере слились, сливались в одно надежное целое черты тех, кто сидел сейчас здесь, за одним столом со мной».

Подвиг Зои Космодемьянской, рассказы участников Великой Отечественной войны, героические трудовые будни отцов и братьев, восстанавливающих разрушенное врагом, — вот что вдохновляет нашу молодежь.

Школа шефствует над детским домом. Школьники посещают своих подшефных, сталкиваются с реальной жизнью. «Никакие лекции о советском отношении к людям, к детям не научили бы моих ребят тому, что они сами увидели и узнали здесь», — справедливо замечает Ф. Вигдорова.

Альманах разнообразен. В нем можно прочесть и увлекательные главы из книги Г. Фиша «Один грамм» — о победах мичуринцев над буржуазными генетиками; и наполненный острыми наблюдениями, написанный на горячую, животрепещущую тему очерк В. Фоменко «В Сальской степи»; и очерк молодого, одаренного автора А. Медникова «Хозяева рудного края» — о новаторах рудника имени Дзержинского. Печатью воинствующей злободневности отмечено стихотворение М. Луконина «Письмо английскому корреспонденту».

...Что ж, может быть в альманахе нет недостатков? Нет, они есть...

Когда Горький в свое время основывал альманах, сборники, год за годом отображающие черты развития нашей социалистической Родины, он имел в виду не летопись, а горячий и страстный показ нашей быстротекущей жизни, показ того нового, что рождается, борется и растет на советской земле.

Только крупицу нового удалось отобразить авторам альманаха «Год XXXII». Нам хотелось бы знать гораздо больше. С огромным вниманием и интересом читаем мы записки В. Дымшица и вместе с тем не перестаем сожалеть, что автор лишь бегло, торопливо показал нам героический коллектив Запорожстали, очень мало рассказал нам о взаимоотношениях между людьми, о борьбе старого с новым...

Может быть, налет излишней идилличности лежит на талантливых и поучительных очерках Всеволода Иванова, — мы хотим видеть жизнь в борьбе.

Понятно, задача, поставленная М. Горьким, огромна, и права была редакция альманаха, когда в предыдущем сборнике писала, что «охватить эту картину (социалистического созидания. — А. Ч.) одной книгой и даже десятками книг невозможно».

Однако эта теоретическая «невозможность» не должна «подрезать крылья» авторам сборника. Они должны неустанно стремиться отражать наиболее характерные, ведущие черты современности, отражать дух времени, ибо только это сделает альманах массовым, завоеует ему любовь и признание читателей.

Александр ЧАКОВСКИЙ,

Новое русло жизни

Русский читатель широко познакомился с творчеством Аркадия Кулешова уже в военные годы.

Всенародное признание получила поэма «Знамя бригады», написанная в 1942 году — мужественная песнь сыновней любви к родному краю. Поэма эта «брала за душу», потому что историческая значительность содержания, идейная сила сочетались в ней с большой силой и своеобразием художественных средств.

Эпопея Великой Отечественной войны, мощное партизанское движение, героизм народа, оставшегося не покоренным и под игом захватчиков, — все эти основные черты военной жизни советской страны нашли свое выражение в творчестве А. Кулешова.

Поэмы «Знамя бригады», «Цимбалы», «Дом № 24», такие стихи, как «Баллада о четырех заложниках», «Письмо из полонна», «Мать», — перешли границы родного края, стали достоянием всей советской культуры.

От военной темы А. Кулешов не отошел и после войны. Взгляд и сердце художника не могли оторваться от безыменной могилы бойца, закрывшего своим телом дуло вражеского пулемета; от мальчика — сына партизанки, замерзшего в лесу в ноягоднюю ночь; от красавицы Аленки, замученной фашистами и умершей в тот день, когда ее возлюбленный вместе с советскими войсками вступал в освобожденное село.

Память о тех, кто отдал свою жизнь за свободу и счастье Родины, живет и будет жить в сердцах советских людей, в творчестве советских художников. Но подвиг погибших неразрывно связан с делами и мужеством живых. И сама жизнь наша, ради которой принесены советским народом огромные жертвы в войне, настоятельно требует от художника правды о сегодняшнем дне, помощи строителям коммунистического общества, борьбы с врагами мира во всем мире, с поджигателями новой войны.

Поэма «Новое русло» — это новая ступень в творчестве А. Кулешова.

А. Кулешов. «Новое русло». Журнал «Новый мир», № 12 1948.

Колорит ранних, довоенных стихов А. Кулешова о советской, колхозной Белоруссии, был чист и светел. Мир в его стихах вставал, точно «зеленая дубрава» утром — в лучах солнца, обрызганная росой. И в образах людей, и в их делах, и в самом пейзаже этих стихов чувствовалась молодая советская республика, гражданин которой живет новыми стремлениями, изменяет лицо земли трудом своих рук. Зачем этому человеку старые басни о цветке счастья, папоротниковом цветке, который можно увидеть в ночь накануне Ивана Купалы! Он сам вырастит волшебный цветок, сам добудет свое счастье, возьмет его с бою у родной, но неласковой земли.

И пошло!

Режут землю лопаты,
И из топких низин навсегда
Мимо пней,
Мимо кочек горбатых
По канавам выходит вода.
Год в работе прошел неустанной,
В дружных песнях,
И вот по весне
На осушенных низких полянах
Цвет зарделся в рассветном огне.
Там — пшеницей
Растет у криницы,
Там — за хмызом
Цветет кок-сагызом
И зовется в Полесье лесном
Цветом счастья,
Купальским цветком.

Но герой ранних стихов Кулешова прошел с тех пор по дорогам войны, как Алесь Рыбка, познал горечь прощанья и радость встречи с родным краем. За эти годы окрепло его мужество, расширился опыт и кругозор. Он вырос сам, и выросли его замыслы, стремления, дела.

В новое русло входит в поэме А. Кулешова не только малая речка Петлянка, чтобы лучше крутить турбины, давать более мощный ток. В новое русло входит и вся жизнь края, который встает из развалин и стремительно движется вперед, — замыслы и труд людей, сами человеческие отношения.

«Новое русло» — это поэма о социалистическом труде, преображающем лицо колхозной деревни, о социалистической технике, которая стала неотъемлемой частью сельской жизни и внешнего облика советской деревни. Да, поэма А. Кулешо-

ва — это величальная поэма «в честь электроэнергии и проводов». Но все же прежде всего это величальная поэма о человеке колхозной деревни, хозяине социалистической техники.

В поэме два героя: студент-практикант, от лица которого ведется повествование, и прораб Шайпак, коренной житель того района, где разворачивается действие поэмы. Шайпак — пожилой коммунист, прошел честный и славный путь рядового строителя социализма. До войны он строил мосты и мельницы над рекой, войну он прошел как народный мститель, в отряде, организованном секретарем райкома. Но уже перед войной Шайпак хотел еще больше, еще круче изменить лицо родного села, поставив гидроэлектростанцию на речке Петлянке. Мечту эту он должен и хочет осуществить после войны. Но тут выясняется, что жизнь обогнала его мечту, хотя она была мечтой прекрасного, передового человека, коммуниста. Юноша-студент, молодой коммунист, сумел глубже понять то, чего требует жизнь, смелее заглянуть в будущее родного края. Мало поставить гидроэлектростанцию на речке, своевольно петляющей по полям и лесам. Надо человеческим трудом обуздать своеволие природы, прорыть канал, пустить Петлянку по прямой, новым руслом, так, чтобы она, набравшись силы, давала ток всем колхозам округа.

На колхозном собрании два проекта как бы ложатся на две чаши весов. И побеждает новый — более трудный, но и более творческий и широкий проект юноши-студента. Его защищает секретарь райкома, к нему склоняются колхозники. Ведь недавно, когда молодой коммунист сидел ночью над своим проектом, он чувствовал себя так:

Словно в завтрашний день
Распахнул я окно.

Шайпак отстал. Не по своей вине и не по своей воле. Но это невольное поражение он принимает, как настоящий человек, как коммунист. Шайпак едет учиться, чтобы снова, догнав жизнь, вступить в строй, чтобы творческая мечта его снова могла встать вровень с действительностью. И как Шайпаку ни тяжело, нет у него зависти к счастливому победителю. Ведь и человеческие отношения идут сейчас

новым руслом, и коллизии между передовыми людьми разрешаются по-новому.

В торжественный день пуска электростанции Шайпак приедет из города, и два коммуниста — молодой и старый — обнимутся перед всем народом, «как батько и сын», потому что для обоих интересы народа, родины и ее будущего выше всего на свете.

В «Новом русле» есть и еще одна линия — личная, любовная, тоже тесно связанная с общим замыслом поэмы. Юноша-студента и дочь Шайпака Зосю с первой же встречи связывают отношения той дружбы, которая больше похожа на еще не высказанную любовь. Зося вместе с отцом уезжает учиться в город. И юноша-студент полон горестных раздумий о том, не нарушила ли их отношения его победа над отцом Зоси, пойдут ли чувства девушки новым руслом — прямым, веселым, ясным—или останутся они там, где, как в старом, опустевшем русле Петлянки, клубится туман. Но и здесь в личных отношениях тоже побеждает новое.

В день праздника Шайпак привозит долгожданное письмо от Зоси. Но ведь ответ, в сущности, уже написал раньше, чем пришло письмо. Ответ — это плод творческого труда юноши, это новое русло Петлянки, это электростанция, пущенная в праздничный день.

...Я писал не чернилами,
Не за столом,
А пером электрическим
В небе ночном.
И письмо над землей
Понесли провода,
Словно весть о победе
Любви и труда.
Не один я —
Писали мы все над землей,
Обращаясь к любимым,
К отчизне родной.

Светлую, полную большой лирической силы поэму А. Кулешова органически связывает с новым циклом его стихов «Коммунисты» тема партии, великого творческого и боевого содружества коммунистов — лучших сыновей советского народа.

Секретарь райкома, Шайпак, студент-практикант — все они прежде всего коммунисты: это определяет их труд, их высокий моральный облик, их связь с народом, их отношения между собой.

И гимн людям, которые по партбилету «прописаны в грядущем, как в светлом доме», переключается со стихотворением «Коммунисты», заключающим цикл стихов А. Кулешова, написанный в последние годы. Все стихи эти — о войне и о мире, от песни об усатом колосе, который растет и трудится весь день, до иронического, гневного «Слова к объединенным нациям» — приобретают единый смысл и направленность именно потому, что они

освещены идеей партии, верой в грядущую победу коммунизма на всей земле.

Об этом говорит А. Кулешов в поэме «Новое русло»:

Коммунист — он покоя
не ищет нигде,
Он в кипении боя,
в борьбе и труде,
И ведет его цель,
Что сияет вдали, —
Коммунистами станут
Все люди земли...

Е. КНИПОВИЧ.

★

Сила патриотизма

Тугельбай Сыдыкбеков является зачинателем современной реалистической прозы в киргизской литературе. Он обладает острым поэтическим зрением, чувством нового, умением проникать в сложные явления действительности. Освоение благородных традиций русской советской литературы помогло киргизскому писателю создать глубоко партийные, народные по своему духу и устремлениям, произведения. Весь творческий путь Т. Сыдыкбекова связан с разработкой современной темы. Уже в первых двух романах «Кен-Су» и «Темир» он показывает процесс социалистического преобразования родного киргизского кыштака, превращение кочевников-киргизов в деятельных колхозников, поборников общественного колхозного труда.

Новые производственные условия коренным образом изменяют сознание людей. Они уже не мыслят себя вне колхозов, коллективный труд становится для них жизненной необходимостью. Так, ранее отсталый, бесправный, ограбляемый царскими колонизаторами и «своими» баями, обреченный на вымирание, народ становится в советских условиях хозяином жизни, осуществляет социалистические преобразования в родном краю. Писатель рассказывает об этом правдиво, с большой силой художественной убедительности. Герои «Кен-Су» и «Темира» — простые советские люди, в борьбе завоевавшие право на новую жизнь, они плоть от плоти своего народа,

идущего под руководством ленинско-сталинской партии все к новым и новым завоеваниям.

Новый роман Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней» показывает жизнь киргизских колхозников в годы Великой Отечественной войны и в первые дни после победы над фашистской Германией. Чувством величайшей гордости за советский народ проникнуты страницы романа. Коварное нападение фашистских орд вызвало не ослабление Советского Союза, как того ожидали наши враги, а укрепление дружбы, морально-политического единства, сплоченности многонациональных народов нашей Родины вокруг советского правительства, партии большевиков. Сильный духом, негибаемый в труде и на поле брани, народ-патриот выдержал все трудности Великой Отечественной войны и вышел победителем.

Т. Сыдыкбеков раскрывает эти качества советского народа на примере одного киргизского колхоза, расположенного на берегу далекого озера Иссык-куль. Радостной творческой созидательной жизнью жили колхозники кыштака, они многого достигли, они вышли на широкую дорогу творческого труда. Это хорошо знают не только Шамбет, Чаргын, Акня, Зарыл, Сергей, Элебес — активисты колхоза, но и старики: Камка, Қаныш, кузнец Димитрий — рядовые колхозники кыштака. Они вместе создали благополучие колхоза, они вместе мечтают двинуть колхоз еще быстрее вперед по пути к коммунизму. В начале романа автор рисует яркую картину строительства канала и плотины для будущей колхозной электростанции. Это идет борь-

Тугельбай Сыдыкбеков. «Люди наших дней». Роман. Авторизованный перевод с киргизского. «Советский писатель», 1948.

ба за осуществление волнующей колхозников большой мечты.

Писатель с большой теплотой рассказывает о своих героях. Он показывает их в действии, раскрывает их внутренний облик, создает запоминающиеся портреты разных по своим творческим индивидуальностям, но родных друг другу по убеждениям людей. Большие симпатии вызывают вдохновитель всех передовых начинаний, любимец колхозников, председатель колхоза коммунист Шамбет; острый на язык, мастер импровизации, талантливый Элебес; его энергичная жена — комсорг Акия; на первый взгляд чудаковатый и неуклюжий Чаргын; старый мырап — распределитель воды Акман; колхозный кузнец Дмитрий, русский крестьянин, давно обосновавшийся в киргизском кыштаке и ставший близким колхозникам-киргизам. Это они составляют тот дружный коллектив, который несомненно добьется победы в любом деле.

Но мирный труд колхозников прерван войной, весть о ней застагает их в первый день строительства канала. Проникновенные слова товарища Молотова глубоко западают в сердца колхозников. Варварское нападение врага вызывает чувство глубокого возмущения. На стройке возникает стихийная патриотическая демонстрация. Колхозники как один заявляют о своей готовности встать на защиту любимой Родины.

Вожаки колхоза — Шамбет, Элебес, Сергей ушли на фронт. Тяжесть колхозного труда пала на стариков, женщин и подростков. Писатель хорошо показывает, как воплощаются идеи советского патриотизма. Беззаветно работают в колхозе женщины и девушки: Акия, Зарыл, Айганыш и Бурма. Они становятся мастерами колхозного труда. Вместе со старой Камкой они шьют и отправляют фронтовикам теплые вещи, вносят личное имущество в фонд постройки танков для Советской Армии.

В боях за Родину погибает муж Акии, Элебес. Неизмеримо горе женщины, потерявшей любимого человека. Коллектив колхозников окружает Акию заботой. Семья советских людей, героический труд на благо родины облегчают несчастье Акии, она мужественно переносит горе и попрежнему остается одним из вожаков колхоза. Когда возвращается в кыштак, после тя-

желого ранения, сын кузнеца Дмитрия Сергей, Акия с гордостью говорит ему:

— Смотри, Сергей, на эти руки! Чего только не делали они, чего не испытали? И землю копали, и камни выворачивали... Все, что полагалось делать сильным джигитам,— все прошло через наши руки. Ладони наши трескались от мороза, ныли от усталости. Но мы все снесли, все стерпели. Не пропал наш труд, сослужил свою службу. Скажи, разве вы на фронте нуждаетесь в чем-нибудь?.. Разве не читаете наших ласковых писем, написанных вот этими же огрубевшими руками, которые поят и кормят вас?..» Не ради похвалы или упрека Сергею говорит это Акия. Нет. Она выражает горячие чувства советской патриотки, беззаветно любящей свою Родину.

— Нет, не хвалимся мы! Просто хотим сказать: «Передай своим товарищам, пусть не беспокоятся. Все мы сделаем, всего у нас хватит. Пусть на своей шкуре испытает Гитлер, с кем имеет дело...».

В образе Акии выражены наиболее характерные, типические черты женщины-киргизки, воспитанной ленинско-сталинским комсомолом, сталинской эпохой. По складу своего характера Акии очень близки и Зарыл, и Маруся, и Айганыш и несколько обособлявшаяся ранее от активной жизни в колхозе Бурма. Они представляют те основные кадры, от которых в дни войны зависела судьба колхоза. Свою роль они выполнили с честью.

Т. Сыдыкбеков хорошо знает изображаемых им людей. Он внимательно изучал их жизнь. Характеры, которые он создает в романе, не абстрактные схемы, мы видим советских людей, живущих большой, содержательной жизнью. Они беззаветно трудились до войны на благо Родины, они грудью встали на защиту социалистических завоеваний в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны. Мырап Акман и кузнец Дмитрий при иных условиях могли бы пользоваться заслуженным покоем. Они заработали это годами честной трудовой жизни. Но когда грозная опасность нависла над Родиной, Акман и Дмитрий отдали колхозу весь свой трудовой опыт, все свои силы. Акман не только обеспечивает распределение воды по полевым участкам, он становится во главе колхозной конюфермы, готовит для Советской Армии выносливых коней. Там,

где раньше работало несколько человек, сейчас трудится один Акман. Кузнец Дмитрий, оставшись без квалифицированных помощников, обеспечивает своевременный ремонт сельскохозяйственных машин и инвентаря. Благодаря самоотверженному труду двух стариков-колхозников колхозное производство ни на минуту не приостанавливается.

Всю деятельность колхозников в дни войны направляет молодой коммунист, бывший бригадир Чаргын Конунов. Он всей душой стремился попасть на фронт. Он хотел вместе с Шамбетом, Сергеем и Элебесом громить врага. Но его оставили в кыштаке и избрали председателем колхоза. Чаргын очень недоволен тем, что его отделили от товарищей. Ведь он «не трус, чтобы оставаться в юрте, когда другие пошли на войну». Но уже после первой беседы с секретарем райкома партии, после разговоров с односельчанами Чаргын убеждается, что на него пала не меньшая ответственность. Нельзя воевать и побеждать в войне без крепкого тыла. Этому учит партия, учит любимый вождь Сталин.

Писатель рисует путь роста своего героя от рядового колхозника до вожака колхозных масс, государственного деятеля. Чаргын постоянно советуется с людьми, он требователен к себе и другим, неизменно нацеливает коллектив на преодоление трудностей, на самоотверженный труд. Во всех своих начинаниях он находит активную поддержку колхозников-патриотов. И как ни стремился отщепенец и мелкий прохвост Чегиртке скомпрометировать Чаргына, помешать ему в работе — ничего не вышло. Чегиртке был разоблачен и понес заслуженное наказание. А Чаргын и дружный коллектив колхозников продолжали свои славные патриотические дела. Даже сплетница мельничиха Калыпа, бывшая одно время орудием в руках Чегиртке, сознает свои ошибки и добросовестно трудится в колхозе. Такова природа нашего социалистического общества. Все отжившее, таящее в себе остатки прошлого, беспощадно сметается с дороги, а новое расцветает, совершенствуется, движется вперед. Неоглядные просторы открываются перед теми, кто честно и самоотверженно посвящает себя труду во имя любимой Отчизны.

Правдивый рассказ о Чаргыне является несомненной удачей Т. Сыдыкбекова. Че-

рез Чаргына, выросшего на глазах читателя, писатель показывает закономерности развития нашего советского общества. Безграничная любовь к Родине, большевистской партии, великому Сталину владеет сердцем народа. Советское общество окрепло, выросли люди, в активную творческую жизнь включились миллионы. И это убедительно подтверждает весь жизненный путь Чаргына, правдиво нарисованный Т. Сыдыкбековым.

В романе Т. Сыдыкбекова есть еще одно прекрасное качество. В нем ярко показано величие сталинской дружбы народов Советского Союза. Русский кузнец Дмитрий, его жена Надежда Сергеевна, сын Сергей и дочь Маруся, давно живущие в кыштаке, неотделимы от общей семьи колхозников-киргизов. Да, было время, когда Дмитрий и Акман не умели жить в дружбе, дело доходило даже до стычек. Это было в далеком дореволюционном прошлом. Сегодня воспоминания об этих стычках вызывают усмешку у Дмитрия и у Акмана. Сегодня помыслы их едины, сегодня они — дружная, неделимая колхозная семья. Дмитрий внес много полезного в киргизский кыштак. Он привил новые культурные навыки киргизам-скотоводам. Немало на первый взгляд незаметных элементов русской культуры переняли у семьи Дмитрия его односельчане.

Годы войны еще больше укрепили нерушимость сталинской дружбы народов. Одни мысли, одни стремления владели Акманом, Дмитрием, Чаргыном, Марусей, Акией и другими колхозниками. И когда в колхозе появляется украинка Люба с ребенком, приехавшая в кыштак по совету встретившегося ей на фронте сына Каныш — офицера Касейна, она встречает самый теплый и дружественный прием. Она чувствует себя в родной семье. Интересы киргизского колхоза становятся ее интересами, ее заботы становятся заботами колхоза. Да и как же может быть иначе? На фронте за общее дело борются мужья Любы, Акии, Айганыш, Бурмы, сыновья Каныш и Дмитрия, русские, украинцы, киргизы и много других славных сынов многонационального советского народа. В тылу рабочие и колхозники разных национальностей обеспечивают фронт всем необходимым для войны. Маленький колхоз на берегу далекого Иссык-куля живет теми же чувствами, что и вся страна. Со-

ветские патриоты: русский Димитрий, украинка Люба, киргизы Чаргын, Акман и другие — посвятили свою жизнь делу победы над врагом. Так в жизни маленького кыштака, как в капле воды, нашла отражение великая сила нерушимой сталинской дружбы советских народов.

Колхозники в дни войны беззаветно трудились для фронта, но Чаргын и его друзья никогда не переставали горячо мечтать о том дне, когда победоносно закончится война, фронтовики вернутся домой и можно будет закончить строительство электростанции. Этот день наступает. Победа завоевана. Шамбет, Қасеин, Табылды, а несколько раньше Сергей, возвращаются в родной колхоз. Их радостно встречают любимые и друзья. Роман заканчивается картиной возобновления строительства канала. Представитель районного комитета партии Нуркасым на импровизированном митинге произносит взволнованную речь.

— Родные!— обратился к народу Нуркасым.— На четыре года оторвала нас война от мирного труда. Тосковали наши ру-

ки по плугу и кетменю. Повергли мы в прах Гитлера, отстаили свою свободу и право на созидательный труд. Наше правое дело победило. Кровью лучших джигитов завоевана победа. Еще пышнее расцветет наша родина, дорогие братья и сестры! По этому каналу устремится быстрая прозрачная вода. Никогда не иссякнет этот источник новой жизни. Свет и радость понесет он в каждый дом кыштака. Дружно за дело, родные!

Люди рассыпались по каналу. Под веселую песню засверкали в ловких руках кетмени и лопаты, кирки и заступы. Электростанция должна быть готова к осени. И она будет готова. Электрический ток «будет крутить молотилку, засияет огнем в каждом доме, в клубе, зальет светом обширный колхозный двор». Так будет.

Т. Сыдыкбеков написал волнующее патристическое произведение. Его успех является успехом всей нашей многонациональной литературы.

С. КИРЬЯНОВ.

★

Счастье борьбы

Действие первой книги романа В. Лациса «Буря» происходит в досоветской Латвии. Военно-фашистская диктатура Ульманиса рабски копирует методы гитлеровцев. Но вопреки клеветнической пропаганде фашиствующей клики, латышский народ прекрасно понимает, что спасти Латвию может только Россия. «Пока Латвия не станет для России доброй соседкой — порядочной жизни не будет», — говорит рабочий Мартин Спаре.

С беспощадной правдивостью, остро и талантливо раскрывает писатель социальные противоречия досоветской Латвии.

Многообразная галерея образов нашла свое художественное воплощение в романе. Тут и разложившаяся клика Ульманиса, министр Никура, провокаторы Вильдэ и Понтэ и другие крупные и мелкие шпионы, явно и тайно торгующие своей страной; им противостоит коммунистическое подполье и его руководители — Андрей Силенник, Жубур, Айя Спаре, Юрий Рубе-

нис — люди большой нравственной силы, люди, которые поднимают народ, учат его борьбе, сопротивлению.

Автор раскрывает перед читателем ворота президентского замка, ведет на чердак, в мастерскую художника, спускается на театральные подмостки, в дома рабочих, в подполье коммунистической партии. «Буря» — произведение широкого охвата, в котором представлены все классы и социальные прослойки досоветской, а затем и советской Латвии.

Но что особенно привлекает, радует читателя, что является несомненной удачей автора — это образы большевиков. В. Лацис показывает, что только коммунистические идеи и борьба за их воплощение способны сделать человека Человеком, вернуть ему чувство достоинства, гордости, снять трагедию «маленького человека», которой посвящено столько безрадостных страниц в современной западной литературе.

Идея романа раскрывается на отношении героев к буре — к революции, к борьбе. «Приближается буря... Каждое живое су-

Вилис Лацис. «Буря». Латгосиздат, 1948.

щество ищет надежного убежища», — говорит шпион и провокатор Феликс Вильдэ. И если Ульманис и его клика, почувствовав силы народа и его готовность к сопротивлению, держат курс на гитлеровскую Германию, если обыватели, «бедные пугливые ящерицы», как называет их автор, беспоконно выжидают, не решаясь вступить в борьбу, то большевики идут навстречу буре, хотя ульманисовский режим грозит им тюрьмой и виселицей. Они не только идут, они поднимают бурю, ведут за собой народ.

Писатель показал большевиков в действии, раскрыл становление большевистского характера.

Для одних героев книги с ранней юности тюрьма становится школой, подполье — университетом. Пред ними не стояла дилемма: принять или не принять революцию. «Моя революция», — говорил В. Маяковский. Так и для них: борьба за новую жизнь — хлеб и воздух, смысл жизни и ее счастье. Таков руководитель подполья Андрей Силенник. Этот целеустремленный, собранный человек живет одной идеей, одной страстью, и страсть эта — революция.

У Силенника нет семьи, нет любимой. Но пусть не подумает читатель, что Силенник аскетически отказывается от человеческих радостей. Нет, это человек всепоглощающей страсти, большевик, все силы которого принадлежат народу и для которого борьба и участие в революционном движении — личное и огромное счастье.

Силенник предстает в романе как человек сложившегося большевистского характера.

Показ того, как под влиянием коммунистических идей человек вновь становится Человеком, обретает утраченное достоинство, наиболее полно раскрывается в эволюции образа Жубура.

Карл Жубур не сразу приходит к революционным идеям и действиям. Окончив школу, он мечтает о работе, об университете. Будущее представляется ему огромным полем, которое можно возделывать сообразно своим желаниям и мечтам. Но не долго пребывает Жубур в плену иллюзий. В буржуазной Латвии трудящийся человек не мог получить ни постоянной работы, ни образования. Двенадцать лет неудач иссушили надежды Жубура. Один из предста-

вителей армии безработных, он уже не мечтает об устойчивом заработке и прочном быте.

Иным из этого легиона, наиболее малодушным и беспомощным, капиталистическая система казалась вечной и незыблемой, как сам мир, рождала чувство страха. Не имея сил сопротивляться, они видели единственный выход для себя в смерти. Покончила с собой молодая и красивая Агня Салис, бросился в Даугаву Ян Бридынь.

Боязнь безработицы, вечная погоня за куском хлеба породили вначале и у Жубура чувство своей ненужности, зависимости, одиночества, вечно подавленное состояние духа.

Одиноким человек слабее, его легче подчинить, обуздать. В. Ляцис показывает, что правительственная клика Ульманиса умышленно стремилась деклассировать, разобщить интеллигенцию, сознательно возвращала у нее чувство одиночества, слабости, беспомощности.

— У меня такое чувство, — говорит Жубур, — что пространство, которое я занимаю на земле, на самом деле не мое, что при первом неосторожном шаге меня лишат его. Хотя бы один раз я мог убедиться, что я необходимая частица общества, что оно нуждается во мне. Наоборот. Все время приходится уподоблять себя пробке, которая погружается в воду, а ее с непреодолимой силой выталкивает вверх. Вот так и приходишь к сознанию, что ты лишний, — говорит Жубур Силеннику.

— Лишний, — усмехнулся Силенник. — Нет, вы не лишний. И думать так — величайшее заблуждение, но оно утверждается в сознании миллионов таких, как вы и ваши товарищи, теми людьми, кому оно выгодно. Оно создается самим общественным строем.

Встреча с Силенником оказалась для Жубура решающей. Жубур приходит к выводу, что не он не нужен обществу, а не нужен тот строй, который делает человека слабым и беспомощным, что надо изменить существующий порядок, и есть сила, которая способна это сделать. Эта сила — народ. Жубур начинает понимать, что нельзя отгораживать забором свою жизнь от жизни народа, что нет и не может быть счастья в фашистской Латвии вне борьбы. И революционная борьба становится и смыслом, и счастьем его жизни.

Жубур — герой эволюционирующий, развивающийся, и процесс становления большевистского характера выписан в романе ярко и художественно. Под руководством Силенника становится Жубур настоящим коммунистом. Сначала Силенник приучает Жубура к практической деятельности, дает ему отдельные поручения, затем, зная, что без теоретического вооружения нельзя стать настоящим коммунистом, начинает снабжать его книгами В. И. Ленина, И. В. Сталина.

Многое в образе Жубура родственно героям-подпольщикам советской литературы. Но если те были создателями и строителями нового, невиданного еще в мире общества, если их путь был путем «землепроходцев», то путь Жубура, как и всех прогрессивных людей мира, наших современников, облегчен тем, что существование социалистического государства не мечта, а действительность. Опыт Советского Союза, книги советских писателей помогают коммунистам других стран, внушают им веру в победу, дают им силу для борьбы.

Задание за заданием, книга за книгой — и исполнитель отдельных несложных поручений Жубур стал убежденным коммунистом, борцом за новую Латвию. Исчезло чувство одиночества, зависимости, появилось ощущение своей нужности, необходимости. Так в эволюции образа Жубура писатель показывает, что только коммунистические идеи и борьба за них способны сделать человека Человеком, вернуть ему чувство достоинства, гордости.

Если Силенник представлен в романе уже зрелым большевиком, если становление характера Жубура происходит в период подполья, в досоветской Латвии, то значительная часть латвийской интеллигенции пробудилась к общественной жизни в тот период, когда Латвия уже стала советской. Этому посвящена вторая книга романа. Не годы, а события делают человека зрелым. «Чем богаче содержанием жизнь, тем быстрее созревает человек», — говорит В. Лацис и раскрывает, как под влиянием новой действительности становится советской лучшей, передовой частью интеллигенции.

Мара Павулан, известная актриса рижского театра, долгое время жила в ограниченном мире своих профессиональных интересов. Мара — человек нераскрывшихся

возможностей. Ее внутренняя жизнь — как запечатанное письмо, содержание которого неизвестно. Протестуя против зла, она не знает еще, в чем добро. Трагическое событие в личной жизни (муж Мары оказался ульманисовским шпионом) пробудило Мару, открыло ей глаза на действительность. Однако не идейная неприимиримость, а лишь внутренняя чистота и шепетильность, заставили Мару уйти от мужа. Но когда Латвия стала советской, когда опыт социалистического строительства советского государства стал достоянием не только коммунистов, но и всех трудящихся Латвии, — мир Мары стал шире, взгляд зорче. Она с жадностью набрасывается на книги советских писателей, и «каждая прочитанная книга была порывом бури, который рассеивал непроглядную мглу, до сих пор скрывавшую правду о жизни, о людях, об их общественных отношениях».

С необычайной силой раскрыто в романе воспитательное значение советской литературы.

В докладе на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1948 года В. М. Молотов говорил: «Советское искусство проникает далеко за рубежи страны, освещая дела и дни нашей родины, которые капиталистическая печать стремится скрыть или извратить в глазах трудящихся».

Это положение В. М. Молотова раскрыто в романе В. Лациса. Из книг Жубур узнал о советских людях — создателях нового общества. Эти книги рассказывали о характере советского человека, строителя и борца, учили бороться и строить.

«В книгах Шолохова, Островского, Алексея Толстого и других советских писателей, — пишет В. Лацис, — которые Жубур прочел за зиму, он увидел, как рождался и строился этот общество — советский человек, как, преобразуя мир, он преобразовывал свою душу. Теперь и его глаза стали приобретать зоркость, многие явления, которые раньше, наблюдая каждый день, он считал естественными, теперь вызывали в нем острое возмущение, как будто он встретился с ними впервые».

И Мара Павулан все чаще и чаще спрашивает себя, «как она могла, как вообще мог интеллигентный человек обходиться

без этих книг? Это было все равно, что жить на уединенном острове среди океана, куда не доходит ни одна весть о том, что творится в мире». Мара уже привлекает симпатии читателей не только своей моральной чистотой, но и ясностью политических симпатий, и своей активной общественной деятельностью. И когда незадолго до начала войны Мара спрашиваету Жубура, вправе ли она себя считать большевиком, то читатель отвечает вместе с Жубуром: «да, вправе». Свет России, свет коммунистических идей осветил мир, люди научились видеть цель борьбы, различать друзей и врагов, знать, за что и с кем они борются.

В то время как космополиты объявляли произведения западных писателей эталоном, которым и «проверяли» силу и зрелость советской литературы, В. Лацис с необычайной убедительностью показал, что книги советских писателей служили руководством к действию для всех честных людей за рубежом, искавших путей борьбы. Эти книги вооружали большевиков, помогали им в работе, воспитывали новых людей социалистического общества.

И когда В. Лацис вскрывает сущность буржуазной обывательщины, показывает пути, которыми она идет, то обнаруживается трогательное сходство в тактике некоторых представителей космополитической критики и наиболее реакционных буржуазных обывателей. Редактор газеты Саусум принадлежит к той категории людей, которые, осуждая фашистский режим Ульманиса, не верят и в силы советской Латвии. Саусум ничего не утверждает, ничего не опровергает, он просто выжидает. И выжидание — это тактика борьбы и путь борьбы. Саусум мечтает о малом, ему хочется спрятаться от бури, переждать то время, когда бушуют большие политические страсти. И он находит спасательный круг, при помощи которого пытается удержаться на поверхности. Это — обращение к прошлому. Маскируясь любовью к классической литературе, Саусум и его единомышленники проявляют требующуюся, по их мнению, активность, и в то же время не дискредитируют себя интересом к новым идеям, новому времени. Внимание к классикам оказывается отнюдь не свидетельством влюбленности критиков и литературоведов в классическую латыш-

скую литературу. Нет, это своеобразная мимикрия, симуляция активности и в то же время игра в нейтральность. Саусум восхищается тем, как применяет эту тактику выжидания критик Артур Берзинь.

«Каждую неделю он дает по большой статье о своих пиебалгских классиках. Поди докажи после этого, что он неактивен или стоит в стороне от общественной жизни. Также и другие, в ком говорит инстинкт самосохранения и здравый смысл. Они вам не станут писать о Маяковском, Шолохове, Островском или о последних советских пьесах. Они даже сделают круг, чтобы обойти Белинского, Горького и Андрея Упита... И умно поступают, — говорит Саусум, — они себя не прозакладывают новым временем. Если что-нибудь изменится, вы не найдете ни одной компрометирующей строчки в их теперешней продукции. А в чем их могут упрекнуть большевики? Писателю, художнику, искусствоведу и литературоведу требуется перспектива, дистанция, с которой можно изучать изображаемую эпоху».

Стремление переждать события, не брать на себя ответственность за новое время, новые идеи, новое искусство — вот сущность буржуазно-обывательского отношения к миру. Но не едина и группа обывателей. Если в образе Саусума показан обыватель, приспособляющийся, трусливый и выжидающий, то более сложен и противоречив путь художника Прамниека. Вначале Прамниека проявляет подлинно активный интерес к новым явлениям и событиям. Внимательно, а порой с восхищением следит он за первыми шагами советской власти в Латвии, но только следит, а не действует. Решение сейма о вступлении Латвии в Советский Союз было встречено народом восторженно. Этот восторг разделяет и Прамниека: «Это был не просто людской поток, — говорит он, — это походило на теплую весеннюю бурю. Знаешь, как бывает в мае. Деревья гнутся, по Даугаве ходят волны, а па душе легко и весело. Подставляешь лицо ветру и отдаешься его порывам. И когда теплые потоки дождя начинают поливать тебя, ты только радостно улыбаешься, — будет богатое лето, урожайный год». И год советской власти в Латвии был действительно урожайным годом. Поднялась народная инициатива, под-

руководством партии начал строить латышский народ новую жизнь. Но Прамниек оказался не среди тех, кто строит. Обывательщина, как плесень, просачивается к тем, кто стоит в стороне от борьбы, бездействует. В решительный момент, когда немецкие фашисты приблизились к Риге и надо было решать, оставаться ли в Латвии или эвакуироваться в Советский Союз, Прамниек остался. Квартира и картины, боязнь их потерять, страх перед новым смутили душу художника, превратили его в растерявшегося обывателя.

Роман еще не переведен целиком на русский язык. Мы говорим сейчас о первой книге, впереди читателя ждут еще две, в которых автор рассказывает о войне латышского народа с гитлеризмом, о партизанском движении и о послевоенном периоде, о строительстве социализма в Латвии.

Один только год жила мирной жизнью советская Латвия до войны. Новая республика проходила первый этап советской власти — период неустанной борьбы народа с остатками старого строя, и одновременно страна стала на путь строительства социализма. Опыт строительства социализма в Советском Союзе помог латышскому народу идти по этому пути. В первые же месяцы на полях бедняков появились тракторы МТС, на заводах возникло стахановское движение.

Реалистически правдиво вскрывает В. Лацис те трудности, которые пришлось преодолеть латышскому народу в борьбе с

врагами. вредительством на предприятиях, саботажем в учреждениях, кулацкими происками в деревнях. Но тщетно пытались ульманисовские молодчики сорвать строительство социализма в стране. Долго сдерживаемая народная инициатива прорвалась, как поток. Народ хотел строить свое новое государство. Мы расстаемся с героями романа в суровые военные месяцы. Огромный город, погруженный в сумрак ночи и красный клубящийся дым пожаров, провожает большевиков, уходящих с последними частями Красной Армии. Впереди путь борьбы и победы.

Нетерпеливо, с волнением будет ждать читатель новой встречи с полюбившимися ему героями книги, большевиками, для которых борьба за счастье народа — смысл всей жизни.

В. Лацис написал прекрасную книгу.

В прошлом коммунист-подпольщик, затем крупный государственный деятель — председатель Совета министров Латвийской ССР, он превосходно владеет материалом, знает действительность во всей ее глубине и сложности.

«Настоящий советский писатель должен быть марксистом», — писал М. И. Калинин.

«Бура» — роман, написанный марксистом, роман, в котором в единый узел соединяются умелый отбор и знание материала, ясная направленность, четкая идейная позиция и темперамент коммуниста-борца.

С. БАБЕНЫШЕВА.

★

Голос народа

В Венгрии за месяц до последних выборов Народный фронт независимо опубликовал воззвание. Партии, объединившиеся в Народном фронте независимости и выступившие с общим списком, призывали народ продемонстрировать на выборах свое отношение к коренным переменам, происшедшим в общественной и экономической жизни страны.

«Одобрят ли он устранение крупной помещицы и капиталистической реакции и

агентов иностранных империалистов из политической жизни;

одобрят ли он мирную политику, направленную на защиту независимости страны, созидательного труда и свободы нашего народа;

поддерживает ли он новый пятилетний план, обеспечивающий дальнейший подъем нашей родины;

доверяет ли он управление страной венгерскому Народному фронту независимости,

Н. Вирта. «В одной стране». Драма в 4-х действиях. Журнал «Звезда», № 11 1948.

¹ М. И. Калинин. О вопросах социалистической культуры. Госполитиздат, 1938, стр. 104.

крепкому, испытанному руководству рабочего класса, находящемуся в союзе с трудящимся крестьянством».

Сжатые фразы воззвания формулируют итог четырехлетней упорной борьбы венгерских трудящихся с реакционерами, которые пытались снова толкнуть страну в лагерь капитализма.

Венгерский Народный фронт одержал на выборах полную победу. 15 мая 1949 года — памятная вежа в истории Венгрии, ею отмечен уверенный путь трудящихся Венгрии к свободе, к социализму.

Враги мира и демократии пустили в ход все средства — от открытой политической борьбы до тайных уголовных преступлений, чтобы помешать трудовому народу Венгрии встать на этот путь.

С благословения реакционного духовенства и при поддержке Лондона и Вашингтона заводчики, фабриканты, торговцы, политические дельцы — все те, кого народ, в конце концов, устранил из политической жизни, — осуществляли саботаж, устраивали заговоры, убийства, пытались дезорганизовать экономику государства, хотели подорвать веру трудящихся в строительство социализма, запугать народ жупелом новой войны.

То, что происходило на протяжении четырех лет в Венгрии, характерно и для других стран новой демократии.

Вспомним Чехословакию и февральские дни прошлого года, когда попытка реакционного переворота потерпела полный крах и вопрос «кто—кого» был окончательно решен в пользу народа. Вспомним неутомимую борьбу народных масс Польши против буржуазной клики Миколойчика и бандитов фашистского подполья.

События эти неизменно приходят на ум, когда читаешь или смотришь драму «Заговор обреченных». С большой публицистической страстностью и жизненно-правдиво написана Н. Виртой эта пьеса.

«Действие происходит в 194... году в одной из западных стран», — читаем мы в авторской ремарке. И мы не требуем точного адреса этой страны и не ищем буквальной даты. На наших глазах разыгрывается драматическая борьба трудящихся Запада за свободу и независимость своих государств, и мы благодарны драматургу, воплотившему в живых образах и картинах то, за чем мы сочувственно следили на

протяжении послевоенных годов и о чем узнавали по радио и из газет.

Глубокая заинтересованность в судьбах народов мира, истинный гуманизм, присущий писателям Советской страны, верное художественное чутье, публицистический опыт военных лет позволили драматургу создать на исторически достоверном материале пьесу высокоинтересную, захватывающую читателя и зрителя злободневностью затронутых в ней проблем.

...Отгремели бои, миновали годы страшной немецкой оккупации. Мирно течет беседа на террасе у фермера Косты Варра.

О чем говорят хозяин, его жена Мина и их гости: бывший командир танковой дивизии мастер танкового завода Марк Пино, работница того же завода молодая коммунистка Магда Форсгольм, старый Стебан Вежа земледelec и сосед Косты? Об отдыхе и благоденствии, что наступили после войны?

Нет, речи их о другом. В стране неурожай, народ бедствует, а господа попрежнему владеют своими латифундиями и заводами, развлекаются охотой и ездят в модельных авто. В парламенте наряду с лидерами буржуазных партий заседают народные представители, но у них нет большинства голосов, чтобы провести декрет о помощи земледельцам за счет капиталов богачей.

— Что ж, Мина, — говорит Магда в ответ на ироническое замечание жены фермера о парламентской деятельности мужа, — Коста Варра храбро воевал с немцами, а теперь с трибуны парламента воюет за народные права.

— А что же такое он отвоевал для народа? Земли у нас стало больше? Налоги меньше?

В этой гневно-скептической реплике Мины — завязка пьесы.

Как отстоять права народа, обильно пролившего свою кровь в войне, — этот вопрос глубоко волнует и коммунистку Ганну Лихта — заместителя премьеры, и Косту, и его жену, и рядового члена партии правых социал-демократов Марка Пино. Еще по-разному они смотрят на эту задачу, и каждый ищет различные пути ее разрешения, но жестокая борьба и кровавые жертвы, которые несут народ и его вожди в этой борьбе, указывают тем, кому дорога судь-

ба родины, единственно правильный выход. Этот выход в изгнании обанкротившихся буржуазных политиков из правительства, в твердой и последовательной поддержке коммунистических лозунгов.

Неумолимая действительность раскрывает глаза и простой женщине из народа Мине Варра, которая вначале с верой и надеждой слушает елейные речи кардинала Бирнча, а в конце пьесы задерживает почтенного монсьёра при попытке к бегству под крылышко американских католиков. Жизнь раскрывает глаза и Марку Пино — сыну министра и лидера правых социал-демократов.

— Когда стреляют в коммунистов — стреляют в народ. Всей своей политикой ты готовил эти выстрелы, — говорит Марк Пино, порывая с отцом и его партией.

Воспитанный на социал-демократической фразеологии, Марк боится острых углов, он жаждет некоего мифического «демократического социализма», его пугает «социализм разрушения и террора», как он отзывается о программе коммунистов в период своего заблуждения.

Проходит время, и Марк делает окончательный выбор.

Боевые и четкие лозунги, идеология коммунистической партии охватывают все более широкие слои народа.

— Твой путь к коммунизму сложный, но и ты придешь к нему, Марк. Все дороги ведут к нему, — говорит Ганна Лихта.

О том, как происходит этот процесс в сознании различных людей, о том, как возрастает бдительность и куется энергия новых хозяев государства, убедительно рассказывает пьеса Н. Вирты.

Острые положения драмы, яркие диалоги раскрывают во всем своеобразием характеры действующих лиц.

Столкновения персонажей рисуют картину непримиримой борьбы двух лагерей — лагеря подлинной демократии во главе с Ганной Лихта и лагеря недавних заправил страны, богачей, продажных дельцов и темных авантюристов, помышляющих не о благе страны, а о собственных выгодах. В этом лагере — Христина Падера — министр продовольствия и руководящее лицо партии «Национального единства», запродавшая и се-

бя, и свое министерство, и свою партию иностранной разведке. Здесь Гуго Вастис — крупный промышленник и лидер католической партии. Здесь, несомненно, кардинал Бирнч, прообразом которого вполне мог бы служить кардинал Миндсенти, разоблаченный венгерским судом как американский шпион. Здесь, наконец, и «заокеанские друзья»: шпионка Кира Рейчел, подвизающаяся под видом журналистки, и финансовый туз из Нью-Йорка сэр Генри Мак-Хилл.

Американцы добиваются того, чтобы страна была включена в число государств, уже охваченных кабальным «планом восстановления Европы». И Христина Падера, и Гуго Вастис, и кардинал Бирнч — все они на службе у Уолл-стрита, и приказ из-за океана требует, чтобы они протаскили через парламент договор о принятии американской помощи.

Сцена полная глубокого значения происходит во дворце, где заседает парламент и куда явилась делегация народа. Высокомерные лидеры буржуазных партий с презрением шикают на делегатов. Но времена изменились. Не просить милости у господ, а требовать выполнения своей воли пришли сюда посланцы народа. Властно звучат слова делегатки, заявляющей, что на выборах — «а они близки — не забывайте» — голоса будут отданы тем, кто выскажется против американской помощи, против того, чтобы увеличивать прибыли американских миллионеров и атомщиков.

— Женщины! Неужели вы за коммунизм, который ползет на нас страшной тучей с Востока? — увещевает делегаток кардинал.

— С Востока? Но с востока к нам идет и солнце, вот оно что, монсьёор! — непреклонно отвечает ему Мина Варра.

Да, взоры народов обращены на Восток, к Москве, к Советскому Союзу, благородно и бескорыстно помогающему строительству новой жизни в странах народной демократии.

Этим чистым светом с Востока как бы пронизана вся атмосфера пьесы, убедительно показывающей законное торжество новой демократии над антинародными прощками агентуры Уолл-стрита.

Л. МИХАЙЛОВА.

Студенты

Поговорите со студентами. Из какого вуза они бы ни были, как правило, все они в один голос говорят: «И у нас есть тоже свои Викторы, свои Феди Карпенко, свои Нины и Майи...» Студенческая молодежь послевоенного времени предстанет перед нами в повести Владимира Добровольского «Трое в серых шинелях» в многообразии характеров, в богатстве душевных проявлений. Мы как бы вмешиваемся в жизнь этих юношей и девушек: мы узнаем их мечты и раздумья; мы присутствуем при горячих спорах, которые то и дело вспыхивают между ними; нам яснее становится, как идут у них «поиски главного» в жизни, как вырабатываются у этой молодежи жизненные идеалы, основанные на преданности родине, верности знамени партии Ленина — Сталина. Талантливо изображает В. Добровольский высокую идейность помыслов и огромную жадность к знаниям, которые сейчас еще больше чем когда-либо отличают советское студенчество; живо рисует он и личные отношения, складывающиеся между молодыми людьми, чистые, поистине поэтичные; наконец, образно воплощено в его книге то единение личного и общественного, которое так ярко характеризует всю нашу советскую современность. Один из героев В. Добровольского, Виктор Черкашин, размышляет в повести о том, что «чувство общественного долга — это чувство большинства людей, которых он встречает. Многие прячут это чувство под чем-то обыденным, житейским или личным. Но существует ли вообще личное отдельно от общего, от будней учебы, от труда ради будущего?».

Виктор Черкашин принадлежит к тем героям повести, которые обрисованы автором наиболее полно и выпукло. До войны Виктор успел проучиться в университете всего лишь год, затем он четыре года провоевал и с серой шинелью на плечах снова вернулся в родной свой вуз. Такие студенты-фронтовики, повзрослевшие и закалившиеся в испытаниях Великой Отечественной войны, в первые послевоенные годы — подлинный костяк нашего студен-

чества. Лучшие качества советской молодежи нашли в них свое выражение.

У Черкашина — натура борца. Он не избегает трудностей, препятствий — он идет навстречу им для того, чтобы преодолеть их. Виктор отбрасывает всякие рассуждения, что одному, дескать, «везет», а другому «не везет». «Жизнь — это не лотерея», — говорит он сестре своего армейского товарища Саши Попова, Мусе. Во всех своих поступках, больших и малых, Виктор стремится к настоящим, а не случайным достижениям.

В повести есть эпизод, над которым стоит призадуматься учащейся молодежи. Обстоятельства сложились так, что, вопреки своим правилам, Виктор пошел на экзамен не подготовившись. Но тут ему неожиданно повезло. Он вытащил билет с вопросом, который прекрасно знал, так как именно на эту тему писал реферат для студенческого научного кружка. В результате в его зачетной книжке появляется пятерка. Это, однако, незаслуженная пятерка, и она не доставляет Виктору никакого удовлетворения. И вот Черкашин идет к профессору, просит его вычеркнуть из матрикула свою подпись, а потом пересдает пятерку на пятерку. Никому из своих товарищей он об этом не говорит, вероятно потому, что со стороны его поступок может быть неправильно воспринят, — но какое это замечательное свидетельство прямоты, честности, серьезности и высокоразвитого чувства ответственности, присущих лучшим представителям нашей молодежи!

Другой, не менее показательный эпизод повести — лыжный кросс. Перед участниками соревнования два пути: «один длинный, обходный, сравнительно легкий, вдоль дороги, и другой короткий, опасный, напрямик — через овраги и обрывы». И Черкашин и его сильнейший соперник Блицы выбирают второй путь, более трудный, но дающий больше шансов на победу. Виктору удается опередить Блицына. Между тем погода ухудшается, разыгрывается метель. И вдруг Виктор убеждается, что соперник, шедший за ним по пятам, куда-то исчез. Значит, случилось какое-то несчастье! Не раздумывая ни минуты, Виктор резко поворачивает обратно, после долгих поисков; в наступивших су-

Владимир Добровольский.
«Трое в серых шинелях». Повесть. «Советский писатель», 1948.

мерках находит Блицына, вывихнувшего себе ногу, и, напрягая все силы, измученный, тащит его из леса, к жилью. И так, хотя финишировать Виктору и не удалось, за ним остается, как выражается его однокурсник Ивнев, «моральное первое место». «Новый термин в спортивном деле», — отшучивается Черкашин. Но это правильный термин — и эпизод кросса, превосходно написанный В. Добровольским, наглядно показывает моральную высоту и большое сердце советского юноши.

И в личных, интимных своих переживаниях Виктор верен себе — и здесь он также прям и серьезен, требователен и чист. Это видно по его отношениям с Мусей. Ее влечет к Виктору, и ему порой кажется, что она могла бы стать простой и ласковой женой. Но когда Саша, «пряча глаза», советует своему другу: «Женился бы ты. Как-нибудь прожили бы», — мы сразу понимаем, что для Черкашина такой совет неприемлем. Саша, говоря «как-нибудь», подразумевает, возможно, всякие бытовые неполадки, трудность для студента с небольшой стипендией организовать семью. Однако для Виктора дело совсем в другом. Он не может «как-нибудь», без настоящей, большой любви, соединить свою судьбу с чужой судьбой. Перед войной, студентом-первокурсником, он встретился с девушкой, десятиклассницей Тamarой, и хотя ни слова о любви между ними не было сказано, хотя он потерял ее из виду и целых пять лет ничего о ней не слышал, все эти годы светит ему «огонек», который ничто погасить не в состоянии.

Виктору подстать в повести Федя Карпенко, Нина и многие другие, составляющие дружный, работающий вузовский коллектив. У каждого из этих студентов свои индивидуальные особенности, в большинстве случаев удачно очерченные В. Добровольским, и с каждым из них приятно встретиться читателю, потому что все они люди большой принципиальности и неподдельной душевной красоты.

Есть в студенческой среде и такие юноши и девушки, для которых решающая пора их формирования еще впереди, которым очень много еще предстоит над собой поработать.

Взять хотя бы Володю, студента последнего курса филологического факультета. «Еще до войны он писал стихи и даже печатался. Тогда все его называли поэтом.

А теперь получилась какая-то заминка, и Володя снова стал просто студентом». Юноша этот не лишен способностей, — но беда его в том, что по-настоящему с жизнью народа он не вошел в соприкосновение, что он в плену индивидуалистических настроений. В конце концов он сам приходит к осознанию того, в чем его ошибка: «Я успокоился рано. Я успокоился еще на первом курсе, когда первое стихотворение напечатали. Я решил, что мне суждено быть поэтом. А я фактически так и остался первокурсником, как будто жизнь пронеслась мимо, а я на полустанке остался».

Однако в нашем советском обществе так не бывает, чтобы люди с хорошими задатками, стремящиеся к деятельной жизни, оставались в стороне. Могучая сила коллектива советских людей передельывает, воспитывает и отстающих. Так происходит и с Володей, который решает временно отказаться от стихов и отправляется на работу в районный центр. Ему помогают перестроиться товарищи, помогает Виктор, который откровенно высказывает Володе все, что он о нем думает, помогает Нина, которая любит Володю и поэтому особенно нетерпима ко всем его недостаткам.

Сила молодого коллектива возвращает к жизни бывшего фронтовика Чемезова, считавшего себя безнадежным инвалидом, указывает растерявшейся Мусе «красивое и нужное» дело, дает Майе веру в свои возможности.

О жизни в движении рассказывает повесть «Трое в серых шинелях», о непрерывном росте советских людей, о все новых и новых завоеваниях нашей молодежи и об огромной, неодолимой любви ее к своей социалистической Родине. И естественно, что герои книги не замыкаются в кругу своих вузовских дел, что молодых патриотов волнует и тревожит все происходящее на свете.

В. Добровольский написал хорошую, содержательную повесть. Следует отметить упорную работу молодого писателя над совершенствованием своей книги, над устранением имевшихся в ней недочетов. Журнальный текст повести «Трое в серых шинелях» в отдельном издании сильно переработан. Уточнены характеристики многих действующих лиц. В первом варианте повести неясно было, на каком, собствен-

но, факультете занимаются Виктор, Борис и другие, каковы их учебные и научные интересы. Сейчас этот недостаток исправлен. Значительно изменена в новом варианте и сюжетная линия, соединяющая Виктора и Тамару. Однако нужно признать, что препятствия, встающие между ними, представляются подчас недостаточно серьезными: письмо, отправленное Виктором Тамаре, до девушки не доходит; Тамара случайно встречает Виктора в театре с Ниной и решает поэтому, что он ее больше

не любит. Кроме того, если мы верим Виктору и силе его любви, то образ Тамары чересчур уж расплывчат. Автору есть еще над чем здесь поработать.

В целом же повесть является бесспорной творческой победой В. Добровольского. Он отлично знает и горячо любит своих молодых героев, и нет сомнений, что его книга многим и многим поможет в «поисках главного» в жизни, в определении своего пути.

Г. ЛЕНОБЛЬ.

★

Перечитывая старые журналы

Есть такие факты и события, о которых финские буржуазные националисты, мечтающие о Скандинавском союзе и Атлантическом пакте; делают вид, что позабыли. Таким кардинальным для истории Финляндии событием является то, что Советская Россия была первым и долгое время единственным государством, официально признавшим независимость Финляндии.

По предложению товарища Сталина закон о предоставлении Финляндии независимости был принят 31 декабря 1917 года.

Если финские буржуазные националисты склонны забыть, что даже своей независимостью Финляндия обязана победе социалистической революции в России, то где им вспомнить о других фактах в истории взаимоотношений передовой русской и финской культуры!

Деятели русской передовой демократической литературы были первыми, отметившими и понявшими все значение «Калевалы» — этого неповторимого эпоса карело-финского народа. В. Г. Белинский указал на огромную роль «Калевалы» едва ли не сразу после ее первого издания.

Еще в год смерти Пушкина, в августовском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1837 год писалось о «Калевале».

В «Современнике» несколько лет подряд печатались статьи русского ученого Якова Грота о «Калевале» и собирателе ее рун Лённротте.

В 1840 году «Современник» опубликовал подробное прозаическое переложение «Ка-

левалы» и стихотворный перевод ее отдельных рун.

Более того. Многим известно, что замечательная поэма Лонгфелло «Песнь о Гайавате» написана под непосредственным влиянием эпоса карельского народа, но мало кто знает, что с «Калевалой» Лонгфелло ознакомился по первому поэтическому переводу ее на немецкий язык, сделанному русским академиком Шифнером в Петербурге. Это был первый полный поэтический перевод «Калевалы».

Об этих фактах финские буржуазные деятели хотели бы забыть. В этом им потворствуют те литераторы, для которых низкопоклонство перед Западом стало второй натурой. Это низкопоклонство, которому советская общественность нанесла сокрушительный удар, имеет свои корни в буржуазно-дворянской журналистике с ее галломанией и англломанией, так блистательно высмеянной русскими революционными демократами.

Примером такого забвения своего национального достоинства и преклонения перед всем, что идет с Запада, может служить один из эпизодов, происшедший лет сто назад. Реакционный петербургский журнал «Библиотека для чтения» в ноябрьской книжке за 1842 год напечатал переведенную с французского статью Мармье «Калевала, финская языческая эпопея». Журнал снабдил этот перевод таким примечанием: «Цельми толпами ежегодно посещаем мы Финляндию, но, к несчастью, ничего там не видим, ничего там не слышим. Стыдно признаться, что о народе, которым окружена наша столица, мы должны узнавать все новое и любопытное из па-

«Библиотека для чтения», XI, 1842 г.
«Современник», 1839—1843 годы.

рижских журналов. Не будь господина Мармье, мы, несмотря на огромное число наших путешественников по северному берегу залива, ничего не знали бы о существовании у финнов большой и весьма древней эпопеи.

Так в самодовольном своем невежестве реакционный журнал простирался ниц перед парижским путешественником, клеветца на русскую литературу.

В первом же номере за 1843 год журнал русской передовой литературы «Современник» высек этих низкопоклонцев. Разоблачая клевету, «Современник» писал:

«Развернув любую из книжек «Современника» за 1839, 1840, 1841 и 1842 годы, легко увериться, что стыд, относимый автором приведенных строк на счет русских вообще, по справедливости должен остаться только за теми, которые чтение свое ограничивают корректурой собственного журнала. Не только имя «Калевалы» очень часто было упоминаемо в «Современнике», но и самое содержание этой поэмы было подробно изложено в XIX томе его».

Дальше, разбирая статью, так восхитившую «Библиотеку для чтения», с готовностью отдававшую приоритет «знатному иностранцу», «Современник» пишет: «Что же касается до г. Мармье, то мы, при всем уважении к его достоинствам, заметим мимоходом, что если бы строго исследовать генеалогию некоторых из его статей, то, может быть, иная оказалась бы по источнику сродни тем статьям «Современника», в которых идет речь о Финляндии...

«Знатный иностранец», ко всему прочему, оказывается не брезговал и плагиатом!

Несмотря на все ухищрения низкопоклонцев и прошлого и нынешнего веков, никому не удастся сейчас затемнить тот факт, что русская передовая литература первая обратила внимание на «Калевалу»; первая стала ее пропагандировать, и тем самым помогла становлению культуры финского народа, ее борьбе с засильем иноземной дворянской шведской культуры.

В этом сказалась еще одна замечательная черта нашей передовой литературы, которая всегда умела выделять, найти в других литературах самое ценное, передовое, и тем самым помогала ему утвердиться.

Автор патриотической книги, посвященной войнам с Наполеоном, «Письма русско-

го офицера», участник Бородинского сражения Ф. Н. Глинка впервые познакомился с карелами-олончанам еще во время Отечественной войны 1812 года. Бородатые бойцы Олонецкого ополчения поразили его в битве народов под Лейпцигом своим мужеством и точной снайперской стрельбой.

В свете этого нам кажется особенно интересным доклад доктора филологических наук В. Базанова на юбилейной сессии Карело-финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР в Петрозаводске, который по-новому осветил вопрос о приоритете в деле изучения и собирания народного творчества карело-финского народа. Он изучил архивные документы и установил, что в Вольном Обществе любителей российской словесности, президентом которого был член Коренной Думы Союза Благоденствия — декабрист Ф. Глинка, 22 марта и 10 мая 1820 года и 14 февраля 1821 года кандидат Харьковского университета В. Брайкевич прочитал три доклада, в которых подробно разбирались руны «Калевалы», говорилось об их поэтике, об их содержании и способе исполнения...

Через несколько лет за активное участие в декабристских обществах Ф. Глинка был сослан в Олонецкую Карелию.

Он внимательно знакомился с жизнью народа, и тут понял и причину меткой стрельбы Олонецких ополченцев, уже вооруженных винтовкой в то время, как во всех современных ему армиях мира ружья были еще гладкоствольные.

Вот что писал он в одном из примечаний к своим стихам: «Винтовка есть оружие здешнего края. Винтовки делаются в Повенецкой и Беломорской Карелии. Крестьяне-карельяки сами плавят руду в сырдушных горнах и выковыывают железо ручными молотами. Выковыывают ствол, который потом сверлят в особенном станке с таким искусством, что нельзя не подивиться мастерству простых поселян в сем деле. Потом уже, как они говорят, нарезается внутри винт: отчего и орудие называется винтовкой. Из сих винтовок карельские стрелки бьют белку и рябчика дробною пулькой в голову».

Ссылный декабрист, друг Пушкина, поэт Ф. Глинка написал несколько поэм о Карелии, внимательно присматривался к народному творчеству, писал стихи о легендарном народном герое — Вяйнямейнене.

Еще за несколько лет до того, как Лённрот пошел в Карелию собирать руны, из которых сложена была «Калевала», профессор Петербургского университета Шегрен собирал эти руны в районе Ухты. В конце 1827 года он поехал в Петрозаводск и познакомился там с опальным поэтом.

Известный профессор Шегрен, писал потом Ф. Глинка, два раза проходил «олоонецкие леса с целью исследования языка финских племен. По зимам заходил он отогреваться в Петрозаводск и словесно переводил мне некоторые из древних финских стихотворений, имеющих свой особенный размер, без рифм, но звучный и приятный...» И тогда же Ф. Глинка перевел несколько рун и литературно их переработал.

С наибольшей художественной силой он перевел руну о создании кантеле, названную им «Возрожденная арфа». Это та рунa, которая позже стала 41-й руной «Калевалы». И если мы скажем, что она была

переведена на русский язык в 1827 году, то есть за восемь лет до первого издания «Калевалы» на финском языке, а в 1828 году в журнале «Славянин» была напечатана рунa о состязании в пении, в переводе Ф. Глинки, — то для всех станет абсолютно ясно, что Ф. Глинку можно бесспорно считать первым в мировой литературе переводчиком рун «Калевалы».

И тем более вредной и антиисторической выглядит позиция «Библиотеки для чтения».

И теперь, в год столетия первого издания «Калевалы», мы считаем не лишним напомнить об этом эпизоде истории борьбы за «Калевалу».

Давнишний спор между «Библиотекой для чтения» и «Современником» кажется нам особенно примечательным сейчас, когда советская общественность ведет последовательную и непримиримую борьбу с низкопоклонством перед буржуазным Западом.

Геннадий ФИШ.

★

Песни советских поэтов

Русская поэзия вправе гордиться тем, что ее лучшие представители всегда связывали свое творчество с народной песней. Обогащая свои произведения ее жизнительными соками, русские поэты в то же время создали много песен, получивших широчайшее признание нашего народа, который, по выражению Некрасова, «плакать не любит, а больше поет».

Советская поэзия полностью переняла и последовательно углубляет эту замечательную традицию русской классической поэзии. Можно без преувеличения сказать, что песенное творчество советских поэтов с каждым днем находит все больший и больший отклик в нашем народе. И в годы гражданской войны, и в пору первых пятилеток, и на фронтах Отечественной войны — песня, созданная нашими поэтами в содружестве с композиторами, была верной спутницей советского человека в бою и труде.

«Песни советских поэтов». Девять сборников: Василий Лебедев-Кумач, Михаил Исаковский, Алексей Сурков, Анатолий Софронов, Александр Жаров, Лев Ошанин, Сергей Алымов, Евгений Долматовский, Алексей Фатьянов. Музгиз, 1948.

За последние годы стало особенно очевидно, что одной доходчивой мелодии мало для того, чтобы песня нашла дорогу к сердцу советского человека. Духовно выросший наш современник тянется к такой песне, из которой, действительно, «слова не выкинешь», к песне, отвечающей его высоким патриотическим стремлениям, его чаяниям и идеалам. В любой песне — лирической, строевой, шуточной — советский человек ищет выражения тех чувств, которыми он живет. И только это может сделать песню подлинно народной.

Девять сборников, которыми Музгиз начал издание весьма нужной советскому читателю серии «Песни советских поэтов», наглядно показывают, как растет и крепнет песенный арсенал нашей эпохи, как советская поэзия непрестанно обогащает этот арсенал. В этих сборниках представлены тексты ста восьмидесяти популярных песен девяти наших поэтов, и музыка, на которую положили эти тексты А. Александров, А. Новиков, В. Седой, Д. Покрас, И. Дунаевский, К. Листов, Б. Мокроусов, М. Коваль, М. Блантер и другие советские композиторы.

«Песня о Родине» и «Священная война» В. Лебедева-Кумача, «Соколы» и «Провожанье» М. Исаковского. «Песня о Сталине» и «Землянка» А. Суркова, «Как у дуба старого» и «Шумел сурово брянский лес» А. Софронова, «Гимн демократической молодежи» и «Дороги» Л. Ошанина, «По долинам и по взгорьям» и «Вася-Василек» С. Алымова и десятки других песен советских поэтов с радостью приняты народом на вооружение. И неизменно молодо звучат слова, пущенные на крыльях музыки по стране одним из зачинателей советской песни В. Лебедевым-Кумачом пятнадцать лет назад:

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет.

Как бы откликаясь своему старшему товарищу, представитель молодого поколения советских песенников Лев Ошанин говорит словами «Гимна демократической молодежи»:

Песню дружбы запеваеt молодежь,
Эту песню не задушишь, не убьешь.

Да, наших пламенных песен нельзя убить даже там, где свирепствует террор черной реакции. И так же, как испанские патриоты под Гвадалахарой пели песню дальневосточных партизан, сегодня бойцы греческой освободительной армии, как клятву борьбы, повторяют слова «Гимна демократической молодежи».

Свои лучшие песни советские поэты посвящают любимой Родине, великому Сталину, могучей Советской Армии, Ленинскому комсомолу. И очень знаменательно, что сборник С. Алымова, открывающийся широко известной народу «Песней о Сталине» (музыка А. Александрова), завершается проникновенной «Песней о счастье»:

На наших дорогах
Нет места нужде.
На наших дорогах
Счастливый народ
О близком, великом
И мудром вожде,
О Сталине песни поет.

Весьма отраднo отметить несомненный рост поэтического уровня советских песен. Это — закономерный результат верной тематической направленности и высокой идейной устремленности песенного творче-

ства советских поэтов. Подлинная поэтичность пронизывает новые песни и поэтов старшего поколения («Пшеница золотая» и «Застольная» М. Исаковского), и молодых поэтов («По мосткам тесовым» и «Поет гармонь под Вологодой» А. Фатьянова). О росте художественных достоинств советских песен говорит и заметное увеличение числа сюжетных песен («Заветный камень» А. Жарова, «Штурвальный с «Марата» А. Суркова, «Слушайте, товарищи» М. Исаковского), которые всегда преобладали в песенном творчестве русского народа.

Советская песня родилась и начала свое триумфальное шествие, как песня массовая, песня, которую поют в строю, на демонстрации, импровизированным хором в часы досуга. Но затем в творчестве наших поэтов и композиторов стало ощущаться преобладание песен, рассчитанных преимущественно на сольное исполнение. Сейчас заметен новый поворот наших поэтов к песне массовой, хоровой, которая быстрее подхватывается народом, чем эстрадная, сольная. Прекрасным образцом такой массовой песни может служить «Гимн демократической молодежи», который можно услышать и на комсомольском собрании, и в парке, и на праздничной демонстрации. Такую здоровую тенденцию развития советской песни можно только приветствовать.

Сборники песен советских поэтов — при всей их ценности — не лишены и недостатков. Основные из этих недостатков протекают, видимо, из непонятого принципа количественного «лимита», установленного издательством: каждого поэта представить обязательно двадцатью песнями. Из-за этого творчество, скажем, М. Исаковского и В. Лебедева-Кумача представлено явно неполно. В сборник М. Исаковского не вошли, например, такие популярные песни, как «Лети, письмо приветное», «Слава советской державе», «Партизанка», «Урожайная», «В лесу прифронтовом», «Огонек». У читателя из-за этого может создаться совершенно неверное представление о тематических рамках песенного творчества М. Исаковского. Удивит читателя и отсутствие ряда популярных патристических песен в сборнике В. Лебедева-Кумача. И в то же время из-за стремления выдержать «лимит» в сборник А. Фатьянова включены песни, не украшающие твор-

чество молодого поэта. Для примера назовем песню «Тропки-дорожки», воспевающую женщину, которая пробиралась, видимо, на свидание потайными стежками, «чтобы словом, взглядом ли люди не обидели». Почему люди могли обидеть ее — совершенно непонятно! Вряд ли стоило включать «Тропки-дорожки» в сборник избранных песен А. Фатьянова, и в то же время в сборники других поэтов не включить несколько песен, удостоенных Сталинской премии.

Чувство досады вызывают предисловия к сборникам. Весьма странно звучат разглазгования о переплетении в творчестве М. Исаковского традиций некрасовской поэзии с есенинской лирикой. Совершенно неверным является утверждение, что С. Алымов ограничил себя определенной жанрово-тематической сферой солдатской песни. Достаточно сказать, что С. Алымову принадлежит большой цикл песен, посвященных советским женщинам, кстати, частично представленный и в сборнике.

В последующих изданиях серии «Песни советских поэтов» Музгиз должен более серьезно отнестись к предисловиям, а также не поручать редактирование книжек только музыкальному редактору. Видимо,

из-за последнего обстоятельства в некоторых песнях и не выправлены литературные шероховатости. Например, в «Морской путной» А. Фатьянова встречаются такие строки: «Нам, друзья, на свете жить без моря не в доме к».

Наш читатель, несомненно, будет благодарен Музгизу за хорошую идею издания серии «Песни советских поэтов». А поэтам, работающим в песенном жанре, вышедшие сборники должны еще раз напомнить, как мало еще создано ими песен о героическом труде советских людей, о послевоенном возрождении и расцвете страны, о сегодняшнем дне нашей могучей родины. Судя по рецензируемым книгам, советские поэты в этой области пока еще в долгу перед теми, кто сегодня поет их песни.

В мирный день, комсомол,
Ты на фронте труда, —

воскликает А. Софронов в подъемной, маршевой песне «Комсомол». Хочется верить, что советские поэты и композиторы сумеют сложить о героях фронта труда такие же вдохновенные песни, какие сложены ими о героях фронтов Отечественной войны. Народ ждет этих песен!

Ц. СОЛОДАРЬ.

★

Поэма о комсомольце

Я дочитал последнюю страницу маленькой книжки, на переплете которой изображен советский военно-морской флаг на фоне облаков, и вспомнил о многом.

...Осень 1944 года, многодневный жестокий шторм, наши тендеры, мониторы у деревянного пирса, расшатываемого крупной ноябрьской волною.

Это было на Сааремаа, в дни решающих боев за полуостров Сырве, последнюю часть земли советской Эстонии, еще занятую фашистами. Наши пехотинцы, моряки, авиация действовали объединенными силами. Общее уважение и любовь к себе снижали маленькие, казавшиеся такими невзрачными судна, подходившие к самому

берегу, багровому от огня вражеских орудий. Балтийцы прикрывали высадку десантных войск, давили фашистские огневые точки, дрались самоотверженно, бесстрашно. И недаром называли наши солдаты корабль, помогавший им при высадке, ласково и любовно «товарищ тендер». Это обращение стало известным всему фронту.

На одном из таких кораблей я познакомился с военным корреспондентом, высокой девушкой в краснофлотской шинели, Наташей Грудиной.

В июле 1944 года в многотиражной газете «Боевой курс», рядом с заметками об успешных десантных операциях, было напечатано стихотворение краснофлотца Н. Грудиной «Боевому комсогугу» — зерно написанной четыре года спустя поэмы.

Наталья Грудина. «Слово о комсогуге». Поэма. Ленинград, «Молодая гвардия», 1948.

Учитель наш, от недруга укрытый
 Надежной, теплой, русскою землей,
 Огромный, с годовой непокрытой,
 Ты все равно стоял перед страной.
 И все, кто был и не был в Ленинграде,
 Видали, как сиял с броневика
 Высокий лоб — крутое семяпядье,
 И зоркий взгляд, провидящий века.

Одухотворенно, выверенными, точными
 словами говорит поэт об этом прощании,
 о нерушимой связи молодых поколений с
 великим вождем, о Ленине, благословляю-
 щем сыновей на подвиг.

В главе этой не менее сильно звучит
 вторая тема повествования, сопутствующая
 основной, сюжетной, — тема судьбы
 самого поэта, боевой направленности его
 творчества.

Благослови ж сынов твоих, отчина,
 Дай мщениа суровые права
 И, если можно, сохрани для жизни,
 А если нет — внуши мне все слова,
 Все песни страсти, молодости, веры
 В твои навеки солнечные дни;
 Дай ненависть, не знающую меры,
 К твоим врагам, кто б ни были они.

Во второй части поэмы Н. Грудинина
 продолжает раскрытие образа своего героя,
 рассказывает, как формировался в боевых
 испытаниях его характер, как стал он
 комсомольским организатором.

Гетманенко становится комсоргом после
 зимнего судоремонта, проведенного в усло-
 виях ленинградской блокады. И то, что
 о прозаическом, а по существу полном ге-
 роики ремонте кораблей говорится язы-
 ком поэзии, свидетельствует о правиль-
 ном понимании поэтом своей задачи. Она
 не легка. О «красивом» писать легче. Вой-
 на — это труд, тяжкий, кровавый, требую-
 щий большого напряжения сил физических
 и духовных.

Для того, чтобы пробиться к основному,
 показать Николая Гетманенко таким, как-
 ким помнят его друзья, Н. Грудинина вво-
 дит в поэму дневник героя. Три записи —
 это, в сущности, три лирических стихо-
 творения.

Первое из них слишком рационалистич-
 но. Трудно поверить, чтобы Гетманен-
 ко говорил или думал о том, что он и
 его товарищи идут «по вехам пепла
 и огня», рассуждал о том, что среди его
 друзей «не каждый высечен из гранита».

Гетманенко — ровесник своих товарищей.
 То, чему обучает он их, осознано им на
 собственном жизненном опыте. А как, ко-
 гда это произошло — в поэме не доска-
 зано.

Вторая и третья дневниковые записи
 менее декларативны, чем первая.

Во второй записи, сделанной в манере
 ранних тихоновских баллад, описывается
 сон моряка о победе:

В стене и в громе, в крови и в пыли
 К берегу моря бойцы подошли.

Позднее герой поэмы прошел этот путь
 наяву. «В плече — осколок. Вымокла
 тельняшка. От гари полной грудью не
 вздохнуть. О, как ты долго, стометровый,
 тяжкий, десантника неотвратимый путь!»
 Чувствуется, что автор знает, как это все
 происходило на самом деле.

Поэту удался и заключительный эпизод.
 В нем описана смерть героя, сражающе-
 гося до конца, понимающего свой высо-
 кий долг комсомольца — патриота Родины.
 Досадно, что в этом эпизоде мы встре-
 чаем «литературные красоты»: «...Так
 гибнет чайка, распластавши крылья, волне
 отдав несломленный полет». «Мы летчики
 несокрушимой воли, испившей кубок солн-
 ца до конца...» Спор подлинно-реалисти-
 ческого начала с ложно-пафосным здесь
 настолько очевиден, что удивительно, как
 его не замечает автор!

В поэме о комсорге Н. Грудини-
 на взяла на себя очень большие обяза-
 тельства. Эпиграф из Маяковского: «Это
 сердце с правдой вдвоем» — наглядное
 тому свидетельство. И несмотря на уце-
 левшие кое-где «красивые перышки», в
 поэме звучит живое слово современника,
 высказанное со страстью и болью. В со-
 знании читателя возникает образ юно-
 ши-комсомольца, молодого человека нашего
 времени — верного великому знамени пар-
 тии Ленина—Сталина.

В будущей книге Н. Грудининой пред-
 стоит, сохранив найденную ею лирическую
 интонацию, отрешившись от риторики и
 украшательства, воспеть созидательный,
 счастливый труд, ради которого отдал
 жизнь ее герой.

Всеволод АЗАРОВ.

История. Международные отношения. Военная наука

Ценные признания Эрика Джонстона

Монополистический капитал США, стремясь к мировому господству, к получению дополнительных прибылей, перешел в новое экономическое наступление на маршаллизованные государства Европы. Американские плутократы пытаются, вопреки растущему сопротивлению народных масс, полностью подчинить себе эти страны.

Главарь империи доллара наряду с экономическим и политическим нажимом на страны Западной Европы прибегают и к идеологической обработке своих жертв. Одной из «теорий», усиленно пропагандируемых апологетами американского капитализма, является «теория американской исключительности», декларация о наличии якобы особых качеств у американского капитализма и у его представителей.

Одним из новоявленных распространителей этой «теории» является Эрик Джонстон, возглавляющий крупнейшее монополистическое объединение — Национальную ассоциацию кинематографии. Джонстон — капиталист, делец большой руки, один из представителей и доверенных лиц Уолл-стрита. Он уже давно подвизается в качестве «идеолога» американского монополистического капитала. Будучи председателем Американской торговой палаты, Джонстон выпустил книжонку, написанную им в сотрудничестве с группой американских экономистов и журналистов. Это «произведение» под кричащим заголовком «Неограниченная Америка» может быть с полным правом названо «философией американского бизнесмена». В ней автор рекомендует себя ярким приверженцем американского капитализма: «Я признаю себя виновным, — пишет он, — в том, что являюсь бизнесменом, больше того — капиталистом». «Творение» Джонстона ставило своей целью апологетику американской капиталистической системы, защиту ее перед лицом общественного мнения США. Ныне Джонстон вышел на «мировую арену». Он поучает уму-разуму европейских капиталистов.

Erik Jonston. „How America can avoid Socialism?“ „Fortune“, February, 1949.

Джонстон полон тревоги за судьбы мирового капитализма. И этой тревогой пронизана его статья «Как Америка может избежать социализма», помещенная во втором номере американского журнала «Форчюн» за 1949 год. Статья снабжена небольшим предисловием, которое рекомендует Эрика Джонстона, как американского бизнесмена, прекрасно изучившего капиталистическую Европу. К каким же выводам пришел этот «исследователь»?

«Капитализм гибнет в Европе!» — в ужасе восклицает Джонстон.

Побывав в Англии, он установил, что «монополия была величайшим проклятием для британской промышленности», что картельная система ограничения выработки, фиксирования цен и раздела рынков — это форма промышленной тирании. Признание весьма ценное в устах американского монополиста. Джонстон указывает, например, что в сталелитейной промышленности Англии картельная система дает возможность устанавливать высокие цены и является для предпринимателя настоящим щитом, прикрывающим его от возможных убытков. Об угольной промышленности Англии он пишет следующее: «Шахтер ставится ни во что. Его труд ценился так дешево, что ему приходилось голодать. Его заработная плата и жизненные условия были ужасающими. Шахтовладельцы приводили множество оправданий. Их излюбленной ссылкой было утверждение, что угольные пласты истощались. Но истина заключалась в том, что предприниматели просто отказывались от всякой мысли о модернизации методов производства... Их мышление, напоминавшее музейные древности, позволяло им удовлетворяться тем, что уголь добывался, фигурально выражаясь, зубочисткой...».

И далее Джонстон пишет: «Подобная же тупость, непроходимая, как лондонский туман, царил не только в стальной и угольной промышленности... Вся британская промышленность в целом была заражена тем же микробом застоя».

Вот характеристика, которую Джонстон дает взаимоотношениям капиталиста и ра-

бочего в Англии: «Простой факт права собственности делал хозяина «высшей» личностью, и он вел себя сообразно с этим. Рабочий должен был «знать свое место». Это были отношения хозяина и слуги». Он признает, что рабочие Англии находятся в экономическом рабстве. Правда, он тут же спохватывается и говорит, что «некоторые из этих старых несправедливостей уже уходят в прошлое». Но это звучит по меньшей мере наивно.

Из Англии Джонстон направился во Францию. У французского промышленника, пишет он, «такие же монополистические наклонности, он так же ограничен, как бритт...». В дополнение к этому автор еще установил, что французский предприниматель — это «хронический неплательщик налогов», что «он один из самых ловких бухгалтеров в мире», что «французский делец широко практикует систему тройного комплекта бухгалтерских книг: одного — для себя, другого — для держателей акций (или компаньонов) и третьего — для налогового инспектора».

Заявления американского бизнесмена о французской экономике также заслуживают внимания. «Франция полна противоречий, — пишет он. — Франция по природе является богатой страной, но ее финансовые дела все время находятся в большом беспорядке. Ее бюджет не сбалансирован со времен первой мировой войны. Один знаковый француз сказал мне, что национальная экономика его страны представляет собой «настоящее посмешище». Не будет преувеличением сказать, что прибыли французских промышленников редко бывают ниже 50 процентов и часто превышают 100 процентов, но большинство народа близко к нищете. Богач становится богаче, а бедняк становится беднее... При постоянной гонке между ценами и зарплатой заработка рабочих едва хватает, чтобы «сохранить душу в теле».

Джонстон описывает, как французские предприниматели тайным образом спешно переводят свои капиталы в «безопасные» места — в Марокко, Швейцарию, Южную Америку. Во Франции сейчас уже вошло в поговорку, что «французский промышленник стоит одной ногой во Франции, а другой за Альпами или за морями».

Из Франции Джонстон направился в Италию. И здесь он не нашел ничего для себя **утишительного**. Об итальянском про-

мышленнике Джонстон пишет: «Он так же монополистичен, как британский промышленник, и так же искусно уклоняется от налогов, как французский». Задно Джонстон показывает, как ловко использует итальянский промышленник государственный аппарат. В Италии имеется правительственный Институт промышленной реконструкции. Владелец может продать свое предприятие этому Институту, но при этом он полностью сохраняет весь контроль над предприятием, сам определяет размер своего «жалования» и устанавливает ставки заработной платы. Более того — и это главное — промышленнику нечего беспокоиться об убытках: правительство возместит их владельцу.

Таким образом Джонстон, сам того, разумеется, не желая, вынужден признать, что опоры капиталистического общества в Европе насковзь прогнили.

Что же предлагает Джонстон — эмиссар и один из идеологов Уолл-стрита для спасения гнущегося европейского капитализма? Он предлагает создать «Объединенные советы по вопросам производства» по типу действующего Объединенного англо-американского совета. Задача этих органов проста. Они призваны внедрить американскую технику в производство западноевропейских стран, то есть, попросту говоря, полностью подчинить экономикой западноевропейских стран финансовой олигархии США. Разумеется, Джонстон благоразумно умалчивает при этом, что пресловутый «план Маршалла», принесший большие барыши американским монополистам, душит экономикой западноевропейских стран.

Признав, что капитализм в Европе гибнет, и предвидя неизбежный вопрос о том, как обстоит дело с американским капитализмом, Джонстон из кожи лезет вон, уверяя, что капитализм в США не похож на западноевропейский.

Он заявляет:

Во-первых, американский капитализм... вовсе и не капитализм.

Во-вторых, если американский капитализм — это капитализм, то уж во всяком случае «нового стиля». Уже в своей книге «Неограниченная Америка» Джонстон, не боясь быть смешным, писал: «Поскольку мы живем в капиталистическом обществе, все американцы являются капиталистами. Простой рабочий на одном из моих заводов электроприборов, служащий банка,

в руководстве которого я принимаю участие, продавец в моем торговом предприятии строительных материалов являются не меньшими капиталистами, чем я».

Нет, разумеется, необходимости всерьез разговаривать на эту тему с автором статьи. Можно лишь подивиться наглости журнала «Форчюн», убежденного, очевидно, в том, что читатель проглотит любую порцию лжи.

Всеми миру известно, что эксплуатация рабочих и служащих на предприятиях американских монополистов по своей жестокости и беспощадности превосходит даже ту зверскую эксплуатацию, которая существует в других капиталистических странах. Школьнику известно, что все те язы, которые разъедают европейский капитализм, еще в большей степени присущи капитализму Соединенных Штатов. Однако Джонстон пытается внушить тем, кто этому хочет поверить, что в США, в отличие от западноевропейских стран, нет... монополий. И это говорится о стране трестов и монополий, стране, где властвуют Рокфеллер, Морган, Дюпон, Форд, Меллон!

Идя еще дальше, Джонстон утверждает, что американская промышленность проникнута духом... «национального сознания».

В чем же он видит это «национальное сознание»? Оказывается, оно проявляется в так называемых антитрестовских законах. Как известно, эти законы были приняты в США в конце прошлого века в демагогических целях и отнюдь не помешали росту монополий. И нет ничего удивительного, что Джонстон умалчивает об изощренно-жестоким антирабочем законодательстве в США. Достаточно напомнить о законе Тафта-Хартли, стремящемся низвести американского рабочего на положение бессловесного и бесправного раба.

Нет, положительно ничем не отличается американский монополист от своего европейского собрата, которого сам Джонстон изобразил такими непривлекательными чертами. Он — только более жадный и крупный хищник, стремящийся к установлению своего мирового господства.

Джонстон в страхе за судьбы капитализма разоткровенничался. Показав, что европейский капитализм гибнет, он, несмотря на все свои потуги, не мог доказать, что американскому капитализму уготована иная участь. Вся система капитализма отжила свой век.

В. ЧЕПРАКОВ.

★

Правдивая книга о «плане Маршалла»

Написанная весной прошлого года брошюра прогрессивного американского журналиста, сотрудника газеты «Дейли Уоркер» Джеймса Аллена не утратила своей злободневности и сейчас. Она выдержала испытание временем потому, что в основу ее положен серьезный, марксистский анализ явлений. Выводы автора тем более убедительны, что последующие события подтвердили их правильность.

Хорошо знакомый с американской действительностью, знающий многие тайные пружины внешней политики США, Аллен руководствовался при изучении целей и различных сторон пресловутого «плана Маршалла» той оценкой, которая была дана этому плану советской дипломатией и

коммунистическими партиями. К моменту написания книги автор ее располагал такими важнейшими материалами, как выступления товарища В. М. Молотова на Парижском совещании трех держав в июле 1947 года, как доклад товарища А. А. Жданова на первом совещании представителей некоторых компартий в сентябре того же года. Высказывания советской печати и выдающихся прогрессивных деятелей всех стран об экспансионистском характере «плана Маршалла» помогли американскому публицисту создать популярный и, в основе своей, верный очерк событий, связанных с зарождением и появлением на свет этого детища американской агрессивной политики.

«Советский Союз возражал против плана Маршалла,— пишет Аллен,— потому, что этот план ставит своей целью не восстановление Европы, а установление американского империалистического господства в

Джеймс Аллен. «План Маршалла. План восстановления или военный план?». Перевод с английского Г. Дубской. Издательство иностранной литературы, 1949.

Европе, восстановление основ германского монополистического капитала на Западе и раскол Европы на два враждующих лагеря».

Собранный Алленом богатый фактический и исторический материал полностью подтверждает эту оценку. Автор показывает, что американская политика срыва Потсдамского соглашения, раскола Европы и возрождения военного потенциала Германии была разработана еще задолго до появления «плана Маршалла». Он приводит, например, текст забытого теперь выступления Ачесона (нынешнего государственного секретаря США) в Кливленде (1947 год), в котором был по существу изложен первый вариант «плана Маршалла». Аллен подчеркивает, что так называемая «доктрина Трумэна», провозглашенная несколько ранее — в марте того же года — уже содержала изложение тех целей, которые позднее легли в основу маршалловской «программы помощи». Но «доктрина», — пишет Аллен, — слишком напоминала лозунги Гитлера... Кроме того, в «доктрине Трумэна» не содержалось ничего, что дало бы возможность правым социалистам в Европе и их собратьям в Соединенных Штатах попытаться убедить своих рядовых последователей в необходимости поддерживать империалистический план».

Аллен издал свою брошюру за год до подписания агрессивного Северо-атлантического договора. Но основная мысль его книги: «план Маршалла» это не план восстановления, а военный план — подтверждена фактами. Агрессивную суть антикоммунистической, антидемократической «доктрины Трумэна» попытались скрыть лицемерными разлагольствованиями о программе «восстановления» Европы. Но цели Северо-атлантического пакта, по отношению к которому «план Маршалла» был всего лишь подготовительной стадией, ибо он обеспечил американский контроль над западноевропейскими странами и начало восстановления военного потенциала Западной Германии, оказались аналогичными официальным целям «похожей на лозунги Гитлера «доктрины Трумэна».

Вот почему этот агрессивный пакт встречен был волной негодования широчайших народных масс. Вот почему Северо-атлантический договор никогда не будет ратифицирован народами стран, в нем участвующих, ибо он направлен к окончательному

закабалению этих народов, к лишению их государственной независимости, к подготовке войны против Советского Союза и стран народной демократии.

Брошюра Аллена вскрывает механизм так называемой американской программы «помощи» и двусторонних соглашений США со странами — получательницами этой «помощи». Два важных вывода делает Аллен из анализа всех деталей «плана Маршалла». Он убедительно доказывает, что, во-первых, американское вторжение в Западную Европу неизбежно затормозит ее восстановление и ухудшит положение народных масс. Он уверен, во-вторых, что «план Маршалла» обречен на провал не только как «программа восстановления Европы», но и как план предотвращения экономического кризиса в Соединенных Штатах Америки. «Влияние плана Маршалла на Америку катастрофично», — заявляет автор.

Уже первый год исполнения «плана Маршалла» полностью подтвердил эти выводы. Сравнение темпов развития промышленности в западноевропейских странах в 1947 году (до «плана Маршалла») и в 1948 году (т. е. в первый год его действия) показывает замедление этих темпов. Почти во всех странах Западной Европы наблюдается экономический застой или упадок. Промышленная продукция большинства этих стран все еще не достигла уровня довоенного 1937 года. Так, индекс промышленной продукции для Англии в 1948 году сократился со 121 до 109, для Франции — со 108 до 100, для Бельгии — со 115 до 93.

1948 год охарактеризовался ростом безработицы во всех маршаллизованных странах в целом на один миллион человек. Особенно велика безработица в Италии, где число безработных превысило уже два с половиной миллиона, и в Бельгии, где за год количество безработных возросло с 89 до 300 тысяч человек. Как губительно отражается американская экономическая экспансия на положении отдельных отраслей западноевропейской промышленности, показывает хотя бы французское авиастроение. По сообщению газеты «Франсувель», в феврале 1949 года во Франции было выпущено лишь 44 авиадвигателя, тогда как в прошлом году ежемесячно выпускалось 144, а в 1947 году — 173 мотора. Товарных вагонов во Франции было по-

строено за весь 1948 год всего 900 вместо 20 тысяч, намеченных прежними планами.

Первый год действий кабального экспансионистского «плана Маршалла» тяжело отразился на положении широких народных масс Западной Европы. И в Англии, и во Франции, и во всех других маршаллизованных странах неуклонно растет дороговизна, снижается реальная заработная плата трудящихся, ухудшается снабжение населения всеми основными предметами потребления.

Выступая в мае 1949 года на сессии Экономической комиссии ООН для Европы, советский представитель А. Арутюнян противопоставил темпы прироста промышленной продукции в СССР и странах народной демократии, с одной стороны, и маршаллизованных странах — с другой. В 1948 году прирост промышленной продукции в СССР составил 27 процентов, Чехословакии — 17 процентов, Польше — 28 процентов. В то же время в Англии он составил только 12 процентов, Швеции и Бельгии — всего лишь 3 процента и т. д. Начало 1949 года ознаменовалось новым сни-

жением уровня производства в ряде западноевропейских стран.

Экономическая депрессия в США, об угрозе которой уже год назад писал Аллен, фактически наступила. Только с декабря 1948 года по март 1949 года промышленное производство в США упало на 9 процентов. Закрываются предприятия, свертывается работа во всех главных отраслях американской промышленности. Общее число безработных и частично безработных в США, как это констатировал в конце апреля этого года пленум национального конгресса американской компартии, достигло уже 17 миллионов человек. Американский экспорт в 1948 году не только не возрос в связи с осуществлением «плана Маршалла», но упал на 15 процентов по сравнению с 1947 годом.

Брошюра Аллена, дополненная содержательной вступительной статьей Д. Мельникова, а также новейшими данными о событиях политической и экономической жизни, представляет большой интерес для советского читателя.

Б. ЛЕОНТЬЕВ.

★

Арсенал поджигателей войны

Небольшая книга «Экономика Рура» представляет интерес с двух точек зрения. Она затрагивает одну из важнейших послевоенных проблем мирного урегулирования — рурскую проблему, причем дает в концентрированном виде богатый материал для изучения этой проблемы. Кроме того, книга убедительно обрисовывает позицию французской крупной буржуазии в этом жизненно важном для судьбы Франции вопросе, и тем самым проливает свет на нынешнюю политику ее правящих кругов.

Книгу «Экономика Рура», подготовленную к печати в 1947 году французским Институтом статистики и экономических исследований, можно назвать социальным заказом де Ванделей, Рено и прочих деятелей бывшего объединения крупных французских промышленников «Комитэ де форж»: книга трактует рурскую проблему с позиций

французского финансового капитала. Это обстоятельство авторам не удается скрыть ни за псевдоучеными рассуждениями на абстрактно-экономические темы, ни за пространными экономическими выкладками.

Неприменным законом империализма является, как известно, ожесточенная борьба за источники сырья и рынки сбыта. «... финансовый капитал,— указывал Ленин,— вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподделенного мира или за передел кусков, уже разделенных»¹.

Для французских капиталистов Рур представляет собой особенно лакомый кусок: они давно уже мечтают о том, чтобы соединить рурский уголь с лотарингской рудой. Эти свои империалистические претензии они и пытаются обосновать в «уче-

«Экономика Рура». Перевод с французского В. И. Антюхина. Государственное издательство иностранной литературы, 1948.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, издание третье, т. XIX, стр. 138.

ном исследовании» французского статистического института.

С этой целью авторы сего «исследования» пытаются обосновать прежде всего свой главный тезис об «убывающем значении Рура для немецкой экономики». Вряд ли можно выдумать более абсурдное и недоказуемое утверждение. Но ученые прислужники представителей «дзухсот семейств» не считаются с логикой и здравым смыслом. Вопреки совершенно очевидным фактам они «доказывают», что Рур-де гораздо более тесно связан с иностранными рынками, чем с внутригерманским, что Германия-де вполне может обойтись без Рура и т. д. Сравнивая стоимость промышленного вывоза со стоимостью произведенной чистой продукции Рура, авторы книжки пишут: «Тут отчетливо выявляется факт прогрессивного уменьшения значения Рура в германской экономике». Экономические выкладки авторов книжки должны создать впечатление, будто Рур уже давно связан в гораздо большей степени с экономикой Франции, чем с германской экономикой, и что, следовательно, присоединение Рура к Франции является «исторически назревшей задачей».

Все эти рассуждения авторов об экономической мощи Рура тем более опасны, что они вместе с тем направлены на то, чтобы преуменьшить военное значение Рура, служившего уже трижды на протяжении каких-нибудь семидесяти лет важнейшей базой развязывания войн.

Авторы заявляют, что «...Рур, оставаясь, конечно, огромным и опасным арсеналом, не имел того особо важного значения, какое приписывалось ему в этом отношении общественным мнением». Это голословное утверждение необходимо авторам для того, чтобы успокоить французскую общественность, глубоко возмущенную политикой возрождения агрессивной мощи Рура, проводимой правящими кругами западных стран. Оно необходимо им для того, чтобы обелить магнатов рурской промышленности, с которыми французские де Вандели намерены заключить, в соответствии с заветами Черчилля и Блюма, империалистический союз, направленный против безопасности народов. Характерно, что во всей книжке ни разу не упоминаются имена крупнейших рурских монополистов — виновников раз-

вязывания германской агрессии: Круппа, Тиссена, Рехберга, Стиннеса и других.

В современном капиталистическом мире французская крупная буржуазия представляет собой достаточно отвратительное зрелище. Аппетиты ее раздулись, но реальных сил для осуществления реакционных замыслов как внутри страны, так и вне ее нет. Она мечется между сумасбродной программой «кандидата в диктаторы» де Голля, мечтающего обеспечить будущему французскому «третьему рейху» ведущую роль в «европейском священном союзе», и лакейской политикой французских иудушек — Блюма, Шумана и компании, предлагающих удовлетвориться лишь скромной ролью пособников американского империализма в разжигании нового мирового пожара. Все это отражено в политике правящих кругов Франции в рурском вопросе.

Политика эта характеризуется непрерывными уступками французской дипломатии американским требованиям, отказом от защиты национальных интересов Франции. По существу, Франция сейчас уже устранена от решения рурского вопроса. Политику западных держав в Руре диктуют такие крупные американские магнаты, как Гарриман — глава банкирского дома «Гарриман энд Ко» и по совместительству американский «сверх-посол» в Европе; Пауль Гофман — бывший председатель фирмы «Студебекер», а ныне уполномоченный по осуществлению «плана Маршалла» в Европе; крупный кливлэндский промышленник Хэмфри — теперешний глава американской миссии по осуществлению «плана Маршалла» в западной Германии, и другие. Они прибрали к своим рукам рурскую металлургическую промышленность, установили свой фактический контроль над угольной промышленностью, захватили крупнейшие химические предприятия Рура и т. д. Правда, находящимся у них на побегушках французским магнатам иногда тоже перепадает кое-что из тех огромных прибылей, которые притекают в карманы американских хозяев Рура. Но это — только крохи с господского стола. Честолюбивые мечты французской крупной буржуазии о господстве в Руре развеялись весьма быстро. Господство над этим богатейшим районом досталось более могущественному империалистическому хищнику — американским монополиям.

Под их диктовку и осуществляется «брак» между лотарингской рудой и рурским углем, но уже на совершенно иной основе, чем это планировали французские империалисты. Главенствующую роль в этом играют рурские магнаты, превратившиеся в младших партнеров американских монополий. Им отведено первое место в сколоченном правящими кругами западных стран Северо-атлантическом блоке. Именно Рурская область призвана служить ядром агрессивной западноевропейской группировки этого блока и должна стать новой кузницей оружия в руках современных поджигателей войны.

Под диктовку американских магнатов устанавливается также усиленно пропагандируемая авторами рецензируемой книги «органическая связь» между рурской экономикой и экономикой западноевропейских стран. Рурская область фактически отделяется от остальной Германии, но не для того, чтобы перейти в ведение французских магнатов, а для того, чтобы служить военно-экономической основой, вокруг которой могли бы группироваться остальные западноевропейские страны. Фактическое преобладание рурской экономики над экономикой других стран, входящих в эту группировку, уже не удовлетворяет некоторых особенно ретивых американских и западноевропейских политиков. Они хотят закрепить это господство также и формально, выдвигая различного рода планы образования нового западноевропейского государства в составе Рура, Лотарингии, Бельгии и Люксембурга. В настоящее время такого рода планы усиленно пропагандируются американской «большой печатью», за которой стоят те же гарриманы, гофманы, хэмфри и другие.

Так весьма своеобразно осуществляется программа тех империалистических кругов, по заказу которых французские исследователи написали свой «ученый труд», где пытаются доказать «убывающее значение Рура для экономики Германии» и возрастающую «связь» его с западноевропейской экономикой.

В действительности Рур является органической частью Германии, без которой немислимо ее самостоятельное и суверенное существование. Отделение Рура от Германии, как это показал опыт послевоен-

ного периода, может служить лишь целям поджигателей войны. Этот опыт полностью подтвердил правильность политики СССР в вопросе о Руре. Советский Союз, в соответствии с ялтинскими и потсдамскими решениями, настаивает на демилитаризации и демократизации Рура и на установлении над ним четырехстороннего контроля.

На Парижской сессии Совета министров иностранных дел товарищ А. Я. Вышинский подчеркнул, что «Советское правительство считало и считает неправильным такое положение, при котором Рур, имеющий исключительное значение в военном и промышленном отношении, находится вне международного контроля на четырехсторонней основе». А. Я. Вышинский внес конкретные предложения по вопросу о Руре: «Организация международного контрольного органа по Руру из представителей США, Великобритании, Франции и СССР с участием в союзном совете для консультаций по вопросам, связанным с производством и распределением продукции Рура, и других пограничных с Германией государств... а именно, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Дании, Польши и Чехословакии, а также представителей немецких экономических органов...»¹ Таков единственно правильный демократический путь разрешения рурской проблемы.

Глубоко неверная и порочная по своей концепции книга французского Института статистики и экономических исследований содержит, однако, большое количество фактических данных, дающих представление о действительной экономической мощи Рура и его истинном значении для германской экономики. В 53 статистических таблицах и 25 картах, содержащихся в книге, приводятся подробнейшие данные о добыче и распределении угля в Руре, производстве стали и чугуна, производстве электроэнергии, обеспечении рурской промышленности сырьем и т. д. Наличие огромного числа фактических сведений, помогающих, несмотря на ложность общей концепции составителей книги, разобраться в рурской проблеме — одной из важнейших проблем современной международной политики, — оправдывает перевод книги.

Д. МЕЛЬНИКОВ.

¹ «Правда» от 25 мая 1949 года.

Жизнь советского летчика

...Большой Кремлевский дворец. Идет очередное заседание XI съезда Ленинско-Сталинского комсомола.

Среди делегатов — прославленный советский летчик, трижды Герой Советского Союза подполковник Иван Кожедуб. Сегодня он особенно взволнован. Только что с трибуны съезда директор Государственного издательства детской литературы К. Пискунов заявил:

— Я с радостью могу сообщить, что сегодня вышла в Детгизе книга делегата XI съезда комсомола, славного нашего соотечественника трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба. «Служу Родине» — так назвал он свою книгу волнующих рассказов о пути простого советского человека, сумевшего прославить свою мать-Родину.

Закончив речь, директор издательства спустился с трибуны и вручил первый экземпляр этой книги ее автору — И. Кожедубу. Радость творческого успеха, как когда-то радость первой победы над врагом в воздухе, озарила лицо летчика.

В книге И. Кожедуба «Служу Родине» в простой и доходчивой форме рассказано о большом и интересном жизненном пути комсомольца, о том, как рос он и мужал и как воспитанный комсомолом, великой партией большевиков стал замечательным летчиком — трижды Героем Советского Союза.

Комсомол дал И. Кожедубу путевку в жизнь, к славе — и автор посвятил свою книгу Ленинско-Сталинскому комсомолу.

Теплыми словами говорит автор о пионерской организации, где складывались основы его характера.

С большим душевным волнением пишет И. Кожедуб о своем вступлении в комсомол, о секретаре комсомольской организации Мацуе, которого летчик считает своим первым наставником.

Помощь комсомола и большевистской партии И. Кожедуб ощущал ежедневно, ежечасно. Каждый новый этап в жизни И. Кожедуба начинался с того, что он шел в комсомольскую, а затем, когда стал членом ВКП(б), в партийную организацию и советовался — как быть, как вести себя,

чтобы с достоинством и честью решить вставшие перед ним задачи.

— Меня воспитали комсомол, большевистская партия! — пишет летчик, и это не фраза, а благодарные, идущие от сердца слова человека, чья замечательная биография могла сложиться только в нашей Советской стране.

И. Кожедуб просто и правдиво, с большой теплотой рисует образы партийных вожаков, политических работников советских Вооруженных Сил. Он показывает, какую огромную роль они играли в формировании его характера, как они воспитывали его, воодушевляли на честное служение Отчизне, на подвиг. Рассказывая о первой воинской части, в которую он был направлен из летной школы, И. Кожедуб прежде всего говорит о партийной организации, о том, как она встретила молодых летчиков.

Шаг за шагом, на примере своей жизни, автор живо и интересно показывает организующую и ведущую роль великой партии Ленина — Сталина в воспитании нашей молодежи, бодрой, смелой, здоровой, идущей навстречу любым трудностям и преодолевающей эти трудности.

Все это сделало книгу «Служу Родине» произведением идейно насыщенным и политически острым. В этом первое и главное ее достоинство.

Второе достоинство книги заключается в том, что она учит советскую молодежь защищать Родину мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

По путевке комсомола И. Кожедуб пришел в авиацию. И комсомол не ошибся, выпустив его в полет. Успешно окончен аэроклуб. Напряженные дни ожидания — «возьмут ли меня в училище?». Взяли. И вот завершена учеба и в военном авиационном училище. И. Кожедуб уже настоящий военный летчик-истребитель. Более того: ему оказана большая честь — он летчик-инструктор. Не каждого летчика оставляют в школе учить летать курсантов нового набора. Для этого нужны особые качества: инструктор должен быть и отличным летчиком, и вдумчивым педагогом, мастером не только летного обучения, но и общего воспитания кур-

И в а и Ко же д у б. «Служу Родине». Рассказы летчика. Детгиз, 1949.

сантов. Училище воспитало в И. Кожедубе эти качества.

И. Кожедуб не перестает учиться и сам. В подготовке летчиков—будущих защитников Родины—он видит огромной важности государственное дело, и поэтому, как учил его комсомол, как учила его партия, трудится с большевистским огоньком. Он внимательно следит за газетами и журналами. Пестрят заметки, статьи, сообщения, рождающие в душе большую тревогу. Фашисты наглеют. И. Кожедуб, вспоминая эти предвоенные дни, раскрывает перед читателем свою душу—все, что пережил и передумал он в ту предгрозовую пору. Да, он с тревогой следил, как фашисты готовились к нападению на его Родину. Это была тревога патриота, но никак не страх—чувство, чуждое ему с детских лет. И. Кожедуб готовит себя и подчиненных к войне спокойно, методично, рассчитанно. Он понимает, что сделать что-то значительное в дни мирной учебы—означает хорошо подготовить себя и будущих летчиков к воздушным сражениям за отчизну. В этом он видел героизм мирного времени. И многие из читателей книги «Служу Родине»—мы имеем в виду отряд командиров-инструкторов, работников авиационных училищ,—прочтя эти страницы, проникнутся еще большим чувством гордости за свой повседневный труд.

...Утро 22 июня 1941 года. Боевая тревога застаёт инструкторов-летчиков за завтраком. Сбор по тревоге короток. Личный состав училища на митинге. Начальник сообщает: началась война!

«В эту секунду,—вспоминает И. Кожедуб,—я рядовой летчик, уже чувствовал себя участником справедливой борьбы, которую ведут воины нашей многонациональной Родины. Великая воля к победе захватила меня».

В книге приводится много боевых эпизодов. Но это не случайно сохранившиеся в памяти автора описания воздушных боев. Все они пронизаны одной идеей—смелость плюс мастерство. В маленькой главе «Мысли о воздушном бое» большой мастер, оглядываясь на пройденный путь, зрело, критически анализирует все проведенные им воздушные бои. Это мысли и о прошлом и о будущем, это мысли государственного человека, который хочет поделиться своим опытом, высказать соображения о тех тре-

бованиях, которые должны быть предъявлены к летчику-истребителю. В этой главе автор как бы вводит своего читателя в творческую лабораторию летчика.

«В воздушном сражении нельзя увлекаться и чертя голову вести бой. Неопытному летчику это особенно трудно: бой захватывает. А надо крепко держать себя в руках. Я часто повторял слова Чкалова: «Имей холодный ум, но горячее сердце».

Таким был в бою И. Кожедуб. Таким мы видим его, когда он рассказывает о полете на горящем самолете в памятные дни воздушных боев над Днепром. Сбив немецкий бомбардировщик, И. Кожедуб почувствовал, что с его самолетом происходит что-то неладное.

«Взрываю и вижу: с правой стороны из бензобака выбивается огненная струя: бензобак пробит. Что делать? Быстро отстегнул ремни. Хотел было выпрыгнуть с парашютом, но вспомнил, что внизу—территория врага. Я нахожусь в двадцати километрах от своих. Прыгать к немцам? Попасть в плен? Нет!

Что же предпринять? В голове проносятся множество мыслей, расчетов. Вспомнил Гастелло. Последую его примеру! Решение найдено. Но борьбы с пламенем не прекращаю. Переложил самолет в скольжение на крыло. Молниеносно, ничего не упуская, осмотрел землю. Надо найти объект. Подоймю несколько домиков—там немцы. В стороне—шапки разрывов: бьют вражеские зенитки. Медлить нельзя. Но цель все еще не выбрана. Осматриваю воздушное пространство и вижу: навстречу мне от линии фронта ползет «мессершмитт». Кто-то из наших крепко подбил его: снаряд, видимо, попал в бак. Дым тянется вслед за «мессершмиттом». Он прошел мимо. Ему не до меня, но и на крыле моего самолета пламя. Немецкие солдаты высыпали из домов. Снаряды зениток разрываются попрежнему в стороне. Решение принято: направляю самолет на толпу фрицев. И вдруг произошло то, чего я меньше всего ожидал: у самой земли мощный поток воздуха сорвал пламя с крыла. В какую-то долю секунды принимаю новое решение и проношусь прямо над головами оторопевших немцев, чуть не задевая их винтом.

Немцы спохватились и открыли огонь. Прижимаюсь к земле—огненные трассы проносятся выше меня. Я ускользнул от

них. И вдруг до моего сознания дошло: пламя сорвано, но если в бензобаке скопятся газы, то самолет взорвется. Еще несколько минут назад я спокойно шел навстречу смерти, но сейчас, после неожиданного спасения, не хотелось бессмысленно гибнуть...»

Готовый к тому, что каждую секунду может произойти взрыв, собрав все силы, в крайнем нервном напряжении, И. Кожедуб ведет свой самолет на посадку. Но вот и аэродром. Навстречу бегут друзья. Крепкие объятия однополчан. Десятки вопросов: «Да как ты не сгорел? Как сбил пламя?».

И. Кожедуб, воин-большевик, делает достойные коммуниста выводы из этого боя: «Многому научил меня этот полет. На войне нельзя опускать руки. Даже идя навстречу смерти, ищи оружие для победы. Нельзя ни на секунду прекращать борьбу за нее! Большевики никогда не сдаются без боя, никогда на теряют надежды на победу. Такой вывод сделал я из этого боя». И вот снова боевые вылеты и воздушные бои. Вылетов 330, воздушных боев 120, сбитых фашистских самолетов 62. Таков итог. Блестящий боевой путь описан летчиком скромно и исключительно интересно. Страницы,

повествующие об участии И. Кожедуба в Курской битве, в Корсунь-Шевченковском сражении и в Берлинской операции, волнуют и захватывают читателя.

Книга заканчивается описанием поездки в Москву на празднование Дня авиации 18 августа 1945 года. Здесь Иван Никитич Кожедуб узнает о награждении его третьей медалью «Золотая Звезда».

«В эти минуты, — пишет И. Кожедуб, — все мои мысли и чувства были устремлены к самому близкому, самому родному мне человеку, чье имя для меня дороже всего.

Перед моим взором встает образ великого Сталина, знакомые любимые черты того, кто всегда был со мной, кто вдохновлял меня в каждом бою, и я думаю о прожитом, о боевом пути, пройденном мною и моими товарищами».

Замечательная книга И. Кожедуба оставляет сильное впечатление. Она, несомненно, станет одной из любимых книг советской молодежи, ибо жизнь И. Кожедуба — это яркий пример беззаветного служения Отчизне, верности воинскому долгу.

Генерал-майор **В. МОСКОВСКИЙ**.

★

Документы славных побед русской армии

В истории русской боевой славы почетное место занимают выдающиеся успехи русской армии в Семилетней войне (1756—1763) над войсками прусского короля Фридриха II, который в Западной Европе стяжал славу якобы «непобедимого» и «великого» полководца. Усиленно продолжая захватнические традиции своих предшественников на престоле прусских королей, Фридрих II возвел грубую силу в культ и основу внешней политики, преследовавшей исключительно завоевательные цели. Принцип вооруженных захватов был сформулирован Фридрихом с предельным цинизмом: «Когда государства ищут

разрыва, — говорил он, — то, конечно, уже затруднения с манифестом могут остановить их. Они приходят к решению, ведут войну и предоставляют какому-нибудь трудолюбивому юристу оправдать их». Свое царствование Фридрих начал с вероломного нарушения принятых им обязательств в отношении целостности территории Австрии и с захвата богатой промышленной Силезии. Но то, что Фридриху удавалось в этой войне, когда он имел дело с австрийцами и англичанами, то совсем не удалось в следующей, Семилетней войне, когда он встретился с русскими войсками. Слава «непобедимости» Фридриха лопнула, как мыльный пузырь.

Изданный под редакцией покойного профессора Н. Коробкова сборник документальных архивных материалов о Семилетней войне, от ее дипломатической и военной подготовки до окончания, позволяет проследить по первоисточникам (тракта-

«Семилетняя война». Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1763 годах. С предисловием и под редакцией проф. Н. М. Коробкова. Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Военное издательство, 1948.

там, протоколам Петербургской конференции — высшего правительственного органа, ведомостям о состоянии войск, переписке между русским и австрийским командованиями, донесениям и реляциям о боевых действиях) все ее наиболее крупные события.

Вступая в союз с противниками Пруссии, русское правительство преследовало свои собственные цели. По определению конференции, главная цель заключалась в том, чтобы не допустить прусского короля «до приобретения новой знатности» и силы его «в умеренные пределы привести», сделав их «не опасными» для Российской империи. Эта задача была полностью выполнена, несмотря на то, что «союзник» — Австрия — не столько помогал, сколько мешал действиям русских войск, а первые главнокомандующие, назначенные императрицей Елизаветой (Апраксин, Фермор) были не столько полководцами, сколько льстивыми царедворцами.

Война ясно показала преимущество русской армии, пополнявшейся крестьянами и посадскими людьми на основе военной обязанности населения (рекрутских наборов), над наемной армией прусского короля. Пруссакам почти не удавалось захватывать русских пленных, тогда как массовая сдача в плен и дезертирство были широко распространены в прусских войсках. Например, после поражения под Пальцигом в русское расположение явилось 1.406 прусских дезертиров, кроме разбежавшихся по разным местам.

Фридрих не мог похвастаться ни одним выигранным у русских сражением. Битвы под Кунерсдорфом, в которой он был разбит наголову, несмотря на применение всех излюбленных им тактических приемов, было вполне достаточно, чтобы навсегда развенчать его мнимую славу «непобедимого». Насколько остыл боевой пыл Фридриха после этого сражения свидетельствует его письмо к маркизу д'Аржансу, перехваченное русскими разведчиками. Король признается, что он питается только надеждой — «единое несчастных утешение», — но и надежда начинает его осгавлять. Фридрих, для которого захватнические войны являлись основной целью жиз-

ни и деятельности, неожиданно ощутил в себе прилив миролюбивых чувств: «...я твердо предпринял остальные дни препроводить в уединении, в философии и дружбе», — сообщает он своему корреспонденту.

Изданные материалы свидетельствуют не только о героизме русских солдат и офицеров, но и о самостоятельности и передовом характере русского военного искусства, представленного талантливыми молодыми командирами, среди которых резко выделяются Румянцев и Суворов. По непонятным причинам в сборник не включены материалы о Суворове, хотя его действия в конце Семилетней войны создали ему широкую известность в армии. Выдающееся дарование Румянцева проявилось уже в первом сражении при Гросс-Егерсдорфе, которое в значительной степени было выиграно благодаря его инициативе и решительности (главнокомандующий Апраксин в своей реляции об этом сражении даже не упомянул его имени). Особенно большое значение в формировании военного искусства Румянцева сыграла операция по овладению крепостью Кольберг в 1761 году, где Румянцев действовал вполне самостоятельно. В рецензируемом сборнике приведено наставление Румянцева о применении колонн в боевом порядке (з заголовке почему-то это отнесено к коннице, хотя из содержания совершенно ясно, что оно касается пехоты). Это наставление являлось новшеством в то время и предвосхитило на несколько десятков лет применение колонн на поле боя в иностранных армиях.

Выпуском сборника «Семилетняя война» Военное издательство сделало большое и полезное дело. Нет сомнений, что материалы сборника будут широко использованы не только в военных и гражданских учебных заведениях при самостоятельных работах на данную тему, но и всеми, кто пожелает познакомиться по непосредственным источникам с одной из блестящих глав русского военного прошлого.

Сборник снабжен подробной библиографией опубликованных документов и прекрасно воспроизведенными картами Семилетней войны.

Профессор К. БАЗИЛЕВИЧ.

Техника и химия

Сочинения гениального русского химика

Вышло в свет восемь томов сочинений Дмитрия Ивановича Менделеева, одного из величайших представителей естествознания, являющего собой яркий пример русского народного гения.

Д. Менделеев родился в 1834 году в Сибири в городе Тобольске. В 1857 году двадцатитрехлетний Д. Менделеев—доцент Петербургского университета по кафедре химии. В 1865 году он был утвержден экстраординарным, а в конце года ординарным профессором по кафедре технической химии.

«С кафедры химии Петербургского университета, — писал ученик и ближайший сотрудник Дмитрия Ивановича академик В. Тищенко, — раздалось могучее слово профессора-натуралиста, которое прогремело по всему свету, разнося славу русского имени».

В начале 1890 года Д. Менделеев, вследствие конфликта с тогдашним министром народного просвещения Деляновым по поводу студенческих волнений, вышел в отставку и более не возвращался к преподавательской деятельности, целиком отдавшись научной работе.

За свои выдающиеся, поистине гениальные исследования и открытия в области химии и физики Д. Менделеев был удостоен звания почетного члена, кажется, всех наиболее видных западноевропейских университетов и академий наук. Полный ученый титул Д. Менделеева состоял более чем из 100 названий.

В кратком очерке нет возможности не только ознакомить читателей с главнейшими трудами Д. Менделеева, но и просто перечислить их.

Общее число его научных трудов достигает огромной цифры — около 450. Большинство из них было посвящено химии, физике, физико-химии, геофизике, проблемам техники и промышленности, а также вопросам экономического и общественного характера. Я вынужден поэтому

остановиться лишь на величайшем творении Д. Менделеева — «Периодической системе элементов», или иначе «Периодическом законе Менделеева».

Первые мысли о периодичности свойств элементов, по свидетельству самого Д. Менделеева, появились у него в 1868 году, когда он приступил к составлению своих впоследствии знаменитых «Основ химии».

В начале 1869 года Д. Менделеев разослал многим химикам на отдельном листке «Опыт системы элементов, основанный на их атомном весе и химическом сходстве», а в марте этого же года на заседании Русского химического общества сделал доклад «О соотношении свойств с атомным весом элементов».

Сообщение это особого интереса тогда не вызвало, что можно объяснить прежде всего новизной предмета. А между тем в этом докладе уже были изложены все основные положения «Периодического закона».

Величайшая заслуга Д. Менделеева перед русской и мировой наукой на все времена заключается в том, что, благодаря гениальной пронизательности его ума, он уже на первых этапах изучения соотношений свойств элементов с их атомным весом понял, что эти соотношения — не простая случайность, а являются основным законом природы, подобным закону всемирного тяготения Ньютона.

«Я думаю, — писал Д. Менделеев, — что мы не имели до сих пор никакой возможности предвидеть отсутствие тех или других элементов потому именно, что не имели никакой строгой для них системы, а тем более не имели поводов предсказывать свойства таких элементов». И далее Д. Менделеев подробно описывает свойства неизвестных еще тогда химии аналогов бора, алюминия и силиция (иначе кремния).

Подтверждение научного предвидения Д. Менделеева о существовании неизвестных элементов произошло неожиданно скоро. Уже в 1875 году никому не известный французский химик-винодел открыл

новый элемент галлий, который по всем свойствам соответствовал «экаалюминию» Д. Менделеева. Фридрих Энгельс по поводу открытия галлия писал: «Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг...»¹

Несколько позднее столь же блестяще подтвердились предсказания Д. Менделеева о существовании неизвестных элементов экабора и экасилиция.

Столь поразительное доказательство научного предвидения Д. Менделеева повело за собой резкое изменение в отношении широких кругов химиков к периодической системе великого русского ученого и ко всей его гениальной концепции в целом.

Меж тем уже были близки и новые подтверждения и новые величайшие испытания периодического закона Менделеева.

Открытие группы элементов благородных газов — аргона, гелия и других, открытие явлений радиоактивности, открытие радиоактивных элементов полония и радия с несомненностью показали, что атомы как радиоактивных, так и остальных элементов представляют систему, сложенную из протонов, нейтронов и электронов. Короче говоря, казалось, что целый ряд новых научных открытий в корне подрывал все основы периодической системы элементов Д. Менделеева.

Однако в действительности дело обстоит совершенно иначе. Периодический закон Д. Менделеева и ныне, в век атомной энергии, попрежнему является путеводной звездой в изучении материи и ее превращений. Попрежнему таблица элементов Д. Менделеева вмещает в себе все разнообразие элементов как открытых до сих пор и существующих в природе, так и многих сотен радиоактивных элементов, полученных искусственно.

Великий русский ученый был твердо уверен, что периодический закон является

незыблемым законом природы. «Периодическому закону, — пророчески писал он, — будущее не грозит разрушением, а только развитие и надстройки обещает».

Д. Менделеев, обессмертивший свое имя открытием периодического закона, провел также глубокие борозды во многих областях физики и химии.

Прежде всего здесь нужно назвать его докторскую диссертацию «О соединении спирта с водой» — экспериментальное исследование, до сих пор никем не превзойденное по точности полученных результатов.

Нельзя не упомянуть также его обширное «Исследование водных растворов по удельному весу» — работу, которая привела ученого к созданию гидратной теории растворов, все глубокое значение которой выяснилось лишь в самое последнее время.

Д. Менделеев не был замкнутым кабинетным ученым. Он, подобно великому М. Ломоносову, интересовался многими отделами естествознания и в особенности увлекался связью теории и практики, науки и промышленности. «Наука и промышленность — вот тут мои мечты!» — повторял Д. Менделеев.

Он, как никто, понимал значение науки для развития промышленности в России. Указывая, подобно М. Ломоносову, на скрытые в недрах земли несметные богатства, Д. Менделеев, обращаясь к своим слушателям на лекции, говорил: «И надобно иметь фонарь науки, чтобы осветить эти глубины, увидеть в этой темноте. И если вы этот фонарь знания внесете в Россию, вы сделаете в самом деле то, чего от вас ожидает Россия. Ибо от чего же зависит ее благосостояние? От чего зависит богатство или бедность ее народа, ее международная свобода? Ведь только независимость экономическая есть независимость действительная, всякая прочая есть фиктивная, воображаемая...»

Академик А. АРБУЗОВ.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XIV, стр. 530.

Выдающиеся русские электротехники

Автор рецензируемой книги — член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Андреевич Шателен пользуется широкой известностью среди наших электротехников и энергетиков. Он принимал участие в создании плана ГОЭЛРО. И сейчас, несмотря на свой преклонный возраст (он родился в 1866 году), М. Шателен попрежнему трудится на благо нашей науки и техники.

Свою книгу М. Шателен посвятил студентам Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина, организатором которого он был и профессором которого состоит уже многие годы.

В книге освещается выдающаяся роль крупнейших русских электротехников XIX века в развитии электротехнической мысли. Очень ценно то, что М. Шателен был непосредственным свидетелем многих проводимых им фактов, изобретений и открытий. Автор пишет: «Я пользовался для своего труда как литературными источниками всякого рода (технические и другие журналы и книги), так и архивными материалами, воспоминаниями, письмами и заметками современников. Кроме того, я воспользовался устными рассказами, слышанными мною от многих лиц, знавших лично великих изобретателей. Наконец, я воспользовался и своими личными воспоминаниями о большинстве ученых и изобретателей, деятельности которых касается настоящий труд».

Во время работы автора в Компании Эдисона, во время Парижской выставки 1889 года и после нее он встречался с П. Яблочковым. Затем, по возвращении в Россию, автор встречался не раз с А. Лодыгиным, Н. Бенардосом и Н. Славяновым.

С М. Доливо-Добровольским М. Шателена сблизила их совместная работа над организацией электромеханического факультета Ленинградского политехнического института и встречи на Парижской всемирной выставке 1900 года. С А. Поповым автор долго работал в университете и был близко знаком со всеми его трудами, приведшими к изобретению радиотелеграфии.

М. А. Шателен. «Русские электротехники второй половины XIX века». Госэнергиздат, 1949.

Нетрудно понять ценность книги, автор которой является свидетелем и современником стольких славных дел. Можно быть уверенным, что труд М. Шателена будет дружелюбно встречен советскими читателями и всеми передовыми людьми мира, которым дорога истина, а не ложь во имя империалистической пропаганды.

Как говорится, иллюзии изживаются, а факты остаются. Американским дельцам от науки угодно вопреки истине у истоков электрического света ставить Эдисона, но от их стараний иллюзия не станет фактом. Истина же в том, что первым изобретателем электрических ламп накаливания был наш А. Лодыгин. И об этом документально и увлекательно рассказано М. Шателеном в его книге. Автор, между прочим, напоминает, что иск, возбужденный в свое время Эдисоном против А. Лодыгина, был отвергнут судебной инстанцией.

М. Шателен рассказывает, как работники одного из старейших в мире по проблемам электротехники русского журнала «Электричество» убедительно доказывали необходимость теснейшей связи теории и практики. А Эдисон в то же время утверждал совершенно обратное: вредность теорий для успеха изобретателя... М. Шателен приводит ряд печальных последствий, которые проистекли для Эдисона в результате такой позиции. В споре с нашим великим электротехником М. Доливо-Добровольским Эдисон предсказывал бессилие переменного тока противостоять завоеваниям техники постоянного тока, а закладку высоковольтных кабелей переменного тока под землей сравнивал с закладкой нитроглицериновых мин. Время подчеркнуло заблуждения Эдисона и правоту наших ученых.

Читатель книги М. Шателена найдет в ней немало документов, показывающих и величие творчества русской научно-технической мысли, и силу жизненности ее ростков вопреки страшным тяготам дооктябрьского времени.

В двенадцати главах труда М. Шателена развертывается своеобразная летопись выдающейся деятельности русских революционеров-новаторов в важнейших отраслях электротехники и энергетики и

провозвестников новых поистине необъятных достижений.

Первые две главы книги являются сжатым, но целостным очерком, посвященным науке об электрических и магнитных явлениях и применению электрической энергии в середине XIX века.

Эти главы послужат ценным справочником для нашей учащейся молодежи, ибо они дают надлежащую оценку научного подвига новаторов нашей отечественной энергетики. Ими были В. Петров, открывший почти на десять лет раньше английского физика Дэви явление вольтовой дуги; знаменитый провозвестник «света с востока» П. Яблочков; А. Лодыгин, не только давший впервые миру электрическую лампочку накаливания с угольной нитью, но и сконструировавший электролампы с тянутой вольфрамовой проволокой; вдумчивый и разносторонне одаренный В. Чиколев; высоко талантливый М. Доливо-Добровольский; Н. Бенардос и Н. Славянов, впервые осуществившие электросварку, и, наконец, отец радио — А. Попов. Этим корифеям науки и практики посвящены восемь глав книги.

В следующих двух главах дается описание деятельности и характеристика организаторов электротехнического отдела Русского технического общества и журна-

ла «Электричество», объединявших целую плеяду наших замечательных электротехников и энергетиков.

Громадный педагогический опыт автора помог ему не только создать высокоценный, документально обоснованный научно-исторический труд, но и с особой яркостью показать неиссякаемую творческую энергию русского народа.

Итоги всей своей работы М. Шателен дает в сжатом «послесловии». Он еще раз напоминает о величайших открытиях русских электротехников и заявляет, что одного перечня этих блистательных трудов недостаточно, чтобы одновременно оценить и величие содеянного и прозреть возможности еще более гигантского размаха достижений во всех областях творческой мысли в стране, уверенно идущей к высотам коммунизма под победоносным знаменем партии Ленина — Сталина.

Работу М. Шателена о пионерах нашей и мировой энергетики впредь нельзя будет обойти в любом основательном курсе по общей истории техники. Мы не сомневаемся, что книга М. Шателена выдержит не одно издание. Следовало бы при этом улучшить качество иллюстративного материала книги.

Академик Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

★

Биология и сельское хозяйство

Советское луговодство

Книга профессора А. М. Дмитриева «Луговодство с основами луговедения» в этом году удостоена Сталинской премии.

А. Дмитриев — один из старейших учеников академика В. Вильямса, создателя науки о почве и ее плодородии. На протяжении нескольких десятков лет А. Дмитриев глубоко разрабатывал проблемы луговодства и луговедения, став одним из ведущих теоретиков этой важной отрасли сельского хозяйства. Он отдавал свои силы и знания созданию совершенной кормовой базы в совхозах и колхозах. В помещицкой России научные основы луговодства

никого не могли интересовать. Крестьянину с его клочком земли было не до науки, а помещик и кулак спокон веков хищнически эксплуатировали землю. Труды В. Вильямса и его учеников нашли достойное применение только при Советской власти, положившей в основу плановое ведение сельского хозяйства.

В. Вильямс писал: «Мы счастливы тем, что дожили до времен, когда основные положения научной агрономии начинают находить приложение на совхозно-колхозных полях и получают там полное подтверждение».

Разработанная передовой советской сельскохозяйственной наукой травопольная система земледелия обусловила крупнейшие

А. М. Дмитриев. «Луговодство с основами луговедения». Сельхозгиз, 1948.

успехи социалистического земледелия. В эту систему, как известно, входит посадка лесных полей защитных полос, регулирующих припочвенный климат и водный режим, введение двух травопольных севооборотов (полевого и кормового), строительство прудов и водоемов и т. д. Все эти мероприятия, говорит В. Вильямс, обеспечивают наилучшее использование производительных сил природы, при наибольшей производительности труда.

Профессор А. Дмитриев создал в области луговодства фундаментальный труд, основанный на теоретических воззрениях В. Вильямса и ценный по своему научному и производственному значению.

В первой части книги автор разработал проблемы, связанные с биологией и экологией многолетних кормовых растений, а также наметил мероприятия по основным природным зонам, обеспечивающие высокую производительность лугов. А. Дмитриев говорит: «Только на основе знания производственных свойств и биологии луговых трав возможно правильно организовать использование луга».

Автор дал классификацию биологических хозяйственных групп лугового разнотравья, характеристику лугов и их производственную оценку. В основу своей классификации, в отличие от целого ряда ученых, А. Дмитриев кладет не одну растительность, а целый ряд факторов: климат, материнскую породу, рельеф местности, условия увлажнения почвы. Глубокие те-

оретические выводы автора и его ценные практические указания способствуют тому, что эта классификация лугов широко применяется в производстве и научно-исследовательской работе.

Большую ценность приобретает раздел книги, посвященный изменчивости типов лугов и травостоев. Ученый говорит, что луга и их растительные сообщества находятся в непрерывном изменении. Луговая растительность меняет свое местообитание, приобретает новые свойства или же настолько изменяется, что луг становится другим, с особыми, присущими ему свойствами. Изменяется количественный состав травяной массы, а также и видовой состав всей группировки, причем один вид группировки переходит в другой. Знание этих особенностей необходимо работникам сельского хозяйства, чтобы правильно использовать луга и поддерживать их в состоянии высокой продуктивности.

Во второй части своей работы А. Дмитриев разрабатывает проблемы, связанные с производственной характеристикой луга.

Книга профессора А. Дмитриева — ценное теоретическое и практическое руководство в области изучения лугов, их культуры и создания богатой и устойчивой кормовой базы. На этой работе будут воспитываться новые кадры специалистов по луговодству, которые понесут в жизнь глубокие и передовые мысли советского ученого.

Академик В. БУШИНСКИЙ.

★

Труд по истории палеонтологии

С давних пор внимание людей привлекали остатки ископаемых животных и растений. Нередко народная фантазия видела в крупных костях вымерших позвоночных части скелетов людей-великанов. Красивые продолговатые и остроконечные внутренние раковины белемнитов (ископаемых головоногих) принимались за наконечники каменных стрел. Еще не так давно, в начале нашего века, в Поволжье остатки белемнитов были известны среди

местного населения под названием «чортовы пальцы».

Однако пылкий человеческий ум разгадал истинную сущность этих ископаемых. Постепенно сформировалось понятие, что эти остатки раковин — обитателей морских вод, остатки растений и кости чудовищ, населявших сушу, свидетельствуют, что там, где сейчас суша, было море, и там, где сейчас море, когда-то возвышалась суша.

Вплоть до середины XVIII века ископаемые изучались, как любопытные феномены природы. Рассматривать их, как свидетельство условий жизни прошлого земли, мало кому приходило в голову. Для этого ну-

Л. Ш. Давиташвили. «История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней». Издательство Академии наук СССР, 1948.

жен был всеобъемлющий гений М. Ломоносова. Разглядывая кусочки янтара с находящимися в них остатками насекомых, М. Ломоносов восстановил обстановку давно минувшей жизни:

В тополовой тени гуляя, муравей
В прилипчивой смоле увяз ногой своей.
Хотя он у людей был в жизнь свою
 презренный,
По смерти в ентаре у них стал
 драгоценный.

Накопившиеся сведения об ископаемых остатках животных и растений долгое время не были объединены общей идеей и не представляли собой науку в современном ее понимании. Начало палеонтологии, как знания об ископаемых организмах, формально можно исчислять с момента создания линнеевской двойной номенклатуры, когда все известные к тому времени ископаемые организмы получили точные двойные (родовые и видовые) обозначения.

Дальнейшее изучение этих остатков животных и растений показало, что в разных пластах земной коры встречаются различные ископаемые. По ним, оказывается, можно, как по паспорту, устанавливать геологический возраст тех или иных пластов. Эти так называемые «руководящие ископаемые» и поныне являются самыми верными и точными «помощниками» геологов, которым крайне важно знать геологический возраст различных напластований, так как некоторые из них содержат нужные народному хозяйству полезные ископаемые (нефть, газ, уголь, соль и т. д.).

Все это привело к тому, что остатки ископаемых организмов из любопытных «фигурных камней», собиравшихся в средние века для забавы, превратились в объекты самого пристального внимания ученых и инженеров.

Подлинной наукой, изучающей закономерности развития органического мира прошлой земли, палеонтология стала только со второй половины XIX века — после опубликования дарвиновского «Происхождения видов». В отличие от старой, почти исключительно описательной палеонтологии, ее преемница получила впоследствии наименование «эволюционной».

Возникновению и развитию эволюционной палеонтологии и посвящен труд действительного члена Академии наук Грузинской ССР Л. Давиташвили, увенчанный в 1949 году Сталинской премией.

Выход в свет исследования Л. Давиташвили является большим событием для советской науки вообще и для палеонтологии в частности. На многочисленных фактических примерах автор с полной убедительностью доказывает ряд крайне важных для истории науки положений. Главнейшие из них таковы.

Дарвинизм, как материалистическое учение о развитии органического мира, был понят и применен русскими палеонтологами еще во второй половине прошлого века значительно глубже и полнее, чем это было сделано зарубежными палеонтологами того времени. В это же время в буржуазной палеонтологии усиливаются реакционно-идеалистические и метафизические тенденции. Особенно широкого распространения эти тенденции достигли после первой мировой войны, когда они начали принимать уродливые и отчетливо антинаучные формы.

Еще до Великой Октябрьской социалистической революции лучшие представители русской палеонтологической науки оставались верны славным материалистическим традициям русского передового естествознания.

В Советском Союзе эволюционная палеонтология получила такие широкие возможности развития, о каких не могут и мечтать ученые капиталистических стран. Советские ученые достигли значительных успехов как в разработке основных проблем эволюционной палеонтологии, так и в борьбе против антинаучных концепций.

В книге Л. Давиташвили приводится много интересного и нового. В первой части ее рассказывается, что на фоне засилья зарубежных креационистов (сторонников учения о неизменяемости видов) среди русских ученых конца XVIII и начала XIX века зрели представления об изменяемости видов. В 1775 году Афанасий Каверзнев напечатал в Лейпциге книгу «Об изменчивости животных». На русском языке эта книга выходила в свет дважды — в 1778 и 1787 годах. Интересные трансформистские идеи (то есть идеи об изменяемости видов) высказывали русские ученые Х. Пандер и Г. Шуrowsкий. Особенно выделяются работы профессора Московского университета К. Рулье, который разрабатывал эволюционные идеи независимо от Дарвина и до него. К. Рулье был

создателем единственной, в додарвиновский период, школы биологов-трансформистов. В своих работах, рассматривавших распространение ископаемых организмов в различных пластах, К. Рулье обрисовал значение климатических зон и фаунистических провинций прошлых времен. В этом отношении он на несколько десятилетий опередил австрийского ученого Неймайра, которого привыкли считать основоположником палеоклиматологии и палеогеографии юрских морей. Свои выводы К. Рулье строил на основе изучения подмосковных юрских отложений.

В следующих частях своей книги Л. Давиташвили, давая глубокий критический анализ воззрений зарубежных ученых, уделяет большое внимание достижениям русских палеонтологов. Особенно подробно он останавливается на работах В. Ковалевского, признанного и у нас и за

рубежом основателем эволюционной палеонтологии. В своих трудах В. Ковалевский опередил многих иностранцев, которым приписывался приоритет в открытии многих закономерностей эволюционного процесса. Автор основательно освещает также палеонтологические работы академиков А. Карпинского, Н. Андрусова, Л. Берга и ряда других советских ученых.

В заключительной главе автор подчеркивает важную роль нашей науки в разработке теории эволюционной палеонтологии.

Книга Л. Давиташвили — выдающийся труд, в котором впервые в мировой литературе с позиций диалектического материализма дана исчерпывающая картина истории эволюционной палеонтологии.

Доктор геолого-минералогических наук
А. ЭБЕРЗИН.

★

Наследие В. В. Докучаева

Имя великого русского ученого Василия Васильевича Докучаева привлекает сейчас, в дни осуществления Сталинского плана преобразования природы, всенародное внимание. Издание классических трудов В. Докучаева, предпринятое в последнее время рядом наших издательств, является как нельзя более своевременным.

Если бы на обложках книг и брошюр, написанных В. Докучаевым, не стояло имя их автора, трудно было бы предположить, что все эти труды вышли из-под пера одного и того же человека,—так разнообразен круг научных вопросов, разрабатывавшихся ученым, так велик вклад В. Докучаева в различные отрасли естествознания, в разработку проблем сельского хозяйства, педагогики, археологии.

Творец пауки о почве, В. Докучаев был вместе с тем одним из создателей отечественной агрономии. Географы справедливо считают его родоначальником современной

географии. Но наиболее глубокое значение и всенародное признание получают в наши дни идеи и замыслы В. Докучаева по борьбе с засухой, по преобразованию природы. Особенно своеобразно звучат высказывания ученого о победе человека над стихийными силами природы, о необходимости и возможности подчинения их человеку.

«В природе всё красота,—говорил В. Докучаев в одной из своих публичных лекций.— Все эти враги нашего сельского хозяйства: ветры, бури, засухи и суховей — страшны нам лишь только потому, что мы не умеем владеть ими. Они не зло, их только надо изучить и научиться управлять ими, и тогда они же будут работать нам на пользу». Эти слова были девизом, которому ученый следовал всю свою жизнь.

Глубоко изучив различные элементы природной среды, В. Докучаев разработал способы коренной переделки почв, климата и рельефа. Эти работы были дополнены трудами выдающегося русского агронома, современника В. Докучаева — П. Костычева, а в советское время были продолжены и углублены академиком В. Вильямсом.

Взгляды В. Докучаева были сходны с воззрениями К. Тимирязева и И. Мичурина, занимавшихся переделкой растений, в наши дни происходит творческое слияние этих

В. В. Докучаев. Избранные сочинения в трех томах, т. I. Сельхозгиз, 1948.

В. В. Докучаев. Собрание сочинений, т. 3. Издательство Академии наук СССР, 1949.

В. В. Докучаев. «Учение о зонах природы». Географгиз, 1948.

двух учений — о переделке растений и о преобразовании среды (почва, климат, рельеф) — в советской агробиологической науке, развиваемой трудами академика Т. Лысенко и его школы.

В. Докучаев начал свою научную деятельность с геологии. Его работы в этой области и особенно его диссертация «Способы образования речных долин Европейской России» до сих пор считаются классическими и ныне переиздаются в обоих рецензируемых здесь собраниях сочинений ученого. В геологии В. Докучаева интересовали больше всего современные геологические явления — поверхностные образования, наносы и почвы. До В. Докучаева ученые подходили к почве односторонне. Геологи считали ее просто верхним слоем земной коры, агрономы рассматривали почву только как местелище для корней растений.

Однако, приступив к изучению почв, собирая и анализируя сотни почвенных образцов, В. Докучаев пришел к совершенно новым выводам относительно происхождения, распространения и свойств чернозема и почв вообще.

В своем знаменитом труде «Русский чернозем», опубликованном впервые в 1883 году и ныне переизданном, В. Докучаев неопровержимо, вопреки мнению иностранных авторитетов, доказал, что почва — совершенно самобытное природное тело, «четвертое царство природы», особая оболочка земли, управляемая своими, «почвенными» законами. Именно это и только это открыло верный путь к созданию почвоведения как самостоятельной науки, а также и к практическому овладению почвой.

Русский ученый создал первую в мире генетическую почвенную классификацию, разработал комплексный метод почвенных исследований, основанный на изучении всех взаимосвязанных элементов природы, которые влияют на образование и эволюцию почв. Это позволило В. Докучаеву перейти к проблемам преобразования степной природы, восстановления почвенного плодородия.

В 1891 году страшная засуха, охватившая 29 губерний, привела к голоду и разорению миллионные массы крестьянства. В. Докучаев, наряду с другими передовыми русскими учеными, живо откликнулся на народное бедствие. Он читает цикл публичных лекций, выступает со статьями в газетах и

журналах и, наконец, выпускает в 1892 году один из главных своих научных трудов «Наша степи прежде и теперь».

В этой книге В. Докучаев вступил в решительную борьбу против реакционных взглядов буржуазных ученых Западной Европы. Эти псевдоученые сваливали на природу пороки капиталистической системы и доказывали якобы неизбежное истощение почвы на основе так называемого «закона» убывающего плодородия почвы. В. Докучаев доказал, что это истощение и оскудение отнюдь не является неизбежным и что оно вызвано хищнической эксплуатацией земли. Он показал также, что наша черноземная полоса подвергается, «хотя и очень медленному, но упорно и неуклонно прогрессирующему иссушению». Причина этого иссушения кроется в истреблении лесов на водоразделах и в долинах рек, в росте оврагов, в водной и воздушной эрозии почвы, в утрате почвой необходимой для развития растений мелкозернистой структуры.

В последней главе книги В. Докучаев изложил детальный, научно обоснованный, впервые созданный в истории человечества комплексный план наступления на засуху. В этом плане предусматривались и полозащитные лесные полосы, и создание системы прудов и водоемов, и регулирование оврагов и балок путем обсадки их деревьями и строительства мелких плотин. План предусматривал также лесопосадки на водоразделах и создание лесных полос вдоль берегов Волги, Дона и других рек.

Этот величественный план не мог, конечно, быть осуществлен в условиях капиталистического частнособственнического общества. Идеи и планы В. Докучаева находились в резком противоречии с буржуазно-помещичьим строем царской России, и ученый прекрасно это понимал. Все же, благодаря исключительной энергии и настойчивости, ему удалось начать опытные работы по борьбе с засухой. Но даже и эти работы не могли быть проведены в сколько-нибудь значительных размерах. Начиная в Каменной степи опыты по орошению, В. Докучаев писал в одном из своих докладов Лесному департаменту: «Ближайшая разработка и испытание различных способов регулирования рек и возможно широкого пользования их водами для оросительных целей тесно связана с вопросом об изменении законоположений, относи-

тельно права водного и берегового владения. Руслу и берега упомянутых речек принадлежат различным владельцам, без согласия с которыми или без обеспечения дела — путем обязательных правил и постановлений, — понятно, немислимы никакие серьезные гидротехнические работы».

Вся научно-общественная деятельность В. Докучаева была по существу непрерывной борьбой с царской бюрократией, с красными и реакционными научными противниками. Особенно активно восставал В. Докучаев против низкопоклонства перед иностранщиной, перед дутыми заграничными авторитетами.

Создатель учения о зонах природы, В. Докучаев настаивал на неприменимости, в своеобразных природных условиях России, шаблонных приемов немецкой агрономии, рабски копировавшихся русскими землевладельцами и известной частью агрономов. Ученый с возмущением писал: «К стыду нашему, мы взяли эту агрономию у немцев и применяли ее в России, не считаясь ни с климатическими, ни с растительными, ни с почвенными условиями местности, применяли даже на нашем настоящем черноземе». В. Докучаев призывал создать свою, отечественную агрономию, указывая, что для отдельных природных зон России «необходимо выработать свои агрономические приемы и методы, строжайшим образом приспособленные к местным условиям как почвенным и климатическим, так и бытовым и экономическим». Эти передовые взгляды замечательного русского ученого нашли свое признание только в наши дни, в условиях советской власти, колхозного строя.

Создатель почвоведения и новых направлений в ряде отраслей естествознания и агрономии, В. Докучаев гордился передо-

вой русской наукой и горячо отстаивал ее приоритет. Он говорил: «Пора бы перестать нам при каждом шаге оглядываться на Западную Европу».

В. Докучаев предстает перед нами как патриот родины, отдававший все свои силы и знания родному народу, и как великий ученый-материалист, стихийный диалектик, понимавший взаимосвязь всех природных явлений.

Труды В. Докучаева, развитые и углубленные его продолжателями и, прежде всего, академиком В. Вильямсом, создавшим травопольную систему земледелия, положены в основу грандиозного Сталинского плана преобразования природы.

Изучая труды В. Докучаева, его сподвижников и продолжателей, советские люди испытывают чувство гордости за великих русских ученых и за советскую агробиологическую науку, помогающую народу преобразовать родную землю.

Человек социалистического общества неопровержимо доказывает своим творческим трудом, что никакого убывающего плодородия почвы, никакого оскудения природы нет. Это оскудение и истощение действительно имеет место в условиях капитализма. В частности, в США за последние годы погибли многие миллионы гектаров некогда плодородных земель из-за хищнической системы эксплуатации почвы.

Труды В. Докучаева прочно взяты на вооружение советскими людьми — участниками борьбы за преобразование природы. Хотелось бы, чтобы наиболее важные работы ученого по сельскому хозяйству и, прежде всего, книга «Наши степи прежде и теперь» были опубликованы Сельхозгизом массовыми изданиями.

И. и Л. КРУПЕНИКОВЫ.

★

Путешествие в страну дремучих трав

Научно-фантастический роман является тем жанром, который мы должны всемерно развивать в нашей художественной литературе, в особенности в литературе,

В. Б р а г и н. «В стране дремучих трав».
Детгиз, 1948.

предназначенной для юношества. Значение книг этого жанра состоит не только в их познавательности, ибо сама фантазия нашего юношества в значительной степени воспитывается чтением научно-фантастической литературы. Поэтому к произведениям этого жанра мы всегда предъявляем повышенные

требования. Этим требованиям в значительной степени отвечает роман Владимира Брагина «В стране дремучих трав».

В начале своей книги автор в мягких и теплых тонах рисует нам повседневную жизнь небольшого советского городка, куда случайно попадает молодой человек, от лица которого и ведется весь рассказ. Тихая, полная аромата цветов южная ночь, веселые юноши и девушки... И вдруг в эту мирную жизнь врывается нечто таинственное — ночная бабочка, несущая на своей спине послание из какого-то иного, неведомого мира.

Это послание определяет собой все дальнейшие, быстро развивающиеся события. Герой романа, молодой советский человек, принимает твердое решение во что бы то ни стало оказать помощь, о которой взывает еще не известный ему автор письма. Но как отыскать то место, откуда пришло письмо и где в полном одиночестве, отрезанный от людей, затерялся доктор Думчев?

Настойчивость героя и ряд счастливых случайностей позволяют ему разгадать эту загадку и найти таинственную «страну дремучих трав». Оказывается, эта чудесная страна находится не где-нибудь «за тридевять земель», а у нас под ногами, всего в нескольких километрах от городка.

Автор, фантастически уменьшив своих героев в сто-двести раз, позволил им увидеть и ощутить ту жизнь, мимо которой мы проходим, не замечая ее. Это жизнь различных насекомых: пауков, муравьев, ос, бабочек, жуков, глей и тарантулов, населяющих траву и маленький ручеек, который теперь для нашего путешественника превратился в могучий «великий поток».

Сколько неожиданных красот и жутких опасностей таит в себе эта жизнь! В конечном итоге герой романа встречается с Думчевым, и им удается, пройдя через ряд необычайных приключений, вновь стать нормальными людьми и вернуться в человеческое общество.

Автор романа в живой, занимательной форме знакомит нас с любопытной «деятельностью» насекомых — с их повадками, инстинктами, с их, если можно так выразиться, «тсхником». Но при этом все время ин-

стинкт насекомого совершенно правильно противопоставляется разуму человека. Это противопоставление, проведенное в ряде драматических моментов, делает роман не только занимательным, но и научно-правдивым, помогает читателю уяснить материалистические взгляды на природу.

Книга В. Брагина содержит и большой познавательный материал, она затрагивает ряд общебиологических вопросов и сообщает множество интересных сведений из истории техники. Книга содействует познанию жизни насекомых в свойственной им среде. А мы знаем, какое большое практическое значение это имеет для борьбы с многочисленными вредителями нашего сельского хозяйства. Такая борьба возможна только при хорошем знании мира насекомых, и большой заслугой В. Брагина является то, что он дает нашему юному читателю эти знания в художественной, увлекательной форме.

Роман В. Брагина не лишен и некоторых недостатков. В любом фантастическом романе автор, сделав какое-либо, пусть даже весьма смелое, допущение, в дальнейшем должен все остальное согласовывать с этим допущением. Это правило не всегда соблюдается автором. Так, например, уменьшив своего героя в 100—200 раз, он затем не изменил соответственно размер спасительных пилюль. Несколько растянутой и не совсем удачной является последняя часть романа. До тех пор, пока его герои остаются в «стране дремучих трав», настроение читателя и его интерес к совершающимся событиям все время находится на высоком уровне. Но после возвращения доктора Думчева этот интерес падает, что снижает и общее впечатление от романа.

Однако занимательность и новизна фабулы, большой, хорошо поданный познавательный материал из области биологии и техники, смелое сочетание реализма с фантастикой, оптимизм, современность — все это заставляет признать книгу В. Брагина «В стране дремучих трав» весьма удачным образцом советского научно-фантастического романа.

Академик А. ОПАРИН.

Человек и стихия

В нашей стране создана богатая научно-художественная литература. Это большое достижение советской культуры, и мы можем им по праву гордиться. Только в социалистическом государстве, где наука служит народу, могла возникнуть подлинная поэзия науки.

Весьма различны те литературные жанры, в которых наши писатели плодотворно разрабатывают темы науки — от публицистического очерка до биографического романа, от пьесы до кинематографического сценария и проблемной книги.

Однако литературная задача при обращении к любому из этих жанров остается единой. Она заключается в том, чтобы художественно раскрыть самую суть научно-общественной проблемы. Нужно о самой науке и ее развитии рассказать интересно, увлекательно. Нужно на первый взгляд скучное и малопонятное растопить огнем поэтического видения и показать, что в рассказе о науке самое важное — сама наука и ее общественное значение, а не внешние аксессуары, сколь угодно занимательные.

Мастер такой поэтической плавки — М. Ильин.

Своей новой книгой «Человек и стихия» М. Ильин вовлек в круг искусства новую область знания, приобщил к миру науки новые массы советских читателей, особенно молодежи.

Это книга о климате, о борьбе со стихиями погоды. М. Ильин рассказывает о том, какое огромное значение имеет мир погоды и как он сложен, как создавалась наука о погоде, как мы научились не только понимать, но и предсказывать погоду, и как нарастают предпосылки к тому, что человек будет управлять погодой.

«Законы ветров и бурь», «Русские метеорологи идут впереди», «Машина планеты», «О людях и реках», «Предвычисленные бурь и наводнений», «Укрощение «строптивой» — вот названия некоторых глав книги. Она открывает нам чрезвычай-

но увлекательную область знания и человеческой деятельности, столь важную в социалистическом строительстве, что, читая книгу, жалеешь, что ты уже не юноша, не то еще подумал бы, какую профессию избрать...

Писатель М. Ильин никогда не был метеорологом или климатологом. Чтобы впитать все то, чем насыщена эта книга, художественно опосредствовать и отдать читателю, потребовалось, несомненно, несколько лет труда.

В свое время Алексей Максимович Горький сказал, что М. Ильин имеет «редчайшую способность говорить просто и ясно о явлениях сложных и вещах мудрых». Эта книга — еще одно тому подтверждение.

С одной стороны, М. Ильин искусно выявляет те звенья, которые мы подчас, считая их само собою разумеющимися, пропускаем, а с другой стороны, он сближает или противопоставляет факты, связи между которыми мы обычно не видим. С одной стороны он поэтически сводит, обобщает факты, а с другой стороны — предельно конкретизирует, делает предметными общие положения.

В результате получается яркий и впечатляющий рассказ о науке. Предметом научно-художественной литературы должен быть не только сам научный факт, но, прежде всего, его значение. Нужная, правильная, свежая трактовка факта найдется доступ и к сердцу того, кому этот факт уже известен, и к сердцу того, кто о нем узнает впервые.

По этой линии мне хочется сделать упрек автору. Местами он больше растолковывает, чем оценивает и обобщает. Между тем его книга — не изложение основ науки, а поэма. И обидно, что в первой половине этой поэмы темп теряется, скажем, на выяснение разницы между термометрами Фаренгейта и Реомюра.

И более существенный упрек. Мне кажется, что М. Ильин не полностью использовал публицистические возможности своей новой темы. Технические средства, укрощающие стихию, обладают различной эффективностью в зависимости от того,

какой общественный строй ими владеет. Об этом в книге написано. Но преимущества социалистического строя можно и нужно было показать более ярко.

Задачу эту М. Ильин вполне может решить. Вспомним его путь. Октябрьская революция высоко подняла тему социалистического разума, преобразующего природу. Тему эту провозгласил Горький. И М. Ильин в созданной им манере художественной публицистики превосходно воплотил ее, дав нам «Рассказ о великом плане» и «Горы и люди». Эти книги поведали всеми миру о торжестве социалистического человека, о торжестве разума. И «Человек и стихия» есть продолжение той же самой линии.

Книга была написана автором до опубликования Сталинского плана великого наступления на засуху. Сейчас весь мир видит, что советский строй позволяет развернуть наступление на природу в чрезвычайно широких, невиданных масштабах. Успехи нашего народа, осуществляющего этот великий Сталинский план, приобретают в переживаемое нами время огромное общественное значение. И автор, пользуясь этим новым ценнейшим материалом, может при переиздании своей книги придать теме преобразования природы новое, еще более глубокое и громкое публицистическое звучание.

Н. МИХАЙЛОВ.

★

Книга об отважном русском путешественнике

Над одной из комнат царкосельского лицея висела черная табличка с надписью: «№ 14. Александр Пушкин». Рядом помещался Иван Пушин, а комнату под номером двенадцатым занимал Федор Матюшкин.

Это к нему — бывшему лицейскому другу и будущему адмиралу русского флота обращены пушкинские строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, воля и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальные нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечтался тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: на долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил
(«19 октября»).

О «блуждающей судьбе» Федора Федоровича Матюшкина и рассказывает Ю. Давыдов в рецензируемой книге. Нужно сказать, что задача эта была далеко не легкой. О Ф. Матюшкине имелись далеко не

полные, подчас отрывочные сведения, по которым трудно было воссоздать образ неутомимого путешественника и исследователя, прогрессивного военного деятеля, впитавшего в себя революционные идеи декабристов.

Ю. Давыдову удалось обнаружить ряд архивных материалов (письма Ф. Матюшкина к Е. Энгельгарту), позволивших создать широкое повествование о друге А. Пушкина.

Сильнейшее влияние на Ф. Матюшкина оказала могучая свободолюбивая поэзия великого русского поэта. В штормовом грохоте морей, в безмолвии заснеженных просторов Сибири Ф. Матюшкину часто слышались бессмертные пушкинские строфы. В стихотворении «19 октября, 1827», написанном к знаменательной лицейской дате, А. Пушкин говорил с далекими друзьями:

Бог помочь вам, друзья моя,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

К Ф. Матюшкину были обращены стихи другого воспитанника лицея — декабриста В. Кюхельбекера.

Скоро, Матюшкин, с тобой разлучит нас
шумное море...
Но не забудешь друзей! Пусть бури твой
чолн окружают,
Подлук и Кастор тебя нашей мольбой
охранят.

Ю. Давыдов. «В морях и странствиях». Географгиз, 1949.

Нет! Не нарушишь святых ты обетов,
 Матюшкин, в отчизну
 С прежними чувствами ты ту же любовь
 принесешь.

И лицейский товарищ декабриста В. Кюхельбекера, друг А. Пушкина, офицер русского флота Ф. Матюшкин через всю свою жизнь пронес горячую любовь к отчизне, к родному народу.

Ф. Матюшкин прошел великолепную морскую школу, плавая на военном шлюпе «Камчатка» под командованием прославленного русского путешественника В. Головкина. На борту «Камчатки» Ф. Матюшкин вел частично воспроизводимый в рецензируемой книге дневник (есть основание полагать, что он делал это по совету и даже по плану А. Пушкина). «Камчатка» отплыла из Кронштадта в свое далекое плавание вокруг земли в августе 1817 года. Это была славная эпоха первых русских кругосветных путешествий, список которых открыли И. Крузенштерн и Ю. Лисянский в 1803 году. Товарищами и сослуживцами Ф. Матюшкина в первом его плавании были знаменитые в дальнейшем географы и мореплаватели Ф. Врангель и Ф. Литке.

Овеянный ветрами многих морей и океанов, обогащенный множеством новых впечатлений и наблюдений, вернулся Ф. Матюшкин на родину. В 1820 году состоялась встреча лицейских друзей—А. Пушкина и Ф. Матюшкина, встреча перед новой долгой разлукой. Ф. Матюшкин был включен в научную экспедицию к берегам Ледовитого океана для исследования крайнего Северо-Востока России и уничтожения «белых пятен» в этом диком и недоступном месте земного шара. Руководил экспедицией Ф. Врангель. В Сибири Ф. Матюшкина ожидали интересные встречи с М. Сперанским и ссыльным декабристом и поэтом Г. Батеньковым, проведенным более двадцати лет в страшном одиночестве Алексеевского равелина.

Автору следовало бы дать более полную характеристику М. Сперанскому. Тогдашний генерал-губернатор Сибири, возвращенный Александром I из ссылки, М. Сперанский был одним из инициаторов создания лицея. Н. Чернышевский назвал М. Сперанского человеком, который действительно хотел преобразовать государство. **Встретившись с М. Сперанским в 1834 году и**

разговаривая с ним о начале царствования Александра I, А. Пушкин сказал ему: «Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении зла и блага».

В своих письмах к директору лицея Е. Энгельгарту Ф. Матюшкин с горечью говорит о крайней нищете и бескультурье жителей Сибири, задавленных произволом царских чиновников — «низких корыстолюбцев», как он их называет. Характерны, например, следующие строки Ф. Матюшкина о расположенном в сорока верстах от Верхоянска «городе». Этот «город» составляли «5 юрт, разбросанных на 5 верстах, недостроенная часовня, церковь и кабак».

Во время этой экспедиции Ф. Матюшкин проявил высокое мужество и верность долгу. Не раз рискуя жизнью, в тяжелейших условиях полного бездорожья, он проделал 1300 верст и выполнил поставленную перед ним задачу. Ф. Матюшкин с удовлетворением отмечает радушие местных жителей—чукчей, якутов, юкагиров. «Гостеприимство,—пишет он,—есть добродетель всех бедных и полудиких народов». Одним из результатов экспедиции было то, что на географической карте мира под 69° 43' 50" широты и 170° 47' долготы от Гринвича появилось новое название — в дальнейшем несправедливо забытое, — свидетельствующее о мужестве и настойчивости русских людей, — мыс Матюшкина.

Сибирские письма Ф. Матюшкина немало обогатили представления его современников об этнографии Крайнего Северо-Востока России, о жизни и быте его населения. В прославленной экспедиции Ф. Врангеля почетная роль по праву принадлежит Ф. Матюшкину. Значительно и его участие в выпущенной Ф. Врангелем книге о путешествии по северным берегам Сибири.

И вот снова встречи с любимыми друзьями — с И. Пушциным, В. Кюхельбекером... В альманахе «Мнемозина», выпущенном «Кюхлей», появляется — наряду со стихами А. Пушкина — отрывок из красочного сибирского письма Ф. Матюшкина к Е. Энгельгарту. Как следствие этого, к Ф. Матюшкину обратился англичанин Бекстер с предложением продать за крупную сумму все его сибирские письма.

Последовал негодующий отказ — письма остались в России...

После холодной Сибири Ф. Матюшкин попадает на жаркий юг — в Грецию, кипевшую в огне восстания против турецких порабитителей. Верный своим свободолюбивым устремлениям, он с радостью принял участие в военной помощи, которую русские оказали сражающимся за свою независимость грекам. Не впервые русские боевые корабли бороздили голубые воды Средиземного моря. Греки хорошо помнили великого адмирала Ф. Ушакова, освободившего Ионические острова от войск генерала Бонапарта. И на этот раз русская кровь была пролита за свободу греческого народа. В 1827 году русские моряки прославили себя победой у Наварина. Лицемерную помощь оказывали греческим патриотам англичане, по наущению которых был убит герой освободительной борьбы греческого народа Каподистрия.

Ф. Матюшкин, получив повышение, командовал в то время военным кораблем, патрулировавшим греческие воды и защищавшим берега молодого греческого государства от пиратских набегов.

1834 год... Осенний Петербург. Ф. Матюшкин в вечер лицейской годовщины вновь обнял гениального русского поэта.

Следующий год застаёт Ф. Матюшкина у берегов Тавриды. Он — командир фрегата, служит под начальством адмирала М. Лазарева — героя Наваринского сражения, достойного продолжателя традиций Ф. Ушакова. Из лазаревской школы вышли герои Севастопольской обороны П. Нахимов, В. Корнилов, В. Истомин...

1836 год... Последняя встреча Ф. Матюшкина с А. Пушкиным. И — через несколько месяцев — отчаянное письмо М. Яковлеву: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить?..».

Шли годы... Не радовали Ф. Матюшкина его служебные успехи, производство в адмиралы. «Грустно прожить без пользы, — писал он одному другу, — и весь свой век работать из насущного хлеба против собственных убеждений и совести». Ф. Матюшкин с грустью видел, как приходит в упадок русский флот, возглавлявшийся бездарными бюрократами — французским проходивцем де Траверсе или князем А. Меншиковым. Последний никогда не мог простить Ф. Матюшкину презрительного к нему отношения, которого честный русский моряк и не скрывал.

Ф. Матюшкин резко критиковал тогдашний морской устав. А для этого нужно было — в царствование Николая I — обладать большим гражданским мужеством. Морской устав, например, перечислял условия, при которых возможно отдать неприятелю корабль. Нет! — восклицает Ф. Матюшкин: «если не останется ни зерна пороха и ни одного снаряда, то остается еще свалка или бордаж». «Не надо, — писал он, — матроса считать не человеком, машиною... Через 20 лет службы он возвращается на родину в поношенной шинели. Вот все, что он видит впереди...»

Но взгляды Ф. Матюшкина слишком резко расходились со взглядами царских чиновников... Пережив большинство своих друзей, Ф. Матюшкин в одиночестве закончил свой жизненный путь. Он умер в 1872 году.

Книга Ю. Давыдова «В морях и странствиях» — заметное явление в нашей историко-географической литературе. Тщательно документированная, написанная хорошим литературным языком, она без сомнения с большим интересом и пользой будет прочитана самыми широкими кругами наших читателей. Некоторым недостатком книги является не всегда оправданная мозаичность, уводящая читателя от основной линии повествования. Кое-где чувствуется нарочитая стилизация речи.

А. ИГЛИЦКИЙ.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Май—июнь 1949 года)

★

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

А. Адалис. Восточный океан. Стихи. 92 стр. Цена 4 р. 50 к.

Самед Вургун. Избранное. Перевод с азербайджанского. 264 стр. Цена 8 р.

«Год XXXII». Альманах второй. 512 стр. Цена 12 р. 50 к.

Николай Грибачев. Весна в «Победе». Поэма. Дорогие земляки. Стихи. 208 стр. Цена 8 р. 50 к.

Джамбул. Избранное. Перевод с казахского. 168 стр. Цена 6 р.

«Дружба народов». Альманах № 2. 188 стр. Цена 8 р.

«Дружба народов». Альманах № 3. 192 стр. Цена 8 р.

Карло Каладзе. Избранные стихи. Перевод с грузинского. 140 стр. Цена 5 р.

Семен Кирсанов. Избранное. 272 стр. Цена 8 р. 50 к.

В. Костылев. Иван Грозный. Роман. Книга I. 496 стр. Цена 11 р. 75 к.

В. Костылев. Иван Грозный. Роман. Книга II. 516 стр. Цена 10 р. 75 к.

В. Костылев. Иван Грозный. Роман. Книга III. 392 стр. Цена 9 р. 75 к.

Энвер Мамедханлы. Бакинские ночи. Рассказы. Перевод с азербайджанского Азиз Шарифа. 240 стр. Цена 5 р.

Алексей Недогонов. Избранное. 228 стр. Цена 7 р. 50 к.

Иван Новиков. Пушкин в изгнании. 660 стр. Цена 22 р.

Владимир Попов. Сталь и шлак. Роман. 356 стр. Цена 10 р.

Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. 408 стр. Цена 14 р.

А. Пушкин. Стихотворения. Том первый. 572 стр. Цена 8 р.

А. Пушкин. Поэмы и сказки. Том второй. 500 стр. Цена 9 р.

А. Пушкин. Евгений Онегин. Том третий. Драм. 568 стр. Цена 10 р.

Максим Рыльский. Избранное. 224 стр. Цена 6 р. 50 к.

Андрей Упит. Земля зеленая. Роман. Перевод с латышского К. Козловской и Е. Кондратьевой. 932 стр. Цена 20 р.

Алексей Черкасов. В стороне сибирской. Повесть и рассказы. 200 стр. Цена 6 р.

Николай Чуковский. Ярославль. Роман. Второе переработанное издание. 224 стр. Цена 6 р. 50 к.

Али Шогенуков. Поэмы. Перевод с кабардинского Семена Липкина. 172 стр. Цена 8 р. 50 к.

Степан Щипачев. Лирика. 144 стр. Цена 4 р.

ГОСЛИТИЗДАТ

П. Бажов. Малахитовая шкатулка. Издание дополненное. 568 стр. Цена 23 р.

Опоре де Бальзак. Отец Горно. Роман. Перевод с французского Е. Ф. Корша. 230 стр. Цена 5 р. 25 к.

Д. Д. Благой. А. С. Пушкин. 96 стр. Цена 1 р. 50 к.

А. И. Герцен. Сорока-воровка. Повесть. 32 стр. Цена 50 к.

Гете. Собрание сочинений в 13 томах. Том XIII. Письма. Часть 2. Перевод М. Вахтеровой, А. Горнфельда, Н. Ман и Г. Ярхо. 582 стр. Цена 10 р.

Т. Драйзер. Американская трагедия. Перевод с английского З. Вершининой и Н. Галь. 984 стр. Цена 16 р.

А. И. Куприн. Молох. 88 стр. Цена 2 р.

М. Лермонтов. Маскарад. Драма в 4-х действиях в стихах. Иллюстрации Н. Кузьмина. 152 стр. Цена 15 р.

М. Ю. Лермонтов. Мцыри. Демон. 64 стр. Цена 1 р.

Н. С. Лесков. Левша. Тупейный художник. Издание второе. 64 стр. Цена 1 р.

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб. 428 стр. Цена 7 р.

Генрих Манн. Верноподданный. Перевод с немецкого А. Полоцкой. 368 стр. Цена 7 р. 25 к.

Сабит Муканов. Сулушаш. Повесть в стихах. Авторизованный перевод с казахского Н. Сидоренко. 88 стр. Цена 2 р. 25 к.

Немецкая поэзия революции 1848 года. (Сборник). Редакция, предисловие и комментарии И. Миримского. 232 стр. Цена 8 р. 50 к.

А. С. Пушкин. Бахчисарайский фонтан. Иллюстрации А. П. Могилевского. 40 стр. Цена 8 р.

А. С. Пушкин. Борис Годунов. 80 стр. Цена 1 р. 10 к.

А. С. Пушкин. Дубровский. 80 стр. Цена 1 р. 25 к.

А. С. Пушкин. Избранные сочинения. 656 стр. Цена 11 р.

А. С. Пушкин. Лирика. Рисунки и оформление книги Н. В. Ильина. 112 стр. Цена 12 р.

А. С. Пушкин. Повести Белкина. 72 стр. Цена 1 р. 20 к.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в одном томе. (Отпечатан на специальной тонкой бумаге). 1528 стр. Цена 50 р.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Подписное издание. Том 1. Стихотворения. 1813—1825. 560 стр. Цена тома 15 р.

А. С. Пушкин. Полтава. Поэма. Иллюстрации В. А. Серова. 32 стр. Цена 8 р.

А. С. Пушкин. Поэзия. Иллюстрации ряда художников. 528 стр. Цена 40 р.

А. С. Пушкин. Сказки. Рисунки В. А. Милашевского. 84 стр. Цена 15 р.

А. С. Пушкин. Стихотворения. 112 стр. Цена 1 р. 70 к.

Т. Сватоплук. Богострой. Перевод с чешского Г. М. Аксель. 248 стр. Цена 5 р. 25 к.

Солнечный день. Из казахских поэтов. Редактор-составитель Н. Сидоренко. 152 стр. Цена 4 р. 50 к.

А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. 248 стр. Цена 7 р.

А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Том X. Пьесы. 712 стр. Цена 18 р.

И. С. Тургенев. Вешние воды. 136 стр. Цена 2 р.

И. С. Тургенев. Дворянское гнездо. 156 стр. Цена 3 р.

И. С. Тургенев. Отцы и дети. 192 стр. Цена 3 р.

К. А. Федин. Необыкновенное лето. Роман. (Роман-газета № 2). 68 стр. Цена 3 р. 20 к.

К. А. Федин. Необыкновенное лето Роман. Продолжение. (Роман-газета № 3). 44 стр. Цена 2 р. 20 к.

К. А. Федин. Необыкновенное лето Роман. Продолжение. (Роман-газета № 4). 52 стр. Цена 2 р. 60 к.

К. А. Федин. Необыкновенное лето Роман. Окончание. (Роман-газета № 5). 72 стр. Цена 3 р. 60 к.

К. И. Чуковский. Пушкин и Некрасов. 48 стр. Цена 75 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Вот она, Америка. Сборник. 264 стр. Цена 8 р. 50 к.

Т. И. Ершова. О работе комсомола в школе. 32 стр. Цена 50 к.

И. Ефремов. На краю Ойкумены. 296 стр. Цена 9 р.

Н. Задонский. Степняки. 136 стр. Цена 2 р.

Как построен комсомол. В помощь изучающим Устав ВЛКСМ. Выпуск 5. 40 стр. Цена 50 к.

М. Карим. Цветы на камнях. 72 стр. Цена 2 р.

Г. Мокшанцев. Кумрахи Абдурахимова. 112 стр. Цена 1 р.

Молодежная эстрада. Сборник. Выпуск 2. 112 стр. Цена 4 р.

Послевоенная Сталинская пятилетка. В помощь слушателям политшкол. Тема 12. 32 стр. Цена 30 к.

А. Протопопова. Мария Федоровна Вороничева. 112 стр. Цена 1 р. 25 к.

К. Рождественская. Иван Демидов. 110 стр. Цена 1 р.

Советский Союз — оплот мира и демократии. В помощь слушателям политшкол. Тема 11. 40 стр. Цена 40 к.

Спутник физкультурника-активиста. Сборник. 528 стр. Цена 13 р.

Н. Томан. Однажды в разведке. 118 стр. Цена 4 р.

Устав ВЛКСМ. 32 стр. Цена 30 к.

К. Федин. Необыкновенное лето. 548 стр. Цена 16 р.

Физкультура школьнику. Сборник. 328 стр. Цена 8 р.

Г. Фиш. На земле Калевалы. 488 стр. Цена 15 р.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

В. Р. Вильямс. Три беседы с колхозниками Московской области. 68 стр. Цена 1 р. 30 к.

Я. Гринвальд. Три века московской сцены. 352 стр. Цена 17 р.

С. М. Петров. А. С. Пушкин. 160 стр. Цена 3 р. 50 к.

А. С. Пушкин. Избранные произведения. 928 стр. Цена 25 р.

Л. Хоменков. Бег на короткие дистанции. 48 стр. Цена 1 р. 25 к.

И. Чангли. Организация социалистического соревнования на предприятии. 70 стр. Цена 1 р. 35 к.

ПРОФИЗДАТ

В. В. Кузнецов. Отчетный доклад на X съезде профсоюзов СССР о работе ВЦСПС. 64 стр. Цена 90 к.

Анатолий Медников. Немеркнущие огни. 192 стр. Цена 3 р.

Ю. И. Миленушкин. Осуществленная мечта. 144 стр. Цена 1 р. 80 к.

Н. Немов. Цена бережливости. 72 стр. Цена 1 р. 40 к.

Л. И. Осипов. Об уставе профессиональных союзов СССР. 24 стр. Цена 35 к.

Памятка для советов и цеховых комиссий по специальному страхованию. 80 стр. Цена 1 р. 25 к.

И. Пешкин. Люди и сталь. 244 стр. Цена 4 р.

По пушкинским местам. Проспект. 12 стр. Цена 2 р.

Постановление X съезда профсоюзов СССР по отчетному докладу о работе ВЦСПС. 24 стр. Цена 40 к.

С. Смирнов. Династия Казанцевых. 168 стр. Цена 2 р.

Стране своей любимой. Сборник. 372 стр. Цена 6 р. 50 к.

Устав профессиональных союзов СССР. 16 стр. Цена 40 к.

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. 28 стр. Цена 35 к

В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. 212 стр. Цена 3 р.

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. 120 стр. Цена 1 р. 50 к.

В. И. Ленин. Карл Маркс. 40 стр. Цена 50 к.

В. И. Ленин. Рассказ о II съезде РСДРП. 20 стр. Цена 30 к.

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. 220 стр. Цена 3 р.

И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. 64 стр. Цена 1 р.

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 208 стр. Цена 2 р. 50 к.

И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 36 стр. Цена 50 к.

И. Сталин. Сочинения. Том 10. 400 стр. Цена 6 р.

А. М. Алексеев. Военные финансы капиталистических государств. 184 стр. Цена 2 р. 50 к.

Альбом наглядных пособий по истории ВКП(б). Выпуск шестой. 30 таблиц. Цена 50 р.

А. Кравченко. Заводской партийный кабинет. 40 стр. Цена 60 к.

А. В. Лихолат. Разгром буржуазно-националистической директории на Украине. 216 стр. Цена 3 р.

Л. Мендельсон. Экономические кризисы и циклы XIX века. 838 стр. Цена 20 р.

Министерство иностранных дел СССР. Советский Союз и Берлинский вопрос (документы). Выпуск II. 100 стр. Цена 1 р.

К. Остроухова. Шестая (Пражская) всероссийская конференция РСДРП. 114 стр. Цена 1 р. 50 к.

Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. 336 стр. Цена 6 р. 50 к.

Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. Под редакцией А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова. 812 стр. Цена 18 р.

Н. Рябов. Повышение производительности труда укрепляет могущество СССР. 64 стр. Цена 70 к.

С. Ф. Токмалаев. Торговый капитал и торговая прибыль. 104 стр. Цена 1 р. 50 к.

ДЕТГИЗ

В. Арсеньев. Встречи в тайге. Обработал для детей И. Халтурин. 162 стр. Цена 5 р. 30 к.

Арк. Гайдар. Сочинения. 388 стр. Цена 11 р. 75 к.

Жизнь и творчество А. С. Пушкина. Составитель О. А. Кудрявцева. 72 стр. Цена 2 р. 40 к.

Е. Ильина. Четвертая высота. 312 стр. Цена 3 р. 90 к.

В. Катаев. Я—сын трудового народа. 112 стр. Цена 2 р. 40 к.

Я. Колас. Стихи и поэмы. Перевод с белорусского. Под редакцией Е. Мозолькова. 304 стр. Цена 4 р.

Д. Медведев. Это было под Ровно. 104 стр. Цена 3 р.

В. Немцов. Золотое дно. 304 стр. Цена 9 р. 50 к.

И. Нехода. Веснянка. Стихи и сказки. Перевод с украинского Е. Благиной. 90 стр. Цена 3 р. 50 к.

К. Паустовский. Летние дни. 48 стр. Цена 1 р. 40 к.

А. Первенцев. Честь смолоду. 232 стр. Цена 6 р.

Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке. 344 стр. Цена 5 р. 45 к.

А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка. 32 стр. Цена 60 к.

А. С. Пушкин. Бахчисарайский фонтан. 24 стр. Цена 50 к.

А. С. Пушкин. Выстрел. 24 стр. Цена 50 к.

А. С. Пушкин. Гробовщик. 16 стр. Цена 30 к.

А. С. Пушкин. Дубровский. 96 стр. Цена 2 р. 20 к.

А. С. Пушкин. Избранные произведения в 3 томах. Цена тома 10 р.

А. С. Пушкин. Кавказский пленник. 32 стр. Цена 60 к.

А. С. Пушкин. Капитанская дочка. 120 стр. Цена 3 р. 70 к.

А. С. Пушкин. Медный всадник. 32 стр. Цена 60 к.

А. С. Пушкин. Полтава. 72 стр. Цена 1 р. 60 к.

А. С. Пушкин. Руслан и Людмила. 118 стр. Цена 2 р. 60 к.

А. С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. 24 стр. Цена 50 к.

А. С. Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде. 16 стр. Цена 1 р. 50 к.

А. С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке. 16 стр. Цена 30 к.

А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане. 48 стр. Цена 1 р.

А. С. Пушкин. Сказки. 120 стр. Цена 2 р. 20 к.

А. С. Пушкин. Станционный смотритель. 24 стр. Цена 50 к.

А. С. Пушкин. Стихи. 32 стр. Цена 30 к.

А. С. Пушкин. Цыганы. 30 стр. Цена 50 к.

Пушкинский вечер в школе. Составитель С. Садомская. 384 стр. Цена 7 р. 20 к.

Родные поэты. Избранные стихи русских поэтов XIX века. Составитель Н. С. Шер. 160 стр. Цена 2 р. 50 к.

С. Щукин. Юным мичуринцам-овощеводам. 32 стр. Цена 80 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. Данциг. Турция. 310 стр. Цена 6 р.

Досфлот. 64 стр. Цена 40 к.

П. Журба. Рядовой Александр Матросов. Биографическая повесть. 158 стр. Цена 4 р.

Н. Зарембо. Опыт партийно-политической работы на речном боевом тралении. 56 стр. Цена 1 р. 50 к.

М. Зингер. Герой Советского Союза И. А. Колышкин. 88 стр. Цена 1 р. 50 к.

Р. В. Куницкий. Курс авиационной астрономии. 374 стр. Цена 12 р.

И. Б. Левитин. Видимость и маскировка кораблей. (Физические основы и приемы маскировки). 146 стр. Цена 5 р.

Н. Мазунин. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. 40 стр. Цена 40 к.

А. Митин. Тихоокеанский флот в Великой Отечественной войне. 28 стр. Цена 50 к.

Наше море. 604 стр. Цена 14 р.

Г. Падалка. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. 48 стр. Цена 60 к.

А. Первенцев. Кочубей. Роман. 352 стр. Цена 9 р.

Б. Полевой. Мы—советские люди. (Были Великой Отечественной войны). 366 стр. Цена 8 р.

Репертуарный сборник для художественной самодеятельности армии и флота. Выпуск № 1 (78). 98 стр. Цена 4 р. 50 к.

Северный флот в Великой Отечественной войне. Составители Б. Яглинг, Е. Силаев и М. Пронин. 24 стр. Цена 30 к.

Г. В. Сеничкин. Мотор в полете. 102 стр. Цена 10 р.

А. Фадеев. Разгром. Роман. 212 стр. Цена 7 р. 50 к.

И. Файзулин. Дальние проплывы. 140 стр. Цена 4 р.

П. Шебунин. Мамаев курган. Повесть. 220 стр. Цена 6 р.

С. Т. Яковлев. Кораблекрушения и аварии в парусном флоте. 166 стр. Цена 6 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Жоржи Амаду. Красные восходы. Перевод с португальского. 460 стр. Цена 14 р.

Р. Георгиева. Гибридная изменчивость при трансплантации некоторых пасленовых. Перевод с болгарского. 44 стр. Цена 2 р. 80 к.

Анна Зегерс. Седьмой крест. Перевод с немецкого. 398 стр. Цена 18 р

Новые польские рассказы. Перевод с польского. 386 стр. Цена 13 р.

Письма расстрелянных французских коммунистов. Перевод с французского. 136 стр. Цена 4 р.

Правда о Вьетнаме. Перевод с французского. 168 стр. Цена 8 р. 40 к.

Проблемы биохимии. Сборник. Перевод с английского. 202 стр. Цена 15 р. 50 к.

Тодор Павлов. Теория отражения. Авторизованный перевод с болгарского. 520 стр. Цена 34 р.

Г. Фаст. Дорога свободы. Перевод с английского. 410 стр. Цена 12 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

«Византийский временник». Сборник. Т. II. 426 стр. Цена 22 р.

В. В. Докучаев. Сочинения. Т. III. Русский чернозем. 622 стр. Цена 25 р.

История естествознания. Библиографический указатель (1917—1947). 518 стр. Цена 55 р.

П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России. Т. II. 732 стр. Цена 50 р.

Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. 330 стр. Цена 16 р.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений (академическое, в 16 томах, 20 книгах). Тома XI и XII. Цена книги 35 р. (Издание закончено).

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений (десяти томник). Тома VII, VIII, IX, X. Цена тома 15 р. (Издание закончено).

Труды Института истории естествознания. Т. III. 444 стр. Цена 34 р.

В. М. Турок. Локарно. 268 стр. Цена 15 р.

ГОСТЕХИЗДАТ

Я. С. Безикович. Приближенные вычисления. Издание шестое, дополненное. 464 стр. Цена 10 р. 25 к.

Б. В. Булгаков. Колебания. Том 1. 464 стр. Цена 18 р. 35 к.

И. М. Виноградов. Основы теории чисел. Издание пятое, переработанное. 180 стр. Цена 5 р. 80 к.

Н. М. Гюнтер и Р. О. Кузьмин. Сборник задач по высшей математике. Том II. Издание двенадцатое, исправленное. 224 стр. Цена 7 р.

Д. Иваненко и А. Соколов. Классическая теория поля (новые проблемы). 432 стр. Цена 16 р. 60 к.

Н. В. Колобков. Погода и ее предвидение. (Научно-популярная библиотека). 48 стр. Цена 75 к.

М. И. Корсунский. Атомное ядро. 308 стр. Цена 6 р.

П. Г. Куликовский. Справочник астронома-любителя. 316 стр. Цена 9 р. 20 к.

А. М. Ляпунов. Работы по теории потенциала. С биографическим очерком акад. В. А. Стеклова (Серия «Классики естествознания»). 180 стр. Цена 7 р. 75 к.

А. Я. Окунев. Высшая алгебра. Издание четвертое, переработанное. 432 стр. Цена 11 р. 25 к.

Д. И. Перепелкин. Курс элементарной геометрии. Часть II. Геометрия в пространстве. 348 стр. Цена 8 р.

И. И. Привалов и С. А. Гальперн. Основы анализа бесконечно-малых. Пособие для самообразования. Издание второе, переработанное. 240 стр. Цена 4 р. 90 к.

М. Ф. Субботин. Курс небесной механики. Том III. 280 стр. Цена 8 р. 30 к.

Н. Г. Сушкин. Электронный микроскоп. 276 стр. Цена 10 р. 50 к.

А. Штернфельд. Полет в мировое пространство. 140 стр. Цена 3 р. 50 к.

Леонард Эйлер. Дифференциальное исчисление. Перевод с латинского. 580 стр. Цена 33 р.

СЕЛЬХОЗГИЗ

А. И. Акаевский, Д. Я. Кринцин. Физиология сельскохозяйственных животных с основами анатомии. 440 стр. Цена 9 р. 90 к.

Ботанические сады СССР. Составитель А. И. Векслер. 128 стр. Цена 6 р. 70 к.

Коллектив авторов. Львоводство. 384 стр. Цена 9 р. 90 к.

Коллектив авторов. Справочник коневода. 432 стр. Цена 8 р.

Г. А. Лобанов. Как выводить сорта плодовых и ягодных растений. 128 стр. Цена 2 р.

Т. Д. Лысенко. Естественный отбор и внутривидовая конкуренция. 40 стр. Цена 70 к.

Т. Д. Лысенко. Колхозные хаты-лаборатории. 32 стр. Цена 50 к.

Т. Д. Лысенко. Новые достижения в управлении природой растений. 32 стр. Цена 50 к.

Т. Д. Лысенко. О путях управления растительными организмами. 32 стр. Цена 50 к.

В. П. Мосолов. Рельеф местности и вопросы земледелия. 32 стр. Цена 50 к.

К. П. Оболенский. Управление делами в передовых колхозах. 160 стр. Цена 2 р. 60 к.

Н. М. Павлова. Руководство по апробации ягодных культур. 288 стр. Цена 6 р. 85 к.

К. А. Полевицкий и А. Н. Карпенко. Сельскохозяйственные машины и орудия. 544 стр. Цена 13 р. 10 к.

П. И. Ромашев. Удобрение лугов и пастбищ. 232 стр. Цена 4 р. 20 к.

М. В. Федоров. Микробиология. 424 стр. Цена 9 р. 10 к.

И. И. Ханбеков. Государственные защитные лесные полосы. 40 стр. Цена 60 к.

Г. Р. Эйтинген. Лесоводство. 368 стр. Цена 9 р. 40 к.

ГЕОГРАФИЗ

В. К. Арсеньев. В делях Уссурийского края. 552 стр. Цена 16 р. 10 к.

Н. Г. Гарин. Из дневников кругосветного путешествия. (По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). Сокращенное издание. 404 стр. Цена 10 р. 25 к.

Ю. Давыдов. В морях и странах. 164 стр. Цена 2 р. 80 к.

В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. 116 стр. Цена 1 р. 90 к.

Н. Е. Дик, В. Г. Лебедев, А. И. Соловьев, А. И. Спиридонов. Рельеф Москвы и Подмосковья. 196 стр. Цена 5 р. 75 к.

М. В. Певцов. Путешествие в Кашгарю и Кун-Лунь. 328 стр. Цена 13 р. 75 к.

В. В. Сапожников. По Русскому и Монгольскому Алтаю. 580 стр. Цена 22 р. 70 к.

В. В. Юнкер. Путешествия по Африке (1877—1878 и 1879—1886). Сокращенное издание. Перевод с немецкого М. А. Райт-Кангун. 504 стр. Цена 19 р.

«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»

В. В. Белинович. Обучающие физическим упражнениям. 184 стр. Цена 3 р. 50 к.

А. П. Галли. Трамплины для прыжков на лыжах. 68 стр. Цена 2 р. 75 к.

Ш. Гусак. Гимнастические пирамиды. 104 стр. Цена 3 р. 65 к.

Г. А. Калачев. Упражнения с гимнастическими колесами. 80 стр. Цена 1 р. 65 к.

Б. Ульянов. Проведение теннисных соревнований. 48 стр. Цена 2 р.

Главный редактор **Константин Симонов.**
 Редколлегия: **Борис Агапов, Валентин Катаев,**
Александр Кривицкий (зам. главного редактора),
Константин Федин, Михаил Шолохов.

Редакция: Москва, в. Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
 Вход с улицы Чехова, 1.

Сдано в набор 3/VI-49 г
 А 04871.

Объем 18 печ л.

Подписано к печати 28/VI-49 г.
 Тираж 63.300. Заказ № 1035.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
 имени И. И. Скворцова-Степанова.

О П Е Ч А Т К А

На странице 285 в строке 34—35 сверху в левой колонке следует читать «Т. Сватоплук. Ботострой. Перевод с чешского Г. М. Аксель. 248 стр. Цена 5 р. 25 к.».

Цена 9 руб.